

С. К. Цатурова

Офицеры власти

С.К. Цатунова

Офицеры власти

Парижский Парламент
в первой трети XV века

Москва • «Логос» • 2002

УДК 94(100-87)+342
ББК 63.3-3
Ц22

***Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)***

Цатурова С.К.

Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV века. - М.: Логос, 2002. - 384 с.: ил.

ISBN 5-94010-052-X

В первом в отечественной медиевистике специальном исследовании истории Парижского Парламента - верховного суда во Франции в эпоху Средневековья - отображен коллективный портрет зарождающегося чиновничества и особенности восприятия им государственной службы, королевской власти, назначения суда в обществе, а также представления о насилии, милосердии и справедливости. Анализируется влияние корпоративных идей и представлений на функционирование суда, комплектование его персонала его место в политической жизни. Работа Парламента показана на фоне кризиса власти в первой трети XV в.: болезни короля и обострения политической борьбы, гражданской войны бургиньонов и арманьяков, английской агрессии и последнего этапа Столетней войны. Специальный раздел раскрывает парламентскую этику и культуру, в том числе отражение в ней воззрений раннего гуманизма.

Для ученых и специалистов в области истории и права, преподавателей, студентов и всех интересующихся историей. Может использоваться в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по направлениям и специальностям «История» и «Юриспруденция».

УДК94(100-87+342
ББК63.3-Э

ISBN 5-94010-052-X

© С.К. Цатурова, 2002
© «Логос», 2002

Оглавление

Предисловие.....	5
Введение.....	7
§ 1. Тайна власти.....	7
§ 2. Чиновник и учреждение в историографической ретроспективе.....	8
§ 3. Время и место: о пользе трагедии.....	12
§ 4. Парламент: суд и не только.....	15
§ 5. «Свидетели».....	18
§ 6. Игра в термины.....	22
§ 7. Парижский Парламент к началу XV в.: достижения и трудности.....	24
Глава I. Профессиональный облик чиновников Парижского Парламента.....	32
§ 1. Работа как способ существования.....	32
§ 2. Жалованье в институциональном аспекте.....	36
§ 3. Профессиональная дисциплина: невидимые миру заботы.....	41
§ 4. Инициатива поощряема.....	48
§ 5. Парижский Парламент в зеркале общественного мнения.....	50
Глава II. Парламентская корпорация: саморегулируемая система.....	53
§ 1. Выборы, предписанные законом.....	53
§ 2. Выборы и выбор.....	57
§ 3. Профессия и карьера.....	61
§ 4. Иерархия профессионализма.....	62
§ 5. Вмешательство извне: власть короля и давление знати	69
§ 6. Симптомы замыкания парламентской среды.....	78
§ 7. Профессионализм и политическая конъюнктура.....	86

Глава III. Парижский Парламент в политической жизни.....	91
§ 1. Основные вехи политической жизни.....	94
§ 2. Против убийства тирана.....	98
§ 3. Мир любой ценой.....	110
§ 4. «И те, кто были французами, стали англичанами».....	123
§ 5. На страже законов Франции.....	138
§ 6. Сохранить «христианнейший» город Париж.....	154
§ 7. Жалованье в политическом аспекте.....	172
§ 8. «Прагматический патриотизм».....	186
Глава IV. Самоидентификация Парижского Парламента.....	189
§ 1. «Совершенно особые чиновники короля».....	190
§ 2. Интерьер парламентской корпорации.....	205
§ 3. «Интересы короля, интересы королевства».....	228
§ 4. «... И правосудие для всех».....	248
§ 5. Идеиные основы общественного образа суда.....	258
Глава V. Парламентская этика и культура во взглядах и судьбах гражданских секретарей.....	275
§ 1. Парламентский ракурс.....	276
§ 2. Расчетливый монархизм.....	282
§ 3. «Чужие» и «свои».....	291
§ 4. Сила и насилие.....	299
§ 5. Недемократичное человеколюбие.....	305
§ 6. Судьбы гуманистов на службе государства.....	310
Заключение. «Люди из дворца на острове Ситэ».....	322
Примечания.....	330
Библиография.....	362
Список сокращений.....	373
Список иллюстраций.....	374
Résumé.....	375

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книга является первым в отечественной историографии специальным исследованием истории Парижского Парламента — верховного суда во Франции в Средние века. Ее тема выглядит подозрительно актуальной. Подозрительно, ибо профессиональный историк обязан избегать грубого вмешательства сиюминутных проблем и настроений в строгое академическое исследование. Но у автора в данном случае есть надежное алиби: книга была задумана в ту пору, когда политическая история еще пребывала на обочине научных интересов отечественных ученых, а отсутствие в стране собственно политической жизни вполне оправдывало эту ситуацию. За время написания книги произошли кардинальные изменения и в российском обществе, и в российской исторической науке. Сегодня в России политическую жизнь определяют такие факторы, как формирование новой властной элиты, борьба партий и социальных сил, возрастающая роль правосудия и судебной процедуры, правовые механизмы властвования и новый образ власти. Отечественная наука, хоть и с небольшим опозданием и с иным багажом, обратилась ныне к области политической истории, столь актуальной для мировой историографии, в том числе и медиевистики. И здесь в центре исследовательских интересов находится тема власти, ее механизмов, риторики и символики. В этом смысле данное исследование лишний раз показывает, что историк, выбирая тему научного исследования, может сказать о своем времени не меньше, чем о прошлом.

На всех этапах подготовки исследования автора сопровождала доброжелательная и бескорыстная помощь многих людей. Перечислить всех и сказать о каждом невозможно. Поэтому ограничусь упоминанием лишь тех, чей вклад особенно весом. Я считаю своим приятным долгом выразить искреннюю благодарность тем моим коллегам, которые прочли рукопись книги, за ценные и тонкие за-

мечания, предложения и дополнения, направленные на улучшение ее содержания. Прежде всего моему дорогому учителю доктору исторических наук, профессору МГУ им. М. В. Ломоносова Нине Александровне Хачатурян, которой я обязана выбором темы исследования; а также руководителю отдела западноевропейского Средневековья Института всеобщей истории РАН Аде Анатольевне Сванидзе и сотрудникам Института Павлу Юрьевичу Уварову, Ольге Игоревне Варьяш, Ольге Игоревне Тогоевой, Кириллу Алексеевичу Левинсону. Обсуждение рукописи и рекомендация ее к печати в ИВИ РАН были отмечены строгой компетентностью научных споров и дружеской атмосферой, отличающей подлинную корпорацию ученых.

Исполнению намеченного замысла книги способствовала счастливая возможность поработать в библиотеках и архивах Парижа, которую предоставил мне Дом наук о человеке (Франция), одобрив данный научный проект, за что я глубоко признательна его директору Морису Эмару, а также координатору Соне Кольпар и всем сотрудникам этого научного учреждения за создание условий для работы. Во время пребывания во Франции я смогла встретиться с теми французскими учеными, чьи работы более всего повлияли на мой замысел: Бернаром Гене, Франсуазой Отран, Клод Говар, Николь Понс, Эдзियो Орнато и другими. Консультации с ними помогли уточнить мои подходы к теме, а их доброжелательная помощь дала мне новый импульс к завершению работы.

Эта поездка состоялась благодаря финансовой поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса), которому я выражаю благодарность за бескорыстное содействие данному исследовательскому проекту.

Огромную и постоянную организационную и техническую помощь в подготовке рукописи оказывал мне Американский информационный центр, чьим сотрудникам и, главным образом, Ирине Ивановне Чернушкиной мне хотелось бы высказать слова признательности.

Наконец, я благодарю моих друзей и близких, прежде всего, Наталию Львовну Гришину, и в особенности мою семью за терпеливое участие, неколебимую веру и вдохновляющую любовь.

Введение

§1

Тайна власти

Изучение феномена власти явилось решающим фактором обновления и подлинного возрождения политической истории в мировой исторической науке последних 30 лет¹. Во Франции политическая история столь же актуальна для ее сегодняшней историографии, как и в России, но с иным уклоном. Порождение многовековой и целенаправленной воли французов — государство — воспринимается ныне как «безжизненное чудовище», источник всех бед общества, и у историков требуют объяснить его происхождение². Новая политическая история, вобравшая в себя достижения исторических исследований в области экономической, социальной и интеллектуальной жизни, обращается ныне к глубинным процессам, определяющим облик власти, к разгадке тайн, которые окружают верховную власть. Одна из таких тайн и привлекла автора, а именно: связь целей, принципов и риторики власти с общественным обликом ее служителей.

Исследование социального слоя чиновничества от его зарождения до формирования «великой бюрократии Запада» сегодня стало одним из ведущих направлений политической истории. И это естественно. Государство как инструмент защиты «общего блага» — неотъемлемый атрибут развитого общества — подразумевает наличие исполнительного аппарата, этого «физического воплощения» власти. Государственная власть не только не может существовать без чиновников, власть — это чиновники в первую очередь. Даже в условиях монархии, когда король, казалось бы, — всевластный правитель, чиновники решают почти все. Показательно в этой связи, что всякое общество склонно винить в бедах государства его служителей, в лучшем случае воспринимая их как неизбежное зло, а в периоды кризисов сваливая на них вину за все свои несчастья, делая их козлами отпущения. В истории любого государства поражает именно эта устойчивость претензий общества к служителям власти.

Является ли общество заложником аппарата власти или это противостояние мнимое, скрывающее подспудную, глубокую и куда более сложную связь власти и общества?

Никто не станет отрицать, что характер и структура государственного устройства отвечают ментальности общества и его социально-политическому уровню. Одним из существенных показателей этого уровня, как и всей системы власти, являются чиновники, их социальный облик, ценностные установки и политическое мировоззрение, поскольку в том, кто идет на службу государству и кого государство отбирает в свои служители, воплощаются подлинные стратегии государственной власти, от социальных до символических. И если при монархии личность короля — вопрос случая, то чиновничество — это, если угодно, результирующая сознательного выбора множества людей, пришедших в аппарат власти со своими амбициями, целями и ценностными установками. Именно поэтому не король, а чиновники есть показатель сущности данного государства, как и отношения к нему общества.

Чиновник — зеркало государства и общества, в которое они не любят смотреться и уж тем более — признавать подлинность отражения. Чиновник соблюдает законы, выполняет прихоти правителей, наказы общества и проводит в жизнь проекты политических группировок, но прежде всего он руководствуется собственными представлениями о назначении власти. Чем определяются эти представления? Как они формируются и как влияют на деятельность чиновника?

Вот вопросы, которые необходимо решить, дабы приподнять завесу тайны над главным вопросом всякой власти — вопросом ее глубинной связи с социальным, политическим и духовным развитием общества. Какие идеи, правовые представления и политические взгляды определяют или, скорее, скрывают принципы организации управления, способы отбора чиновников, деятельность институтов верховной власти? Как риторика власти трансформируется в облик и политику ее служителей? Старая истина — каков закон, таковы и его исполнители — нуждается в осмыслении, ибо в ней заложен ключ к разгадке тайны глубинной, сложной и неустранимой связи власти и общества.

§2

Чиновник и учреждение в историографической ретроспективе

Роль чиновников внутри учреждения интересовала историков Франции уже с самых первых исследований ее институтов государственной власти. Однако на разных этапах развития исторической

мысли эта роль оценивалась не одинаково. Первые исследования государства во Франции ставили в центр внимания институт власти: его организацию, структуру, компетенцию, состав и место в обществе. Первый историограф Парижского Парламента Феликс Обер, посвятивший ему несколько объемных работ и всю творческую жизнь, в своих трудах, не потерявших научной ценности и через 100 лет, не упускал из виду чиновников и написал специальное исследование о судебных исполнителях Парламента³. Значительное место в фундаментальных работах Г. Дюкдрея, П. Виоле, Э. Можи, Э. Глассона об истории государственных институтов отводилось чиновникам, в том числе и Парламента⁴.

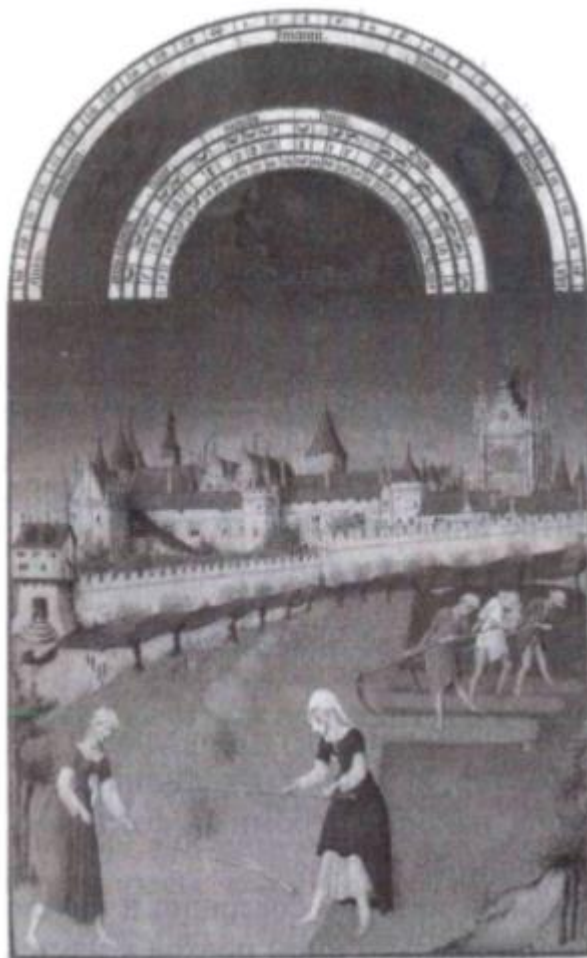
Р. Делашеналь первым написал специальное исследование об адвокатах Парижского Парламента⁵. Чиновники были в центре внимания и знаменитых корпоративистов, наполнивших глубоким социальным содержанием прежде чисто юридические понятия сословной структуры средневекового общества — Ф. Оливье Мартена, Г. Дюпон-Феррье, Ф. Лота, Р. Фавтье⁶.

Хотя в их исследованиях политической и институциональной истории превалировал социальный фактор, историки находились в некоем замкнутом круге рассуждений, накопив огромный фактический материал, а с ним и груз нерешенных проблем.

Подлинный переворот в социальной истории совершил в начале XX в. Макс Вебер, предложив принципиально иной подход к изучению места человека в истории: не отрицая Марксово открытие о влиянии экономики на культуру, он показал влияние культуры на экономику и политическую историю⁷. М. Вебер считается родоначальником современной социальной истории, где учитывается воздействие идей и представлений человека на его социальную практику. Открытия в этнологии и социологии начала XX в. дали новый импульс развитию методологии так называемой школы «Анналов», у истоков которой стояли выдающиеся историки Марк Блок и Люсьен Февр.

Не занимаясь специально политической историей, историки этой «школы» совершили настоящую революцию в исследовании политической истории, поставив в центр ее человека, его представления о себе и мире и их влияние на все сферы деятельности, в том числе и на государство. Увлеченные призывом М. Блока наполнить историю «плотью и кровью» людей, в ней участвующих, историки, как людоеды из сказки, начали искать и находили влияние человека на исторический процесс, очеловечив при этом «чудовище» под названием «государство»⁸.

1. *Дворец на острове Ситэ*

Историческая антропология стала ведущим направлением исторической науки во Франции, и влияние школы «Анналов» сказывалось на всех без исключения исследованиях второй половины XX в. В них человек из пассивного объекта воздействия надличностных закономерностей превратился в главное действующее лицо исторического процесса. Просопографические исследования существенно обогатили социальную историю институтов власти: на широком документальном материале изучались биографии чиновников отдельных институтов или регионов. Эти исследования «оживили» политическую историю судьбами, взглядами и устремлениями конкретных людей. В работах Ж. Дюби, Б. Гене, Р. Феду, Ж. Бартье, Б. Килье и других чиновничество средневековой Франции получило осмысление как социально-культурный феномен⁹. В ряду этих исследований выделяется фундаментальная работа Ф. Отран, посвященная чиновничеству Парижского Парламента XIV — XV вв. как первой корпорации профессиональных служащих государства во Франции¹⁰.

Давая коллективный портрет чиновников того или иного института, авторы этих исследований жертвовали индивидуальными чертами, спро-

воцировав упрек в обезличенности образа чиновничества. В вечной дилемме — просопография или биография — не удастся найти золотую середину. Куда более существенный недостаток таких работ, на мой взгляд, — определенный замкнутый круг, в котором оказывается историк: раскрыть с помощью просопографических исследований принципы функционирования государственного аппарата невозможно, ибо при таком подходе конкретная политика института власти объясняется определенным составом учреждения, а почему именно в данный момент «подобрался» такой, а не иной состав, остается неясным. Таким образом, судьба политических процессов ставится в зависимость от случайного подбора людей, пусть и продиктованного конкретными обстоятельствами.

Выход из создавшегося тупика мне видится в соединении чиновника и института, т. е. в исследовании взаимовлияния внутренней организации, компетенции и места института в обществе и их интерпретации во взглядах и практике чиновников. Карьера чиновника, как и в других профессиях в Средние века, требовала всей жизни человека, была долгой и постепенной, а к чиновникам Парламента это относится прежде всего: обязательный высокий уровень образования, медленное продвижение по строго регламентированному пути — все это в сочетании с положением учреждения сделало парламентских чиновников весьма стабильной корпорацией, откуда уходили редко и только на более высокие должности. Решая посвятить свою жизнь службе в Парламенте, чиновник рано попадал в парламентскую среду и воспринимал ее этику, особые идеи и культуру, формировался Парламентом как человек. И лишь достигнув определенных высот карьеры, он сам начинал влиять на политику этого института власти. Такая связь Парламента и его чиновников до сих пор не становилась объектом исследования, между тем она многое может объяснить в политике и общественной роли этого института в социально-политической и культурной истории Франции. Изучая поведение и действия чиновников Парламента через призму природы этого института, принципов организации и этики, мы возвращаемся к институциональной истории, но как к истории людей, определявших политику Парламента исходя из своих представлений о его месте в системе власти и назначении в обществе.

При этом в центре внимания исследования находится восприятие самих чиновников своей роли в жизни общества, их самоидентификация. Так коллективный портрет парламентских чиновников, их отношение к работе и друг к другу, позиция в главных конфликтах эпохи, политические взгляды, этика и культура становятся достоверным свидетельством природы и назначения Парижского Парламента — одного из фундаментальных институтов королевской власти во Франции.

Изучение политической истории в рамках микрогруппы, какой была парламентская корпорация, позволяет глубже проникнуть в сущность процесса формирования централизованного государства — сословной монархии во Франции. Взгляды на этот процесс самих действующих лиц — чиновников — дают возможность понять, в чем заключалась его ценность в глазах общества, как чиновники понимали природу королевской власти, цели государства и свою роль в нем. Такая связь идей чиновников с историей института власти раскрывает органичную связь человека и учреждения, взаимовлияние сознания чиновника и его деятельности. В методологическом плане, думается, такой подход, в известной мере, примиряет социально-структурный и историко-антропологический методы изучения человеческих общностей и возвращает политической истории, по выражению Ж. Ле Гоффа, роль «станового хребта» исторического процесса¹¹.

Наконец, такой подход к изучению политической истории мне представляется органичным для отечественной исторической науки и русской культуры с ее гуманистической направленностью.

Отечественная медиевистика имеет крупные достижения и в области социально-структурного и социологического анализа, и в области исторической антропологии. И хотя предлагаемая книга является первым у нас специальным исследованием чиновничества Парижского Парламента, она была бы невозможна без достижений моих учителей и предшественников.

§3

Время и место: о пользе трагедии

История Франции — этой «классической страны бюрократии» — дает уникальный материал для изучения социального облика чиновничества. Именно в период формирования централизованного государства во Франции — сословной монархии — впервые появляется особая социальная группа чиновников-профессионалов, действующих уже не на основе вассальной клятвы и личных связей с правителем, а за жалованье. Создание сильного государственного аппарата в XIII — XV вв. способствовало, наряду с прочим, превращению французской монархии в одну из самых могущественных и блестящих в средневековой Западной Европе.

Процесс консолидации государства аккумулировал наиболее инициативные силы из всех слоев общества. Длительность этого процесса, охватившего три века французской истории, не позволяет в одном исследовании показать все стороны формирования чиновничества, все проблемы и перипетии.

Есть лишь один период в истории сословной монархии во Франции, когда в течение тридцати лет редкое сочетание обстоятельств обнаружило внутренние механизмы власти и, как при вспышке молнии, высветило скрытые черты, присущие чиновничеству. Таким периодом была эпоха правления Карла VI Безумного, точнее первая треть XV в., ставшая временем проверки на прочность и жизнеспособность сложившейся государственности.

С одной стороны, к началу XV в. Франция уже имела развитые институты государственного управления, прочные связи объединенных вокруг короны областей страны, эффективный местный аппарат, общепольские нормы права. С другой стороны, на эти завоевания обрушились самые серьезные испытания во всех сферах жизни общества. Король Франции Карл VI с 1392 г. страдал тяжелым расстройством психики, причем Карл VI с 1392 г. страдал тяжелым расстройством психики, причем течение болезни было весьма неровным: периодически он приходил в себя и тогда активно вмешивался в управление страной, поступая весьма здраво и мудро, но периоды «затмения разума» наступали столь же внезапно и длились месяцами. Заболев в возрасте 24 лет, Карл VI прожил 54 года, из них 42 находясь на троне! Историки не раз задумывались над причиной его болезни, и глухие подозрения современников о порче и колдовстве не оставляют равнодушным каждого, кто размышлял над этой странной ситуацией¹². Сын Карла V Мудрого, в чье правление были достигнуты огромные успехи во всех областях — от освобождения почти всей оккупированной англичанами страны до экономического подъема, Карл VI вззошел на трон 12-летним юношей. Многолетнее регентство при малолетнем короле его дядей — герцогов Анжуйского, Беррийского и Бургундского — и их соперничество развило у них вкус к власти, и подросший король стал им помехой. К тому же Карл VI начал сразу же с реформ, которые многим не пришлись по вкусу. В частности, в ходе этих реформ, осуществленных группой преданных короне чиновников из окружения Карла V, так называемых мармузетов, государственная служба получила новые законы, вскоре весьма пригодились чиновникам для отстаивания интересов государства от нападков «частного интереса». Первая треть XV в. отмечена небывалым доселе размахом политической борьбы, поставившей страну на грань гражданской войны. Гражданская война, сама являясь проявлением развития гражданского общества, выявила одну из важнейших функций государства (любого государства, претендующего на это звание) — охранительную, стабилизирующую, нашедшую воплощение в действиях государственного аппарата во Франции этого периода.

Наконец, это время последнего и самого трагического периода в Столетней войне: за двадцать лет Франция пережила высадку на своей территории английской армии, серию поражений и полный разгром при Азенкуре в 1415 г., расчленение на английскую, бургундскую, «буржскую» и все же победу, убедительную и окончательную победу над Англией в войне, длившейся сто лет.

Это редкое сочетание кризисов — война внешняя, война гражданская, болезнь короля и раскол царствующей фамилии, развал экономики, обнищание и недовольство страны — дает уникальные преимущества исследователю. Кризис потребовал напряжения всех сил нации, сплотившейся вокруг французской короны и ее сторонников, потребовал от нее решительного выбора позиции и осознания своей причастности к судьбам страны, своей ответственности и роли в политической жизни, символ чего являет собой Жанна д'Арк — слава Франции этого, и не только этого, периода. Интерес для исследователя данного периода заключается в альтернативности пути, по которому могла идти Франция. Успехи государственного строительства были впечатляющи, но их еще можно было зачеркнуть; страна объединялась, но еще сильны были центробежные силы в провинциях; общество было консолидировано в виде сословий и имело опыт участия в управлении через органы сословного представительства — Генеральные и провинциальные штаты, — но межсословные разделения и вражда были не менее сильны. Победа Франции в войне, сохранение и даже усиление институтов королевской власти, подъем патриотизма и осознание французами себя единым народом — каждое из этих «чудес» привлекает внимание историков, до сих пор ищущих ответ на вопрос: «Как свершилось чудо?»

Несмотря на обилие увлекательных и поучительных исследований, ответ ищет каждое новое поколение историков. Новый путь поиска мне видится в исследовании одной, довольно малочисленной в масштабах страны группы, но именно из этих малых групп и их выбора, я думаю, сложилась в итоге победа Франции. Сослагательное наклонение, всегда присутствующее в серьезном анализе исторического процесса, в данном случае более чем оправданно: выбор, перед которым стояла Франция и каждая социальная группа в отдельности, заслуживает исследования, призванного не только понять, как это произошло, но, и это важнее, что же собственно произошло, что выбрали французы в целом и каждая группа в отдельности?

Кризис королевской власти, вызванный болезнью Карла VI и его фактическим неучастием в управлении страной, создал уникальную ситуацию для аппарата власти, получившего непредусмотренную законами

свободу действий и ставшего перед выбором: охранять ли интересы короля или воспользоваться его проблемами для своих «частных нужд»? Выбор, сделанный чиновниками в пользу «общего интереса» и защиты короля от всех, в том числе и от самого короля, важен не только сам по себе, но и как ключ к пониманию связи власти и ее слугителей. Периоды кризисов всегда благоприятны для злоупотреблений, к тому же Парламент становился объектом корыстного интереса различных кланов и политических группировок.

Защищая свои прерогативы и власть, парламентские чиновники существенно развили компетенцию и права Парламента, и в этом смысле период правления Карла VI стал временем укрепления королевской власти и органов центрального управления. Кризис во Франции первой трети XV в. способствовал решающей победе сильного государства, а вклад чиновников Парижского Парламента в эту победу раскрывает существенные черты, присущие формирующемуся социальному слою слугителей власти.

§4

Парламент: суд и не только

Парижский Парламент — это верховная судебная инстанция Французского королевства: по объему своей компетенции и месту в обществе он не имеет аналогов ни в одной другой стране этого периода. Парламент совмещал в себе суд первой инстанции для земель королевского домена и высший апелляционный суд для всех подданных короны. На деле же он был главным институтом реализации королевской власти, основное предназначение которой общество видело в установлении «правосудия для всех». В период становления королевской власти во Франции в иерархии функций короля — судебной-административная, финансовая и военная — первое место занимало именно судебной-административное ведомство. Военные функции были в ведении знати, крупных сеньоров, королевские финансы еще не получили достаточного развития, и налоги собирали, как правило, откупщики - влиятельные и богатые горожане. Судебно-административная функция была в этот период ведущей областью становления аппарата королевской власти. На вершине ее стоял Парижский Парламент, и не случайно он был самым крупным по численности чиновников институтом власти.

Большие права, полученные Парламентом, объяснялись особенностями процесса становления централизованного государства во Франции — первоначальной слабостью королей и узостью социальной базы монархии, сильными провинциями и разнообразием их прав и традиций, мощными центробежными силами в стране. Недооценивать эти силы французская монархия не

могла, поэтому в системе управления отразилось стремление королевской власти обратить эти особенности на благо центра, в частности, путем наделения королевских чиновников в областях и городах широкими административно-судебными полномочиями, воспроизводящими в миниатюре центр.

Таковыми судебно-административными чиновниками короля были бальи на севере (Лангедойль) и сенешали на юге (Лангедок) Франции. Они назначались и оплачивались королем и были наделены в своих областях судебно-административными и финансовыми полномочиями короля. В землях королевского домена судебно-административные функции исполняли королевские прево. Парижский Парламент был апелляционным судом, куда поступала кассационная жалоба после ее рассмотрения в суде прево, бальи или сенешаля. Таким образом, Парламент был на вершине судебно-административной пирамиды королевской администрации во Франции, а также главным институтом верховной власти короля.

В идеале, сам король был верховным судьей, к которому мог апеллировать любой подданный. И такие судебные функции король сохранил за собой - так называемое удержанное правосудие (*justice retenue*). Однако оно использовалось в основном для дел знати или окружения короля, а также для помилований (исключительные права даровать помилования любому преступнику принадлежали только королю). Все такие дела решались на заседаниях Королевского совета.

16

Право решать остальные дела король передал своим чиновникам - так называемое делегированное правосудие (*justice deleguee*): на этом основании королевские суды прево, бальи и сенешалей вершили правосудие от его имени. Во главе этих королевских судов стоял Парламент, объявленный эманацией королевской власти, представляющий без посредников самого короля.

С конца XIII в., времени выделения из Королевской курии в отдельное судебное ведомство, и до второй половины XV в., когда создаются парламенты в других областях Франции по аналогии с Парижским, становление верховного суда королевства происходит путем расширения компетенции Парламента. Основным каналом являлось дарованное подданным право обжаловать решение суда любого уровня, будь то суд бальи, светского сеньора или церкви, апеллируя непосредственно к королю. Парламент использовал это право для вмешательства в муниципальную, сеньориальную или церковную юрисдикцию и сокращения их полномочий.

Не менее важным инструментом в борьбе Парламента за укрепление королевского суда стало все более расширительное толкование так называемых королевских дел (*les cas royaux*), в которые он включал все дела, имеющие какую-либо значимость в общественной жизни. Наконец, королевский суд получил право разбирать в качестве первой инстанции даже те дела, которые относились к сеньориальной или церковной юрисдикции, путем «перехвата дел»: если королевский чиновник первым схватил преступника, если в деле фигурируют атрибуты королевской власти — королевская печать, ссылка на королевские ордонансы и т.д.

К компетенции Парламента относились и наиболее тяжкие преступления — «оскорбления величества» (*lese-majeste*), куда включались посяательства на прерогативы и интересы не только короля, но и его чиновников, объявленных в период исполнения ими королевских функций «частью тела короля». Помимо судебной деятельности, важнейшей функцией Парламента было утверждение королевских актов (*droit d'enterinement*). Оно означало проверку на законность и соответствие предшествующим законам любого акта, указа или соглашения, подписанного королем. Только после такой проверки и утверждения Парламентом этот акт получал законную силу и подлежал исполнению. Разумеется, обязательному утверждению в Парламенте подлежали все королевские ордонансы (законодательные акты). Это была значительная по объему, вполне рутинная, каждодневная работа Парламента, которая становилась достоянием общества только тогда, когда он указывал королю на незаконность составленного акта (так называемое право ремонстрации). Таким образом, Парламент принимал активное участие и в законодательной политике короны.

Парижский Парламент стремился к максимальному расширению своей компетенции и монополии на решение наиболее значимых дел. Однако его стремления сталкивались не только с «удержанным судом» короля, но и с судебными прерогативами, которыми обладали другие институты королевской власти, в частности Палата счетов, и иные корпорации, например Парижский университет. В целом следует подчеркнуть, что нерасчлененность судебно-административных функций короны была характерна именно для этого периода становления королевской власти; в дальнейшем суд выделился в отдельную область, а за королем закрепились в основном административные функции.

Со второй половины XV в. достигнутая Парижским Парламентом монополия в области судебно-административных функций в королевстве была ликвидирована: он стал жертвой собственного успеха, поскольку концентрация в его структурах слишком большого объема дел препятствовала быстрому их решению. В областях Франции создаются парламенты с аналогичной компетенцией и монополией: в 1443 г. — в Лангедоке, в 1453 г. — в Дофинэ, в 1462 г. — в Гиени, в 1477 г. — в Бургундии.

Значимость избранного в данной книге периода в истории Парижского Парламента заключается в его уникальности: учреждение уже достаточно оформлено и структурировано в обществе, но еще не потеряло монополию на верховную судебную власть во Франции. По меткому выражению Ж. Метман, об этом периоде французской истории можно смело сказать, что все в нем было «судом», все концентрировалось в Парламенте и его усилиями распространялось на всю страну¹³.

§5

«Свидетели»

Организационная история Парижского Парламента зафиксирована в законодательных актах французских королей — ордонансах XIII — XV вв. Их изучение позволяет понять механизм деятельности государственного аппарата, заложенные законами принципы функционирования верховного суда королевства, характер и строение парламентской корпорации¹⁴. Но теория власти, не подтвержденная практикой работы аппарата, годится только для музея древностей человеческого прекраснотворения. Применялись ли эти законы? Как они преломлялись в эволюции этого института? Как влияли на самих чиновников?

На эти вопросы могут дать ответы только архивы Парижского Парламента. Учитывая то место, которое занимал Парламент в жизни французского общества, читатель не удивится, что архивы этого института власти составляют самую значительную часть Отдела древних актов Национального архива Франции. И все же их объем, занимающий площадь 7 км², способен привести в отчаяние исследователя, и, по признанию специалистов, он не имеет аналогов ни в одной другой стране мира¹⁵. Подробные протоколы слушания дел, гражданских отдельно от уголовных, утренних отдельно от послеобеденных, а также заседаний Совета, записи соглашений, решений — все сохранилось с первых дней работы Парламента и вплоть до 10 октября 1790 г., когда архив Парламента был опечатан, а верховный суд королевства прекратил свою работу.

Настоящее исследование основано на комплексном изучении выборки из архивов Парижского Парламента — пятитомном издании «Дневников» двух секретарей по гражданским делам (*greffiers civiles*, далее в тексте — гражданские секретари) Парижского Парламента Никола де Бая и Клемана де Фокамберга, охватывающих период с 19 ноября 1400 г. по 18 апреля 1436 г. Издание осуществлено А. Тюзте, выдающимся выпускником «Школы хартий», основанной в Париже в 1821 г. по инициативе Людовика XVIII для подготовки специалистов-архивистов. Имя А. Тюзте известно в исторической науке благодаря подготовленным им публикациям источников по истории Франции XIV—XV вв. Среди них «Дневники» гражданских секретарей едва ли не самое известное и наиболее используемое историками творение А. Тюзте.

Оно названо «Дневниками», и немало исследователей, в том числе и автор этой книги, были введены в заблуждение относительно характера источника. Например, выстраивая типологию средневековых источников, О.А. Добиаш-Рождественская отнесла «Дневники» к жанру мемуаров¹⁶. Хотя они изданы именно как дневники, т. е. день за днем, последовательно по годам, и хотя они содержат оценки и мнения секретарей, «Дневники» — это подлинное творение их издателя А. Тюзте, который выбрал из огромного массива протоколов Парламента те материалы и записи, которые содержат личные оценки секретарей, а также все, что относилось к их деятельности. Поэтому несколько слов стоит сказать об истории парламентских протоколов и месте гражданских секретарей в Парламенте. В числе других вопросов ранней истории Парламента трудно датировать и появление должности секретаря, как и начало система-

тического ведения протоколов заседаний. Первым секретарем, чьи записи принято считать началом парламентской документации, был Жан де Монлюсон. В 1263 г., по-видимому, по собственной инициативе и для облегчения своей работы по сохранению опыта Парламента и судебных прецедентов он начинает запись протоколов заседаний: этот регистр носит название по первому слову, с которого он начинается — Olim¹⁷. Оценив удобство и выгоды ведения точных протоколов. Парламент уже предписывает следующему секретарю Никола де Шартру вести протоколы заседаний и тем самым придает им статус официальных.

Название должности прошло ряд этапов. Сначала тех, кто вел протоколы, называли нотариусами. Ордонанс 1272 г. назвал их уже «писцы приговоров» (clers des arrêts). Их было двое: один для уголовных, другой для гражданских дел. С 1361 г. чиновника, ведущего протоколы, стали называть секретарем (greffier), а с 1405 г. это название было закреплено исключительно за Парламентом. Секретарей было трое — по гражданским (гражданский секретарь) и уголовным (уголовный секретарь) делам, а также по представлениям прошений. Гражданский секретарь занимал самое влиятельное положение, поскольку в его ведении находились все вопросы функционирования парламентской машины. Он был, таким образом, главой всех вспомогательных служб Парламента: нотариусов, судебных исполнителей. В его обязанности входило ведение всей документации, редакция и переписка решений, контроль за их исполнением, хранение документов. Обеспечивая работу Парламента, гражданский секретарь отвечал за организацию заседаний, оформлял командировки чиновникам и следил за предоставлением замен на время их отсутствия, согласовывал сроки рассмотрения дел и обеспечивал необходимыми документами, наконец, регистрировал и подписывал королевские ордонансы и письма, направленные в Парламент.

Гражданский секретарь был причастен и к еще одной существенной области функционирования Парламента — пополнению его состава: он фиксировал назначения на должности, вел процедуру голосования на выборах и подсчет голосов, выдавал документы о вступлении чиновника в должность.

Проводимая Парламентом в этот период политика по распространению своих принципов на весь государственный аппарат, дабы встать во главе королевской администрации, нашла отражение в расширении обязанностей гражданского секретаря: он фиксировал назначения чиновников местного аппарата (сенешалей, бальи), чиновников других органов центрального аппарата, споры и конф-

ликти из-за должностей. С этим связано участие гражданского секретаря в выборах канцлера: здесь он, так же, как и в Парламенте, вел протокол выборов, подсчитывал голоса, читал от имени короля текст клятвы канцлера, записывал все обстоятельства процедуры.

Особое положение гражданского секретаря выражалось и в том, что он вел все переговоры от имени Парламента с другими институтами власти, с канцлером, Королевским советом, королем. В результате гражданские секретари находились в гуще политической жизни Франции и знали достаточно много, чтобы сделать свои записи ценным свидетельством эпохи. Однако именно Никола де Бай стал первым секретарем, чьи записи можно причислить к мемуарам; до него секретари лишь сухо вели протоколы заседаний, сообщая помимо этого только о смерти, выборах или назначениях чиновников. Я связываю такой поворот в истории парламентских протоколов не только с личными качествами этого, действительно выдающегося, чиновника, но и с уровнем зрелости учреждения, когда на ответственную должность был выбран человек, преданный интересам Парламента и приложивший максимальные усилия для улучшения его работы. Более того, он записывал в протоколах (чего никогда не делали его предшественники) все споры, конфликты и разногласия, имевшие место внутри Парламента. Благодаря этому мы имеем возможность узнать, как такие конфликты решались, как выглядела корпорация изнутри. Клеман де Фокамберг продолжил «стиль» своего предшественника.

Благодаря характеру опубликованной А. Тюэте выборки из протоколов Парламента мы имеем возможность рассмотреть следующий круг вопросов: организация работы учреждения и степень влияния самих чиновников на нее; комплектование кадров Парламента с участием самой корпорации; позиция Парламента в политической жизни Франции этого периода. Все это можно изучить только на основании протоколов учреждения, иных источников просто нет. Кроме того, данные протоколов позволяют проанализировать некоторые черты парламентской этики и культуры: самоидентификацию парламентской корпорации в целом и двух ее секретарей в частности. При этом следует оговорить, что в настоящей книге не показана работа Парламента как такового, практически отсутствуют судебные решения, и мы не рассматриваем судебную процедуру и все, что связано с основной деятельностью верховного суда. Нелишне напомнить также, что парламентские протоколы – это не юридический или политический трактат, каких было написано немало в то время, в том числе и королевскими чиновниками, где

излагаются представления о короне и власти, о ее служителях и обществе. Но благодаря протоколам мы имеем возможность узнать, как реализовывались на практике подобные представления, что не менее важно.

Из записей секретарей, их комментариев и замечаний мы узнаем о жизни Парламента, о взглядах его чиновников — из их поступков и слов. Однако это официальные записи, а не личные дневники, поэтому секретари сообщают лишь то, что имеет отношение к работе учреждения или то, что они считают нужным и возможным записать. Мы не можем узнать из протоколов о личных взглядах секретарей или других чиновников, об их жизни и представлениях вне Парламента.

И все же этот важнейший в истории Парламента период нашел отражение в протоколах в том смысле, что в них с небывалой прежде полнотой запечатлена самоидентификация парламентской корпорации.

Еще одно обстоятельство наложило отпечаток на записи секретарей: столь разнообразная и обширная деятельность отнимала все силы и все время чиновника, как бы лишая иных интересов, кроме парламентских. Поэтому протоколы можно рассматривать как отражение «личной жизни» секретаря, как его исповедь, обращение к современникам и потомкам с увещеваниями, размышлениями, наблюдениями.

Таким образом, записи гражданских секретарей были не только хроникой жизнедеятельности Парижского Парламента, они содержат хронику важнейших событий Франции первой трети XV в. Причем ценность этой хроники в том, что она велась парламентским чиновником и в определенной мере отразила точку зрения института на события в стране, да и сам отбор таковых свидетельствует о парламентской интерпретации политической жизни страны.

В силу характера издания «Дневников» гражданских секретарей в книге используется следующая система ссылок на источник: в тексте ссылки даются на день, месяц и год (по новому стилю) того заседания, о котором идет речь; для всех остальных источников используется традиционный способ отсылок, равно как и для фрагментов «Дневников», цитируемых дословно¹⁸.

§6

Игра в термины

Всякое научное изыскание имеет дело со специальными терминами, поэтому изначальная договоренность о них облегчит взаи-

мопонимание автора и читателя, применительно к Парламенту в книге употребляется термин «институт власти» (учитывая оформленность структуры и компетенции этого органа власти) и термин «учреждение», подразумевающий его специализацию и конкретное назначение в государстве.

Для обозначения парламентского чиновничества используется несколько терминов: «персонал» — охватывает конкретный состав Парламента на данный момент; «аппарат» — обозначает целевое распределение функций и должностей в строгой системе; «корпорация» и «среда» — два взаимосвязанных термина, чрезвычайно важных для истории парламентского чиновничества.

Понятие «парламентская корпорация» правомерно употреблять с середины XIV в., с ордонансов 1342-1345 гг., когда были отменены ежегодные наборы нового состава и чиновники Парламента получили статус корпорации. Тем самым верховная власть признала, что для вступления в Парламент необходимо обладать строго определенным набором качеств профессионального порядка, прежде всего образованием и опытом работы. В корпорацию Парижского Парламента входили собственно судьи — президенты и советники трех палат, а также генеральный прокурор короля и два адвоката короля, три секретаря — гражданский, уголовный и по представлениям, четыре нотариуса и двенадцать судебных исполнителей¹⁹.

Оформление парламентских чиновников в корпорацию отразило не только сущностную черту средневекового общества, где корпоративность была главной формой социальной организации, но и присущие чиновничеству независимо от вида правления и эпохи общие черты, а среди них непременно корпоративность и корпоративный дух, т. е. определенную замкнутость, внутренние связи, некую «круговую оборону» против остальных, секретность обсуждений, совместное пользование благами, ревностное отношение к внешним знакам уважения.

Однако деятельность Парламента обеспечивалась более широким кругом чиновников и практиков суда, составлявших парламентскую среду, в их числе прокуроры, адвокаты и их помощники. Парламентская среда была основой корпорации, источником пополнения кадров, несла на себе печать этики и культуры института. В заключение несколько слов о термине, вынесенном в заглавие книги. Русское слово «чиновник» имеет общеславянские корни и образовано от употребляемого во всех славянских языках слова «чинь», т.е. порядок, правило, степень, чин, должность, собрание²⁰. Таким

образом, чиновник — тот, кто имеет чин или должность. Во французском языке также употребляется аналогичное слово, восходящее к общеевропейской языковой основе — латыни. От латинского слова *officium* — должность, служба — во французском языке тот, кто действовал от имени короля и осуществлял часть его функций, именовался *officier*. Помня о принадлежности этого слова, введенного в русский язык Петром I (1701)²¹, к армии, все же представляю правомерным вынести в заглавие такой перевод слова *officier* применительно к чиновникам Парламента. И дело не только в том, что это французская история и специальные термины должны быть максимально приближены к оригиналу, разумеется, без явного ущерба для русского языка, и не только в том, что и русское слово «чин» было также употребительно в прошлом в отношении званий военных. Само слово «офицер» выражает сущностную черту этого социального слоя, отношение к своему делу как к службе почти военной по дисциплине, строгости внутреннего уклада, следованию клятве и субординации.

«Офицеры власти» — это название, на мой взгляд, наиболее точно передает тот образ профессиональных служителей короля, который создавали и отстаивали в обществе чиновники Парижского Парламента.

Парижский Парламент к началу XV в.: достижения и трудности

Парижский Парламент, как и все институты высшего государственного управления централизованной монархии, был генетически связан с прежними сеньориальными структурами королевской власти, и прежде всего с Королевской курией. Именно из этого, когда-то единого органа управления королевством вышли три основных института центрального аппарата: законодательный (Королевский совет), судебный (Парламент) и финансовый (Палата счетов).

Поэтому всю историю Парижского Парламента в XIII-XV вв. можно представить в виде пути от сеньориальной курии к государственному институту. Сложность этого пути, многообразие его дорог не поддаются краткому изложению, а наличие в отечественной литературе фундаментального труда Н.А. Хачатурян о политическом строе французской сословной монархии, где показано положение Парижского Парламента в структуре государственности, освобождает от необходимости подобного экскурса²².

Датой рождения Парижского Парламента, его отделения от Королевской курии и начала самостоятельного развития принято считать серию ордонансов конца XIII в.²³ К началу XV в. Парламент был уже вполне сложившимся институтом с определившейся структурой, отлаженным механизмом работы, фиксированным персоналом и широкой компетенцией.

Парламент состоял из трех палат: Верховной, называемой, как правило, собственно Парламентом, которая выносила решения и приговоры, а для наиболее важных дел собирала чиновников всех трех палат; Следственной палаты, ведущей расследования дел и дающей по ним предварительное заключение; Палаты прошений, принимающей жалобы и апелляции от всех областей королевства Франции. Уголовные дела разбирались в специальном помещении — так называемой Уголовной башне (Tournelle Criminelle), где приговоры выносили только чиновники-миряне; а во второй половине XV в. была создана и отдельная Уголовная палата²⁴.

С самого начала была определена и численность Парижского Парламента (около 100 человек), складывавшаяся следующим образом: четыре президента, тридцать чиновников Верховной палаты (Grande Chambre) — пятнадцать мирян и столько же клириков, сорок чиновников Следственной палаты (Chambre des enquetes) — шестнадцать мирян и двадцать четыре клирика, восемь чиновников Палаты прошений (Chambre des requetes de Palais). К Парламенту относились также восемь чиновников Палаты прошений короля (Chambre des requetes de l'Hotel), дублировавшей функции аналогичной палаты Парламента и являвшей собой, таким образом, анахронизм Королевской курии. Завершали состав Парламента двенадцать пэров Франции (шесть светских и шесть церковных), призванных вершить дела знати («суд равных»)²⁵.

Задержимся еще на численности и структуре: исходя из документов и согласно общепринятому мнению в историографии, цифра «100» необъяснима с точки зрения нужд Парламента и имеет скорее символический смысл — аналогию с римским Сенатом²⁶.

Помимо апелляции к античной традиции, цифра «100» символизировала приоритет судебной палаты: Парламент был самым крупным по численности органом государственного аппарата. Для сравнения: Канцелярия короля насчитывала всего сорок человек; Палата счетов, ведавшая всеми финансами короны, — двадцать четыре; государственная Казна — десять чиновников²⁷. Таким образом, определенная ордонансом численность Парламента призвана была выразить значимость института, его абсолютное верховенство в струк-

туре государственного управления, вытекавшее из особого места суда в реализации власти и приоритета функции короля-судьи²⁸.

Важно подчеркнуть, что эта цифра была скорее контрольной: ее нельзя было существенно менять без санкции короля. Однако Парламент и сам стремился укоренить такую численность, что вскоре обернулось источником непреодолимых трудностей для института, не справлявшегося с увеличивающимся по мере расширения судебной власти короля потоком дел, что вызывало нарекания в адрес Парламента со стороны всех слоев общества.

С этой точки зрения, обратим внимание на двенадцать пэров, чье присутствие в Парламенте было обязательным при рассмотрении крупных государственных дел. Они представляли светскую и церковную знать, от церкви — архиепископ Реймса, епископы Лана и Лангра (все трое герцоги), Бовэ, Нуайона и Шалона (все трое графы); от светских сеньоров также три герцога — Нормандии, Бургундии, Аквитании, и три графа — Фландрии, Тулузы и Шампани²⁹.

Не оспаривая общественного веса и места в государстве этих сеньоров, нельзя не заметить соразмерности, симметричности состава пэров, а уж число «12» невозможно объяснить функционально, вне библейской традиции. Здесь, как и в численности Парламента, символика цифр обладала над прагматической целесообразностью, и двенадцать пэров, самых крупных светских и церковных сеньоров, оказались заложниками профессиональных чиновников, чье подавляющее большинство не позволяло знати оказывать сколько-нибудь заметного влияния на решения Парламента. В итоге двенадцать пэров превратились в орнаментальные фигуры, поддерживающие внешний блеск Парламента, ибо не имели юридически закрепленных преимуществ перед остальными членами института.

Вместе с тем, присутствие 12 пэров на заседаниях, особенно при рассмотрении дел знати, в сочетании с преимуществами дворян при отборе чиновников в Парламент способствовало поддержанию авторитета дворянства и смягчению эффекта от преобладания профессионалов суда.

И ещё одна важная черта парламентской организации видна уже на примере структуры Парламента: королевские ордонансы закрепляли верховенство лиц духовного звания над мирянами. Этот фактор тем более заслуживает внимания, поскольку парламентская корпорация, как и всякая средневековая социальная организация, активно способствовала созданию парламентских династий и была заинтересована в преемственности парламентских традиций. Преобладание лиц духовного звания было не только следствием воз-

действия церковной организации на формирование светской власти, но вызывалось жизненно важной задачей Парламента — борьбой с церковной юрисдикцией, а для этого нужно было иметь формальное право и реальные знания в делах церкви³⁰. Участие лиц духовного звания в работе верховного суда подверглось существенной трансформации, также связанной с укреплением королевской власти. Вначале представители церкви были необходимы Парламенту, поскольку они лучше других были подготовлены своим образованием и опытом к работе суда. Со временем, по мере увеличения знатоков права и практиков суда, они покинули Парламент, который к тому же начинал работать в течение всего года, что было несовместимо с основными функциями духовенства. Однако люди духовного звания были потребны Парламенту в его претензиях на часть юрисдикции церкви. Эта коллизия была разрешена в период папской схизмы, когда король Франции получил широкие права раздавать бенефиции и использовал их для поощрения своих чиновников. Так Парламент сохранил в своем составе значительный процент чиновников-клириков, имевших несколько церковных бенефициев и должностей, но они уже не были собственно духовенством и обязаны были такой церковной карьерой службе королю.

Стабилизация состава Парламента выразилась окончательно в ордонамсах 1342—1345 гг., отменивших устаревшую процедуру роспуска Парламента и набора королем новых чиновников на следующую сессию³¹. Таким образом, было официально признано оформление внутри Парламента обширного и постоянного по составу слоя профессионалов, способных обеспечить деятельность суда. И хотя с самого возникновения Парламента там была группа профессиональных легистов, почти постоянно заседавших в Парламенте, отмена ежегодных наборов открыла неограниченные возможности для формирования чиновников-профессионалов суда, закрепления специалистов, повышения личной активности и инициативы. И главное — в этих ордонамсах фиксировалось право Парламента выбирать самому нужных ему людей. Так, статья 7 ордонанса от 8 апреля 1342 г. определяет следующую процедуру формирования Парламента: теперь не король и его приближенные, а специальная комиссия профессионалов, во главе с канцлером Франции, состоящая из трех президентов Парламента, десяти мирян и стольких же клириков — чиновников Верховной палаты — определяет состав всех палат, а король только его утверждает. Статьи 2-3 ордонанса 1345 г. устанавливают, среди прочего, окончательный состав всех палат Парламента и передают выбор кандидатов полностью во власть чиновников института.

Стабилизация парламентской среды и право самой корпорации комплектовать свои кадры определили облик Парламента, его социальный состав. В исследуемый нами период социальный облик парламентской корпорации можно представить по данным, полученным Ф. Отран. Средний возраст вступавшего в Парламент чиновника в 1390-1418 гг. составлял 42 года. Покидали службу в Парламенте по следующим причинам и в таком соотношении: из 490 чиновников за 1345-1454 гг., чья судьба известна, умерли состоя на должности 289 человек, или 59%; перешли на другую службу 142 человека, или 29%; передали свое место другому 28 человек, или 5,7%; смещены 26 чиновников, или 5,3%. О стабилизации состава свидетельствует также пожизненное жалование, получаемое после долгой службы. Так, в 1408 г. в Парламенте насчитывался 31 чиновник, прослуживший более 20 лет, из них пожизненное жалование имели 26 человек; аналогичны данные для 1420 г. - 14:12. При этом в различной степени родства в период 1405-1417 гг. находилось 73,8% всего состава Парламента. В то же время парламентские чиновники были вовлечены в формирующиеся политические партии бургиньонов и арманьяков: по данным Ф. Отран, бургиньонов в Парламенте было больше, чем арманьяков - 134 чиновника против 100. Социальное происхождение чиновников Парламента выглядит следующим образом: в 1345-1454 гг. из 678 человек аноблированных было 46, или 6,80%, дворян - 245 человек, или 36,24%, недворян - 131, или 19,38%, социальная принадлежность для остальных 256 чиновников не установлена.

Параллельно шел процесс изживания сеньориальной природы института в пользу публично-правовой. Менялся в этой связи и характер приносимой чиновником клятвы: если с конца XIII в. обязанности чиновника не отличались от обычных функций слуг сеньора, то к началу XV в. в текст клятвы были внесены понятия «общественного блага» и «пользы государства» как новых ориентиров работы верховного суда³². На первый план выдвинулась профессионализация Парламента: ордонанс от 6 апреля 1287 г. удалил из Парламента представителей высшего духовенства; ордонанс от 22 апреля 1291 г. — бальи и сенешалей, поскольку они не являлись членами палат; в 1296 г. Парламент освободился от ненужных чиновников, не знающих законов, оставив только советников. В ордонансе от 3 декабря 1319 г. ясно выражалась эта тенденция: «Король желает иметь в Парламенте людей, которые смогут там постоянно работать, не уезжая и не отвлекаясь на другие дела»³³.

Та же тенденция структурной стабилизации отразилась в эволюции сроков работы Парламента: от четырех сессий в год при Людовике IX до превращения Парламента в 1299 г. в постоянно действующий орган, работающий со дня Св. Мартина зимнего 12 ноября до конца сентября, с отпуском в один месяц³⁴.

Организационная зрелость Парижского Парламента сочеталась с процессом укрепления и дальнейшего расширения его компетенции, напрямую связанной с успехами централизации и усилением королевской власти во Франции. Трудami легистов в XIV в. были разработаны и внедрены в практику основополагающие принципы судебного суверенитета короля: «Вся полнота судебной власти исходит от короля» и «Король — император в своем королевстве»³⁵. С расширением прав короля и их проникновением во все сферы жизни общества расширяется и компетенция Парламента. С присоединением к короне новых земель и прогрессом централизации страны возрастала и роль Парламента в делах королевства, в этой области монополия Парламента особенно наглядна. Напомним, что Парламент стал называться верховным апелляционным судом только с XIII в., с присоединением Нормандии, Шампани и Лангедока, где существовали аналогичные судебные курии. Установление частичного контроля Парижского Парламента над местными судами в виде посылки его чиновников на их сессии превратилось вскоре в прямое подчинение этих судов власти Парламента. И хотя суд Нормандии — Палата Шахматной Доски (*L'Echiquier de Normandic*) был объявлен в 1315 г. автономным, Парламент отправлял туда своих чиновников, а суд Шампани — так называемые Дни Троя (*Les Grands Jours de Troyes*), был выездной сессией Парижского Парламента с 1267 г.³⁶

В основе судебной монополии Парижского Парламента лежала теория легистов — идеологов централизованной монархии — о верховном суде как эманации королевской власти, зафиксированная в ордонансах³⁷. Парламент как бы олицетворял короля-судью. Но патриархальная оболочка, традиция верховного защитника слабых и гаранта справедливости для всех качественно видоизменилась от того, что суд вершили знатоки права и практики, профессиональная группа, со своими интересами, с опорой на законы, коллегиальным принципом вынесения приговоров.

Отсюда проистекала объективная двойственность природы Парижского Парламента в период складывания централизованного государства: являясь эманацией королевской власти, выступая от имени короля, Парламент должен был защищать его интересы, однако усиление публично-правовых основ службы чиновников с не-

избежностью превращали Парламент в защитника интересов королевства, лишь по традиции именуемых «интересами короля». Поэтому нередко уже в этот период Парламент защищал «интересы короля» от самого короля, его непродуманных действий, незаконных указов, от небрежения новыми реалиями.

В этой борьбе Парламент опирался не только на широкие правовые санкции, полученные по королевским ордонасам, но и на утверждающееся в обществе новое представление о короне как общественной должности, как службе с четким разграничением обоюдных прав и обязанностей короля и его подданных. Процесс изменения представлений о природе королевской власти был неизбежным последствием формирования правового государства, где каждое сословие, каждый человек подчинен определенным законам, и только соблюдение их всеми есть гарантия сохранения этого государства.

Заинтересованность Парижского Парламента в усилении и расширении королевской власти сказалась на политике института во всех областях его деятельности и сделала его чиновников ревностными поборниками сильной государственности, которую они готовы были отстаивать от любых посягательств, от внешней агрессии Англии до ошибок короля и тайных интриг его изменчивого окружения.

Роль Парижского Парламента в процессе формирования централизованного государства во Франции общеизвестна и доказана. Однако никто не задумывался до сих пор над исследованием связи между функциями учреждения и общественным обликом его чиновников. Между тем такое исследование позволит приподнять завесу тайны над функционированием аппарата власти, над связью чиновника и учреждения. Именно такое исследование я и намерена предложить вниманию читателя. В нем главное внимание уделяется трансформации в сознании чиновников Парламента идей, лежащих в основе их учреждения, интерпретация ими риторики королевской власти. Важность этой теме придает трансформация приватных слуг короля в профессиональную группу служителей власти, действующих на основе законов. Хотя личный момент преданности королю остался, как сохранились и иные связи с различными группами и клиентелой, природа службы изменилась. Достигнув статуса корпорации, чиновники Парламента тяготеют к автономии, что ставит их в особые отношения к королю. Они отстаивают его власть, но могут действовать и против его интересов, поскольку у них появляются свои интересы и большие возможнос-

ти их защищать. В работе института, его политической линии была своя логика, и она не зависела от конкретного состава людей. В основе ее лежали выработанные этой группой служителей власти представления о себе, о суде, о короле, и эти представления определяли логику их поведения. Поэтому в данном исследовании именно парламентская культура превращается в фактор развития учреждения.

Наконец, исследование социально-культурной практики такой микрогруппы, как корпорация чиновников Парижского Парламента, выводит на одну из центральных проблем в современной историографии - рождение бюрократии и государства Нового времени. В исследуемый период бюрократия только зарождается, ей присущи еще черты сеньориального аппарата, но уже на этом этапе видны сущностные параметры самоидентификации служителей власти: корпоративность и замкнутость, тяготение к автономии, риторика «общего блага» для защиты своих интересов. Но эти интересы сыграли ведущую роль в становлении государства во Франции.

Глава I

Профессиональный облик чиновников Парижского Парламента

Право созывать сессию Парламента принадлежало королю и никогда не оспаривалось. В этой формуле о «призыве сеньоров суда» выражена традиция прежнего существования Парламента в системе Королевской курии, когда король по своему желанию и в нужное для себя время собирал сессию суда. К началу XV в. формально ничего не изменилось: по-прежнему она открывалась по «призыву короля» в установленные королевскими ордонансами сроки и продолжалась с 12 ноября до конца сентября¹.

§1

Работа как способ существования

Король лично должен был открывать сессию Парламента, но в XV в. почти никогда этого не делал. В его отсутствие это делал канцлер как глава всей королевской администрации. Он зачитывал ордонанс о «призыве сеньоров суда», затем адвокаты и прокуроры приносили клятву². Торжественное чтение ордонанса и принесение стандартной клятвы превратилось в пышную церемонию, важную для формирования образа власти Парламента, но утратившую функциональный смысл. И скороговорка обоих гражданских секретарей при описании этого ритуала является лучшим тому подтверждением: «Были прочитаны ордонансы и принесены клятвы», — вот и все, что считали они нужным записать.

Реальность же заключалась в том, что Парламент собирался не по воле короля, а потому что королевство нуждалось в работе верховного суда. И главное, это стало потребностью для самих чиновников Парламента, для которых работа в нем была профессией, дающей к тому же материальное благополучие и высокое общественное положение.

В самом ритуале открытия сессий нельзя не заметить этого мощного нажима чиновников, этого дыхания в спину открывающему.

Не откроет король, и даже канцлер, они сделают это сами. Так они и поступили в 1415 г., и в отсутствие канцлера, находившегося с королем в Руане, в период ожесточенных боев с английскими войсками, Робер Може, первый президент Парламента, открыл сессию (12 ноября 1415 г.).

Парламентские чиновники в любой ситуации добивались лишь одного — работы Парламента. Никакие обстоятельства не могли помешать им прийти во Дворец на о. Ситэ и приступить к работе. А в изучаемый период помех было более чем достаточно. И важнейшая из них — обострение политической ситуации в Париже и королевстве в целом. «Из-за опасностей вокруг Парижа и Вермандуа» заседания Парламента отменялись в октябре — ноябре 1411 г., но как только напряжение спадало, чиновники вновь шли в залы «так поспешно, как только могли» (12 ноября 1411 г.). Так со всей остротой повторилось в мае 1418 г., когда в Париж вошли войска герцога Бургундского, и посреди разгула политических репрессий парламентские чиновники добиваются возобновления работы Парламента³. Правда, он вынужден сократить заседания до двух дней в неделю, а при закрытии сессии 1 октября 1418 г. Никола де Бай обмолвился о том, что «в Париже и во многих областях королевства большая смертность», да и попросту идет гражданская война, превратившая Парламент в обесцененный инструмент «справедливости для всех» (25 июля, 1 сентября, 28 сентября 1418 г.). Парламент ничего не мог противопоставить этому, кроме работы, ставшей его способом борьбы с анархией, произволом и беззаконием, способом выживания для самих чиновников.

Так кризис королевской власти выявил уровень оформления Парламента как самостоятельной общественной силы, осознающей свои интересы и заинтересованной в сохранении центрального аппарата.

Ярким выражением этой черты в облике чиновников Парламента XV в. является их поведение в дни небывало холодной зимы 1408 г., сковавшей снегом и льдом почти всю Западную Европу. Холода обрушились внезапно: 17 января 1408 г. Никола де Бай записывает в «протокол» объяснения-извинения по поводу неразборчивого почерка — чернила замерзли, и даже попытки обводить буквы не дали результатов. «Люди говорят, что сто лет не было так холодно», а столетие — это синоним эпохи. Вскоре Парламент поручил своему чиновнику заботы о дровах, свечах, светильниках для залов Дворца. А через десять дней, 27 января, произошло затмение Луны и начались новые испытания: замерзла Сена, да так, что (не-

2. Король Карл VII на заседании Парламента

бывалое дело) «народ ходил по реке туда-сюда и ездил на повозках, как по мостовой, а снег был в таком количестве, какого не было на памяти людей». И вот 31 января, т. е. на пятый день после затмения, грянула беда: мороз стал спадать, а с ним — таять снег, льды затрещали и начался ледоход. Лавина нарастала, и вскоре вышел-

шая из берегов Сена, неся глыбы льда, начала свое разрушительное течение. Ночью льды крушили деревянные мосты через Сену, примыкающие к ним дома. Сломаны были и Малый мост, и 20-30 домов возле него, «построенные лет 27—28 назад». Наутро город был отрезан от Ситэ, а чиновники Парламента — от Дворца.

Парламент оказался парализован. Утром 31 января не пришли ни советники, ни адвокаты, ни прокуроры, ни мелкие служащие, никто, кроме первого президента, двух-трех советников и самого гражданского секретаря Никола де Бая.

Казалось бы, беда для всего города: разрушены мосты, дома, стоит небывалый холод, вскоре настанет дефицит дров и хлеба. Все это вполне оправдало бы перерыв в работе Парламента. Но только не в глазах самих его чиновников. Сетования Никола де Бая на плохой почерк, ибо разогреть чернила и руки ему не удавалось, согласуются с его извинениями, аккуратно вписываемыми в «протокол» о причинах приостановки работы Парламента. Когда в начале февраля стало ясно, что невозможно переехать бушующую реку, тем более ждать строительства новых мостов. Парламент решил начать заседания: те, кто был отрезан от Дворца, нашли временное помещение и возобновили заседания суда и вынесения приговоров, а оставшиеся в Ситэ стали работать здесь. При этом предусматривалось соблюдение всех формальностей, вплоть до ведения двух протоколов на параллельных заседаниях (1, 3, 4, 6 февраля 1408 г.), ибо авторитет Парламента поддерживался, среди прочего, бесперебойной, не знавшей существенных перерывов работой и его чиновники не могли примириться с тем, чтобы стихийное бедствие одержало верх над законами королевства Франции. А может быть, они боялись, что общество не заметит их отсутствия за обрушившимися бедами, да так и не вспомнит об их необходимости.

Так или иначе, в отношении чиновников к своей работе в Парламенте ярче всего проявился достигнутый институтом уровень зрелости. Чиновники, как подлинные профессионалы суда, воспринимали любые перерывы в работе как посягательство на их интеллектуальную собственность, реализуемую в Парламенте.

И именно на этом этапе развития чиновничества уже видны симптомы превращения его в бюрократию. В самом деле, самостоятельность как проявление развитости института может перерасти в автономность по отношению к обществу. Особенно это провоцируется кризисных ситуациях. Общество сотрясают кризисы, оно переживает изменения, и они могут мешать работе учреждения, в данном случае Парламента. И тогда Парламент замыкается в себе, на себя.

В сущности, он начинает работать вхолостую, работать на себя, если не с целью разрешить кризис, то хотя бы с целью самозащиты. Любой институт власти — это автономная система, и она может до известной степени отключаться от общества. Если общество перестает нуждаться в чиновниках, они нужны сами себе. Такое впечатление не раз посещает при чтении протоколов: Франция пребывает в смуте, проблемы нарастают как снежный ком, а Парламент выносит решения, разумные, продуманные и мало реализуемые.

§2

Жалованье в институциональном аспекте

Принципиальное отличие чиновников-профессионалов от служителей власти предшествующего периода в том, что они служат за плату, а не на основе вассальных или иных связей и зависимости. Поэтому плата играет большую роль в становлении чиновничества и может многое объяснить в его характере.

Как ни странно, вопрос о жалованье чиновников не привлекал большого внимания ученых, даже тех, кто отдавал предпочтение фактической стороне исторического процесса. В итоге сведения об оплате чиновников ограничиваются следующими данными. Во-первых, плата чиновника была фиксированной с начала XIV в. и до конца XV в. не увеличивалась. Следовательно, при постоянном колебании цен, особенно провоцируемом Столетней войной, и конъюнктуре рынка плата фактически неуклонно снижалась. Во-вторых, жалованье чиновников-мирян в день составляло 10 парижских су, клириков — 5 су, кроме того им ежегодно выдавалось по две мантии или их стоимость, а также по 20 парижских ливров на Рождество и Троицу. Президенты получали фиксированное жалованье: первый президент — 1 тыс. ливров в год, остальные — по 500 ливров⁴. Остается понять, можно ли было безбедно прожить на эти деньги, а также, почему при неуклонном снижении оплаты привлекательность службы в Парламенте возрастала во всех сословиях французского общества.

С этой целью следует соотнести жалованье чиновников Парламента с ценами на продукты питания, как и с доходами других профессий. Итак, некоторые цифры. Цена на хлеб во Франции была фиксированной до 1439 г., а цена на муку — нет, поэтому булочники меняли вес буханок хлеба, дабы соблюсти баланс. Цена 1,5 кг муки составляла в 1372 г. 8 су, к началу XV в. — 20 ливров, в 1410 г. — 54 ливра. Стандартная буханка хорошего белого хлеба стоила в Па-

риже 1 денье, большая буханка - 2 денье. В XV в. стоимость фунта баранины — 20 денье, свинины — 15 денье, говядины — 12 денье. Селедка, очень употреблявшаяся, особенно во время постов, стоила от 5 до 25 денье за фунт. В Париже в XV в. бочка хорошей селедки стоила 21 су. Фунт соленого масла стоил 3 су, пинта орехового масла — 6 су. А в хороший урожайный год, например 1414 г., пинта вина стоила 1 денье.

Таким образом, на жалованье за 1 день работы чиновник-мирянин мог купить на выбор: 120 буханок хлеба, 3 кг баранины, 4 кг свинины, 10 кг говядины или полбочки селедки. За суточное жалованье он мог купить 108 л вина.

Прямо скажем, служба в Парламенте обеспечивала пропитание.

Сравним жалованье парламентского чиновника с оплатой иных занятий во Франции. Крестьянин в XIV в. зарабатывал несколько денье в день, т. е. в 10 раз меньше судьи Парламента. Пастух получал до 4 ливров в год, т. е. столько же, сколько чиновник за 8 дней работы. Средний заработок наемного работника в день составлял 2 су 3 денье. Строитель в Руане получал 3 су 9 денье в день (4 су в 1380 г.), т. е. в 3 раза меньше, чем парламентарий. Пехотинец на службе в войсках короля Франции получал 3 су 4 денье (в 1380 г. — 5 су 2 денье), т. е. в 2 раза меньше парламентского чиновника, а ведь он рисковал жизнью.

Да, чиновники Парламента - люди далеко не бедные, это ясно. Но и не самые богатые. Например, один из богатейших мясников Гийом де Сент-Йон, имея в Париже три бойни, в неделю продавал мяса на 200 ливров, с прибылью, составлявшей 10-15%, имел 600 ливров ренты, 4 дома в деревне, не говоря уже о движимом имуществе. Генерал финансов Лангедойля получал фиксированное жалованье в размере 2060 ливров, правда, во второй половине XV в., т. е. в 4 раза больше президента Парламента. А Пьер Кошон, печально известный обвинитель Жанны Д'Арк, за особые «услуги» герцогу Бургундскому получил из казны только за два года (1418-1420) 3689 турских ливров.

Нет, чиновники Парламента - люди далеко не самые богатые. Прибавим к этому нерегулярность выплат жалованья, не говоря об ответственности выполняемых работ и их опасности, о чем свидетельствуют многочисленные дела о нападениях на чиновников суда при исполнении ими поручений. Поэтому задаваясь вопросом, обогащала ли служба короне, исследователи приходят к парадоксальному выводу: за исключением чиновников финансовых ведомств, - нет, напрямую не обогащала.

Тем не менее служба в Парламенте давала иные выгоды, в конечном счете, финансового характера. И прежде всего, освобождение от налогов, постепенное уравнивание в привилегиях с дворянством и духовенством. Они получали и различные подарки от короля, наконец, имели место «добровольные дары» выигравшей стороны, которые общество справедливо считало взятками.

Подводя итоги, скажем так: по сравнению с пастухом или поденщиком парламентские чиновники были богатыми людьми, но если помнить, что речь идет о людях, представляющих «без посредников» верховную судебную власть короля, трудно не согласиться с исследователями, утверждавшими, что вознаграждение чиновников за службу короне — наименее почетная страница в истории французской монархии.

Этот вопрос интересен не только в экономическом, но и в институциональном плане, поскольку оплата чиновников служила одним из мощных рычагов оформления и консолидации парламентской корпорации.

В основе законодательных актов об оплате чиновников Парламента был заложен принцип поощрения усердия в работе, что сыграло роль в повышении профессионального уровня и общественного престижа парламентской службы. В серии ордонансов 1319-1320 гг. он был сформулирован с предельной ясностью и по сути своей исключал равенство в оплате, губительное для инициативы чиновника⁵.

Прежде всего, обратим внимание на способ выплаты жалованья чиновнику — оно выдавалось за каждый день работы. Следовательно, зависело от количества дней, проведенных чиновником в Парламенте. Чиновник мог отсутствовать по уважительной причине, и тогда должен был получить на это разрешение Парламента; он мог «прогулять», и тогда его ждало дисциплинарное наказание. Но и в том, и в другом случае плату за этот день он не получал.

В этой части вопроса об оплате раскрывается важная сторона процесса профессионализации чиновников Парламента, бывших знатоками права, практиками суда и просто образованными людьми. Спрос на таких людей был весьма высок в разных слоях общества, и чиновники имели немало возможностей зарабатывать деньги «на стороне».

Но Парламент был действительно заинтересован в отборе чиновников, преданных идеям сильной королевской власти и готовых служить ей, отдавая все свои силы и знания. Поэтому в королевских ордонансах постоянно утверждается принцип личного присутствия чиновника на заседаниях и право отсутствовать лишь

с разрешения короля и Парламента (ордонансы 1303, 1329, 1345, 1355, 1357, 1389, 1393, 1413, 1419, 1454, 1499 г.)⁶. Разумеется, столь частое повторение этого требования свидетельствует о его малоэффективности, но все же трудности на пути его осуществления не смогли поколебать незыблемость этого фундаментального принципа.

Итак, только разрешение Парламента или короля делало отсутствие чиновника законным. Гражданский секретарь выдавал документ, подтверждавший отпуск, где указывались имя и должность чиновника, срок отсутствия и его причина, если срок не превышает 3 дней⁷. Благодаря этому мы можем узнать подробности этой процедуры. Никола де Бай сообщает, что «первый президент запретил подписывать письма об отъезде без согласия председателя заседания... чтобы чиновники не могли свободно уезжать отсюда по делам, из-за чего Парламент остается часто лишенным советников» (1 марта 1402 г.). Как правило, речь идет о поездке чиновников Следственной палаты для расследования дела. Однако, согласно свидетельству секретаря, чиновники охотнее отлучались на эти расследования, поскольку такие поездки были прибыльнее, оставляя нерешенными порученные им дела.

Разрешение Парламента на отсутствие чиновника нужно было не только для того, чтобы все члены Парламента знали, кто уезжает, на сколько и почему, т. е. для поддержания дисциплины. Принципиально важно в этой процедуре то, что чиновник, вне зависимости от причины своего отсутствия, обязан был найти замену для выполнения порученных ему дел и отчитаться перед Парламентом. И главное: согласно ордонансу от 5 февраля 1389 г. чиновник получал только то, что полагалось при такой поездке, а жалованье — нет⁸. Поэтому, перед тем как уезжать, чиновник обязан был передать порученные ему дела другому советнику, и эта замена фиксируется в протоколе⁹.

В этом вопросе существенно то, что даже в тех случаях, когда чиновник отлучался по политическим заданиям Парламента или короля, он должен был передать на время дела другому лицу или оставить их в распоряжении Парламента, который сам находил ему замену. Так, в декабре 1401 г. Парламент не подписал документы о командировке чиновнику, отправлявшемуся по заданию института, пока тот не принес «все дела, которые он взялся вести»; в 1418 г. первый президент, уезжавший в составе делегации к королю Англии, передал свои дела Парламенту (18 ноября 1418 г.).

Однако даже соблюдение процедуры отпуска не снимало ответственности за длительность отсутствия или за отъезд большого чис-

ла чиновников, ибо все это сказывалось на работе. Недовольство Парламента подобными действиями проявилось на открытии сессии 1407 г. Скандальность ситуации была очевидна: на открытии не оказалось ни одного из президентов. А ведь в дополнение к четырем президентам была временно введена должность пятого «для помощи и уменьшения пробелов в работе». Скандал был тем более крупным, что, кроме Анри де Марля, проводившего выездную сессию суда в Нормандии, остальные президенты занимались в этот момент не парламентскими делами. Пьер Бошэ находился в своих владениях в Пуату, Ги де Буаси проводил судебные заседания во владениях герцога Бургундского, Жак де Рюильи поехал по поручению дворян в Анжу, Робер Може — по поручению каких-то лиц в Пуату. Когда эти факты были обнаружены, чиновники Парламента открыто выразили свое возмущение и, хотя речь шла о верховных лицах Парламента — президентах, назвали их поведение «большим бесчестьем и скандалом для короля, его суверенного суда и Парламента» (12 ноября 1407 г.)¹⁰.

Возмущение небрежностью президентов, как и вообще жесткий контроль за работой чиновников, основывались на глубоко укоренившихся и четко отработанных механизмах стимуляции рвения парламентских чиновников, закрепленных в королевских ордонансах. Важное место в этой системе занимали ордонансы, устанавливающие, что выплата жалованья производится частично и из штрафов, взимаемых самим Парламентом по приговорам¹¹. Так стимулировалась личная заинтересованность парламентских чиновников в количестве выносимых приговоров.

Еще одним важным решением на пути к парламентской дисциплине явилось право чиновника, закрепленное ордонансом 1320 г., по своему желанию оставаться работать после закрытия сессии на каникулы и получать за это обычную плату, как если бы Парламент продолжал работать¹². Таким образом, в связи с возрастающим потоком дел, стекавшихся в Парижский Парламент, который уже не мог с ним справиться, положения королевских ордонансов, стимулируя материальную заинтересованность чиновников, превратили Парламент в постоянно действующий орган королевской судебной власти. За счет оплачиваемого энтузиазма чиновников удалось на некоторое время решить проблемы, возникшие из-за политики Парламента, направленной на расширение своей компетенции.

А теперь вернемся к вопросу о величине жалованья чиновника. Так много ли получал чиновник Парламента? Или его жалованье было невелико? Точного ответа нет, и быть не может, ведь из вы-

шесказанного ясно, что чиновник получал жалованье в зависимости от количества дней присутствия и объема выполненной работы¹³. Вся система была настроена на стимулирование рвения чиновников, поэтому нерадивые не задерживались в Парламенте, а те, кто проработал в нем долгие годы, по праву пользовались накопленным богатством, достойной должностью и заслуженным уважением в обществе.

Парижский Парламент, как всякая средневековая корпорация, не забывал и о нравственном облике чиновников, поэтому, всемерно поощряя работу чиновников, стимулируя их полную отдачу на благо институту, Парламент следил за тем, чтобы работа не вытесняла нравственное в чиновнике. В этом смысле самым характерным представляется правило, согласно которому плата за дни отсутствия у чиновника не изымалась, если это было связано с выполнением им своего человеческого или христианского долга. В таком случае кто-то все равно заменял отсутствующего чиновника, но плату получали оба, т. е. Парламент нес расходы за своих чиновников, но эти расходы, безусловно, были оправданны.

Например, Парламент согласен был оплачивать болезнь близких родственников и уход за ними, похороны, не только родных, но и друзей или сослуживцев, паломничество и т.п.¹⁴

Само собой разумеется, что чиновники были далеки от парламентского идеала, нарушения и злоупотребления в работе были всегда, но важно понять саму атмосферу внутри института, его устойчивые законы и глубокую традицию, позволявшие наставлять, наказывать и даже изгонять нерадивых или нечестных.

Так прозаический вопрос об оплате чиновников Парламента с новой стороны показывает этот институт как особую корпорацию служителей закона и короля. Авторитет и возрастающая притягательность Парламента опирались далеко не только на элементарную материальную выгоду, вернее, служба в Парламенте давала относительное материальное благополучие, но оно приобреталось не всеми, не сразу и поэтому служило во благо Парламента.

§ 3

Профессиональная дисциплина: невидимые миру заботы

Отношение в обществе к Парижскому Парламенту характеризовалось одним постоянно действующим мотивом — обвинениями в медлительности и пристрастности суда, в неряшливом ведении дел,

а главное — в попустительстве нерадивости чиновников¹⁵. Среди причин этого не последнее место занимала специфика внутренней организации Парламента, закрытого от посторонних. Действительно, вся дисциплинарная власть была отдана в руки самого Парламента, и в силу особенностей ее требований никто иной не мог бы проследить за чиновниками. В такой ситуации Парламент имел все возможности стать авторитарным попустителем беззакония и так воспринимался обществом. Однако забота о дисциплине отнимала у Парламента немало сил и требовала большой изобретательности.

Переходя к характеристике парламентских норм дисциплины, отметим одну существенную ее особенность: дисциплинарная власть Парламента распространялась не только на его чиновников, но и на всех судебных, включая адвокатов и прокуроров, судебных исполнителей и секретарей¹⁶.

Первым незыблемым правилом Парламента было время начала его работы — 6 час 30 мин. утра (до установки часов на башне Дворца оно определялось начатом первой мессы в церкви Сент-Шапель). Каждый день в этот ранний час, невзирая на сезон и погоду, Парламент обязан был начать заседания и закончить работу только после решения всех назначенных на этот день дел¹⁷. Если процессы не были подготовлены или разбор дела завершался быстрее предполагавшегося времени. Парламент все равно работал, решая внутренние дела: так, президенты и двенадцать советников «собрались на совет, поскольку было всего 9 часов утра» (26 июля 1410 г.). Только крайние обстоятельства могли сократить время работы Парламента: в самый разгар восстания кабошьенов в Париже Парламент принял экстренное решение: «В связи с небывалой жарой вести заседания только с 6 до 9 часов утра» (12 июля 1413 г.).

Парламент старался не только не нарушать режим работы, установленный ордонасами, но и наполнить эти часы действительно работой. Поэтому неизменно наказывал тех, по чьей вине он, начиная заседания, принужден был бездействовать. Для этих целей Парламент активно использовал самое надежное средство — денежные штрафы В 1406 г. Парламент вынужден был напомнить прокурорам и адвокатам, «что они обязаны быть готовы к четырем часам дня (*après diner*), в день слушания их дела, угрожая в противном случае штрафом в 40 солидов (26 июня 1406 г.). В 1408 г. штраф в таком размере решено взять с адвоката Гийома Кузино, не явившегося в день слушания дела Весьма интересен и способ взимания штрафа Парла-

мент поручил это сделать судебному исполнителю Жану Менье, который должен будет заплатить его сам, если не сможет добиться успеха. В заключение Парламент заявил, что «отныне так будет делаться в отношении всех, ибо по небрежности адвокатов и прокуроров многим людям часто остается лишь получить свидетельство о переносе слушания своего дела» (1 июня 1408 г.). В марте 1411 г. адвокаты вовсе не явились в назначенный для слушания дела час, «хотя было уже семь с половиной часов утра», и Парламент послал за ними судебного исполнителя, а в ожидании «развлекал себя фланированием по залам и прибег к штрафам» (2 марта 1411 г.)¹⁸.

Любопытен и такой факт: 6 июля 1411 г. прокурор, не подготовившийся к сроку слушания дела, был принужден Парламентом уплатить 40 солидов, как раз ту сумму, к которой был приговорен его обвиняемый. Так Парламент боролся за дисциплину и справедливость, наказывая нерадивых чиновников. Кстати, со временем размеры штрафов возрастают: в 1415 г. с трех адвокатов, не пришедших на слушания дел, было взято по 100 солидов (28 февраля 1415 г.). Столь же строг Парламент к судебным исполнителям, замеченным в небрежении своими обязанностями. В 1412 г. «Парламент обнаружил, что между 7 и 8 часами утра в зале не оказалось ни одного судебного исполнителя», и решил оштрафовать каждого на 40 солидов, «простив тех, кого можно будет простить» (12 февраля 1412 г.)¹⁹.

Среди злоупотреблений было и неискоренимое мздоимство, с которым Парламент так же ревностно, как и безуспешно, боролся. Например, 19 мая 1403 г. Парламент обсуждал взяточничество прокуроров, которые «требуют много денег, говоря своим клиентам, что деньги нужны для продвижения их дела, хотя часть денег удерживают у себя, против чести Парламента и принесенной ими клятвы».

В основе дисциплинарной деятельности Парламента была несомненная зависимость авторитета и материального благополучия его чиновников от качества их работы. Только такая зависимость способна была стимулировать жесткий контроль за соблюдением норм законодательства. И Парламент не нуждался здесь в помощниках для обуздания злоупотреблений, тем более, что часть взимаемых штрафов шла в пользу Парламента и составляла его денежный фонд, дававший средства для поощрений²⁰.

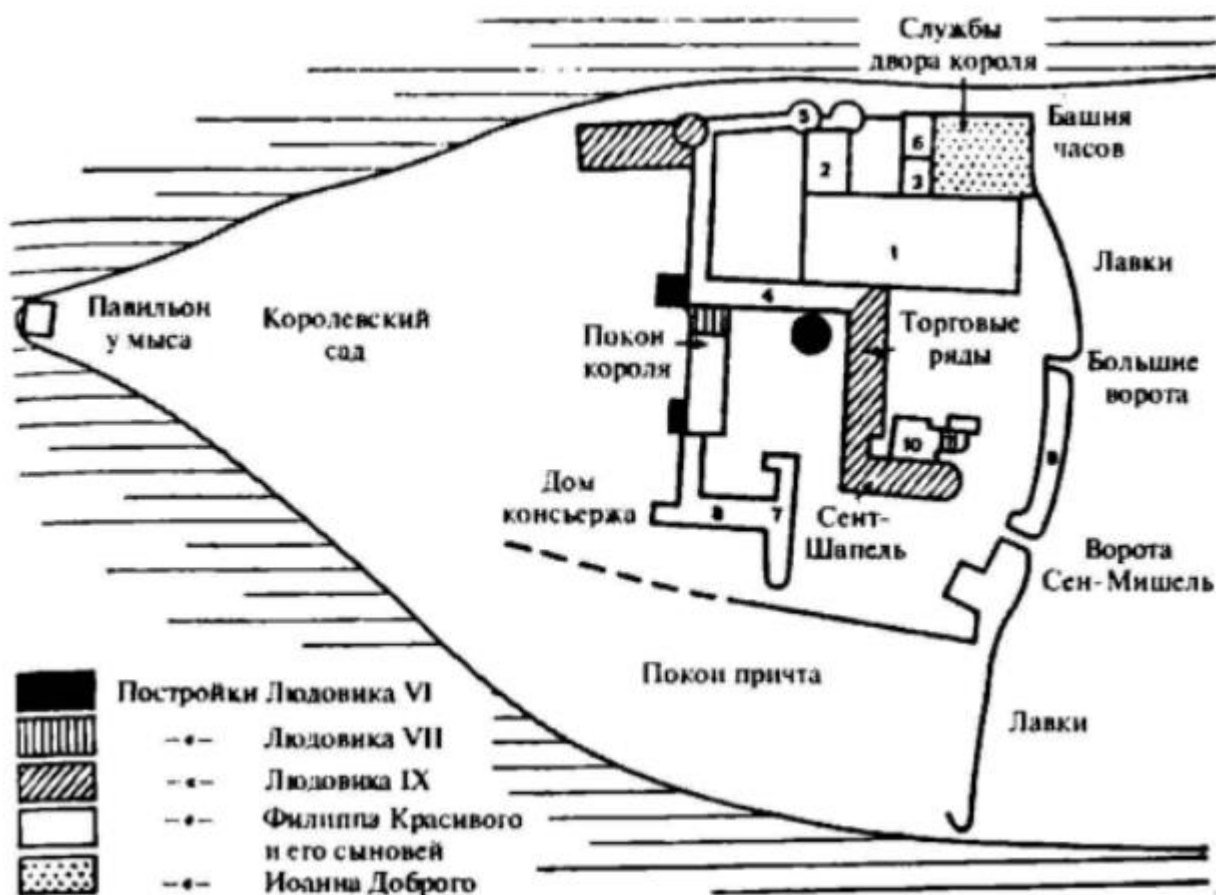
На основании приведенных материалов можно убедиться в реальности еще одного существенного принципа дисциплинарной деятельности Парламента: все его чиновники равны перед законом и одинаково отвечают за нарушения дисциплины. Все, от кого за-

висит нормальная работа Парламента, в том числе и адвокаты, прокуроры, судебные исполнители и секретари, подчинялись дисциплинарной власти Парламента. В историографии Парламента эта его деятельность не получила должной оценки. Так, Р. Делашеналь в своем фундаментальном труде об адвокатах Парламента даже призывал не преувеличивать строгости отношений к адвокатам, так как из-за частого упоминания о штрафах может сложиться впечатление о некоей враждебности к ним. Стремясь опровергнуть это, Р. Делашеналь описывает и обращения Парламента за советом к адвокатам, и симпатию и уважение к ним, и совместное участие в налогах, в заботах о состоянии залов, в торжественных процессиях²¹.

Однако главным аргументом в защиту тезиса о консолидации парламентских чиновников с адвокатами и прокурорами как с членами одной среды, думаю, является эта забота об их дисциплине и полноценной деятельности, ибо она в равной мере служила общему авторитету института²².

О том, что целью дисциплинарной деятельности Парламента была защита и поддержание высокого авторитета института, прямо сказано в ходе шумного скандала 1404 г., разразившегося в стенах Парламента: неожиданно обнаружилось, что «слуги и посторонние лица по утрам пили в помещении Верховной палаты Парламента вместе с его чиновниками и устраивали слишком большие пьянки... делали чрезмерные расходы» из фондов Парламента. Беспокойство членов Парламента было вызвано главным образом тем, что во время возлияний при посторонних могли быть разглашены секреты «к опасности и позору Парламента», а также тем, что чиновники «там тратили время, предназначенное для совещаний». В решении Парламента четко определялась мера «свободы», не задевающая чести института: «Решено отныне пить по утрам в помещении Следственной палаты и расходовать на это лишь по шесть парижских солидов, а если кто-то сделает иначе, заслужит гнев Парламента и будет строго наказан» (4 июня 1404 г.).

В этом эпизоде мы наталкиваемся на один из краеугольных камней парламентской дисциплины — строгую секретность обсуждений. Принцип секретности был предписан серией королевских ордонансов—декабря 1320 г. (ст. 2, 7), 21 марта 1345 г., 27 мая 1413 г.²³. Он проистекал из природы Парламента: будучи не органом сословного представительства, раскрывающим весь спектр общественного мнения, а органом государственного управления, и тем более вынося приговоры от имени короля и как бы олицетворяя его, Парламент должен был представлять перед обществом как моно-

3. Дворец на острове Ситэ (внутреннее устройство)

Правосудие:	1 — Большая зала
	2 — Верховная палата
	3 — Следственная палата
	4 — Палата прошений
	5 — Уголовная башня
	6 — Архив дел
Финансы:	7 — Палата счетов
	8 — Монетная палата
	9 — Казна
Канцелярия:	10 — Канцелярия
	11 — Сокровищница хартий

лит, оставляя внутренние споры и разногласия за дверями Верховной палаты.

Таким образом, помимо функциональных целей секретность была одним из основных принципов работы государственного аппарата власти, особенно судебной, не позволявшим разглашать мнения и позиции отдельных чиновников и тем самым спровоцировать давление на них. Принцип секретности препятствовал чиновнику Делать политическую карьеру отдельно от Парламента, и тем более за его счет. Неразглашение мнений отдельных чиновников должно было стимулировать их политическую активность только внутри Парламента с целью продвижения позиции института в целом. Такие

же последствия принцип секретности обсуждений имел и для профессиональной деятельности Парламента, в целом закрепив его в качестве всеобщего правила работы любого суда, от присяжного до «народного».

Последним важнейшим принципом Парламента, за соблюдением которого он строго следил, был принцип несовмещения должностей в Парламенте с какой бы то ни было иной деятельностью. Если принцип секретности заседаний может считаться общим для работы любого суда, то запрет на совмещение профессий следует отнести к фундаментальным законам средневекового общества. О какой бы деятельности в Средние века ни шла речь, мы неизбежно столкнемся с этим запретом. Характерно при этом, что он не был аргументирован и, по-видимому, апеллировал к универсальным представлениям средневекового человека²⁴.

Разумеется, в каждой области деятельности этот запрет был объясним, и все же поверх этих объяснений проглядывает какой-то, делавший этот запрет общим правилом средневекового общества, смысл. Мне кажется, что в основе этого запрета лежит христианское вероучение, согласно которому деятельность человека была неотделима от божественного промысла, предназначения.

Работа, воспринимавшаяся не как способ зарабатывать на жизнь, а как доля и судьба, не допускала совмещения разных дел и, таким образом, неисполнения человеком целиком своего предназначения.

Посмотрим, как же он воплотился в Парижском Парламенте. Начнем с того, что, как и в других областях, этот запрет явно не выражен ни в одном из документов. Вернее, он замаскирован требованием «личного присутствия и осуществления самим чиновником своих должностных обязанностей». Запрет совмещения должностей фигурирует с особой силой в ордонансах, выработанных в ходе общественных движений (Великий мартовский ордонанс 1357 г., Кабошьенский ордонанс 1413 г.), и свидетельствует о распространенности этой порочной практики, а также об общественной реакции на нее²⁵. О малоэффективности такого средства борьбы с практикой совмещения должностей, каким является требование личного присутствия, красноречиво говорят многократные его повторения: ордонансы 7 апреля 1303 г., 1329 г., 11 марта 1345, 1355, 1389 г., 11 октября 1393 г., 16 января 1419, 1454, 1499 г.²⁶ К тому же парламентские чиновники духовного звания являлись иерархами церкви, где владение несколькими бенефициями было глубоко укорен-

нившейся практикой. С позиций парламентской практики запрет на совмещение должностей обосновывался клятвой, приносимой чиновником при вступлении в институт, служить только королю, и никому более. Тем самым соблюдались интересы короны и эффективность работы аппарата власти: было запрещено служить одновременно в интересах короля и в интересах частного лица. И такие случаи тщательно скрывались, ибо явно противоречили клятве чиновника, поэтому в практике Парламента мы встречаем только борьбу с совмещением чиновником должностей в разных учреждениях, чем отстаивался авторитет каждого из органов королевской власти.

Подозрения в совмещении должностей возникали тогда, когда в Парламент приходили чиновники, ранее служившие в других органах местной и центральной власти. Так, в 1409 г. советник Палаты счетов избирался в члены Парламента, и ему напомнили о необходимости оставить прежние должностные связи, «ибо Парламент стремится, чтобы он заседал здесь и не получал даров или плат ни от кого другого, кроме короля» (24 апреля 1409 г.). В том же году чиновник, прослуживший десять лет в Канцелярии короля, избирался советником Следственной палаты Парламента, которая обратилась к нему с требованием «трудиться, работать и заседать здесь... и Парламент не намерен его принимать вовсе, если он не пообещает постоянно заседать в Следственной палате». Любопытно признание этого чиновника, что право продолжать работу в Канцелярии после избрания в Парламент ему предоставил сам канцлер, но, «если это не угодно Парламенту, он не станет этого делать» (20 ноября 1409 г.).

Таким образом, принцип несовмещения должностей еще не вошел в практику государственного аппарата, который в рассматриваемый период переживал трансформацию от сеньориальной курии, где круг верных и образованных лиц решал все вопросы управления, к специализированным органам государственного управления, чьи интересы часто не совпадали и не допускали служения одновременно в нескольких институтах. Парламент потратил немало усилий на консолидацию внутри института квалифицированных кадров, что было значимо в период формирования парламентской корпорации. Однако Парламент не смог покончить с практикой совмещения должностей, ставшей со второй половины XV в. нормой.

В целом анализ дисциплинарной деятельности Парижского Парламента позволяет выявить круг фундаментальных принципов работы этого органа государственной власти. Прежде всего это принцип равенства всех чиновников перед нормами парламентской дисциплины, что консолидировало парламентскую корпорацию и

связанную с ней парламентскую среду. Дисциплинарная деятельность Парламента стимулировалась ордонансами, узаконившими отчисления части штрафов в общую казну института. А главное, она проистекала из органичной связи власти, авторитета и материального процветания Парламента с качественной и продуктивной работой его чиновников. Это нашло выражение в принципе коллективной ответственности всех чиновников за работу Парламента. Принцип коллективной ответственности сам по себе может быть и плох, и хорош, но это один из законов функционирования государственных институтов, который не подлежит отмене.

В рамках этого процесса строгое соблюдение секретности обсуждений в Парламенте предохранило последний от карьерных поступков чиновников, вынужденных более ответственно относиться к работе учреждения в целом. Парламентский чиновник, добиваясь проведения в жизнь своих идей через Парламент, вместе с ними отвечал за эти идеи, ибо Парламент был органом управления, а не рупором общественных идей.

§4

Инициатива поощряема

Одним из признаков жизнеспособности учреждения является его готовность учитывать индивидуальные способности чиновников и использовать их себе во благо. При всей строгости парламентской дисциплины Парламент предоставлял редкую для той эпохи свободу проявления личности.

Уже в рассматривавшихся аспектах работы Парижского Парламента нельзя не заметить того, что она находилась в постоянном развитии, совершенствовании, с учетом реалий эпохи, конкретных обстоятельств в жизни Франции. Подобные изменения и усовершенствования чаще всего вносили сами чиновники.

Эту тенденцию можно видеть на примере деятельности Никола де Бая — одного из двух гражданских секретарей Парижского Парламента, авторов исследуемых нами «Дневников».

Должность гражданского секретаря, державшего в своих руках всю работу парламентской машины, предполагала большой круг обязанностей и, вместе с тем, давала простор для проявления индивидуальных способностей чиновника. Напомним еще раз, что ведение парламентской документации в виде протоколов заседания Верховной палаты было также личной инициативой секретаря Жана де Монлюсона.

Первым объектом приложения сил Никола де Бая стал Дворец в Ситэ, старая резиденция королей Франции еще с эпохи Меровингов, при Карле V полностью перешедший в распоряжение Парламента. Это означало признание значимости и авторитета суда в системе управления. Последствием такого признания явились новые заботы Парламента о состоянии Дворца и его залов: средства на поддержание их в порядке теперь он должен был изыскивать сам²⁷.

Разумеется, забота о помещениях Парламента определялась вполне утилитарными, прагматическими соображениями. Но в целенаправленных усилиях Никола де Бая видна и другая, не менее значимая цель — поддержание внешнего престижа института: он прямо связывает эту прозаическую работу с «защитой власти и авторитета Парламента».

В 1406 г. по его инициативе была проведена проверка всех помещений Парламента и их состояние было признано плачевным: «Скамейки, стулья старые, испорченные и неприглядные, а еще опасные и слишком низкие... из-за чего невозможно расслышать адвокатов как полагается». Парламент начинает благоустраиваться и нанимает плотника Гийома Кираса (27 апреля 1406 г., 23 марта 1407 г.). Существенно то, что средства на обновление и реконструкцию Парламент брал из штрафов, составлявших, как мы уже знаем, фонд института. Показательна в этой связи история с росписью залов. В 1406 г. Парламент нанял известного художника Колара де Лана для росписи паркета в соответствии с подаренной Парламенту неким парижским горожанином картиной, уже висевшей на стене в зале Верховной палаты. Работа была явно дорогостоящей, а в тот момент выделено было только 12 франков для ее оплаты. Не желая отказываться от пышной затеи, Парламент обещал художнику расплатиться из будущих штрафов. Однако без настойчивости де Бая это обещание было бы забыто (14 января 1406 г.). Сам же секретарь украсил стены, где висела картина, цитатами из Библии, произведений философов и поэтов о долге магистратов.

После холодной зимы 1408 г. Никола де Бай вместе с двумя чиновниками сделал ревизию всех помещений и определил размеры нанесенного ущерба, чтобы организовать срочные работы, поскольку повсюду протекала вода, помещения были заполнены крысами (4 февраля 1408 г.).

Но главным делом Никола де Бая стало хранение парламентской документации, сбережение «памяти» Парламента: он первым выработал правила хранения документов, ставшие законом. Канцелярия суда находилась в одной из двух башен, именуемой Граж-

данской (Toumelle Civile), и де Бай добился выделения ещё нескольких комнат для хранения дел. Уже в 1401 г. он распорядился изготовить специальный сундук, запирающийся на ключ, для хранения секретных регистров. В 1404 г. получил 300 экю для «общего блага Парламента»: по его настоянию были изготовлены специальные сундуки с металлическими замками для хранения документов. При этом де Бай лично следил за ходом работ и добивался от Парламента средств для своевременной оплаты труда плотников, заявляя, что невыполнение этих работ нанесло бы «ущерб королю и Парламенту» (15, 27 февраля, 10, 16 апреля 1404 г.). И не случайно имя Никола де Бая сохранилось в благодарной памяти парламентской корпорации как пример служения и образец парламентского чиновника²⁸.

§5

Парижский Парламент в зеркале общественного мнения

Историки, изучающие историю Франции XIV-XV вв., давно обратили внимание на роль общественного мнения в развитии институтов королевской власти и в политической жизни общества в целом. Под давлением общественного мнения издаются ордонансы, претензии общества к власти высказываются в ходе общественных движений, восстаний, которые сотрясают Францию этого периода. Наконец, общественное мнение получило во Франции институциональное оформление в виде сословно-представительных собраний — провинциальных и Генеральных штатов. На этих собраниях, опираясь на наказы избирателей и в обмен на вотируемые налоги, депутаты трех сословий королевства получали трибуну для выражения мнения общества о королевской власти и ее служителях. По мере укрепления королевской власти расширялась и компетенция суда. Важным обстоятельством в положении суда было его вмешательство в повседневную жизнь каждого подданного, постоянное присутствие внутри общества, в отличие от финансовой функции короны, которая характеризовалась противостоянием власти и общества. Именно поэтому «судейских» не любят, и чем больше их власть, тем их меньше любят. Несть числа рассказам и поговоркам о жадности и несправедливости судей, о медлительности и пристрастности творимого ими суда²⁹.

Но эта мрачная картина, без нюансов, подозрительна, как всякое единое. И уж совсем неприглядна всегдашняя готовность

короля (любого, заметим) все ошибки суда списать на судей, в унисон с толпой³⁰.

Между тем градации все же были: общество, не любя судейских, выстраивает определенную иерархию. Больше всего не любили адвокатов, причем само это слово употреблялось в двух смыслах: собственно адвокаты, участвующие в судебном процессе, и «адвокаты» как собирательный образ судейских, их худших свойств. Далее следовали нотариусы, затем – прокуроры, и так вверх до Парижского Парламента. По мере восхождения по судебной «лестнице» критика ослабевала³¹.

Впрямую чиновников Парламента не обвиняли во взятках, во всех тех пороках, коими награждало общество судейских ниже рангом. Видимо, статус верховного суда сдерживал критиков. Главная претензия к Парламенту сводилась к медлительности суда, а также к семейственности замыкающейся корпорации³².

Насколько обоснованными были претензии о медлительности суда, сказать трудно, поскольку затягивали процедуру, прежде всего, сами истцы. Именно они требовали у адвокатов найти лазейки в законах для продолжения иска и выигрыша дела. Поэтому обвинение судейских в крючкотворстве смело можно было переадресовать самим подданным короля, прибегающим к его суду³³. Что касается процесса «сужения дверей» в институты королевской власти, то он был следствием повышения в обществе престижа службы королю и увеличения числа образованных людей, стремящихся на эту службу. Именно эти слои в периоды кризиса власти подогревали общественное недовольство, направляя его в русло критики отдельных чиновников с целью их смещения, как это произошло в ходе общественного движения под руководством Этьена Марсея в 1356 — 1358 гг., спровоцированного поражением французских войск в битве при Пуатье и пленением короля Иоанна Доброго³⁴.

Суть разрабатываемых в ходе общественных движений проектов реформ государственного аппарата сводилась в этот период к возврату к старому, доброму времени, в идеале - к эпохе правления короля Людовика Святого, которая представляла в общественном мнении по мере удаления от нее «золотым веком»³⁵. В исследуемый период такой проект реформ был разработан в ходе восстания кабошьенов 1413 г. в Париже: так называемый Кабошьенский ордонанс от 25 мая 1413 г. предусматривал глобальную Реформу всего государственного аппарата³⁶. В его разработке принимали участие и отдельные чиновники Парламента. Однако в разделе, его касающемся (кстати, самом маленьком в сравнении с дру-

гими), мы не найдем ни одного пункта, который бы не составлял повседневной практики Парламента. С целью улучшения его работы провозглашались и запрет президентам уезжать во время сессий, и соблюдение строгой очередности дел от баляжей и сенешальств страны, и разрешение продолжать работу во время каникул, и строгая секретность обсуждений³⁷.

Причина неэффективности предлагаемых проектов реформ, хотя и составленных не дилетантами, заключается в объективном противоречии, заложенном в отношении общества к королевскому суду. С одной стороны, подданные короля все чаще обращались в его суды со своими исками, с другой стороны, они не были готовы оплачивать эту процедуру и отказывались признавать ее необходимость³⁸. Так, Парижский Парламент к началу XV в. стал заложником, как указывалось выше, фиксированного состава (100 человек), его скорее символической, но не продуманной численности. Другое бедствие Парламента также выросло из его успехов: монополия Парламента как верховного суда королевства стала причиной нестабильного ритма и перебоев в его работе. Расширение судебной власти короля Франции исключало возможность быстрого и дешевого суда в рамках одной судебной палаты, да еще с фиксированным персоналом.

В целом, оценивая критику общества в адрес королевских чиновников, следует понимать, что нередко общественное мнение использует определенный набор штампов в оценке служителей власти, не имеющих прямого отношения к реальной действительности. К тому же, общество не едино, каждая группа имеет свои интересы, пристрастия и заблуждения. Более того, общество не может прямо критиковать короля, зачастую перенося свои претензии с личности монарха на его служителей, ибо чиновник, как олицетворение королевской власти, всегда на виду, он прикрывает собой законы системы и тем самым служит близкой мишенью для критики. И сместить чиновника всегда проще, чем изменить систему, а погасить брожение общества таким способом выгодно и королю, поэтому зачастую чиновников отдают на волю толпы, спасая власть. Считать общественную оценку чиновника объективным критерием его работы, по меньшей мере, неразумно³⁹.

В то же время, именно тот факт, что суд и его чиновники были в центре общественного внимания, не только свидетельствует о месте королевского суда в жизни общества, но и обеспечивало королевским судьям, в их числе и чиновникам Парижского Парламента, общественный вес и моральный престиж их службы⁴⁰. Ради этого, в конечном счёте, и служат офицеры власти.

Глава II

Парламентская корпорация: саморегулируемая система

Превращение парламентских чиновников в профессиональный слой служителей государства выразилось, в том числе, и в возможности самому Парламенту подбирать персонал института из компетентных и подходящих ему людей. Такой этап зрелости Парижского Парламента был достигнут к середине XIV в. и ознаменовался закреплением за парламентской корпорацией права участвовать в комплектовании кадров. И хотя в литературе принято считать выражением этой самостоятельности только практику выборов чиновников, на деле вся система отбора, утверждения и дальнейшего продвижения чиновников в Парламенте подчинялась строгим законам функционирования Парламента как института верховной судебной власти короля.

53

§ 1

Выборы, предписанные законом

На смену ежегодным наборам нового состава Парижского Парламента на каждую сессию в середине XIV в. пришла система кооптации, т. е. пополнения состава по мере освобождения должностей, в течение всей работы сессии. Это уже означало стабилизацию состава Парламента, а стимулом дальнейшего развития парламентской корпорации стали ордонансы об участии самого Парламента в подборе кадров¹. Оформление этой системы традиционно связывается с практикой выборов чиновников.

Появление практики выборов чиновников королевской власти происходит под влиянием античной традиции, в частности идей Аристотеля о том, что выборы являются единственной гарантией отбора наиболее достойных людей². В распространении этих идей активную роль сыграла сама верховная власть, заинтересованная в создании противовеса претензиям сеньориальной власти на клю-

чевые должности и на контроль за их распределением. Не случайно король Карл V Мудрый, в чье правление оформилась эта практика, поручил Никола Орезму перевести труды Аристотеля на французский язык, дабы эти идеи получили наибольшее распространение в обществе³.

В то же время не стоит забывать о глубоких традициях выборов, идущих еще от общины, дружинной организации, где сильны были начала коллективного решения важнейших вопросов⁴. Две наивысшие власти — Папа и император — были избираемыми. Престиж выборов повысился в обществе Франции в связи с избранием Филиппа Валуа королем в 1328 г. Наконец, общество знало различные формы выборов: например, управление городов осуществляли выборные муниципалитеты, сбор налогов контролировали выбранные от города люди, но главное — путем выборов определялись депутаты на собрания сословий королевства — провинциальные и Генеральные штаты.

Участие парламентских чиновников в формировании парламентского персонала способствовало повышению профессиональности верховного суда королевства. П. Виоле справедливо утверждает, что одно это участие доказывает вытеснение сеньориального элемента из аппарата власти, ибо в отборе чиновников определяющим было образование, профессиональный опыт и незапятнанное прошлое человека, а не преданность сеньору, пусть даже королю, не принадлежность к определенному слою⁵.

Принцип отбора всех чиновников Парламента впервые был сформулирован в ордонансе от 8 апреля 1342 г., что наряду с другими статьями превратило его в общепризнанную дату рождения парламентской корпорации⁶. В статье 4 этого ордонанса предписывалось проверять кандидатов на образованность и знание латыни и французского языка. Статья 7 передала в ведение самого Парламента право регулировать численность и состав всех палат в пределах установленных норм, но с участием канцлера и членов Королевского совета. Для этого Парламент должен создавать комиссию из десяти своих чиновников-клириков и десяти мирян. Вскоре сеньориальный элемент в виде участия в отборе чиновников членов Королевского совета был окончательно вытеснен, и ордонанс от 11 марта 1345 г. передал выборы полностью во власть Парламента и канцлера⁷. Разумеется, право короля назначать чиновников своего аппарата не отменял ни один ордонанс, но для работы в суде недостаточно только личной преданности королю, — нужен опыт, нужны знания, и судить о них могут только сами профессионалы. Вот почему ордонанс

5 февраля 1389 г. делал существенное уточнение: отныне король не сможет назначить ни одного чиновника суда без совета и согласия канцлера и Парламента. При этом предлагалась следующая процедура: канцлер и Парламент представляют королю кандидата на вакантное место; если кандидатов несколько, «выбирается лучший»⁸.

Однако не совсем ясно, кем он «выбирается»: королем или Парламентом? Возможно, это уже не существенно, раз все представляемые кандидаты прошли обсуждение в Парламенте. А возможно, двусмысленность ордонанса была лазейкой, оставляющей поле для маневров обеих сторон. Но так или иначе, сохранение этой двусмысленности явилось источником «драматургии» всех конфликтов в Парламенте вокруг появляющихся вакансий. Права и обязанности Парламента при отборе чиновников были обобщены в ордонансе от 7 января 1401 г. Статья 18 гласила: «Отныне, когда место президента или другого чиновника Парламента будет свободно, те, кто будет принят на него, должны быть отобраны и приняты путем голосования (*scrutine*); канцлер должен явиться в Парламент, и в его присутствии будут проводиться выборы; принимать надо людей достойных, мудрых, образованных, опытных и уважаемых, соответствующих должности, на которую их принимают, чтобы выбирались подходящие этому месту люди без какого-либо покровительства или пристрастия; а также, чтобы при прочих равных условиях предпочтение отдавалось дворянам (*de nobles personnes*) и чтобы, если это возможно, чиновники были от всех областей нашего королевства, ибо в каждой местности свои кутюмы, так чтобы от каждой области в нашем Парламенте был бы человек, знающий кутюмы и сведущий в них»⁹.

Принцип выборности судей был подтвержден несколькими последующими ордонансами, причиной которых было явное посягательство на эту фундаментальную прерогативу Парламента, равно как и неизменные усилия его чиновников защитить свою привилегию. В них процедура имела разные варианты. В ордонансе 1406 г. присутствие канцлера подписывалось только в том случае, если он находился в Париже, чтобы тем самым не оставлять надолго должность вакантной, зато усиливалась роль короля: Парламент должен был представить ему одного или нескольких кандидатов, прошедших отбор, и король утверждал лучшего из них, с его точки зрения, разумеется¹⁰. Ордонансы 1407-1408 гг. вновь восстанавливают равновесие, утвердив только принцип отбора, без уточнения процедуры¹¹. Наконец, ордонанс 3 января 1410 г. сводил участие короля к минимуму: выборы должны сопровождаться всесторонним обсуж-

дением кандидатур в присутствии канцлера, и если какой-то кандидат получал большинство голосов, то он сразу же мог быть приведен к присяге. «Поскольку в Парламенте много дел, то пусть не дожидаются моего согласия», — так постановил король¹². Таким образом, к началу XV в. выборы стали главной формой замещения вакансий в Парламенте. Значит ли это, что выборы вытеснили назначения, тем более избавили от давления на Парламент? И вообще, использовал ли Парламент это право? Ведь в ордонансах содержалось немало благих пожеланий, о которых известно, что они никогда не применялись, да и не могли быть осуществлены. Относится ли право выборов к этой категории средневековых политических утопий?

Полученные Парламентом права формировать свой персонал вовсе не гарантировали их безусловного соблюдения, тем более что они никогда не отменяли права короля назначать своих чиновников или раздавать письма-«дары» на вакансии. В сочетании с большими правами канцлера как главы королевской администрации это противоречие использовали силы, пытавшиеся превратить центральный государственный аппарат в источник синекур¹³.

Способность парламентского чиновничества отстаивать право самому отбирать чиновников свидетельствует о зрелости института, сумевшего воспользоваться полученной привилегией. Но борьба за эту привилегию Парламента не была посягательством на прерогативы короля. В парламентском идеале король как глава государства утверждает всех чиновников своего аппарата, доверяя выбору, сделанному каждым учреждением в согласии с выработанными по мере специализации и профессионализации институтов власти критериями отбора кадров.

Болезнь Карла VI и связанное с ней ослабление личного участия короля в управлении, как ни парадоксально, способствовали укреплению институтов королевской власти, ибо вынудили каждый орган государственного управления сделать свой выбор между защитой королевской власти и поддержкой центробежных сил в стране.

Были ли выборы судей симптомом ослабления королевской власти, как нередко утверждается в литературе?¹⁴ Формально — да. Но разве бездумная и бесконтрольная раздача в верховном суде королевства должностей в виде «даров» людям некомпетентным, не соответствующим роду работы, укрепила бы власть короля?

Парижский Парламент был заинтересован в сильной королевской власти, которую он, согласно ордонансам, персонифицировал (лично представлял) в суде. И если короля фактически не было, Пар-

ламент на законном основании его замешал. А во Франции начала XV в. была именно такая ситуация: король есть и короля нет, но осталось его право раздавать письма-«дары» на вакансии в аппарате власти людям некомпетентным. И если Парламент настаивал на необходимости провести кандидатов через обсуждение, то можно ли считать это уроном для королевской власти?

Исходя из этого, правомерно будет задаться вопросом: а были ли выборы? И что они собой представляли: формальную процедуру для заранее намеченного кандидата или честное соревнование соискателей?

§2 *Выборы и выбор*

Если бы не записи в протоколах гражданских секретарей, мы вряд ли смогли бы убедиться в реальности этой привилегии парламентского чиновничества — самому формировать персонал учреждения, но среди многочисленных обязанностей гражданского секретаря была и эта: вести протокол выборов, подсчитывать голоса и выдавать принятому чиновнику документ о вступлении в должность.

Первые выборы, о которых он сообщает, — это выборы самого автора, Никола де Бая, на должность гражданского секретаря, состоявшиеся 19 ноября 1400 г.: «В этот день состоялось голосование, и выбор пал на меня, недостойного», — так начинается свой первый протокол Никола де Бай (19 ноября 1400 г.). Всего в протоколах за 36 лет зафиксировано 50 случаев выборов. Сопоставив их с количеством назначений — 29 — и отказами в пользу другого лица — 7, — можно утверждать, что выборы были преобладающей формой замещения вакансий в Парламенте. Не меньшее значение для укрепления корпорации имело то, что выборы применялись практически ко всем должностям в Парламенте, от президентов до секретарей суда, включая королевских генерального прокурора и адвокатов: выборность всех должностей в Парламенте уравнивала его чиновников.

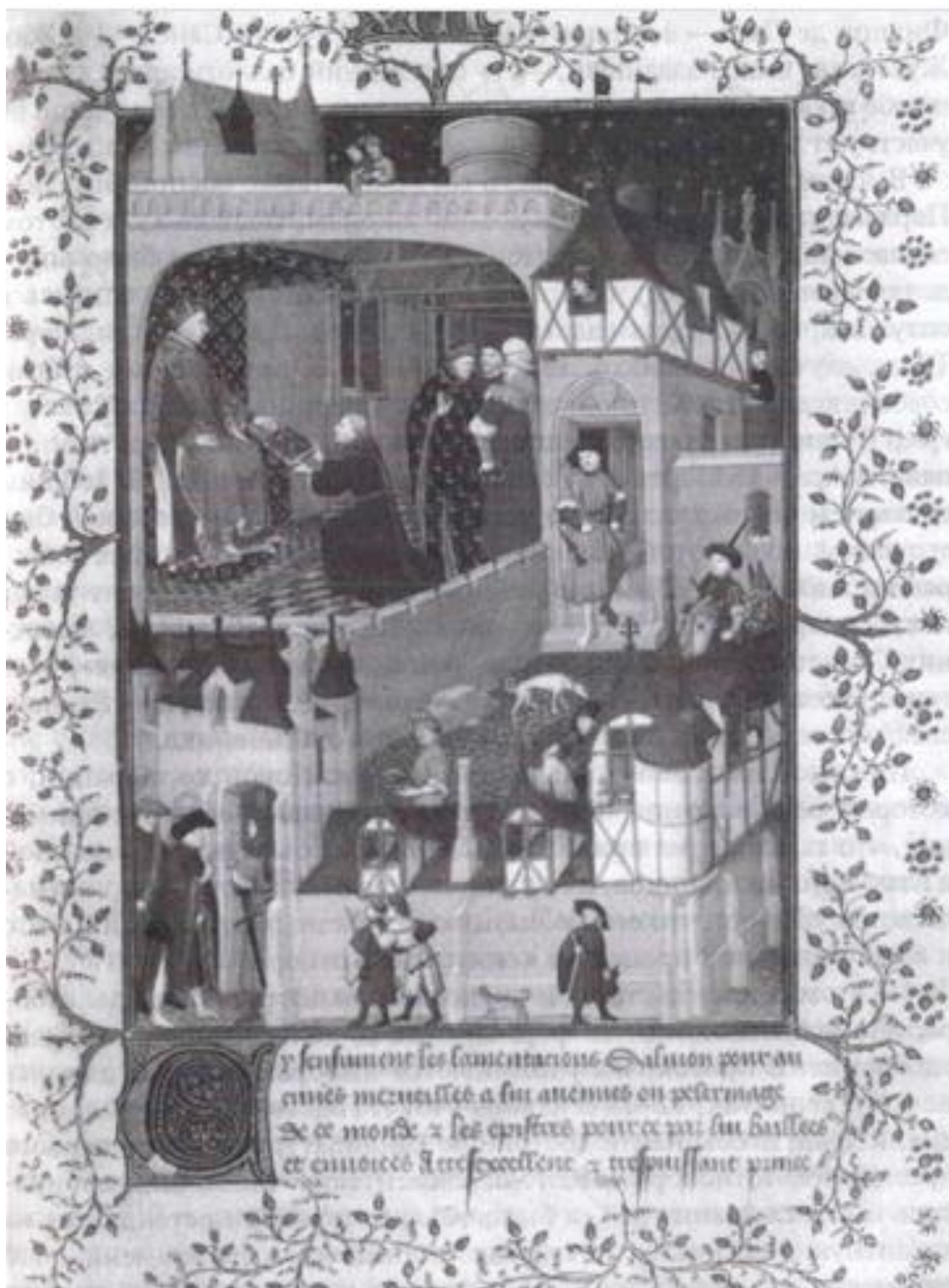
Протоколы убедительно показывают, что выборы были реальной практикой Парижского Парламента и являлись основной формой вступления в корпорацию¹⁵. Далее будет показано, с какой тщательностью фиксировались причины и обстоятельства нарушения этой практики и как реагировали на них чиновники Парламента.

Кооптация чиновников имела место в течение всего изучаемого периода, а не только в 1413-1418 гг., как утверждал Э. Можи¹⁶, и

даже в период англо-бургиньонского правления, хотя в это тяжелое для Парижа время выбор заметно сократился. Последние выборы, о которых с точностью упоминается, состоялись 29 января 1432 г. Как же обычно проходили выборы?

Для процедуры выборов чиновники, чаще всего Верховной и Следственной палат Парламента, собирались в закрытом помещении — «Уголовной башне» — и высказывали свое мнение по всем кандидатам; президентов выбирали чиновники трех палат. Выборы были двух видов: один — «путем голосования» (*en voie de scrutin*), а другой — «с общего согласия», когда кандидатура одна: ее все равно обсуждали и принимали при благоприятном мнении «общим одобрением» (*en turbo*)¹⁷. Обе процедуры, с точки зрения парламентских норм, преследовали общую цель — на конкурсной основе выбрать наиболее подходящего своими знаниями и опытом чиновника, и оценивали кандидатов сами парламентарии¹⁸.

Приведем несколько примеров. 12 ноября 1403 г. на замещение вакантной должности советника Следственной палаты претендовали четыре кандидата, получившие письма от короля, и «были проведены выборы и подсчет голосов, и большинством голосов чиновников, находившихся в комнате, все взвесивших и рассмотревших, был избран Жюльен Нью». 16 мая 1404 г. «Дени де Моруа, адвокат Парламента, был избран большинством голосов чиновников на должность генерального прокурора короля». «15 января 1404 г. собрались чиновники трех палат и состоялись выборы на место умершего Ж. Бужю, и хотя голоса распределились среди многих и разных кандидатов, тем не менее мэтр Жан Ромэн получил больше всех голосов». «23 сентября 1411 г. состоялись выборы на место Поля Друара... и был избран в присутствии канцлера, президентов и советников мэтр Жан Жансьен, адвокат Парламента. А вот более подробное описание выборов, показывающее скрупулезность процедуры: в субботу 12 августа 1413 г. канцлер пришел на заседание «около 9 часов утра и призвал людей палат... и были проведены выборы путем голосования, каковые провел канцлер и с ним Филипп Буагийон, мэтр Палаты счетов и ранее советник (Парламента. — С. Ц.), Гийом де Вийер, президент Следственной палаты, Гийом де Со, советник Верховной палаты, в моем присутствии (Н. де Бая. - С. Ц.) и при моей записи голосов, в Уголовной башне на место первого президента... и четвертого президента. Был 61 голосовавший, 3 кандидата на место первого и 9 — на место четвертого президентов; а именно: Робер Може получил 42 голоса, Симон де Нантерр - 18 голосов и Жан Жувеналь — 1 голос; а на место четвертого президента получили Пьер

Бюффьер — 17 голосов, Жан де Катрмарэ — 15 голосов, Жан де Вальи, адвокат, — 14 голосов, Жан де Лонгей — 9, Жан Пти Сен — 1, Филипп де Пюи — 1, Андре Маршан — 1, Рауль де Сане — 1 и Жан Жувеналь, вышеназванный, — 1» (последний баллотировался сразу на обе вакансии). Как видим, канцлер и чиновник Палаты счетов не участвуют в голосовании и лишь следят за соблюдением процедуры. Выборы чиновника с «общего согласия» также воспринимались Парламентом как соответствующие законам, поскольку и в этом случае кандидатура обсуждалась и мнение корпорации было определяющим. Думается, что такая процедура отбора проводилась в ситуации, когда Парламент не мог отклонить данную кандидатуру. Таких случаев несколько. 15 июня 1412 г. Э. де Порт был избран советником Следственной палаты, так как за него ходатайствовал граф Филипп де Невер; 25 апреля 1414 г. чиновник Следственной палаты Арно де Марль стал советником Палаты прошений «общим согласием обеих палат», «из уважения к канцлеру», который был его отцом, но при этом чиновники потребовали, чтобы «это не повторялось вновь в подобной ситуации». В другой раз Парламент также идет навстречу просьбе своего чиновника: «24 ноября 1414 г. советник Следственной палаты был выбран не путем голосования», учитывая отказ бывшего советника Следственной палаты, ставшего епископом Турским, в пользу именно этого чиновника.

Помимо симптомов замыкания парламентской корпорации, о которых речь впереди, и явного давления извне, обратим внимание, что такая форма принятия в Парламент была все же законной в глазах его чиновников, ибо кандидатура обсуждалась и принималась при условии, что она не вызывала серьезных возражений, а это и было главным в процедуре конкурсного отбора. Об этом свидетельствует и продолжительность процедуры отбора, вне зависимости от ее формы, будь то голосование или общее одобрение. В протоколах упоминаются выборы, которые длились не один день. Так, 12-13 сентября 1401 г. Парламент собирался два дня подряд, чтобы найти достойную кандидатуру на место первого президента. 13 ноября 1402 г. парламентские чиновники собирались после слушания дел, и было объявлено о 8-9 претендентах на вакантную должность, но так как «оставалось мало времени... это перенесли на другой день». Чем больше кандидатов, тем дольше длятся выборы, что подтверждает реальность процедуры отбора кандидатов в соответствии с принципами парламентской службы.

Благодаря тому, что комплектование парламентских кадров находилось в ведении самих парламентских чиновников, парламент-

ская корпорация отличалась в этот период высоким профессионализмом и стабильностью. Одним из показателей этого служит анализ карьер парламентских чиновников.

§3

Профессия и карьера

В фундаментальном труде Ф. Отран, посвященном складыванию парламентской корпорации в XIV-XV вв., есть материалы о карьерах чиновников Парламента: какой по счету в жизни чиновника была должность в Парламенте, какой была социальная принадлежность чиновников. Ф. Отран исследовала социальный облик парламентских чиновников, нас же интересует профессиональный¹⁹.

О стабилизации корпорации свидетельствуют уже сами причины появления вакансий в Парламенте. С этой точки зрения, история Парламента в изучаемый период четко делится на два этапа: до англо-бургиньонского правления и после него. В первый, относительно стабильный период, когда в полном объеме соблюдались королевские ордонансы о Парламенте и его работа зависела только от профессионального усердия чиновников, основным источником вакансий была смерть чиновника. С 1401 по 1418 г. именно по причине смерти чиновника освободилось 19 мест в Парламенте²⁰. И это при том, что причина появления вакансий указана не всегда. Можно сказать, что главным образом смерть прерывала службу чиновника в Парламенте. Весьма красноречива в этом плане запись Никола де Бая об умершем 18 января 1407 г. чиновнике, прослужившем в Парламенте 36 лет! А ведь в Парламент принимали только после получения ученой степени в области канонического или гражданского права, а чаще обоих прав, что требовало многих лет²¹.

Ясно, что чиновники Парламента должны были с юности определить сферу своих интересов и целенаправленно двигаться к достижению цели — службе в верховном суде Франции. И попав в Парламент, они уже редко покидали его, и только ради более высоких или прибыльных должностей, о чем свидетельствуют следующие данные: помимо 19 вакансий в результате смерти чиновника еще 11 появилось по причине перехода чиновника на другую должность. Первая, не по численности, а по значимости, причина, — когда президент Парламента становился канцлером Франции²². Такой уход из Парламента расценивался как высшее достижение карьеры парламентского чиновника, ибо канцлер являлся, среди прочего, и главой суда королевства²³.

Чаще всего из Парламента уходили чиновники-клирики, которые получали более высокие должности в церковной иерархии. За те же 18 лет - 1400-1418 гг. - отмечено 5 случаев такого рода: один из чиновников Парламента стал деканом в Париже, четверо других — епископами Люсона, Сен-Понса, Пуатье и Тура²⁴. Наконец, еще один путь — в другие институты, например в Палату счетов: всего найдено три таких перемещения. Еще, хотя и единичный, случай перехода, который не противоречил профессиональной ориентации чиновников Парламента: в 1413 г. один из чиновников стал королевским прево Парижа, т. е. судебно-административным главой города²⁵.

Анализ появления вакансий в Парламенте косвенно подтверждает точность отбора чиновников. Большинство из них уходило в иные органы королевской власти или на службу церкви.

Не менее важным показателем ориентации Парламента на профессиональные кадры при отборе чиновников является анализ источника пополнения кадров. Об этой стороне карьер чиновников мало сведений в литературе, и хотя в протоколах не всегда отмечалось, откуда приходил чиновник в Парламент, все же и эти минимальные сведения подтверждают приоритет профессионализма. Из 14 случаев, когда прямо указано, откуда чиновники переходят в Парламент, в 7 случаях речь идет об адвокатах, т. е. об имеющих юридическое образование и опыт работы в суде. Во всех остальных случаях также речь идет о людях, имеющих необходимый уровень образования и опыт работы: среди них глава Палаты прошений герцога Беррийского, балыи Блуа, секретарь Канцелярии короля или герцога Орлеанского и т.п.²⁶

Все это свидетельствует в пользу выработки парламентской корпорацией четких критериев при отборе чиновников, главным среди которых были знания и опыт работы. Так, получив право самому комплектовать кадры, Парламент в ходе отбора воплощал корпоративные принципы и собственные представления об «идеале» чиновника верховного суда.

§4

Иерархия профессионализма

Говоря о выборах, нельзя не сказать и еще об одном важном моменте. По существу, выборы никогда не проводились на освободившуюся должность, поскольку она, как правило, была очень высокой. Вновь вступивший в Парламент чиновник после конкурсного отбора продвигался по парламентской «лестнице» в соответствии с

определенными правилами, которые выпали из поля зрения ученых. И причина понятна: в ордонансах о Парламенте нет никаких упоминаний о правилах продвижения чиновников внутри института. Думается, что эти правила выработала сама парламентская корпорация, исходя из своих корпоративных интересов и представлений о «правильной» карьере. Чтобы убедиться в этом, обратимся к практике.

Итак, в Парламенте освобождается должность, по причине ли смерти чиновника или его перехода на другую должность внутри или вне Парламента. Далее происходит передвижение другого чиновника Парламента на освободившееся место, и лишь на его место проводится конкурсный отбор. Если вакантная должность слишком высока, то происходит несколько последовательных передвижений внутри корпорации, но все равно отбор производится на низшую должность, ставшую в результате этих передвижений вакантной.

Вот несколько примеров. 1 декабря 1402 г. в присутствии канцлера состоялись выборы и большинством голосов был избран Гийом де Ги; вакансия в Парламенте появилась после смерти советника Верховной палаты Рено д'Амьена. Объявляя результаты голосования, канцлер перечислил всю «цепочку»: на место умершего в Верховную палату переходит чиновник из Следственной палаты, а на его место вступает выбранный Гийом де Ги. 26 мая 1403 г. в результате ряда повышений освободилось место в Следственной палате, на которое и состоялись выборы чиновника. 12 ноября 1403 г. вновь появилась вакансия, поскольку советник Верховной палаты Парламента перешел в Палату счетов; проводя выборы, Парламент поясняет, что они проходят не на место ушедшего чиновника, а в Следственную палату, так как оттуда на освободившееся место в Верховной палате перешел чиновник. 19 ноября 1404 г. умер чиновник Верховной палаты и на его место перешел чиновник из Следственной палаты, на чье место были проведены выборы. 1 апреля 1411 г. в результате смерти первого президента Парламента Пьера Боше произошли следующие перестановки: на место первого президента выбрали президента Палаты прошений, на его место перешел советник Палаты прошений. 22 сентября 1413 г. советник Верховной палаты Парламента стал королевским прево Парижа, состоялись выборы, но не на это место, а на место чиновника Следственной палаты, который поднялся в Верховную. 9 мая 1414 г. умер советник Верховной палаты Ги де Годиак, на его место перешел чиновник из Следственной палаты,

на чье место состоялись выборы. 26 августа 1418 г. произошла цепочка перестановок: на освободившееся место президента Следственной палаты был избран Жан Вивиан, советник Следственной палаты; на его место перешел советник Палаты прошений короля, а на это место приняли нового человека путем выборов.

Следует обратить внимание, что эти правила соблюдались и в период англо-бургиньонского правления в Париже. Так, 9 сентября 1418 г. произошла традиционная перестановка: чиновник Следственной палаты перешел в Верховную, а на его место выбран новый чиновник. То же самое 24 сентября 1418 г. Даже когда изменились причины появления вакансий, а при англо-бургиньонах это происходило все чаще, правило соблюдалось. 18 ноября 1418 г. чиновник Верховной палаты сам отказался от должности и покинул Парламент, на его место перешел чиновник Следственной палаты, а на место того состоялись выборы. 19 июля 1420 г. чиновник Верховной палаты перестал работать в Парламенте, поскольку вошел в Королевский совет, и на его место перевели чиновника Следственной палаты, на чье место выбрали нового.

О том, что эти перемещения являлись существенной стороной организационной работы Парламента, свидетельствует и тот факт, что правила соблюдались и в случаях прямого давления на Парламент со стороны властей. Парламент выдержал такой натиск 14 марта 1408 г.: на заседание пришли от имени Королевского совета, окружения королевы Изабо и герцога Анжуйского архиепископ Санса, епископ Пуатье, канцлер герцога Беррийского, канцлер герцога Бургундского, граф Вандомский и многие другие и обратились с просьбой принять в Парламент Жана Таранна, поскольку в Верховной палате появилась вакансия из-за смерти Рауля де Бюси; причем они просили принять Таранна не на это вакантное место, а хотя бы на то, которое освободится после традиционных перестановок. 23 марта 1408 г. советник Верховной палаты стал епископом Люсона, и по просьбе герцога Беррийского Парламент принял Никола Потена в Следственную палату, ибо на вакансию в Верховную перешел Пьер д'Оней. 13 августа 1410 г. советник Следственной палаты перешел в Палату счетов, а на его место выбрали адвоката Шатле; другой чиновник, перешедший в Палату счетов, был членом Верховной палаты Парламента, и хотя за эту вакансию просил король и его совет, но рекомендуемый ими чиновник (он был к тому же сыном умершего президента Парламента и лицензиатом права) был принят лишь в Следственную палату на место чиновника, перешедшего в Верховную.

Разумеется, это «золотое правило» всегда соблюдалось самими чиновниками Парламента, когда они ходатайствовали за кого-то или передавали кому-то свои должности. Хотя появление такой практики продвижения чиновников свидетельствовало не только о симптомах замыкания парламентской среды, но и о переходе к продаже и наследственности должностей, в этот период она еще не посягала на прерогативы Парламента. 4 июня 1404 г. чиновник Верховной палаты Жан де Со передал свое место Гийому де Безе, но его приняли в Следственную палату, а в Верховную на место Жана де Со перешел чиновник Следственной палаты Бертран Кантен. 22 сентября 1413 г. советник Парламента стал королевским прево Парижа; на его место в Верховную палату перешел чиновник Следственной палаты, на чье место выбрали «без выборов», как сказано в протоколе, Арно де Марля, сына Анри де Марля, бывшего первого президента Парламента, а теперь канцлера Франции. 28 марта 1414 г. в Парламенте разбиралось прошение некоего человека, утверждавшего, что чиновник Верховной палаты передал ему свою должность, поскольку был очень стар, «несколько слаб умом и здоровьем». Сам проситель был его родственником по материнской линии, к тому же человек доброго имени, лицензиат гражданского права и бакалавр канонического права. Однако Парламент назначил комиссию расследовать, не было ли здесь «некоего соглашения или сговора», скрывающих неблагоприятные обстоятельства. И только выяснив, что ничего противозаконного и предосудительного этот отказ не скрывает, принял этого чиновника, но не в Верховную палату, где служил его родственник, а в Следственную, переведя оттуда чиновника в Верховную палату. 24 ноября 1414 г. чиновник Следственной палаты стал епископом Тура и передал свою должность мэтру Буше, и поскольку это не противоречило правилам, в данном случае чиновник был принят именно на должность, которая освобождалась. 21 апреля 1417 г. тот же Буше уже перешел в Палату прошений Парламента в силу передачи ему этой должности Пьером д'Оржемоном, а в Следственную палату был выбран новый чиновник.

Что же явствует из приведенного материала? Первое и главное: продвижение чиновника внутри парламентской иерархии подчинялось строгим законам, вытекавшим из характера работы института. Все чиновники, впервые вступающие в Парламент, проходят через процедуру конкурсного отбора. И даже если они принимаются по ходатайству высших лиц государства или из уважения к заслугам собрата по Парламенту, все равно их кандидатура подвергается обсуждению. Но никогда чиновник в этот период не приходит в

Парламент сразу же на высшие должности, каковы бы ни были его покровители и заслуги. Все они принимаются в Следственную палату, поскольку именно она занимается расследованием дел. В этой палате чиновник приобретает опыт судебной работы, и только зарекомендовав себя как профессионал, может претендовать на должность судьи, т. е. на место в Верховной палате²⁷.

Второе, не менее важное, обстоятельство заключается в том, что правила восхождения по парламентской «лестнице» нигде не зафиксированы и не оговорены в ордонансах. Это собственный обычай Парламента, его практика, которая является вкладом самого парламентского чиновничества в совершенствование работы и в повышение профессионального состава своего института.

И третье: помимо чиновников, впервые вступающих в Парламент, выборам подвергались и кандидатуры на самые важные должности в Парламенте, хотя эти чиновники уже проходили процедуру отбора: это президенты всех палат Парламента, генеральный прокурор короля и адвокаты короля, а также секретари суда. На эти должности нельзя просто перейти по выслуге лет или по очереди на повышение; они требуют особых заслуг, как и общего согласия, так ли иначе выявляемого при процедуре выборов. В этой связи возникает вопрос: если правила восхождения нигде не зафиксированы, то как они менялись и как решались возможные споры? И здесь со всей очевидностью Парламент предстает как саморегулируемая система, отвечающая за последствия своих нововведений.

В мае 1403 г. умер первый президент Парламента Жан де Пупанкур, и возник спор из-за его места: король пожелал отдать его Анри де Марлю, третьему президенту Парламента, а второй президент Пьер Боше, естественно, возражал, поскольку, согласно иерархии, первым должен стать тот, кто был вторым, и переход Анри де Марля наносил ему ущерб. Ситуация оказалась сложной, особенно если учесть, что в ходе этого заседания, да и в кулуарах, оба претендента «поносили друг друга» и «оскорбляли». Парламент счел единственным выходом проведение голосования. Щекотливость положения вынудила изменить процедуру: каждый имеющий право голоса высказывал свое мнение не во всеуслышание, как обычно, а на ухо канцлеру, хотя оба кандидата находились за дверями этого помещения. В итоге Анри де Марль получил большинство голосов (22 мая 1403 г.). Было ли это завуалированным подчинением воле короля, сказать с уверенностью трудно. В обоснование выбора чиновников было сказано, что Анри де Марль моложе, активнее и работоспособнее, а

5. Двенадцать пэров держат корону во время коронации

Пьер Боше уже «довольно в годах» и ослаблен болезнями. При этом было заявлено, что это нисколько не умаляет уважения к Пьеру Боше и признания его заслуг. Спор был окончен, чиновники Парламента сумели законным для себя путем вверить институт в руки того, кого они посчитали для себя приемлемым. Было ли это нарушением правил восхождения по парламентской «лестнице»? Думаю, вряд ли, поскольку они были неписаными и, следовательно, находились в ведении самих чиновников. И во всяком случае, все споры прекращала процедура выборов.

Однако это все же случай особый, речь шла о первом президенте Парламента. А как разрешались те споры, когда освобождалось место в Верховной палате и надо было выбирать того, кто перейдет туда из Следственной палаты? Скажем сразу, этот переход никогда не осуществлялся процедурой выборов. По-видимому, существовала система очередности, согласно которой на место в Верховной палате претендовали те, кто дольше остальных служил в Следственной палате. Но имело значение и покровительство, и особые заслуги, и иные обстоятельства. Тогда и возникали споры, заканчивающиеся, правда, ничем, кроме записи в протоколе, что передвижение такого-то в ущерб такому-то не влечет за собой последствий в виде изменений правил парламентского восхождения. Так, 29 апреля 1404 г. чиновник Следственной палаты Гийом де Сольсуа выразил протест

против передвижения в Верховную палату Ф. Бюффьера, осуществленного в силу «приказа короля», поскольку по правилам он предшествует и должен раньше него перейти в Верховную палату; протест был зафиксирован, и только.

В июле 1406 г. декан Парижа Жан Шантеприм, бывший чиновником Верховной палаты, отказался от должности в пользу своего племянника, сына Жиля де Кламеси, также чиновника Верховной палаты, так как племянник стал лицензиатом гражданского права, а его отец - «хороший чиновник и честный человек». Естественно, этого племянника приняли в Следственную, а не Верховную палату, но возник спор, кому перейти в Верховную на вакантное место. Большинство хотело перевести Рено Рабея, что оспаривал Жермен Пайяр, говоря, что он раньше был принят в Парламент и должен поэтому перейти в Верховную палату раньше Рабея, и иное передвижение нарушает правила Парламента (29, 31 июля 1406 г.). Из этого можно заключить, что в Парламенте была принята система продвижения чиновников в соответствии со стажем работы, однако она не была законом. Именно поэтому чиновники обеих палат Парламента, Верховной и Следственной, собрались обсудить этот протест и без объяснения причин подтвердили переход Рено Рабея.

О том, что стаж работы был основанием для продвижения, свидетельствует спор, возникший 30 марта 1414 г., кому перейти в Верховную палату из Следственной. Инициатором спора был дю Гар, добившийся от короля письма, в котором предлагалось засчитать в его стаж работы в Парламенте службу в Палате прошений короля с января 1396 по август 1400 г. В результате этого стаж работы дю Гара превысил тот, который имел Жан Люилье, рекомендованный Парламентом в Верховную палату. Однако чиновники Парламента, невзирая на королевское письмо, полученное дю Гаром, решили не нарушать правила, согласно которому основанием для продвижения чиновника является стаж работы только в Следственной палате.

Таким образом, продвижение чиновника внутри Парламента подчинялось определенным правилам, основанным на стаже и личных заслугах чиновника. Поскольку они не были оформлены законодательно, это являлось, безусловно, и источником давления на Парламент со стороны политических группировок или высших лиц в государстве. Однако эти правила продвижения чиновников сдерживали быстрое возвышение чьих-то ставленников²¹.

Наличие правил продвижения чиновников в Парламенте является неким барометром политической ситуации в стране в целом, ибо их нарушение слишком заметно. А такие нарушения особенно

часты в Парламенте в период англо-бургиньонского правления, служа еще одним показателем самоощущения парламентских чиновников. Уже 12 августа 1418 г., т. е. вскоре после вступления войск герцога Бургундского в Париж, советник Верховной палаты Парламента сам попросил перевести его в Следственную палату. 14 января 1421 г. Жан Миле отказался от должности секретаря по уголовным делам и перешел на должность одного из парламентских нотариусов, которую занимал до того, как был избран на более высокую должность секретаря. 21 февраля 1422 г. в Парламент вернулся Жан Рапиу, который был президентом Парламента с 25 июля 1418 г. и вплоть до января 1420 г., когда он добровольно покинул эту должность ради должности бальи Санса — главы местной судебной администрации, что было явным понижением. Но даже возвращаясь, он идет не на прежнюю должность президента, а на место королевского адвоката, хоть и значительную, но менее высокую. 15 июня 1422 г. президент Палаты прошений Рауль Пьедефер становится просто советником этой же палаты, возвращаясь на менее ответственную должность.

Таким образом, помимо существования двух Парламентов, в Париже при англо-бургиньонах и в Пуатье под властью дофина Карла, чиновники под влиянием осложняющейся ситуации в стране сами просили о понижении в иерархии. И это еще одно, не лишнее свидетельство оценки чиновниками ситуации в стране и Парламенте. Они уходят на менее заметные, менее ответственные и, следовательно, менее связанные с политической конъюнктурой, но не менее прибыльные должности в судебно-административном аппарате. Связь карьеры чиновников Парламента с политической конъюнктурой выводит на важную тему взаимодействия в области комплектования парламентских кадров Парламента и власть предержащих.

§5

Вмешательство извне: власть короля и давление знати

Как уже отмечалось, отбор самим Парламентом своих чиновников никогда не отменял права короля назначать людей на все должности в государственном аппарате. И хотя в ордонансах определялась процедура вмешательства короля в выбор Парламента, на деле она была иной и всякий раз разной в зависимости от ситуации. К тому же не следует забывать: в изучаемый период король Карл VI был

болен, и вмешательство его было чисто номинальным, прикрывающим на деле борьбу кланов и группировок. Позиция Парламента в каждом конкретном случае позволяет оценить степень самостоятельности учреждения и готовность противостоять внедрению «чужаков».

В противостоянии вмешательству извне основной упор Парламент делал на соблюдение процедуры конкурсного отбора. Дальнейшее зависело от обстоятельств. Так, 13 сентября 1401 г. был завершен длительный спор из-за должности умершего советника Верховной палаты Гийома Лирюа. Кандидатур оказалось слишком много. Тогда «король по просьбе некоторых крупных сеньоров» остановился на двух кандидатах: мэтре Жофруа де Перюзе из Аквитании, главе Палаты прошений герцога Беррийского, и мэтре Гийоме де Лонуа из Нормандии, племяннике епископа Мо, архидиаcone церкви Мо. Оба были лиценциатами права (Перюз — обоих прав, Лонуа — гражданского права). Ограничив выбор, король распорядился тем не менее, чтобы Парламент из них двоих «выбрал наиболее достойного». Таким образом, процедура вмешательства короля отличается здесь от той, что предписана ордонансами.

1 декабря 1402 г. состоялась обычная процедура выборов, но на полях протокола Никола де Бай счел нужным записать, что за избранного чиновника, получившего большинство голосов, Гийома де Ги, весьма настойчиво ходатайствовала королева Франции Изабо Баварская по просьбе неких своих приближенных²⁹. Но если мы не можем определить, повлияло ли это ходатайство на решение парламентских чиновников, то можем отметить, что это никак не отразилось на правилах продвижения: избранный чиновник поступил, как и положено, в Следственную палату, а на вакансию в Верховную палату перешел Рено де Бюси. И главное: королева просит, но это не отменяет выборы.

В этой связи очень интересна ситуация вокруг освободившегося в мае 1403 г. места первого президента Парламента, о которой шла речь выше. Напомним: место первого президента король хотел отдать третьему президенту Анри де Марлю «через голову» второго президента Пьера Боше, заявившего свой протест. Парламент выбрал Анри де Марля, объяснив свое решение тем, что он более энергичен и молод. Остановимся здесь на всех перипетиях этого дела, раскрывающих самооценку чиновников Парламента.

Со слов канцлера мы узнаем, что Анри де Марль был вызван к королю, который и объявил ему свою милость. Де Марль ответил королю, что ему не хотелось бы занимать должность в нарушение ордонансов об обязательности выборов на должность первого пре-

зидента. Поэтому, поблагодарив короля за милость, де Марль сказал, что желает получить это место «только с согласия и благосклонности Парламента». Отчитываясь на заседании Парламента 22 мая 1403 г., Анри де Марль объяснял благоволение короля «просьбами и ходатайством своих друзей». В итоге, после голосования, сложная процедура которого уже описывалась, Анри де Марль был избран первым президентом Парламента. Можно счесть, что Парламент решил уважить короля, но нельзя не признать, что не меньшее уважение вызвала позиция и самого кандидата, который не захотел получать в виде милости от короля то, что мог получить на законных основаниях. Следовательно, такое вмешательство короля не просто нарушало королевское законодательство о процедуре отбора главы Парламента, оно унижало достоинство кандидата.

Поведение Анри де Марля показывает, что в обществе было хорошо известно, насколько Парламент привержен своей привилегии — самому отбирать своих чиновников, тем более первого президента. На этом вмешательство короля не закончилось, и мы имеем возможность сравнить манеру поведения других «избранников короля». Как уже отмечалось, появление одной вакансии влекло за собой целый ряд последовательных перестановок. Поэтому на освободившееся место Анри де Марля, третьего президента, был проведен конкурс между 7 кандидатами. Большинство голосов получил Робер Може, однако «королю хотелось отдать это место Жану де Рюильи». Записывая это, Никола де Бай приписал на полях: «Король выше выборов»³⁰. Что это, горькая ирония или напоминание неких общих законов формирования центрального аппарата? Да, король может все, но со временем с все большим трудом и меньшей безропотностью в ответ. Парламент сдается не сразу, и через несколько дней, 26 мая 1403 г., «вновь собирается по этому вопросу». На заседание пришел канцлер и рассказал, как ему пришлось напоминать королю о «королевских ордонансах, установленных и не единожды подтвержденных королем», согласно которым должность в Парламенте получает тот, кто набрал большинство голосов на выборах; и как он изо всех сил отстаивал права Парламента и выбранного чиновника, все же «король приказал ему поставить печать на документе» о назначении де Рюильи.

Так, вопреки стараниям обосновать право выбора Парламента, канцлер был вынужден подчиниться приказу короля, после чего Рюильи разрешили принести обычную присягу и вступить в должность. Поведение кандидата не вызывает уважения, но важно другое: вмешательство короля лишь частично ущемило права Парла-

мента. Ведь выборы состоялись, и Рюильи получил немало голосов, т. е. его кандидатура прошла процедуру обсуждения. И хоть он получил меньше голосов, чем другой, он тем не менее в определенном смысле имел право на эту должность³¹. Однако передвижения продолжились. Теперь выборы состоялись на место де Рюильи, бывшего президентом Палаты прошений. Вернее, на его место перешел советник Верховной палаты Жан дю Драк, на место того, соответственно, чиновник Следственной палаты Жан Люилье, и лишь на место Люилье состоялись выборы. Из предложенных кандидатур две получили равное число голосов — по 22 голоса. Ситуация оказалась неординарной. Решили обратиться за помощью к канцлеру. И тот нашел выход из положения — отдал свой голос за одного из двух. Но поскольку оба кандидата прошли через процедуру голосования, такое решение не ущемляло прав Парламента.

Обычно же вмешательство короля выражалось в раздаче писем «даров» на вакантные должности нескольким чиновникам, из которых Парламент затем выбирал удобного ему. Так было и 3 апреля 1404 г., когда письмо короля получили 8 претендентов. Выборы были долгими и закончились только 11 апреля весьма неожиданно. На вакантную должность был назначен Гектор де Бруфиньяк, хотя на выборах он занял третье место по числу голосов. Дело в том, что первые два кандидата отсутствовали в момент выборов: Гийом Бенуа находился в курии Рима по вопросу папской схизмы, и Парламент выразил опасение, что он вряд ли вернется в Париж ради должности в Парламенте; Г. Герен, получивший после Бенуа больше голосов, являлся приближенным герцога Беррийского и главой Палаты прошений этого сеньора, таким образом, здесь Парламент опасался совмещения должностей.

Все доводы вполне обоснованы и в духе парламентских правил. Если бы не странная концовка записи: «И было приказано секретарю записать все это, чтобы никто не смел вообразить, будто его (Гектора. — С. Ц.) выбрали из-за покровительства графа д'Арманьяка, который вместе с другими сеньорами был в Парламенте, рекомендуя Гектора». Так было ли решающим вмешательство графа д'Арманьяка или других сеньоров? Вернемся к отвергнутым кандидатам: первый находился в курии Рима, занятой сложной проблемой папской схизмы, т. е. был не просто клириком, но иерархом высокого ранга. И здесь обращает на себя внимание запись о том, что на выборы явились многие сеньоры, появляющиеся там не часто: пришли патриарх Александрии, архиепископы Санса и Осерра,

епископы Парижа, Байе, Турнэ, Лодева. Скорее, давление было отсюда, поскольку они явно были на стороне своего кандидата, находящегося в Риме в их интересах. Вероятно, он и получил больше всех голосов благодаря такой поддержке. Второй кандидат имел не меньшую поддержку, являясь человеком герцога Беррийского. А граф д'Арманьяк просил за Бруфиньяка. В чем же разница? Да в том, что его кандидат здесь, в Парламенте, а двое других отсутствуют, занятые чем-то не менее, если не более, важным, чем работа в Следственной палате Парламента. Отсюда и запись, чтобы никто не обвинил Парламент в фаворитизме: выбор основан на следовании закону о запрете совмещения должностей.

В записях секретарей, бесспорно, обращает на себя внимание настойчивость, с которой фиксируются все случаи вмешательства высшей знати в выбор Парламента и даже намек или слух на такое вмешательство. Ясно, что Парламент придавал этому большое значение, и реакция его была, как правило, отрицательной. Причина, скорее всего, заключается в том, что чиновники Парламента считали такое вмешательство незаконным, в отличие от вмешательства короля. Ведь король имел голос в выборе своих чиновников, а его окружение — нет, потому что чиновник Парламента должен защищать интересы короля и никого более. Но одновременно Парламент старательно сужал прерогативы короля, ограничивая его вмешательство рамками закона.

Лучшей защитой Парламента от давления свыше и являлась процедура выборов. Поэтому парламентские чиновники не уставали о них напоминать: 12 ноября 1404 г., когда освободилась должность секретаря по уголовным делам и несколько прокуроров и адвокатов Парламента добились у короля писем-«даров», Парламент объявил, что «будут сделаны выборы наиболее достойного и подходящего человека на эту должность, которая является не назначаемой, а выборной».

Совсем другое дело — вмешательство высшей знати, да еще непрощеное. 14 марта 1408 г. на Парламент было оказано прямое давление из-за вакантного места в Верховной палате. На заседание явились архиепископ Санса, епископ Пуатье, канцлер герцога Беррийского, канцлер герцога Бургундского, граф Вандомский и «многие Другие от вышеназванных сеньоров, а также от королевы и короля Сицилии» и-просили принять в Парламент Жана Таранна, невзирая на восемь-девять человек, получивших «дар» короля. И хотя они просили его принять, как полагается, в Следственную палату, с тем чтобы из Следственной кто-то перешел в Верховную на вакантную долж-

ность, чиновники были явно возмущены. Тон записи в протоколе не оставляет сомнений: «И хотя согласно королевским ордонам должны проводиться выборы сеньоров заседаний (Парламента. - С. Я), и Палата всегда пытается сама определиться, тем не менее по просьбе и сильному желанию этих дам и сеньоров и дабы избежать скандала» был принят Таранн. Возмущенный Парламент требует переделать его письмо и указать там, что этот случай не приведет впредь к ущемлению прав Парламента и королевских ордонам. Реакцию парламентского чиновника на такое давление выдает приписка, сделанная Никола де Баем на полях этой записи, он приводит строку из Евангелия: «Кто не дверью входит во двор овчий...» - заканчивается же она так: «...но перелезает инде, тот вор и разбойник».

Скорее, такая реакция чиновников, чем их вынужденное подчинение давлению, важна для характеристики парламентской среды, поскольку всякий раз давление извне встречает сопротивление и требует немалых усилий, так что вмешательство в дела Парламента всегда было делом не легким. Только при посредничестве короля знать могла более или менее определенно рассчитывать на уступки парламентских чиновников.

Так, 15 июля 1412 г. был принят советником в Следственную палату чиновник, за которого ходатайствовал граф де Невер. Но, во-первых, он имел степень лиценциата гражданского права, т. е. подходил по образованию на эту должность, а во-вторых, имел письмо от короля. И наконец, была все же проведена процедура «общего одобрения». Так Парламент защищал свой образ независимого суда.

Самый значительный конфликт Парламента с высшей знатью в изучаемый период произошел в 1410г., когда одновременно было выбрано четыре чиновника в Следственную палату на освободившиеся должности (12 декабря 1410 г.). На следующий же день, когда должны были быть объявлены результаты выборов, а новые чиновники — принести клятвы, стало известно, что «некоторые дворяне очень опечалены тем, что среди выбранных не оказалось ни одного дворянина, и напомнили, что согласно королевским ордонам предпочтение должно отдаваться дворянам перед всеми остальными». Как мы помним, такой пункт действительно был в ордонам от 7 января 1401 г. (§ 18)³². Формально это не было посягательством знати на прерогативы верховного суда, скорее лишь напоминанием о них. Однако, по-видимому, была обида из-за каких-то кандидатов, не избранных Парламентом. Поскольку закон предусматривал предпочтение дворян остальным кандидатам при прочих равных условиях, например при получении одинакового

---

*6. Карл VI в спальне слушает
советника*

числа голосов, то в данном случае ссылку на этот закон Парламент расценил как посягательство на свой свободный выбор. Что же предпринимает чиновники? Тут же было решено отправить Никола де Бая к королю, чтобы он от имени Парламента доложил результаты выборов и добился их подтверждения. Никола де Бай предстал перед королем поздно вечером между 10 и 11 часами; король принял его, лежа в постели, и, выслушав, утвердил результаты выборов Парламента. Запись об этом очень сдержанная, мы так и не узнаем, чего это стоило секретарю. Возможно, король, будучи больным, не очень понял, о чем именно идет речь, но Парламент получил законное право пренебречь возмущением дворян³³.

Изыскивая различные способы противостоять давлению, парламентские чиновники всякий раз придумывали новые ухищрения. Например: сразу же после выборов были объявлены их результаты, хотя, как указывает секретарь, это было не совсем по правилам, ведь

сначала надо было сообщить их результаты канцлеру, если он не присутствовал на выборах, или Королевскому совету. Никола де Бай многозначительно добавляет, что «так поступили потому, что многие жаловались, что сразу не объявлялись результаты выборов, и некоторые распространяли угрожающие слухи против президентов и против секретаря» (14 февраля 1414 г.). На самом же деле этот шаг, конечно, имел целью сделать выбор Парламента «необратимым». В целом можно констатировать, что прямое вмешательство высшей знати неизменно встречало сопротивление парламентского чиновничества, тщательно заботившегося о своем образе неангажированного инструмента «правосудия для всех». Такая воинственная риторика в эту эпоху борьбы кланов и политических группировок, опутавших политическую жизнь Франции XV в., в том числе и Парламент, призвана была отстоять в общественном мнении особое положение этого института, поскольку с точки зрения функций Парламента как верховного суда королевства, действовавшего от имени и по передаче части прерогатив короля, всякий намек на зависимость от иного лица наносил удар по престижу учреждения. И вопреки реальному существованию в Парламенте политических и клановых группировок, ему удалось в итоге защитить свое приоритетное право комплектовать парламентские кадры³⁴.

А борьба была не шуточная. Судите сами. Так, 22 апреля 1411 г. во время выборов в Следственную палату явились сеньоры де Буасси, де Пурруа и представили королевское письмо о «даре» этой должности их родственнику мэтру Жану де Майи. Парламент отказался подчиниться, ссылаясь на то, что «это противоречит королевским ордонансам, согласно которым на должности в Парламенте надлежит избирать чиновника в согласии с мнением Верховной палаты». Отсутствие на выборах канцлера и протест генерального прокурора в пользу своего зятя, также имеющего королевское письмо-«дар», лишь подкрепило воинственность Парламента. Хотя последний был вынужден подчиниться, но лишь по прямому вмешательству короля: на заседание пришел канцлер и показал собравшимся собственноручное письмо короля (в три строчки), где он просит (!) Парламент принять де Майи.

Вновь парламентским чиновникам пришлось отстаивать свои права в разгар восстания кабошьенов. В феврале 1413 г., когда освободилась должность генерального прокурора, выборы были прерваны появлением королевского нотариуса Ломбара, который заявил от имени герцога Бургундского, что накануне, на заседании Королевского совета в присутствии дофина было решено провести

выборы там, пригласив лишь нескольких чиновников Парламента. Парламент мобилизует делегацию в составе канцлера, президента, королевского адвоката и гражданского секретаря и незамедлительно отправляет ее к дофину и герцогу Бургундскому. Явившись к дофину, члены делегации напомнили ему содержание королевских ордонансов, предписывающих выбирать всех главных чиновников Парламента: «Парламент больше, чем кто-либо другой, разбирается, кто полезен, а кто нет на этой должности». Получив разрешение дофина, заявившего о своем неведении, делегация отправилась и к герцогу Бургундскому, который просил лишь сообщить в Королевский совет о результатах выборов. Вряд ли Ломбар сам выдумал себе миссию, скорее, твердость позиции парламентских чиновников остудила некоторые головы. Впрочем, Никола де Бай называет зачинщика: это адвокат Парламента Жак Рапиу, который недавно служил в Парламенте и имел влиятельных сторонников «в городе Париже» и с их помощью пытался получить эту должность.

И когда после подавления восстания освободилась должность первого и четвертого президентов, поскольку Анри де Марль стал канцлером Франции, он, придя на заседание в Парламент вместе с «другими сеньорами», сообщил, что король на Королевском совете изъявил желание передать должность четвертого президента Жану де Вальи, прежде адвокату, ныне канцлеру герцога Гиенского. Чиновники Парламента попросили делегацию покинуть комнату и, обсудив выслушанное, объявили, что «согласно королевским ордонансам, написанным и утвержденным два-три месяца назад, соблюдать которые чиновники клялись в этой самой комнате в присутствии короля, чиновники Парламента по преимуществу должны избираться голосованием, и поэтому они не могут принять де Вальи на эту должность, но когда будут выборы, обещают его представить с хорошей стороны». Выборы состоялись 12 августа в «Уголовной башне», с полным соблюдением процедуры. Результаты выборов, приведенные выше, оказались не слишком благоприятны для «избранника» короля: он занял лишь третье место, получив 14 голосов (9 августа 1413 г.).

Парламент отправил де Бая к королю сообщить эти результаты. Вот как он описал дальнейшие события: «Я пришел к королю на заседание Совета во дворец Сен-Поль... и поскольку король и герцог Гиенский испытывали большое расположение к де Вальи, который ранее был канцлером Гиени, потом был отстранен и заключен в Лувр теми, кто в то время правил в Париже (имеется в виду восстание кабошьенов. — С. Я), и в результате этого потерял все

свои должности и пенсии, король, видя число голосов, которые тот получил, и что их на три меньше, чем у того, кто набрал больше всех, и на два меньше того, кто был вторым, попросил герцога Гиенского и многих других лиц королевского рода отдать ему свои голоса, и поскольку Вальи в итоге получил больше, чем кто-либо, мне приказали сделать письмо о назначении его на должность четвертого президента». Парламент вынужден был подчиниться, но важно, что он не безропотно выполнил первоначальную просьбу короля, а провел голосование, и даже любопытный эпизод с «голосованием» короля и его окружения показывает, что они признавали значимость для Парламента этой процедуры.

Как видим из приведенных случаев, Парламент действует одновременно «в интересах короля» и против действий конкретного короля и его окружения. Так, признавая право короля влиять на формирование своего аппарата, парламентские чиновники с обострением политической борьбы в обществе все резче отстаивают свою автономность, не желая подчиняться тем, кто правит от имени или вместо короля, видя в этом угрозу власти институтов монархии³⁵.

В последний раз парламентские чиновники осмелились вразумлять власти в октябре 1418 г., когда от имени короля и герцога Бургундского явилась в Парламент делегация «просить» принять на вакантную должность Б. Фонса; «этим сеньорам Парламент ответил, что согласно королевским ордонам следует и вошло в правило обеспечивать должности в Парламенте выборами... и что Парламент примет во внимание эту просьбу, когда будут выборы» (14 октября 1418 г.).

В период англо-бургиньонского правления в Париже (1418-1436 гг.) Парламент оказался в самом сложном за всю свою историю положении, и соблюдение ордонам о выборах на вакантные должности уже не было столь актуальной проблемой прежде всего потому, что со временем выбирать было не из кого. Возникновение Парламента в Пуатье под властью дофина Карла с аналогичной компетенцией и «нищенское существование» Парижского Парламента – без оплаты, внимания и уважения властей резко снизили престиж службы в нем, и вскоре о нескольких претендентах не могло быть и речи.

§6

Симптомы замыкания парламентской среды

Если практика конкурсного отбора свидетельствует о возрастании престижа государственной службы, то в не меньшей степени это подтверждают и толпы соискателей, появляющиеся всякий раз,

как освобождается должность в Парламенте. Однако к XV в. они все чаще наталкиваются на «сужение этих дверей», по выражению Ф. Отран³⁶. Все претенденты имеют необходимое образование, все добиваются королевских писем, но этого уже недостаточно, — нужны связи в Парламенте или особые заслуги перед ним и королем.

Парламентская среда, профессионализируясь, замыкается, становясь в значительной степени достоянием определенной группы семей, а затем и наследственной. Симптомами этого процесса в начале XV в. явились назначения и практика отказа от должности в пользу конкретного лица.

Практика прямых назначений существовала на всем протяжении изучаемого периода, соседствуя с выборами. Процедура их не ясна, о ней нет упоминаний и в ордонансах, хотя реальность показывает, что назначения использовались для перестановок чиновников, уже работающих в Парламенте и прошедших выборы при вступлении в него. Назначение, как правило, осуществлял король, с 1422 г. король «соединенного королевства Англии и Франции». Отсутствие протестов со стороны парламентских чиновников, возможно, свидетельствует о том, что перемещения чиновника внутри корпорации подчинялись определенным правилам, выработанным самим Парламентом, прежде всего учету срока службы. Последнее предположение частично подтверждает и тот факт, что немало назначений осуществил сам Парламент, и если до 1418 г. это имело эпизодический характер, то в период англо-бургиньонского правления назначения становятся преобладающей формой замещения вакансий. Всего за этот период отмечено 29 случаев перемещения чиновников внутри Парламента путем назначений³⁷.

Чиновники Парламента заимствовали из канонического права процедуру отказа от должности в пользу другого лица: там отказ в пользу конкретного лица (*resignatio in favorem*) разрешал клирику передать кому-либо свой бенефиций, при условии наличия у этого лица духовного звания и не менее чем за 20 дней до смерти клирика³⁸. В этом, наряду с иными факторами, сказалась важная роль церковной организации в формировании институтов государства. Естественно, что первыми использовали эту практику чиновники духовного звания еще в конце XIV в. Всего в протоколах удалось обнаружить семь случаев передачи должностей. И хотя, судя по количеству, эта форма замещения вакансий в Парламенте только зарождалась, она важна как показатель начала процесса замыкания парламентской среды³⁹. Более того, общество уже бросает обвинение в продаже должностей парламентариями⁴⁰.

Действительно, был ли отказ в пользу другого лица оплачен, наживался ли в этот период чиновник, передавая свою должность другому, и какова была причина появления такой практики?

Рассмотрим такие случаи. В Парламент был принят, минуя выборы, Гийом де Без, поскольку в его пользу чиновник Верховной палаты Жан де Соль отказался от своего места. Отметим здесь же главную особенность этого и всех последующих отказов: Жан де Соль был советником Верховной палаты, а Гийом де Без принят в Следственную палату, т. е. на первую ступень в парламентской иерархии (4 июня 1404 г.). Таким образом, и в этой форме замещения вакансий Парламент придерживался принципов иерархии. Сведений об оплате при передаче этой должности нет. Косвенные данные указывают лишь на то, что де Без по парламентским критериям соответствовал такому перемещению. Об этом говорит и спокойная реакция парламентских чиновников, которые в ином случае не преминули бы указать на несоответствие⁴¹.

Это не противоречило оплате, однако Парламент волновали, в первую очередь, профессиональные качества чиновника. В подтверждение сошлемся на аргументы Жана Шантеприма, который отказал свое место в Парламенте племяннику, Жилю де Кламеси: последний имел степень лиценциата гражданского права, «был хорошим клириком и достойным человеком», к тому же сыном человека, верой и правдой служившего королю. Однако саму просьбу сообщил Парламенту первый президент Анри де Марль со слов канцлера герцога Орлеанского, причем последний также присоединился к ней, равно как и депутация от герцогов Бургундского и Беррийского. Скорее, в данном случае мы имеем дело с давлением политических кланов, а не с продажей должности. Все же Парламент уважил просьбу своего чиновника и счел его аргументы в пользу кандидата вполне приемлемыми (29 июля 1406 г.). И здесь, как и в предшествующем случае, чиновник был принят в Следственную палату, а на место Шантеприма перешел другой чиновник. Точно так же в Парламент был принят Никола Потэн, в силу отказа в его пользу, сделанного Гийомом Пайяром, ставшим епископом Люсона. И опять произошла перестановка: на место Пайяра в Верховную палату перешел Пьер д'Онуа, а на его место в Следственную палату был принят Потэн. Здесь вновь фигурирует просьба герцога Беррийского и дарственное письмо короля (3 апреля 1408 г.). Ходатайство чиновника, передающего свое место другому, учитывалось и в случае выборов, так что эти формы замещения долж-

ностей сочетаются. Когда освободились должности президента Парламента и главы Палаты прошений, во время выборов Никола д'Оржемон сказал, что П. Труссель, бывший глава Палаты прошений, а ныне епископ Пуатье, задолго до этого «отказался в его пользу от этой должности главы Палаты прошений», что подтверждало и королевское письмо-«дар». Учитывая это обстоятельство, «его выбрали на эту должность» (12 ноября 1409 г.). Любопытно, что вскоре это решение было отменено, так как 11 декабря в Парламент пришли «многие сеньоры, прелаты и другие из дома Берри» и просили отдать место главы Палаты прошений Жану де Марлю, сыну первого президента Парламента. После такого демарша последовал «добровольный» отказ присутствовавшего здесь Н. д'Оржемона от претензий на эту должность⁴².

Помимо обязательного соблюдения парламентской иерархии, соответствия «одаряемого лица» парламентским критериям отбора, Парламент обращает внимание также и на иные обстоятельства. Так, 26 ноября 1412 г. Парламент не утвердил назначение на должность в Следственную палату нового кандидата, поскольку он был женат, а вакансия предназначалась для чиновника-клирика. 28 марта 1414 г. Парламенту пришлось даже прибегнуть к расследованию, прежде чем утвердить передачу должности: возникли подозрения в ее недобровольности, хотя обстоятельства были вполне правдоподобны. Советник Парламента, «очень старый, немощный и болезненный», пожелал передать свое место в Парламенте своему родственнику по материнской линии, «человеку доброго имени, вполне подходящему, лицензиату гражданского права и бакалавру канонического права». Однако на эту должность претендовали еще два человека, и Парламент решил провести расследование с целью установить, добровольно ли они отказались от своих претензий. Слово «деньги» не фигурирует в этой записи, но ясно, что именно они подразумевались под словом «сговор или соглашение», наличие или отсутствие которых должна была выяснить комиссия. И только выяснив, что не было «незаконного сговора», Парламент принял клятву нового чиновника.

Передача должности, как и выборы, предполагает большую привлекательность службы в Парламенте и, соответственно, наличие конкуренции. Поэтому, как и выборы, передачи должностей сходят на нет в период англо-бургиньонского правления: последний раз вакансия в Парламенте была замещена таким путем 27 октября 1425 г. и касалась должности судебного исполнителя.

Помимо обозначенных выше причин, практика отказов как форма передачи должностей в Парламенте предполагала и даже преследовала цель создания парламентских династий. Сама эта практика являлась поэтому составной частью процесса замыкания парламентской среды и превращения чиновников суда в «сеньоров закона»⁴³, а в дальнейшем - в «дворянство мантии». Привилегии, получаемые чиновниками суда, сближали их с дворянством (прежде всего, освобождение от налогов), не говоря уже о близости к трону и власти, об особом «благородном» образе жизни. Все это, кстати, объясняет, почему процесс получения чиновниками суда дворянского статуса отстает от уравнивания в правах с «благородным» сословием⁴⁴. Им было это и не особенно нужно, раз сама служба короне делала их «благородными», хотя, как известно, во Франции старое «дворянство шпаги», ревниво оберегая свои привилегии, так и не слилось с «дворянством мантии»⁴⁵.

Наследственность и продажа должностей в Парламенте — явление более позднего времени, примерно конца XV в. В исследуемый период создаются парламентские кланы и династии, которые, конечно, были симптомом замыкания парламентской среды.

Но я думаю, что они создавались не только с этой целью.

Парижский Парламент не был в этот период полностью закрытой организацией; в него всегда мог попасть человек вне этих кланов и династий⁴⁶. Но для службы в нем требовалось и длительное образование, которое кто-то должен оплачивать, и опыт работы в низших судебных инстанциях, в которые тоже не просто было попасть. Кому, как не самому судебному, помочь своему отпрыску или близкому родственнику одолеть такой путь?

И парламентские чиновники открыто поощряли это, видя в новых поколениях перспективу своей деятельности, и защищали корпоративные интересы, принимая родственников из уважения к заслугам своих коллег⁴⁷. Явных случаев фаворитизма парламентской среды обнаружено немного; вернее, в чистом виде их всего два (в остальных случаях соблюдена процедура выборов или иных законных путей вступления в Парламент). Первый: 28 ноября 1407 г. Анри де Сессар, сын чиновника Парламента, получил должность нотариуса вместо Ж. де Буа, ставшего секретарем, и Парламент дал ему отпуск для того, чтобы «поехать в Орлеан и сделаться лицензиатом гражданского права». Таким образом, он получил должность, которой формально не соответствовал, и основанием послужили исключительно его родственные связи. Во втором случае чинов-

ник был принят в Парламент в знак уважения к заслугам отца: 18 января 1407 г. умер Жан д'Арси, прослуживший в Парламенте 36 лет (!), на его место через восемь дней был принят его сын Пьер д'Арси «даром короля и посредством отказа отца при жизни и во время болезни». Вот и все примеры открытой «семейственности».

И все же общественное мнение категорично и однозначно обвиняло в этот период Парламент в господстве «семейственности». Не дает ли это обстоятельство оснований усомниться в репрезентативности протоколов Парламента? Претензии общества к институтам королевской власти были выражены в ходе восстания кабошьенов в Париже и сформулированы в ордонансе 25 мая 1413 г. — программе реформ государственного аппарата. В разделе, посвященном Парламенту, статья 163 гласила: «В Парламенте много близких родственников, и это вызывает подозрение в пристрастности суда, что недопустимо ввиду суверенности Парламента». Устранить это зло предлагалось следующим образом: не допускать нахождения в Верховной и Следственной палатах Парламента более трех родственников одновременно, находящихся между собою не ближе, чем в третьей степени родства, «а президентов-родственников не допускать вовсе»⁴⁸. Вскоре, как известно, ордонанс был отменен, восстание подавлено, однако важно, что оно выявило общественную оценку Парламента, в особенности реакцию на формирование нового привилегированного и замыкающегося слоя общества: чиновников суда.

Новейшие исследования о чиновничестве, прежде всего работы Ф. Отран, подтверждают, что в Парламенте одновременно заседали целые кланы или семьи, например дед, отец и сын⁴⁹. Это справедливо тревожило общество, но совсем не тревожило Парламент. Почему? При исследовании принципов и процедур комплектования парламентских кадров мною не найдено ни одного протеста по поводу родственных связей нового чиновника. Более того, родственные связи не только не скрывались, но приветствовались. Ясно, что в этом вопросе существовал конфликт между взглядом непрофессионала на то, как работает суд, и самооценкой суда: по мнению общества, наличие близких родственников делало суд пристрастным, а по мнению чиновников, — более профессиональным.

Парламент осуществлял целенаправленную политику создания парламентских династий. Как доказала Ф. Отран, в период 1405-1417 гг. 73,8% чиновников Парламента находились в кровном род-

стве. Насколько такая политика была эффективна, можно судить по числу родственников среди чиновников-клириков: показательно не то, что их было меньше, чем среди мирян (что естественно, учитывая целибат католических священников), а то, что их было все же так много: к середине XV в. 1/3 парламентских чиновников-клириков состояла в родстве⁵⁰.

Внутри любого органа государственного управления существуют профессиональные секреты, элементы тайны. С другой стороны, корпоративность и сопутствующая ей монополия, в том числе на занятие, на профессию, присущие всякой профессиональной организации Средневековья (цех, орден и т.д.), сродни семейственности и включают взаимовыручку, родство и неформальные связи людей, отгороженность от остального мира. Не случайно такие организации зачастую именовались братствами. Люди, работавшие в Парламенте десятилетиями, становились близкими людьми уже в силу общности интересов, а родственные узы закрепляли корпоративность и монополию.

Парламент видел в родственных связях чиновников стабилизирующий фактор, а представители наиболее известных парламентских династий, таких, как Ле Коки, д'Оржемоны, дез Юрсены, составляли гордость и славу Парижского Парламента. Однако замыкание парламентской среды вызывало недовольство у тех, кто терял надежду попасть в состав привилегированной корпорации, и они направляли в нужном для себя русле общественное недовольство институтами королевской власти.

Не менее существенным для процесса замыкания парламентской среды явилось появление практики пожизненного жалования чиновника: чиновник, проработавший долгие годы в Парламенте (сроки всякий раз менялись), получал от короля право пожизненно пользоваться своим жалованьем, вне зависимости от того, будет он работать или нет. Фактически, это был прообраз пенсии. Однако такая практика еще больше сужала двери Парламента, поскольку даже старые и больные чиновники продолжали числиться в его составе. Ж. Кюблер выводит эту практику из канонических законов о гарантии прав бенефициария: пожизненное владение бенефицием или на время исполнения связанных с ним обязанностей. Лишить клирика его бенефиция (если не в случае его смерти или прижизненного отказа) можно только имея серьезные основания, но и они требовали судебного разбирательства, во время которого, кстати, клирик продолжал пользоваться бенефицием. Таковыми основаниями

могли быть подозрение в убийстве, моральные прегрешения и т.д. Обязательность судебного разбирательства исключала поспешное и незаконное отстранение бенефициария⁵¹. Чиновники перенесли этот принцип на должности в Парламенте.

Взятые из канонического права о несменяемости бенефициария, пожизненные платы означали так же, как и там, неотстраняемость чиновника без тех же оснований. Они давали также возможность получать жалование, уже не работая в Парламенте⁵². Пожизненные платы существовали и до 1345 г. — времени оформления парламентской корпорации, и их периодически отменяли королевские ордонансы. Окончательную отмену объявил ордонанс от 5 февраля 1389 г.⁵³

К ним вновь вернулись в 1406 г., смирясь с реально существующей практикой: на этот раз, в виду тяжелого состояния бюджета, пожизненные платы давались только тем чиновникам, кто проработал в Парламенте 20 и более лет. Но Парламент встал на защиту своих привилегий. Хотя мотивы действий короля («очень большие ошибки и небрежения в делах суда») и признаются чиновниками Парламента частично справедливыми, тем не менее они усмотрели в этой отмене угрозу авторитету Парламента и удар по стабильности его состава, посчитав выгоды для казны несоизмеримыми с ними. Поэтому письма короля были объявлены на заседании Парламента 17 февраля 1406 г. «ошибочными и незаконными... ничем не обоснованными и бессмысленными, не вызванными никакой особой нуждой». Президенту Роберу Може казалось даже смехотворным, что пожизненные платы оставляли только тем, кто прослужил 20 лет, а тем, кто служил 19, 18, 17 лет, — нет⁵⁴.

Через год король вновь вернулся к этому вопросу: отменяя пожизненное жалование тем, кто прослужил в Парламенте меньше 20 лет, он обосновывал свое решение заботой о верховном суде, поскольку многие, получив пожизненные платы, вскоре покинули Парламент «к великому ущербу и убытку нашему и всего общественного блага в нашем королевстве» (7 января 1407 г.). 23 декабря 1409 г. вновь издан ордонанс, подтверждающий решение о пожизненном жалованье тем, кто получил его от короля и прослужил 20 лет в Парламенте, вне зависимости, служит он теперь в Парламенте или нет⁵⁵. В Кабошъенском ордонансе 1413 г. статья 156 вновь отменяла как источник злоупотреблений пожизненное жалование, сохранив его только за прослужившими 20 лет и предписывая отныне давать его только тем, кто прослужил 30 лет⁵⁶. Но это уже было нерационально, как бы ни была продолжительна жизнь парламентских чиновников.

Пожизненное жалование являлось конституирующим элементом для парламентской корпорации, поскольку оно гарантировало человеку, избравшему служение в Парламенте, стабильное материальное обеспечение и относительно безбедную старость.

§7

Профессионализм и политическая конъюнктура

Вступление в Париж в мае 1418 г. войск герцога Бургундского принято считать поворотной вехой в истории Парламента XV в., знаменовавшей 18-летнее существование «обновленного», «очищенного», «пробургиньонского» Парламента⁵⁷. Глубоко укоренившееся в литературе мнение о тотальной чистке парламентского чиновничества в 1418 г. требует, по моему убеждению, уточнения. Масштабы политических репрессий в Париже летом 1418 г. были действительно чудовищны. Но были ли они катастрофическими для парламентской корпорации в целом?

Жертвами этих репрессий с уверенностью можно считать двух бывших президентов Парламента: Анри де Марля и Арно де Корби. Убиты были также четыре чиновника Парламента: Жан де Витри, Одар Жансьен, Одар Коррель и Жан де Комб — все по обвинению в симпатиях арманьякам. Большинству сторонников арманьяков удалось спастись и продолжить работу благодаря созданию параллельного Парламента под властью дофина Карла в Пуатье⁵⁸.

Итак, была ли проведена тотальная «чистка» Парламента? Для выяснения этого важного вопроса в нашем распоряжении имеется три поименных списка парламентских чиновников, составленных в поворотные даты в истории Парламента, а именно: 5 августа 1417 г. (клятва верности Карлу VI перед угрозой Парижу войск герцога Бургундского), 25 июля 1418 г. (клятва вновь созванного Парламента после вступления войск герцога Бургундского в Париж) и 15 марта 1436 г. (клятва верности договору в Труа и королю Генриху VI).

В самом общем виде изменения выглядят так: в 1417 г. клятву принесли от Верховной палаты — три президента и 28 советников, от Следственной палаты — два президента и 27 советников, от Палаты прошений — один президент и 4 советника, а также 8 секретарей и нотариусов, 7 судебных исполнителей, 47 адвокатов (в том числе один генеральный прокурор короля и два королевских адвоката), 114 прокуроров и 11 помощников секретарей — всего 252 че-

ловека. В списке 1418 г. в состав Парламента вошли от Верховной палаты — три президента, 18 советников (7 клириков и 11 мирян), от Следственной палаты — два президента и 24 советника (11 клириков и 13 мирян), от Палаты прошений — один президент и 5 советников, а также два секретаря и два нотариуса, один генеральный прокурор короля и один адвокат короля — всего 59 человек. Исходя из этого, мы можем констатировать лишь сокращение численности Парламента, причем вполне объяснимое крайней нестабильностью ситуации в Париже, да и не столь уж значительное⁵⁹.

В самом деле, в Верховной палате остались три президента, а число советников сократилось на 10 (18 вместо 28), в Следственной палате также остались два президента, а число советников сократилось всего на три человека (24 вместо 27), наконец, в Палате прошений вновь один президент, а число советников увеличилось (вместо 4 — 5). Отсутствие в списке из-за приостановки работы Парламента судебных исполнителей, секретарей, прокуроров и адвокатов не дает нам оснований предполагать «чистку» их рядов. К тому же, и это очень важно иметь в виду, далеко не все парламентские чиновники принесли клятву сразу же в момент возобновления работы Парламента, многие сделали это позднее. Лучший пример тому — сам секретарь Клеман де Фокамберг, имя которого отсутствует в списке 25 июля 1418 г. И наконец, не все, кто не принес клятву в 1418 г., были изгнаны из Парламента, т. е. подверглись «чистке»; многие сами отказались от работы в нынешнем Парламенте. Так, Никола де Бай оставил службу в Парламенте, поскольку симпатизировал арманьякам, и умер во время эпидемии в 1419 г., однако опись его имущества доказывает, что он не был подвергнут никаким репрессиям «против арманьяков».

При отмеченной уже неполноте списка 1418 г. в нем упомянуты 29 чиновников из списка 1417 г. Таким образом, из 59 человек, принесших клятву в 1418 г., 29 уже работали в Парламенте в 1417 г., т. е. больше половины чиновников «проарманьякского» Парламента остались при бургиньонах. В их числе остались на своих должностях один президент Следственной палаты, генеральный прокурор короля и адвокат короля (важнейшие должности в Парламенте), 8 советников Верховной палаты (из 18), 7 советников Следственной палаты (из 24), два советника Палаты прошений (из 5), два секретаря (из 3) — всего 22 чиновника. И еще 7 чиновников перешли на другие должности, большей частью на повышение: советник Следственной палаты стал ее президентом, адвокат стал советником Верховной палаты, прокурор — советником Следственной палаты, со-

ветник Палаты прошений — советником Верховной палаты, советник Следственной палаты — президентом Палаты прошений, прокурор стал нотариусом Парламента⁶⁰.

Таким образом, несмотря на чрезвычайные обстоятельства, эти повышения согласуются с парламентской традицией и принципами иерархии внутри Парламента. Еще убедительнее версию о «чистке» корректирует сравнение списков 1417 и 1436 г. Несмотря на разделяющие их 18 лет, объективную смену поколений, смертность, войну, эпидемии, а также на существование в Пуатье второго Парламента с аналогичными функциями, в этих двух списках также есть общие имена.

Отметим сразу же, что 15 марта 1436 г. от Парламента принесли клятву всего один президент, 20 советников (без указания палат), один уголовный секретарь, 7 судебных исполнителей, а также генеральный прокурор короля и адвокат короля, 10 адвокатов и 31 прокурор. Таким образом, состав Парламента минимален, но есть прокуроры и адвокаты, отсутствовавшие в списке 1418 г. Из списка 1436 г. мы узнаем, что из 20 советников Парламента 5 занимали эти же должности еще в 1417 г., и это следует расценить как глубокую стабильность, ввиду указанных выше экстремальных обстоятельств. Из 7 судебных исполнителей 1 работал еще в 1417 г., наконец, из 31 прокурора в 1436 г. 16, т. е. больше половины, занимались этой же деятельностью в 1417 г. Налицо также 7 случаев повышения чиновников: три адвоката стали советниками, один прокурор — секретарем, а секретарь — нотариусом, советник Следственной палаты стал прокурором (в 1418 г. он был президентом Палаты прошений), советник Следственной палаты стал советником Палаты прошений короля (в 1418 г. был советником Следственной палаты).

Итак, даже столь чрезвычайные обстоятельства не смогли разрушить полностью стабильность парламентской среды. Это подтверждает и сравнение списков 1418 и 1436 г.: мы обнаруживаем, что важнейшую должность — генерального прокурора короля — все 18 лет занимал один и тот же человек — Гийом Бартелеми; единственный президент, оставшийся к 1436 г., был им и в 1418 г., а из 20 советников 8 исполняли те же должности в 1418 г. И есть два изменения: президенте 1418 г. стал в 1436 г. советником Парламента, а советник Следственной палаты — советником Палаты прошений короля.

Напомним еще раз, что наши данные слишком неполны, чтобы на их основании делать всеобъемлющие выводы. Так, Клеман де Фокамберг, который вел протоколы все 18 лет, не упомянут ни в 1418 г. (тогда еще не принес клятву), ни в 1436 г. (уехал из Парижа

7. Расправа над арманьяками в Париже

при приближении войск Карла VII). Из-за чрезвычайной скудости и разрозненности сведений о личных судьбах чиновников в Париже в период англо-бургиньонского правления поистине бесценной является публикация Ж. Фавье списков налогоплательщиков Парижа 1421, 1423 и 1428 г., среди которых мы обнаруживаем прокуроров, адвокатов и судебных исполнителей Парламента, отсутствовавших в списке 1418 г.⁶¹

Благодаря этим сведениям удастся извлечь еще несколько имен: среди прокуроров, упомянутых в списке 1417 г. (наиболее полном), отмечены 10 человек, по-прежнему являющихся прокурорами Парламента в 1420-е годы; 6 адвокатов и 4 судебных исполнителя и секретаря — всего 20 человек. Кроме того, предположение о том, что некоторые чиновники, отмеченные лишь в списках 1417 и 1436 г. (с перерывом в 18 лет), продолжили службу в Парламенте, хотя их нет в списке 1418 г., подтверждается материалом Ж. Фавье: в его списках упомянуты 6 прокуроров, один адвокат и один судебный исполнитель. Таким образом, из издания Ж. Фавье мы убеждаемся, что в 20-е годы пятнадцатого столетия они продолжали служить в Парламенте. И наконец, по спискам Ж. Фавье обнаруживается ещё три перемещения чиновников в дополнение к вышеназванным: один, бывший судебным исполнителем в 1417 г., оставался им и в 20-е годы, а в 1436 г. стал советником; один советник Следственной палаты стал в 20-е годы адвокатом, и один судебный исполнитель 20-х годов оказался в момент принесения клятвы в 1436 г. советником Верховной палаты.

Даже эти неполные сведения не дают оснований для утверждения о «тотальной» чистке Парламента при англо-бургиньонах. Несмотря на все перипетии, парламентское чиновничество сохранило и определенную стабильность, и преемственность должностей.

Среди прочих факторов участие самого Парламента в отборе чиновников делало корпорацию достаточно монолитной и готовой к самозащите от политически конъюнктурного давления. Имеющееся в литературе мнение о «чистке» Парламента в результате политических катаклизмов во Франции первой трети XV в. строится на логическом рассуждении: новые власти должны были набирать и новый, удобный им Парламент. Даже теоретически набрать полностью новый состав всех палат и вспомогательных служб Парламента из людей, там прежде не работавших, было невозможно без ущерба для деятельности верховного суда.

Разумеется, давление со стороны меняющихся властей Парламент испытывал в этот период постоянно. Не случайно во главе Парламента почти все 18 лет стоял ставленник герцога Бургундского Филипп де Морвилье, а в период англо-бургиньонского правления в Парламент проникли сторонники новых властей, частью исчезнувшие вместе с ними в 1436 г.⁶² Однако по приведенным данным, масштаб этого давления, равно как и «чистка» Парламента, явно преувеличены. Очевидно, что стабильность состава Парламента позволила парламентским чиновникам оказать сопротивление антифранцузским акциям правителей и отстоять в итоге законы, но главное — символическую власть Парижа как столицы Французского королевства, где, среди прочего, находится для всех его подданных верховный суд королевства.

Глава III

Парижский Парламент в политической жизни

В историографии место и роль Парижского Парламента и его чиновников в общественно-политических событиях страны остаются наименее изученной темой. До сих пор единственным исключением является исследование начала XX в. Э. Глассона, специально посвященное роли Парламента в политической истории Франции¹. Однако оно охватывает период с конца XIV в. до начала Великой французской революции, и в силу этого интересующий нас отрезок времени занимает всего несколько страниц. Исследований политических событий Франции этого периода всегда было немало, ведь речь идет о последнем, завершающем и победоносном для Франции периоде Столетней войны, равно как и о первой гражданской войне в истории страны — так называемой борьбе бургиньонов и арманьяков.

Но и в этих работах Парижский Парламент практически не упоминается или существует на «обочине» сюжета. Между тем ясно, что Парижский Парламент уже в силу своего положения в системе государственного управления должен был быть тесно связан с политическими событиями в стране, и это придает исследованию позиции его чиновников особую значимость. Так или иначе, Парламент был втянут в борьбу партий, которые пытались использовать институты королевской власти в своих целях и даже контролировать их работу и комплектование. Отсюда вытекает историографическая традиция выискивать среди чиновников сторонников той или иной партии, семьи или группировки, подсчитывать, сколько в каждый период было «людей» бургиньонов и арманьяков².

Однако из количества не выросло качества, число сторонников партий странным образом не сказывалось на позиции Парламента в целом. В то же время, большинство исследователей вынуждено признать парадоксальный факт: слабое участие Парламента в политической борьбе этого периода. Так воспринимается невмешательство парламентских чиновников в перипетии этой борьбы и даже

сознательный отказ от него Э Глассон первым заявил об идейном нейтралитете Парламента в политических делах³. Но чем он был вызван, остается неясным. Почему институт, так настойчиво отстаивавший свой приоритет в решении всех главных вопросов жизни общества и государства, не желал вмешиваться в конфликт, определявший жизнь Франции первой трети XV в.? На мой взгляд, ответ не был найден потому, что неверно был сформулирован вопрос. А он должен быть поставлен иначе: было ли неучастие парламентских чиновников на стороне бургиньонов или арманьяков невмешательством в их борьбу?

Да, среди чиновников Парламента были сторонники и бургиньонов, и арманьяков, на разных этапах превалировали либо те, либо другие. Но политика, проводимая Парламентом как институтом государственного управления на всем протяжении изучаемого периода, отличалась некоторыми неизменными чертами. Каковы идейные корни этих черт, мы и попытаемся определить.

Политическую жизнь Франции первой трети XV в. определяют две войны: гражданская — борьба бургиньонов и арманьяков, и Столетняя. Причем они совпадают по времени и по приемам в том смысле, что обе враждующие партии используют внешнего соперника в своих интересах, обе запятнаны сговором с англичанами.

Позиция Парижского Парламента в Столетней войне столь же не прояснена, как и в случае с гражданской войной⁴. О ней пишется так же мало, но по другой причине: привнося логику разумных доводов в поведение людей, историки считают, что позиция чиновников, оставшихся в Париже, ясна. Если чиновники Парламента, вместо того чтобы отправиться вослед дофину Карлу, остались в Париже и служили под властью англо-бургиньонов, значит они были их сторонниками.

Такая «логика» превращает и крестьян, возделывающих поля, принадлежащие королю «двойной монархии», и купцов, торгующих в городах на территории, оккупированной англичанами, в национальных предателей⁵. Действительно, у чиновников Парламента, в отличие от крестьян, был выбор: после 1418 г. для земель «буржского короля» Карла был создан Парламент в Пуатье. Туда уехала часть парламентских чиновников. правда, из числа явных арманьяков. Да и потом туда перебирались чиновники из Парижа по мере укрепления авторитета Карла.

Но так поступили не все. Попробуем понять почему.

Внимание исследователей сосредоточено, главным образом, на вопросе об отношении к англо-бургиньонским властям и «двойной монархии», и Парижский Парламент причислен к сторонникам союза двух корон - Англии и Франции, без убедительных оснований и скрупулём-

ного анализа Полным курьезом, кстати, весьма показательным, можно считать раздел в многотомной «Истории Франции в Средние века», где Ш. Пти-Дютайи пишет о «взаимодействии» Парламента и новых правителей, но в доказательство этого приводит лишь один эпизод — когда Парламент отказался выполнить «заказ» новых властей: отменить «свободы церкви Франции» (галликанизм). В настоящее время этот период активно изучается английскими историками, которые пытаются переложить всю вину за беды Франции в Столетней войне на самих французов. Английские авторы обещают и оправдывают политику английских властей во Франции, прибегая к сложной аргументации.

В ход идет все: и восхваление политики герцога Бедфорда, регента Франции, якобы отстаивавшего основы французской монархии, и разделение новых правителей на английский и бургундский элемент, в адрес которого, прежде всего Филиппа Доброго, обращены обвинения за антифранцузские акции властей, и даже физические недостатки, внешнее уродство Карла VII, наконец, малозначимость в глазах современников подвига Жанны д'Арк, казнь которой якобы была вовсе не замечена французами⁶.

Разумеется, этот период чрезвычайно насыщен разносторонними процессами, многое остается неясным. Есть и поле для мифотворчества. В самом деле, как могло получиться, что страна, на $\frac{2}{3}$ принадлежавшая англичанам, вдруг, не выиграв ни одной крупной битвы, освободилась от оккупации⁷? Снятие осады Орлеана — этот подвиг Жанны д'Арк, конечно, имел больше моральную, чем военную значимость. Однако Жанна д'Арк была вскоре отстранена от боевых действий, а ее последующее пленение, обвинение в колдовстве и казнь не способствовали подъему ее авторитета в глазах современников.

Как могло случиться, что французы, поколениями любившие герцогов Бургундских, вдруг повернулись в сторону арманьяков? Тем более, что «буржский король» Карл VII был официально лишен права на трон, и этому акту присягнули почти все политические силы страны. Как бы ни хотелось верить в чудо, в то, что «христианнейший» народ Франции находился под особой опекой Божественного промысла, у победы в Столетней войне были свои герои. Сегодня мы не можем еще представить себе всю картину свершавшегося в стране процесса, определившего победу. Но приближение к ней возможно через исследование отдельных факторов, в конечном итоге способствовавших победе Франции.

Одним из таких факторов была, на мой взгляд, политика Парижского Парламента в годы гражданской войны и англо-бургиньонского прав-

ления. На ее примере мы можем понять, почему «союз двух корон» оказался непрочным эфемерным образованием, вопреки средневековой традиции объединенных королевств, различных по языку и территории.

Анализ политики Парижского Парламента требует внимания к мелочам, к подспудным процессам, так как зачастую открыто чиновники не могли выступить против «законных» властей. Поскольку анализ строится далее по проблемному принципу, необходимо представить себе сложную канву политических событий этого периода.

§ 1

Основные вехи политической жизни

В связи с болезнью Карла VI и ослаблением его личного участия в управлении государством началась борьба за первое место на вершине власти. Главными соперниками и претендентами были дядя короля Филипп Храбрый герцог Бургундский и младший брат короля Людовик герцог Орлеанский. На стороне первого были преимущества возраста и опыта: он был к началу XV в. могущественным и умелым политиком. Необходимость защищать интересы своих обширных владений, в том числе Фландрию, давала повод обвинять его в желании использовать Францию как орудие собственных, нередко отличных от французских, целей. В этом смысле герцог Орлеанский был антиподом своего соперника: любимый и верный брат короля, он считал себя самым близким к нему человеком, чьи интересы никогда не расходились с интересами короля Франции. Оба противника были умны, образованы, оба были меценатами и патронами блестящей клиентелы. Однако симпатии большей части французов и, в первую очередь, парижан были отданы герцогу Бургундскому. Для этого было немало причин: он слыл искусным политиком, с ним считались везде в Европе, его земли процветали, двор не уступал королевскому. А герцог Орлеанский имел репутацию распутного, легкомысленного и жестокого правителя; к тому же французам не внушала доверия его жена Валентина Висконти, которой молва приписывала близкое знакомство с магией и колдовством. Но главная причина недовольства, умело подогреваемая бургиньонской пропагандой, заключалась в том, что Людовик Орлеанский, будучи фактическим правителем страны в этот период, ассоциировался с ухудшением жизни, с ненавистными налогами, якобы отмененными Карлом V Мудрым на смертном одре, т. е. с ним связывали все, что кого-либо не устраивало в сегодняшней

жизни. Был ли виновен герцог Орлеанский в тех или иных нововведениях или так поступил бы любой правитель на его месте, никто не разбирался; его не любили и считали тираном.

Борьба двух «партий» приняла иные формы и масштаб со вступлением на политическую арену сына Филиппа Храброго — Жана Бесстрашного. Этот неудачливый вояка имел славу «защитника христианства» и «образцового рыцаря»; так, он, в числе других, проиграл битву при Никополе и даже попал в плен к султану, что странным образом прибавило ему популярности. Открывшееся после смерти отца в 1404 г. поле битвы за опеку над больным королем Франции вполне подходило политическим амбициям Жана Бесстрашного.

В его арсенале самым мощным оружием оказались популизм и демагогия: обвиняя Людовика Орлеанского во всех бедах Франции, он сумел быстро стать любимцем страны и особенно парижан, впоследствии благодарных ему за то, что с его помощью в 1412 г. в Париже был восстановлен муниципалитет, ликвидированный королем в 1383 г. после восстания майотенов. Все эти козыри очень пригодились ему, когда в ослеплении борьбы он пошел на крайнюю меру. 23 ноября 1407 г. его люди убили герцога Орлеанского, когда тот возвращался из дворца Барбетт от королевы Изабы Баварской, чьим любовником он давно слыл. Впервые в истории страны был убит столь знатный и высокопоставленный человек. Жан Бесстрашный сам испугался и попытался весьма неумело списать свои действия на козни дьявола. На выручку незадачливому политику пришли ученые мужи из Парижского университета, давно мечтавшие возглавить общественное движение за реформы. Они предложили обществу известную со времен античности теорию тираноборчества, доказав допустимость сопротивляться тираническому правлению вплоть до убийства тирана. Однако, в отличие от идей античности и даже их последующего развития в Средние века, в данном случае речь не шла об убийстве монарха, в ней содержался призыв сопротивляться тому, кто незаконно узурпировал королевские полномочия. В зале дворца Сен-Поль доктор богословия Жан Пти произнес свою четырехчасовую речь с цитатами из Священного Писания, античных авторов, отцов церкви и легистов, ставшую апологией тираноборчества.

8. Жан Бесстрашный

Страна вступила в гражданскую войну — так называемую борьбу бургиньонов и арманьяков (по имени главного политического сторонника герцога Орлеанского, его тестя Бернара д'Арманьяка)⁸. Франция разделилась на партии, группировки, кланы, в войне так или иначе участвовали все. Воспользовались ею и внешние враги: в августе 1415 г. английские войска высадились во Франции.

Ряд внушительных поражений французской армии закончился катастрофой 25 октября 1415 г. при Азенкуре, когда погиб цвет дворянства страны. Вскоре альтернативы переговорам о мире не оказалось: страна разделена на враждующие партии, экономика в упадке, король Карл VI — лишь тень короля, нет армии, денег, последний оставшийся в живых сын короля запятнан убийством своего дяди Жана Бургундского и потерял право на престол «христианнейшего» королевства Франции.

И до этой даты обе партии прибегали к помощи англичан, но с 1415 г. вопрос о союзе с Англией стал решающим фактором в политической борьбе. Англичане выбрали бургиньонов: последние выглядели сильнее, к тому же никогда не выказывали враждебности Ланкастерам, да и связь Фландрии, которой владел герцог Бургундский, с английской экономикой была мощным стимулом. У партии арманьяков не было выбора, кроме как стать силой национального единства.

Позиции бургиньонов подкрепил и поступок королевы Франции Изабо Баварской: еще в ноябре 1417 г. она бежит из Парижа к герцогу Бургундскому. Правлению арманьяков в Париже оставались считанные месяцы. 29 мая 1418 г. парижане, всегда симпатизировавшие бургиньонам и ждущие от них долгожданных реформ, открыли ворота Парижа войскам герцога Бургундского. Дофин Карл бежал из города, как и большинство его сторонников: те, кто успели. С этой даты начинается англо-бургиньонское правление в Париже, которое длилось 18 лет. Месть арманьяков завела страну в тупик. Во время переговоров между дофином Карлом и герцогом Жаном Бургундским на мосту в Монтеро в 1419 г. окружение Карла предательски убило соперника, поставив под сомнение, как уже было сказано, право Карла на трон. Наконец, серия договоров превращает многолетних соперников — королевства Англии и Франции — в союзников: в декабре 1419 г. был заключен англо-бургундский союз, 21 мая 1420 г. — договор в Труа, по которому Франция и Англия объявлялись соединенным королевством, в июне Генрих V Ланкастер женится на дочери Карла VI Екатерине. Ребенок, родившийся от этого брака 5 декабря 1421 г. — Генрих VI — становится после

9. Людовик Орлеанский

смерти обоих королей (Карла VI и Генриха V) в 1422 г. королем «двойной монархии».

Формально король Франции был вправе заключить такой союз, имевший аналоги в истории. К тому же Франция выигрывала от этого союза, поскольку она в несколько раз превосходила Англию по территории и населению, что ставило англичан перед угрозой ассимиляции. Родившийся от этого брачного союза ребенок был в равной степени французом и англичанином. И все же французы воспринимали его как чужака, прежде всего потому, что права на французский престол не передавались по женской линии, и сын Екатерины Валуа не мог быть королем Франции. Но главное, два народа десятилетиями жили в состоянии войны и привыкли воспринимать друг друга врагами. Формирующийся в обоих королевствах патриотизм встал на пути союза двух корон, способствуя победе Франции и поражению Англии в Столетней войне.

К 1422 г. сменились главы обеих враждующих партий: во главе бывших арманьяков становится дофин Карл — будущий Карл VII, и эта партия из сеньориального клана превращается в партию борьбы за возвращение на трон законного наследника, т. е. в партию национальную. Во главе бургиньонов стал сын Жана Бесстрашного Филипп Добрый. И хотя он был более искусным политиком и уж во всяком случае более удачливым, чем отец, симпатии французов не перешли к нему по наследству⁹. Сказались усталость от войны, разочарование от несбывшихся надежд на реформы в государстве. Так начался сложный процесс переориентировки страны в сторону партии Карла, с одной стороны, и эволюция политики бургиньонов, с другой стороны, от попытки встать во главе Франции к замыканию на интересах исключительно своих владений.

Опыт союза двух королевств — Англии и Франции — не удался. Не случилось и расчленение Франции, несмотря на значительные центробежные силы и большую разницу между Севером и Югом. Франция выиграла войну, восстановила свои прежние границы; победу одержали сторонники Карла Валуа и защитники национальной монархии — «силы будущего», по словам Ф. Отран¹⁰.

Попробуем определить место чиновников Парижского Парламента в этих процессах. И главное, попытаемся понять, какие идеи двигали ими. И наконец, какое значение для развития институтов королевской власти во Франции имела политика Парламента в политических конфликтах этого периода.

§2

Против убийства тирана

Идеи тираноборчества, впервые выраженные во Франции как политическая теория именно в этот период, были лишь «верхушкой айсберга»: страна переживала период болезненного для сеньориального строя укрепления государственности и вместе с ней появления публично-правового суда, призванного обеспечить «правосудие для всех». Реакцией на этот процесс во многом и была вспыхнувшая гражданская война, поводом для которой явилась распря двух высокопоставленных сеньоров из-за власти. Гражданской эту войну делает не столько всеобщее противостояние, разделение страны на враждующие кланы, сколько центральный конфликт: противостояние правосудия — справедливости, обычая — судебной процедуре¹¹.

Идеи политического насилия как наиболее быстрого способа решения проблем в государстве явились в этот период центральной

темой идейной борьбы во Франции. Отношение к этим идеям различных групп и слоев общества, отдельных деятелей и мыслителей не только вносило вклад в развитие этих идей, но и в определенной мере способствовало самоидентификации самих групп, осознанию ими своего места в обществе.

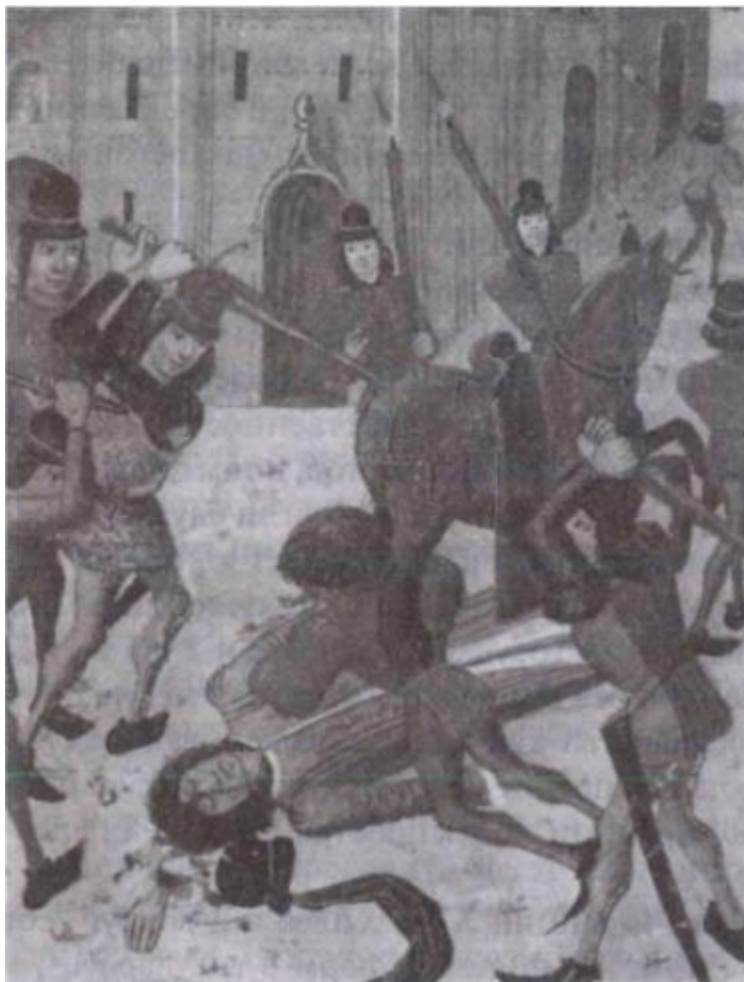
Процесс создания публично-правового государства, основанного на праве и законе «для всех», появление слоя профессиональных служителей государства был подкреплен целенаправленной переводческой работой, вдохновляемой и оплаченной королем Карлом V Мудрым, давшей в руки апологетов государственности мощную аргументацию признанных античных авторитетов, в том числе Аристотеля¹². Но, как оказалось, одни и те же идеи могли служить диаметрально противоположным целям. Тираноборчество, провозглашая своей целью защиту государства и закона от покушений на них «тирана», на деле подрывало этим государственность и законы, ибо акт индивидуального насилия без процедуры суда посягал на фундаментальную основу государства как силы, обеспечивающей законность и справедливость. Напомним еще раз, что в этот период тираноборческие идеи во Франции не распространялись на персону короля.

Идеи тираноборчества во Франции XV в. сплотили вокруг себя активные силы общества: и сторонников реформ в государстве, и противников злоупотребления властью, и теоретиков идейного обновления общества из Парижского университета, и сильные городские слои, прежде всего парижан. А чиновники Парижского Парламента кажутся стоящими в стороне¹³.

Зададимся вопросом: в чем это выражалось?

Итак, 23 ноября 1407 г. около 8 часов вечера «Людовик, сын короля Карла V и родной брат царствующего короля Карла, герцог Орлеанский» был убит. Это был вызов: убить брата короля, каковы бы ни были его проступки, такого Франция еще не знала. Общество пребывало в шоке. Однако королевский прево Парижа Гийом де Тенонвиль тут же начал расследование, заметим, без чьих-либо санкций¹⁴. И меньше чем через двое суток, 25 ноября он докладывал Королевскому совету результаты расследования, назвав исполнителей убийства и дом, где они укрывались, т. е. «указал» на заказчика, который здесь же присутствовал. Жану Бесстрашному ничего иного не оставалось: он отвел в сторону Людовика Анжуйского и объявил, что это он убил герцога Орлеанского «по наущению дьявола»¹⁵. Назавтра весь Париж открыто говорил о том, кто убийца (26 ноября 1407 г.).

---

10. Убийство Людовика Орлеанского

Но уголовного дела так и не возбудили ни в Шатле, ни в Парламенте. Почему? Растерянность, возможно, сменилась пониманием, что убийство брата короля, равно как и уголовное наказание кузена короля, одинаково пагубны для авторитета власти, ибо допускают возможность посягательства и на королевскую особу¹⁶.

Вернемся к записи секретаря. В ней после описания убийства следует странное на первый взгляд рассуждение. Оно о том, что в это время в Париже находились король, дофин, дяди короля герцоги Беррийский, Анжуйский, коннетабль Франции, адмирал Франции, сеньоры и главы суда, Парламента и Шатле (23 ноября 1407 г.). За этим замечанием проглядывает позиция. Ни для кого не было секретом, что Людовик Орлеанский был в тот момент олицетворением всех гражданских и человеческих пороков: жестокий правитель, чьей злой воле приписывались и ухудшение жизни, и налоги, и раздор в стране; к тому же, погрязший в «пучине греха»¹⁷. Смерть его воспринята была в Париже как избавление и заслуженная кара, а убийца выглядел спасителем и орудием возмездия.

Парламентские чиновники знали об этих настроениях в обществе, но их волнует одно — процедура свершения правосудия. Зачем прибегать к помощи оружия, когда в Париже в этот момент есть возможность найти справедливость: у короля или чиновников суда? Зная об отношении общества к жертве, парламентские чиновники не могут оправдать и убийцу. В приведенном выше комментарии секретаря мне видится ключ к пониманию сути занятой Парламентом позиции: осторожного и стороннего наблюдателя.

Так, он дает санкции королевскому прево Парижа 10 февраля 1408 г. возбуждать дело о краже трупов с виселицы в Монфоконе, чему препятствует Парижский университет, претендуя на это расследование ввиду того, что трупы использовались в колдовских целях, а такие дела подлежат его суду. Подозрения в краже, по слухам, падали на убитого герцога Орлеанского, жена которого Валентина Висконти, как считалось, обучила его приемам магии и колдовства. Расследование могло хоть как-то продвинуть судебным порядком дело об убийстве герцога Орлеанского, пусть и через обвинение его в колдовстве, злоумышлении против больного короля Карла VI¹⁸.

Однако время было упущено. Уехав из Парижа в свои земли, Жан Бесстрашный ищет поддержки и защиты. И в Генте на весьма представительном собрании прозвучало первое оправдание герцога бургундского, произнесенное его канцлером Симоном де Со¹⁹. Ко времени, когда делались робкие попытки привести в действие судебную машину, герцог Бургундский уже считал себя героем и национальным спасителем.

Окончательный вид стройной теории идеям тираноборчества придали богословы из Парижского университета, а провозгласил ее доктор теологии Жан Пти в зале дворца Сен-Поль в присутствии высшей знати, чиновников государственного аппарата, докторов и магистров Парижского университета и горожан 8 марта 1408 г.²⁰ Известно, что в ее написании участвовали и адвокаты Парламента — Андре Котен, Никола де Савиньи, Пьерде Мариньи, правда, не по поручению Парламента, а по своим убеждениям. Хотя в кулуарах поговаривали о том, что часть теологов была эпатирована и аргументацией Жана Пти, и самой попыткой оправдать убийство, вслух никто не решался противостоять общественной эйфории, кроме одного — Жана Жерсона — самого знаменитого теолога Франции того времени и канцлера университета, который прежде сам отдавал дань этим витавшим в воздухе идеям, но, увидев последствия их применения, отрекся от них навсегда²¹.

Не выступил против Жана Пти и Парижский Парламент, однако не выступил и за, что было уже актом политического мужества²².

Остановимся еще немного на этом вопросе, чтобы отметить разницу в поведении членов двух равно авторитетных корпораций: Парламента и университета. Многие были однокашниками, многих связывали личные и интеллектуальные симпатии. В кризисные же периоды «служба» превалировала над «дружбой»: парламентские чиновники явно были в тени, тогда как университетская корпорация задавала тон в стране. Здесь, среди прочего, сказывалась разница между органом власти и интеллектуальным учреждением. Теряя к XVв. в результате основания новых университетов монополию на знания, а вместе с ней и значительную часть доходов, Парижский университет искал свое место в меняющемся мире и, как казалось, удачно нашел его, взяв на себя роль рупора общественного недовольства, способного возглавить социальное брожение. Раскол церкви, вызванный папской схизмой, усилил влияние Парижского университета, чей теологический факультет стал главным авторитетом в католическом мире. Это придало университету новый вес в обществе, поставило его в центр политической борьбы. Это же превратило его в демагогического и безответственного глашатая опасных для страны идей²³.

Итак, Парламент никак не участвовал в деле оправдания герцога Бургундского. Но вот что любопытно: с той же последовательностью он отказывался от участия в иске вдовы и сына убитого герцога Орлеанского. Этот малоизвестный эпизод заслуживает внимания, ибо он свидетельствует о последовательном нежелании Парламента вмешиваться в дело об убийстве герцога Орлеанского.

Ход драматических событий лета 1408 г. таков: воспользовавшись отъездом Жана Бургундского, вдова и сын герцога Орлеанского решились воззвать к королевской защите²⁴. Заметим попутно, что их действия активно поддерживала и королева Изабо Баварская. Чувствуя, как накаляется атмосфера в Париже, чиновники Парламента закончили сессию раньше обычного (23 августа), чтобы отправиться на ежегодную выездную сессию Парламента в Шампани (так называемые Дни Труа). Их маневр не удался: уже 25 августа все чиновники, собравшиеся ехать в Труа, были задержаны в Париже, поскольку канцлер издал указ, запрещающий выезд из города их повозок, на которые уже были погружены дела и документы, предназначенные для работы сессии, провизия, одежда и другие вещи чиновников, адвокатов и прокуроров. Причиной задержки была герцогиня Орлеанская, которая «просила суда над герцогом Бур-

гундским, по чьему приказу был убит герцог Орлеанский, и для этого чиновники должны были оставаться в Париже со всеми президентами». 26 августа в Париж приехали из Мелена дофин и королева Изабо, а 28-го — герцогиня Орлеанская «в черном, на четырех лошадях, покрытых черным сукном, сопровождаемая множеством покрытых черным повозок и свитой» (28 августа 1408 г.).

Парламент не смирился: в тот же день был отправлен Никола де Бай в Лувр к королеве, «чтобы узнать, есть ли решение по делу сеньоров и повозок»; Жан де Монтегю от имени королевы продолжал настаивать на том, что чиновники нужны в Париже в полном составе, а в Шампани есть те, кто «смогут дать отсрочку добрым людям». Им открыто указали на неоправданность и неуместность их спешки. Но дело так и не было возбуждено, хотя сторонники герцога Орлеанского получили известные преимущества: в большой зале Лувра доверенное лицо герцогини Орлеанской Тома дю Бур, аббат де Серизи, в присутствии дофина и всех высших государственных чиновников произнес речь «против оправдания, предложенного со стороны герцога Бургундского касательно смерти герцога Орлеанского» (11 сентября 1408 г.)²⁵.

Так намечился новый поворот в деле: отныне никто не упоминает о самом факте убийства, хотя оно и подразумевается, но теперь вся борьба сконцентрировалась на оправдательной речи («*Justificacio ducis Burgundie super morte ducis Aurelianensis*») Жана Пти, размноженной и распространенной по всей стране усилиями бургиньонов²⁶.

Этому повороту способствовала также ранняя смерть двух главных фигурантов дела: в 1408 г. умерла вдова Людовика Орлеанского Валентина Висконти, в 1411 г. умер и Жан Пти.

Такой поворот дела был на руку «государственникам», обратившим свой гнев на эту речь. Добиваясь ее запрещения, они не только не выступали открыто против одного из первых лиц в королевстве и вдохновителя убийства — герцога Бургундского, но выводили из круга обвинений даже автора речи: все дальнейшие акции касались исключительно текста речи и ее идей²⁷.

Так, в период временной победы арманьяков в Париже при большом стечении народа были публично сожжены все найденные экземпляры речи Жана Пти «из-за больших ошибок, касающихся веры, найденных в этой речи» (25 февраля 1414 г.). Процедура была осуществлена епископом Парижа при участии Парижского университета.

Затем 7 августа 1416 г. в Парламент пришла целая делегация Парижского университета, чтобы призвать Парламент осудить речь

Жана Пти и тем остановить ее пагубные для общества последствия. Очень важно, что для оправдания убийства герцога Орлеанского авторитета Парижского университета оказалось вполне достаточно. Посеять бурю оказалось легче, чем восстановить порядок. В своей речи магистр теологии Жерар Маше, выступая от имени университета, говорил о последствиях идей Жана Пти: это «сочинение (*escriture*) является ущербом королевскому суду, порядку и общественному благу королевства, содержит обольщение и открывает путь к преступлениям и убийствам, предательствам... так что отцы опасаются быть убитыми собственными детьми, и наоборот»; в ней оправдано убийство «бесчеловечное, предательское, незаконное и преднамеренное... ведь нет такого закона, который бы оправдал такую смерть без разрешения и распоряжения короля, которому дан меч суда и никому другому». Так Маше отметил важную деталь, оскорбившую в свое время и Парламент, а именно: убийство совершено «в главном городе королевства, в источнике (*en la fonteinne de justice*) суда» (7 августа 1416 г.).

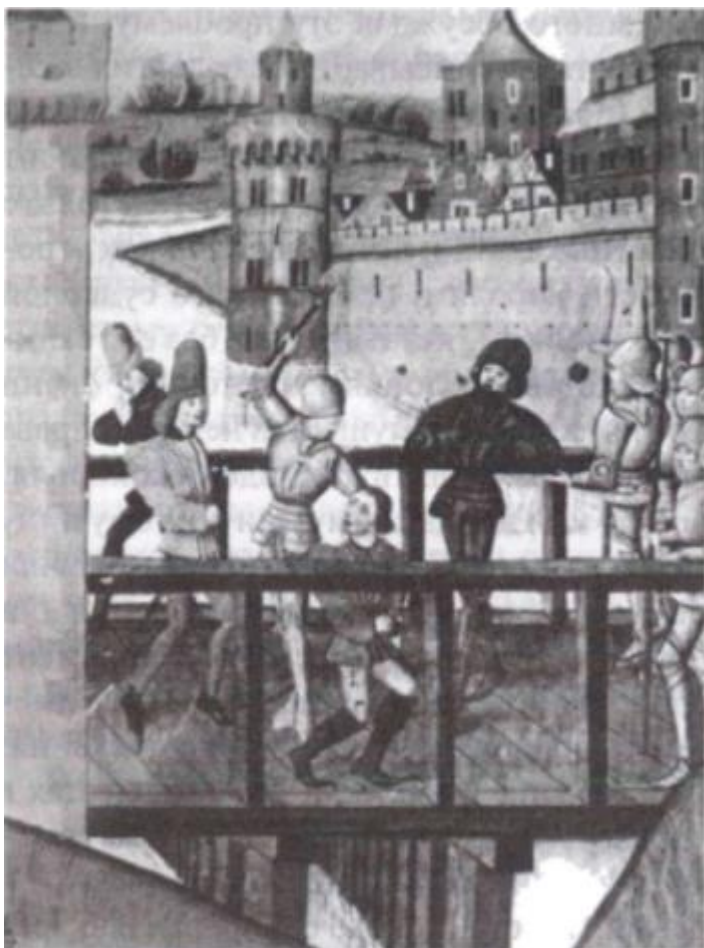
Призывы Маше имели целью просить Парламент присоединиться к акции университета: «Проснитесь, вы, судьи, встаньте, вы, королевские прокуроры и адвокаты, и весь двор суда на возмездие этому преступлению, иначе оно падет на вас». Такая поддержка могла переломить ситуацию: все прежние попытки осудить речь как «скандал против веры» закончились поражением, хотя 7 октября 1413 г. по указу короля был даже возбужден инквизиционный процесс против этой речи. Но несмотря на три собора французской церкви сторонники герцога Бургундского оказались сильнее, чем защитники веры и законности²⁸. Во главе борьбы с идеями тираноборчества стоял Жан Жерсон, и сегодня ясно, что его благородное поражение сродни заранее известному исходу битвы Дон Кихота с ветряными мельницами. Ведь речь Жан Пти апеллировала к общественному недовольству, к жажде в обществе наказать кого-то за ухудшение жизни. Вселенский собор в Констанце, длившийся с 1414 по 1418 г. и собранный для решения неотложных задач по устранению раскола церкви (прекращение схизмы и выбор нового Папы, осуждение ереси Яна Гуса, Иеронима Пражского, Уиклифа, реформа церкви), сталкивающимися усилиями Жана Жерсона и Жана Бургундского был втянут в обсуждение тираноборческой доктрины Жана Пти²⁹.

Парламент принял просьбу университета благосклонно, но пообещал лишь «ознакомиться с приказами короля, распоряжениями и письмами», а также поговорить с адвокатом и прокурором короля.

Парламент долго заседал и много обсуждал эту проблему, и решение далось ему непросто: секретарь записывает после долгих заседаний, что «ничего не решено» (pop est conclusum). Наконец, 16 сентября (больше чем через месяц), «всё взвесив», Парламент выносит свое решение: он осудил доктрину, но не только и даже не столько ее. Он восстает против всех частных войн и актов насилия как угрозы законам королевства и власти короля и прежде всего судебной власти. Парламент «от имени короля» и, кстати, вовсе без его санкции объявил, что «никто, какого бы сословия и состояния он ни был, отныне и впредь под угрозой жизни и имущества не имеет права говорить, объявлять, заявлять или наставлять во владениях короля, что позволено какому-то васалу или подданному или другому лицу убивать кого-либо сообразно (своему. — С. Ц.) мнению, выгоде или обиде (par arguet, blandices ou deceptions), не дожидаясь решения или приговора компетентного судьи». Этим же решением Парламент запрещает копировать и распространять текст речи Жана Пти, а имеющиеся копии требует передать в Парламент для их уничтожения; приказано объявить об этом решении «в Шатле и главных местах в баляжах, сенешальствах, прево́тэ и других королевских местах... чтобы никто не смог оправдаться незнанием» (16 сентября 1416 г.).

Итак, не дожидаясь решений Констанцского собора, зная о трех провалах на соборах во Франции, без санкции короля чиновники решаются осудить доктрину Жана Пти и ее сторонников и обозначить плоды их действий как преступление против власти короля.

Внешне такое поведение объяснимо: 1416 г. — время тиранического господства арманьяков, агония их режима, сопровождавшегося слежками, доносами, всеобщей подозрительностью. Тогда посмотрим, как относился к доктрине Ж. Пти якобы обновленный пробургиньонский Парламент, оказавшийся с 1418 г. полностью под властью герцога Бургундского и его сторонников. Не забудем, что Жан Бесстрашный большое значение придавал речи Ж. Пти в свою защиту, немало усилий и денег потратил на подкуп кардиналов, от которых зависело решение вопроса на соборах во Франции, как и французских делегатов на соборе в Констанце³⁰. И ему была не безразлична позиция такого авторитетного института, как Парижский Парламент, поэтому, едва овладев Парижем, Жан Бесстрашный начинает давить на Парламент с целью отменить решение от 16 сентября 1416 г. В драматический для страны период, когда она была разделена на две части — пробургиньонскую и продофинскую, когда войска англичан стремительно двигались в глубь страны и уже пал Руан, герцог Бургундский от имени короля присылает в Пар-

---

11. Убийство Жана Бесстрашного
на мосту в Монтеро

ламент распоряжение об отмене главного для него: ордонансов о галликанизме и осуждении речи Жана Пти. Требования герцога Бургундского выглядели если не издевательскими, то явно не соответствующими обстановке в Париже. Тем не менее Парламент собирается на заседание 27 марта 1419 г. и выслушивает речь канцлера о том, что «король выражает неодобрение теми, кто под прикрытием его писем вели и продвигали некоторые процессы против веры, задевавшие честь герцога Бургундского, относительно речи Жана Пти». От имени короля канцлер потребовал, чтобы решения, принятые тогда Парламентом, были отменены и «уничтожены», а также чтобы Парижский университет отменил сделанное им в то время «или иначе бы позаботился об этом». Парламент отложил решение вопроса до следующего дня. Но и 28 марта, собравшись, Парламент не принял никакого решения, оправдываясь тем, что «дело очень значительно и нанесло большой ущерб». И в последующие дни решение так и не принимается, и в ходе бурных обсуждений как-то само собой больше не упоминается вопрос о речи Жана Пти, и все аргументы касались только «старых свобод церкви Франции», отмены которых требовал герцог Бургундский. Споры шли

до 31 марта 1419 г. и закончились неудачей герцога Бургундского, которому было отказано в его требованиях, причем речь Жана Пти даже не упоминалась в окончательном отказе.

Неприятие Парламентом насилия за рамками закона и без участия суда стало причиной конфликта уже с момента установления правления бургиньонов в Париже. Бунт в Париже в конце мая 1418 г., открытие ворот города войскам герцога Бургундского освещаются так, что, читая свидетельства современников и труды историков, видишь только единодушие города. Но противники насилия были, и среди них — парламентские чиновники. Дело даже не в корпоративной солидарности (в числе арестованных «арманьяков» были и парламентарии). Город захлестнула волна насилия, по подозрению в симпатии к арманьякам было арестовано, а потом убито без суда свыше 800 человек. Выступить против толпы, назвать виновных в разжигании страстей было не просто. Париж в эти дни ликовал, народ встречал бургиньонов как освободителей от «тирании» арманьяков³¹. Но парламентские чиновники видели в этих увеселениях лишь нарушение порядка в городе: для них было достаточно и того, что Парламент не мог заседать более недели из-за беспорядков в городе. Когда же, опасаясь войск арманьяков, окруживших Париж, началась расправа с арестованными, тут Парламент начал действовать. Ги де Бар, назначенный бургиньонами королевским прево Парижа, при вступлении в должность вынужден выслушивать от Парламента «мнения, касающиеся мира, спокойствия и сохранения города и жителей Парижа», которые в письменном виде передаются ему для исполнения и «прекращения грабежей, арестов людей... без позволения суда» (31 мая 1418 г.). Парламент вновь и вновь посвящал заседания обсуждению ситуации, пытаясь что-то предпринять «для успокоения жителей Парижа, для сохранения и единения королевства» (6 и 8 июня 1418 г.).

Последний всплеск «народного гнева» пришелся на 20 августа 1418 г., когда подстрекаемые лозунгами о «дурных правителях» толпы горожан взломали ворота Большого и Малого Шатле для расправы над заключенными. Показательно, что среди прочего в городе росло и недовольство Парламентом, который «затягивает» решение дел о каждом арманьяке, и в числе других акций парижане намеревались «обвинить без приговора людей суда в небрежности или коррупции, в незнании или утаивании», что в этой ситуации означало политически ангажированный суд. В итоге чиновники были вынуждены не только прекратить на несколько дней работу, но и спрятаться, дабы не попасть в руки толпы. Не случайно секре-

тарь сообщает о выдаче 8-9 заключенных с условием, что тогда люди разойдутся и прекратят расправы, и хотя они «обещали и поклялись их передать в руки суда или прево Парижа, не убивая... без долгого промедления убили» (20 августа 1418 г.). Политические расправы взволновали наконец и людей герцога Бургундского, который вскоре отмежевался от страшных последствий преданности бургиньонам, осудив действия зачинщиков бунта и даже организовав 26 августа показательную казнь наиболее кровожадных, среди прочих — и Капелюша, знаменитого палача Парижа³². Лишь в этом смысле позиция Парламента, который не побоялся в разбушевавшемся городе, обезумевшем от вседозволенности, заявить, что это безобразие и позор, была сходна с действиями герцога Бургундского³³.

Кстати, последний, развязав войну убийством противника, теперь примерял на себя роль миротворца и защитника законов: 30 августа 1418 г. он отмежевался от действий бургиньонов в Париже и поклялся помогать суду королевства. Но прежде Парламент пригласил лейтенанта королевского прево Парижа и прокурора Шатле, чтобы заявить о «безобразиях и скандале, происходящих в Париже... и опасностях, которые могут из этого последовать». Здесь же вновь, как весьма опасный прецедент, повторены слухи о готовившемся «обвинении... людей суда в небрежности, незнании и коррупции». От имени Парламента первый президент приказывает королевскому прево «так об этом позаботиться, как положено в подобных случаях... иначе Парламент об этом позаботится своей властью, как и положено, ибо управление королевством... может хорошо и длительно осуществляться только при помощи суда» (22 августа 1418 г.). Так Парламент напомнил герцогу Бургундскому и его сторонникам о первопричине, что породила чудовище политических расправ в Париже — убийстве без суда герцога Орлеанского 23 ноября 1407 г. И герцог Бургундский не мог не расслышать и упрек, и угрозу.

Напомню еще раз, что так ведет себя «обновленный», «пробургиньонский» Парламент, только месяц назад принесший клятву верности новому правителю страны: свои прерогативы Парламент поставил выше партийных интересов. Неприятие насилия вынудило Парламент изменить позицию по отношению к дофину Карлу после событий на мосту Монтеро — убийства 10 сентября 1419 г. во время переговоров о мире герцога Бургундского Жана Бесстрашного. Оно не только явилось основанием для отстранения Карла от престола и последующего возникновения «союза двух корон». Оно нанесло сокрушительный удар по тем силам в обществе, которые

так долго и скрупулезно искали возможности примирения расколотой страны, в их числе и парламентским чиновникам. Но использование политического насилия дофином Карлом сделало для парламентских чиновников невозможными дальнейшие переговоры с ним. Печальные вести о событиях в Монтеро пришли в Париж к вечеру 11 сентября 1419 г. и повергли Парламент в шок³⁴. Записывая все, что стало известно в тот момент, Клеман прямо указывает на предательский характер действий окружения дофина: «Герцог Бургундский, зная о некоторых заговорах и довольно явных действиях, опасался попасть в ловушку, тем не менее доверяя договоренностям, столь торжественно заключенным... чтобы никто не мог его обвинить и укорить, что договор не был заключен из-за дурных советов... около пяти часов после обеда вошел внутрь... где находился дофин и его люди, и входя, очень смиренно склонился перед дофином... как положено» (11 сентября 1419 г.)³⁵.

Одно последствие этого события отныне доминирует в Парламенте. Карл потерял право на французский престол. И если для политических партий и групп это был вопрос расстановки сил, то для парламентских чиновников это был вопрос принципов, которые они отстаивали в процессе становления государства. Политическое насилие, подрывающее основы государственной и правовой системы, являлось для них незаконным, а его участники — преступниками: «Из-за этого многие крупные преступления и невосполнимый ущерб ожидалось в будущем... к позору совершивших это» (11 сентября 1419 г.)³⁶.

Так парламентские чиновники во имя отстаиваемых принципов государственного управления отказались от идеи примирить враждующие партии, ибо без соблюдения законности все равно не будет порядка.

Парламентские чиновники в этом вопросе находились в меньшинстве: Франции потребовалось пройти через две гражданские войны, озлобление всех против всех, через убийство двух королей — Генриха III и Генриха IV, чтобы вспомнить, что лежало в основе воцарившейся атмосферы политических репрессий. И в день казни Равальяка, убийцы Генриха IV (1615 г.), Парламент вновь напоминает о «пагубных последствиях речи Жана Пти» и осуждает ее³⁷. Но мы теперь знаем, что об этих последствиях парламентские чиновники предупреждали общество, и не их вина, что оно было еще не готово понять: насилие — кратчайший путь не к миру, а к войне. Позволительно задаться вопросом, почему парламентские чиновники так «опередили» своих современников, чем вызвана такая

«прогрессивная позиция»? Объяснять это личными достоинствами парламентских чиновников этого периода довольно бесперспективно хотя бы потому, что состав Парламента постоянно менялся, а позиция оставалась неизменной. Причины, на мой взгляд, лежат глубже, — они в самооценке служителей власти, их защите своего места в обществе.

Сведение политических счетов путем насилия посягало на власть Парламента как органа установления «справедливости», наносило ущерб судебной власти короля. Защищая судебную процедуру разрешения конфликтов, парламентские чиновники защищали свою власть, которая так много проигрывала от политических расправ. Они не становились открыто на сторону ни одной партии, осудив, однако, вместе с Парижским университетом убийство герцога Орлеанского, вопреки общественной эйфории. В действиях герцога Жана Бургундского они видели ущерб суду и порядку, но его убийство людьми Карла также не было поддержано Парламентом.

Защищая, по сути, свою власть, парламентские чиновники в итоге утверждали в обществе важнейшие принципы государственного управления и ценности правового государства.

§3

Мир любой ценой

Позиция парламентских чиновников в отношении политического насилия была частью их отношения к гражданской войне в целом. Отстранившись от оправдания герцога Бургундского, лишив своей санкции политические расправы в Париже в период вступления войск бургиньонов, осудив дофина Карла за убийство Жана Бесстрашного на переговорах в Монтеро, парламентские чиновники таким образом боролись против главного своего врага — частной войны, которая являлась преступлением против власти короля, ущемлением его прерогатив и компетенции его институтов.

Отношение Парламента к борьбе бургиньонов и арманьяков было довольно специфическим и стояло в обществе несколько особняком на всем протяжении этого многолетнего конфликта³⁸. Суть его в том, что парламентские чиновники не видели разницы между враждующими партиями, считая порожденную ими гражданскую войну злом. Так Парламент думал с самого начала конфликта, так продолжал думать в меняющихся обстоятельствах. Так до поры думал едва ли ни один Парламент.

Прямое упоминание «о споре между сеньорами Орлеанским и Бургундским» относится к концу 1405 г., т. е. за два года до убийства Людовика Орлеанского: Парламент напоминает о том, что он передал в августе на рассмотрение Королевского совета целую программу, призванную положить конец «спору», из-за которого в королевстве происходит «недостаток в суде». Таким образом, с первого же упоминания о борьбе бургиньонов и арманьяков Парламент определяет ее последствие — «ущерб суду» королевства (23 ноября 1405 г.).

Исходя из этого парламентские чиновники реагируют на обращения к ним враждующих партий. 16 августа 1409 г. граф де Невер, из партии бургиньонов, выслушал в Парламенте суровую отповедь в ответ на призыв защитить его интересы: ему указали, что причина ущемления его интересов — сама борьба партий, «одно из дурных дел, которые в большом количестве совершаются в королевстве». Та же позиция Парламента была выражена на открытии сессии 12 ноября 1410 г., когда было заявлено, что «еще не читали в истории о таком ущербе королевству, какой наносят брабантцы, лотарингцы, арманьяки и другие со всех концов королевства... и совершили все зло, какое можно совершить, кроме публичного поджога... все разрушили и унесли, что можно было унести, и разграбили к большому бесчестью короля и королевства». Вновь эта позиция звучит и на заседании 13 июля 1411 г., на котором обсуждались действия в отношении «воинов герцогов Бургундского и Орлеанского и других, кто вредит королевству во многих областях».

Позиция парламентских чиновников резко отличалась от мнения в обществе, где если и осуждалась война в целом, то все же вина возлагалась на одну из партий или выстраивалась своеобразная иерархия зла³⁹.

Сторонники обеих партий предпринимали усилия склонить на свою сторону Парламент, в частности, имела место попытка его подкупа сторонниками бургиньонов, которые традиционно были сильны в Париже. Депутация от Парижа пришла в Парламент и предложила «помощь» в уплате налога на содержание армии. Объясняя свою щедрость «положением, обязанностями и низкими доходами» чиновников Парламента, депутация обвинила «герцогов Орлеанского, Бурбонского, графов Алансона и Арманьяка и многих других их сторонников и соучастников», которые совершают «атаки, захваты, поджоги, грабежи и убийства и другие насилия... против этого города и его жителей». Очевидно, что в обмен на денежную компенсацию (уплату части налога с Парламента) власти города рассчитывают на переход парламентских чиновников в ряды бур-

12. Знаки партий арманьяков и бургиньонов

гиньонов. Парламент после недолгого обсуждения оставил в силе свое прежнее решение самому уплатить налог в размере 1 тыс. турецких ливров (14 ноября 1411 г.).

По существу, парламентские чиновники пытались выглядеть третейскими судьями в этом конфликте, исходя из утверждаемого ими образа верховного суда как защитника «общего блага». Поэтому еще на заре зарождающегося конфликта в 1401 г. герцог Бургундский Филипп Храбрый обращался в Парламент с надеждой, что именно эта палата будет стоять на страже соблюдения законов в государстве. Уехав из Парижа по случаю женитьбы своего сына, он отправил письмо в Парламент, прося его «заниматься делами короля, чтобы его домен и собственность не управлялись так, как сейчас. Ибо, по правде, это большая жалость и печаль (то, что происходит)». Ответ Парламента выдержан в духе утверждаемого им образа суда: «Угодно ли Вам узнать, что во всех делах его домена и имущества, которые нас касаются или нам принадлежат, как и в области наших обязанностей в делах суда и других, для чего мы и призваны, мы всегда готовы обсуждать, советовать, трудиться и работать всей нашей властью самым законным и тщательным образом, каким сможем и должны к выгоде и чести сеньора короля и его королевства, и Вашей» (29 октября 1401 г.)⁴⁰.

И именно поэтому к Парламенту апеллировали обе враждующие партии, как уже упоминавшийся Филипп де Невер, брат Жана Бургундского, когда в Париже поговаривали о том, что он повесил королевского сержанта, который привез ему вызов в суд по делу о владениях в Куси (сержант был найден на дороге повешенным, а рядом с ним валялись обрывки разорванного письма), и, испугавшись, граф де Невер оправдывается тем, что он «почитает Бога, всех свя-

тых, суд и короля», что «он слишком стар для таких дел», и что «ему лучше было бы умереть, чем совершить подобное» (16 августа 1409 г.). Или арманьяки, чьи письма о том, что «честь короля, его суд и состояние королевства и общего блага ущемлены и попорнены», обсуждались 9 сентября 1410 г.

Такие обращения косвенно подтверждают значимость для партий заручиться поддержкой Парламента, хотя он всячески уходил от прямого ответа. Так, 20 мая 1412 г. герцог Орлеанский, с целью объяснить свои действия Парламенту, использует в качестве гонца некую «бедную женщину из деревни в области Дюнуа» (ей обещали, что если она доставит письмо, ее мужа, которого держат под стражей в гарнизоне Шатоден, отпустят); а 23 мая 1412 г. гонцом был уже «добрый старый крестьянин». Однако Парламент решил оба письма отправить королю и его совету, «полагаясь на их решение».

Точно так же Парламент поступил и с письмом герцога Бургундского, присланным в Парламент 28 ноября 1414 г., в котором он «жалуется, что жители городов Шалон и Витри... не пустили его внутрь городов, не продали ему продуктов за его деньги», ссылаясь на королевские приказы.

Почему же обе партии обращаются в Парламент? Тем более что Парламент передает все письма в Королевский совет. Видимо, для обеих партий важен общественный резонанс своих действий, они хотят оправдаться перед учреждением, призванным защищать право всех подданных на «справедливость».

В то же время Парламент вел активные действия ради прекращения войны, даже невзирая на запреты, поскольку мир воспринимался им как основное достижение верховной власти, в первую очередь судебной⁴¹.

Парламент не был нужен для оправдания политического насилия, зато использовался властью для попыток восстановить мир и законность в стране. В ответе короля на письмо принцев, требующих суда над убийцами Людовика Орлеанского, 20 июля 1411 г. сказано, что письма эти были прочитаны «в нашем присутствии и многих нашего дома и Совета и Палаты Парламента в большом количестве», и заявлено однозначно, что «если не смогут найти... доброго согласия и мира, готовы... совершить добрый суд и такой, что ни вы, ни другие не будут иметь повода печалиться из-за несвершения суда»⁴².

Утверждая образ верховного суда как защитника порядка, Парламент действовал против нарушителей мира в областях Франции. Так, 4 сентября 1409 г. в Парламенте слушался доклад помощника бальи и королевского прокурора Витри о «многих преступлениях,

проступках и нарушениях, совершаемых в бальяже Витри многими крупными сеньорами и другими... чтобы об этом позаботились». Тогда же были вызваны в Парламент бальи и королевский прокурор Шомона, «чтобы найти способ арестовать некоторых преступников, из-за которых могут произойти большие беды в Шампани». О том, что именно решили, не говорится, дабы «сохранить в тайне». 17 декабря 1409 г. Парламент призывает королевского прокурора и сержантов из Пуату для обсуждения действий «против герцога Беррийского» (партия арманьяков). Вот когда пригодилось Парламенту правило секретности заседаний: ему приходится действовать «против всех» и поэтому осторожность была совсем не лишней. Однако вскоре Парламент сталкивается с противодействием окружения короля, втянутого в борьбу партий и использующего верховный суд в своих целях. На заседании 20 января 1412 г. говорится, что «многие обращались в суд и возбуждали дела против некоторых капитанов и других чиновников нашего короля, но они не решались в Парламенте до сих пор по причине писем от короля». Парламент направляет представительные делегации одновременно ко всем главным лицам страны — канцлеру герцога Бургундского, канцлеру герцога Гиенского, Людовику Анжуйскому, дофину, королевскому прево Парижа, — дабы «узнать намерения сеньоров Франции» и, главное, требовать, «чтобы, если нет особых препятствий, из-за которых не могут свободно говорить с королем и сеньорами, Парламент мог бы свободно и беспрепятственно вершить суд». Как подчеркивает Парламент, вместе с делегациями пошли и «почтенные люди от университета и буржуа Парижа» в стремлении «показать авторитет и благо этой палаты для чести короны и выгоды подданных».

Удалось ли Парламенту «узнать намерения сеньоров», сказать трудно, но сеньоры могли понять намерение Парламента восстановить законность в стране. А вскоре они убедились в твердости этого намерения. 1 августа 1412 г. Парламент вынес жесткое решение против герцога Лотарингского, одного из бургиньонов, за «грабежи, поджоги и другие огромные преступления»: у него отбирается Нёфшатель и передается в руки короля, а также на него и «его сообщников» налагается огромный штраф. Показательно, что «объявление этого приговора долго откладывалось из-за просьб и ходатайств некоторых крупных сеньоров, которые препятствовали этому перед королем, дабы избежать худшего, как некоторые говорили». 27 августа 1412 г. в число судей «против арманьяков» король включает четырех чиновников: Жана дю Драка, четвертого президента

Парламента, Эсташа де Л'Атра, Никола де Бьянкура и Пьера Бюффьера, в чьем неприятии борьбы партий он не мог сомневаться⁴³.

За год до падения Парижа под власть бургиньонов Парламент предпринимает попытки наказать нарушителей мира: речь шла о пропагандистской акции Жана Бургундского, отправившего в города страны (Париж, Амьен, Осерр, Шалон, Труа, Реймс и др.) письма, которые его сторонники прикрепляли на ворота храмов, в наиболее людных местах, «содержащие угрозы огнем и мечом» наказать тех, «кто ныне управляет рядом с королем» (т. е. арманьяков). В этих письмах они названы «вымогателями, растратчиками, тиранами, предателями, отравителями (намек на болезнь короля. — С. Ц.) и убийцами» (24 мая 1417 г.).

Парламент пытался передать вопрос об официальной реакции на подобные обвинения Королевскому совету (14 июля 1417 г.), но проволочки ясно показали паралич власти. Тогда после речи генерального прокурора короля Парламент вынес свое решение, и оно было весьма смелым шагом в период, когда число сторонников бургиньонов росло по всей стране и письмо герцога Бургундского было повсеместно в городах встречено сочувствием. 21 июля 1417 г. Парламент заявляет, что эти письма являются «дурными, подстрекательскими и скандальными и ущемляющими королевское достоинство». Поэтому Парламент постановляет публично на заседании разорвать эти письма и так же публично разорвать все экземпляры в Париже и других городах королевства, во всех баляжах, сенешальствах и превотэ и разгласить на всех перекрестках, «чтобы все, кто имеет копию письма, принес или отправил ее немедленно после этого объявления под угрозой штрафа в 100 серебряных марок в Палату Парламента»⁴⁴.

У нас нет точных сведений, какие именно меры предлагал Парламент для выхода из политического кризиса, но главный путь парламентские чиновники явно видели в переговорах о заключении мира на любых условиях. «Необходимо непрерывно, безостановочно добиваться у короля, дофина и людей Совета согласия и прекращения раздоров подданных королевства» (13 января 1418 г.).

Стоит обратить внимание на то, что стремление к миру требовало от Парламента известных уступок, поскольку условия его заключения иногда наносили ущерб власти короля. Так, 3 сентября 1410 г. договор о мире между герцогами Бретонским и Бургундским был заключен ценой уменьшения королевского домена, и вызванные к королю первый президент Парламента Робер Може, генеральный прокурор короля и Никола де Бай вынуждены были согла-

ся на раздел земель, «ибо оно для блага королевства и чтобы избежать многих неприятностей, которые могут произойти в королевстве, если этого соглашения не будет»⁴⁵.

Поэтому парламентские чиновники участвуют во всех переговорах о мире, давая указы своим депутатам. 3 августа 1412 г. в Парламент было отправлено закрытое письмо короля, в котором он предписывал отправить шесть «достойных людей и первого президента» в качестве делегатов на собрание Штатов, которое будет в Осерре 10 августа, «для установления мира в королевстве». Вернувшись из Осерра 27 августа 1412 г. Анри де Марль и шесть чиновников Парламента рассказали о том, как был заключен мир между герцогами Бургундским и Орлеанским («эти сеньоры торжественно обещали мир между ними»). О радости Парламента свидетельствует тут же принятое решение организовать молебны во всех церквах Парижа и общую процессию горожан, в которой пойдут и чиновники Парламента.

Новые обращения в Парламент о действиях враждующих сторон встречали один и тот же призыв — садиться за стол переговоров. Это же Парламент постоянно советует окружению короля, не имея больше возможности говорить с ним самим (13 июля 1413 г.)⁴⁶. На заседании 2 августа 1413 г. собрались все палаты Парламента, чтобы обсудить, с какими предложениями поедет делегация на переговоры о мире в Понтуаз к герцогам Беррийскому и Бургундскому, «имея для этого достаточные полномочия». Предложения со стороны арманьяков были присланы в Парламент накануне, и в ходе их обсуждения были даны рекомендации с учетом мнения приглашенных — Парижского университета, церковных иерархов, глав Палаты счетов, купеческого прево города. Обсуждения шли долго и сложно, единое мнение стольких политических сил вырабатывалось с трудом; особенно медлил университет. Тогда Парламент решает (3 августа 1413) дать свое мнение, не дожидаясь остальных, и «пойти с Университетом, если он захочет пойти, или без него, если не захочет, просить выслушать их ответы... учитывая очевидную опасность» положения в стране. Возможно, такая позиция Парламента повлияла на крутой поворот, совершенный университетом: 4 августа в Королевский совет во дворец Сен-Поль пошли все чиновники Парламента, представители университета, Палаты счетов, капитула Парижа; здесь же были и дофин, и герцог Беррийский, и другие сеньоры. От имени делегации выступил мэтр теологии Парижского университета, взяв слова из Псалма 121 «Просите мира Иерусалиму», он выразил единое мнение в отношении заключения договора,

«что это добрый, справедливый и святой мир и должен быть заключен, и заключить его может только король». Вслед за этим по городу разнесся клич, и тысячи людей, «пешие и конные... буржуа и горожане Парижа», подтянулись к королевскому дворцу, «чтобы просить мира и отказа от войны».

О том, с какой тщательностью Парламент готов был следить за соблюдением мира, можно судить по программе мер, которую он разработал ради сохранения статей мирных договоров в Понтуазе и Осерре, заключенных с участием Парламента, на заседании 30 октября 1413 г.; и вообще судить, каковы те меры, которые Парламент в состоянии использовать для поддержания мира в стране. Проект поражает обстоятельностью: заставить всех имеющих власть, светскую и духовную, присягнуть этому миру, и требовать от них пресекать любую попытку словом и делом нарушить статьи договора; крупные сеньоры должны «изучить внимательно в их Советах договор, которому они и их главные советники клялись... чтобы эти договоры соблюдались по форме и по содержанию... и если эти советники увидят или узнают, что их сеньоры или другие делают или хотят сделать что-то против этих договоров или части их, пусть они предупредят или остановят сеньоров». Так же должны поступить все бароны, сенешали, прево, эшевены и коммуны королевства; для них предусмотрена специальная мера: имена и фамилии всех принесших клятву «будут записаны общественным лицом и переданы как можно быстрее канцлеру для хранения в Казне короля или другом месте». Все эти чиновники, имея на местах судебную власть, обязаны наказывать «всех подданных, нарушающих этот мир, или ропщущих и говорящих вещи, которые могут стать причиной, поводом или прикрытием нарушения мира». Здесь предусматривались и обычные стимулы для доносительства: «Всем, кто справедливо и без обмана заявит о нарушителях мира... отдавать 1/3 штрафа, на который будет осужден нарушитель». К бдительности призываются и церковные суды. Особенно строгие меры против «нарушителей мира» предлагаются для Парижа как столицы: здесь квартальные, пятидесятники и десятники должны следить, чтобы в городе не было никаких «собраний или волнений», и даже назначаются к прево Парижа 30-40 «добрых сержантов», которые должны будут объезжать город и таверны, «чтобы подслушивать, нет ли где ропота или разговора, который может быть причиной нарушения мира».

Столь тщательная и до деталей разработанная программа действий выдает не только стремление Парламента любой ценой удержать хрупкий мир, но и его бессилие против разгула политических

страстей. Ну что дадут хранящиеся в Казне списки присягнувших, если те не верят в честность противной стороны? И что могут 40 сержантов в море таверн и других общественных мест, где собираются бургиньоны в пробургиньонском Париже? Эту программу принято считать звеном в установившемся в Париже тираническом правлении арманьяков. Но нельзя не видеть за политическими задачами момента извечную мечту парламентских чиновников хоть как-то закончить распрю «сеньоров» в стране, пусть и ценой доносов и угроз. Говорить о жестокости или незаконности мер, предложенных Парламентом, и не видеть отчаянности этих мер и их невыполнимости в ожесточившемся обществе — значит не понимать реальной ситуации в тот момент в стране.

Переговоры следуют за переговорами, в них везде и всегда участвуют парламентские чиновники, которые снова и снова, держа свои советы в секрете, ищут путей примирения (29 марта 1414 г., 10 января 1416 г., 13, 15 января, 18 апреля 1418 г.).

Призыв к объединению королевства перед лицом английской интервенции становится лейтмотивом парламентской политики после 1415 г.⁴⁷ Так, на заседании 2 июня 1418 г., где обсуждалось, что «надо сделать для мира, единства и спасения королевства», было решено отправить солидную делегацию к дофину Карлу, чтобы убедить его «вернуться к королю в Париж и не удаляться от короля, королевы и других... дабы держать и укреплять королевство в мире, любви и добром единстве, чтобы лучше сопротивляться англичанам». Вновь парламентские чиновники говорят об этом на заседаниях 6 и 8 июня 1418 г. Вскоре такая позиция Парламента начинает вызывать недовольство короля и его окружения. 15 февраля 1419 г. король направил в Парламент письмо, где высказал свои претензии: находясь вдали от Парижа и не желая туда возвращаться, король «удивляется»: и политике Парламента по отношению к Парижу и другим городам, и, главное, посольствам к дофину, которые были сделаны без его ведома и разрешения. Те же претензии повторяет и герцог Бургундский, описывая в письме Парламенту свои усилия для «мира и единства королевства», сваливая их неуспех на противную сторону.

Парламент собрался на заседание, чтобы продумать ответ королю, где среди прочих «оправданий» своих действий и скрытых упреков в адрес короля и герцога Бургундского заявляет, что посольство было отправлено с печатью канцлера королевства и главы Королевского совета, и «туда поехали для добрых целей и с добрыми намерениями, и от этого не последовало никакого ущерба, угрозы или несообразности».

Как только ответ был готов и послы отправлены к королю, Парламент вновь 17 февраля 1419 г. назначает делегатов на переговоры с людьми дофина Карла «о всеобщем прекращении войны в королевстве». 21 февраля от дофина были получены ответные письма, которые Парламент торжественно прочел 22 февраля в присутствии канцлера, королевского и купеческого прево Парижа, делегации Парижского университета, эшевенгов и других буржуа и жителей Парижа. Письма эти были «ратифицированы и одобрены». Затем были обнародованы и закрытые письма дофина, где он сообщает о достигнутом перемирии с англичанами, «чтобы его соблюдать между реками Сеной и Луарой».

В этом контексте можно оценить, какова же была мера неприятия Парламентом насилия, если после стольких усилий по установлению диалога с дофином, даже ценой конфликта с королем, он сразу и бесповоротно прервал переговоры из-за убийства на мосту Монтеро Жана Бесстрашного.

Парламентские чиновники стараются следовать букве закона и принципам, лежащим в основе власти их института, но лишь на ниве переговоров, отказываясь «послужить делу мира» в ином качестве, например как воины (5 февраля 1414 г.). В этом вопросе важна не столько защита Парламентом своих прерогатив, сколько отстаивание самого принципа: парламентский чиновник не имеет права принимать сторону одной из партий, пусть и по приказу короля, тем более брать в руки оружие. Своим оружием, и весьма мощным, они считали судебные и административные полномочия, политическую власть в стране. И это существенно, учитывая, что среди парламентских чиновников были сторонники обеих враждующих партий⁴¹.

Обретая авторитет беспристрастного суда, Парламент защищает своих чиновников от подозрений в принадлежности к враждующим партиям. В этой связи очень характерен конфликт Парламента с арманьяками в период их «тиранического правления» в Париже. 31 августа 1417 г. от имени короля поступил приказ об изгнании из государственного аппарата сторонников бургиньонов, в том числе и из Парламента. В Парламент прислали поименный список из 21 чиновника, подлежащих удалению из Парижа «на некоторое время», «под предлогом того, что их подозревали в благосклонности и приверженности герцогу Бургундскому». Но Парламент категорически против. Решено отправить в Королевский совет делегацию из президентов и советников, чтобы «показать... невиновность этих советников и чиновников». Получив отказ, Парламент выторговывает хотя бы изменение формулировки. Деталь? Для Парламента —

ключевая. Парламент добивается от короля для своих чиновников «охранных грамот» специального содержания, где говорится о том, что все они отправлены самим же королем в разные части королевства «по некоторым нуждам, касающимся дел короля и Парламента», чтобы снять с них на будущее обвинения в причастности к борьбе партий.

Почему Парламент встает на защиту 21 чиновника? Ведь они принадлежат к разным, воюющим партиям. Видимо, репутация учреждения значила больше, чем политические задачи близкой им партии. Парламент в целом заинтересован в бесперебойной работе: она дает его чиновникам и власть, и благосостояние, и политический вес в обществе.

Но все чаще в протоколах секретаря появляются записи о том, что Парламент закрыт, не может работать из-за обострения ситуации. Фраза «Суд не работает» (*Curia vacat*) стала лейтмотивом в жизни Парламента в период гражданской войны. Парламент не работает, приговоры не выносятся, чиновники не могут прийти во Дворец — что может быть хуже для его служителей? Какие сиюминутные успехи той или иной партии возместят этот простой? И главное — бездействующий суд создает опасный прецедент: общество начинает само вершить свой скорый, пристрастный и незаконный, с точки зрения магистратов, суд.

Именно эта связь положения и власти Парламента со стабильностью в государстве определяла политику учреждения в отношении гражданской войны: она была объявлена «ущербом суду королевства» и посягательством на власть Парламента. Так, на заседании 4 сентября 1409 г., разбирая действия в бальяже Витри «многих крупных сеньоров», Парламент однозначно квалифицировал их как «дело, касающееся короля и его суда». 12 ноября 1411 г. Парламент дал отсрочку рассмотрению дел «из-за препятствий воинов в королевстве и особенно на дорогах Франции во всех областях».

На открытии сессии 12 ноября 1410 г. связь войны с работой суда объявляется Парламентом как основная черта сложившейся обстановки в стране: «Из-за больших опасностей... во всех областях королевства... никто не решается приезжать в Париж, как из-за воинов, а точнее их назвать ворами и грабителями, так и из-за разбойников и шаек», тяжущиеся «стороны не могут вовремя предстать перед судом и преследовать свой иск из-за воинов». Ущерб суду — вот главный итог войны, суду и, следовательно, законности в стране. Призванный защищать интересы короля, Парламент и в этом вопросе защищает прежде всего свои интересы, ибо его власть пря-

мо зависит от власти короля. И когда Парламент 9 марта 1412 г. наказывает чиновников за «восстание против короля», т. е. за участие в партии арманьяков, он тем самым пресекает и отступничество от интересов института власти.

Поэтому, слушая на заседании 13 июля 1413 г. доклад о переговорах о мире, Парламент повторил, что и бургиньоны, и арманьяки «ущемляли и ранили власть и авторитет короля и его суда, которыми это королевство, являющееся самым благородным, раньше управлялось». И всякий раз, когда Парламент действовал против гражданской войны или его просили высказать свои предложения по ее прекращению, он неизменно определял ее главным образом как ущерб суду и королевской власти (последнее упоминание — 15 июля 1417 г.).

Так в ходе гражданской войны Парламент отстаивает принцип незаконности частной войны в королевстве, который был одним из важных в развитии теории королевской власти как суверенной и стоящей над всем обществом силы порядка⁴⁹. Парламентские чиновники были против любой войны, объявленной не королем, объясняя это заботой о власти короля (29 августа 1412 г.). Например, в упоминавшемся уже эпизоде с обращением в Парламент графа де Невера, последнему, среди прочего (16 августа 1409 г.), было сказано, что его действия — «очень дурной пример», ибо создают прецедент неподчинения королю и его законам.

Выступая против гражданской войны, Парламент использует свою главную прерогативу — возбуждение судебного иска, т. е. против незаконных акций действует с помощью закона. Так, 6 мая 1410 г. генеральный прокурор короля возбуждает иск против действий герцога Лотарингского (бургиньон), квалифицируя его акции как оскорбление величества (*lesé-majesté*) — высшее преступление в королевстве. 17 мая 1410 г. во время рассмотрения этого дела действия герцога Лотарингского были квалифицированы именно как наихудшее уголовное преступление: «Восстания, неподчинения, грабежи, убийства и другие преступления против короля и его суверенитета, которому герцог, являясь его слугой и вассалом (*homme lige*), обязан подчиняться».

Весьма показательно, что в тот же день, когда утром было вынесено это решение против бургиньона, после обеда рассматривался иск герцога Бретонского (арманьяк), протестующего против рассмотрения в Парламенте его спора с капитулом Сен-Мало, и этот протест был квалифицирован как «ущерб королю и его сеньории». Так в один день Парламент наказывает и бургиньона, и арманьяка (17 мая 1410 г.).

Наконец, в развернутом виде положение о незаконности частной войны в королевстве было представлено 16 июля 1417 г. по поводу писем герцога Бургундского, отправленных им в разные города, чтобы «склонить их к неподчинению королю». Зная о благосклонности к этим письмам в городах, Парламент решается осудить действия герцога Бургундского и квалифицирует их как частную войну, незаконную и, следовательно, преступную. В своей речи генеральный прокурор так определяет «законную» войну: «Только король имеет право объявлять войну, и она должна быть вызвана необходимостью, а не произволом»; никто не имеет права «давать повод чиновникам и подданным своего сеньора поднимать бунт или мятеж». Исходя из этого, герцог Бургундский объявляется преступником, ибо «он хочет привлечь на свою сторону благосклонность народа королевства, давая повод народу и подданным короля оказать неподчинение королю, что является самым большим злом, какое вассал или подданный может совершить в отношении своего сеньора, и особенно сейчас, зная о состоянии королевства и о том, что враги (англичане. - С. Ц.) готовы высадиться в королевстве»⁵⁰.

Благосклонность и даже любовь к герцогу Бургундскому, которых он добился в стране, объясняются во многом его демагогией и популизмом, ибо он играл на самых чувствительных струнах: прежде всего выступал против налогов и обещал их отменить⁵¹. Желая изобличить лживость подобных обещаний. Парламент особо подчеркивает законность налогов: «В отношении же того, что в письмах говорится о тальях, каждый знает, что во время войны в случае необходимости позволительно (*loisible*) собирать талью и поборы, и всем известно, что герцог Бургундский, находясь в Париже, объявлял и собирал много талей и поборов».

Можно объяснить смелость Парламента тем, что в этот момент он действует по указке арманьяков, чье правление установилось в Париже в этот период. Так и поступали практически все исследователи. Отдельно взятые, действия Парламента вполне могут быть объяснены политической конъюнктурой, и только рассмотренные в комплексе на всем протяжении этой войны, они приобретают черты самостоятельные и вполне независимые от конкретной ситуации. В самом деле, даже если принять высказывания Парламента в 1417 г. как выполнение воли арманьяков, нельзя не услышать в них обвинений против гражданской войны, независимо от того, кто ее ведет. Парламент обвиняет нарушителей мира и законов, ущемляющих власть короля и его администрации, и те же самые слова могут быть обращены и обращались (как мы видели) и в адрес арманьяков⁵².

Парламентские чиновники видели в войне ущерб своей власти, положению и материальному благополучию, поэтому однозначно выступали против гражданской войны и, как следствие, против обеих партий и были единственными, кто соглашался на любой мир, если он не посягает на основы власти⁵³. Думаю, что нет нужды в восхвалении Парламента: он следовал своему пониманию общественного назначения суда — быть прибежищем закона и справедливости. Суть института — в монопольном праве вершить суд и устанавливать «справедливость для всех», и поэтому сведение личных счетов индивидуально и вне суда расценивалось им как посягательство на его монопольную власть. Парламент может функционировать в полном объеме своих функций только в мирное время. Отстаивая власть короля, в том числе утверждая власть короля объявлять войну и, следовательно, ставя вне закона войну частную, парламентские чиновники развивали идейные основы королевской власти, публично-правовые принципы деятельности его институтов и лишали правовых санкций политические расправы и произвол.

§4

«И те, кто были французами, стали англичанами»⁵⁴

123

В истории Парижского Парламента едва ли не самым драматичным и сложным является именно этот период раскола и существование в течение 18 лет двух параллельных Парламентов с одинаковыми функциями и компетенцией: в Париже — под властью англо-бургиньонов и в Пуатье — под властью Карла Валуа⁵⁵. Зная о приверженности парламентских чиновников идеям сильной централизованной власти и корпоративным принципам, можно оценить, насколько этот раскол стал «проверкой на прочность» и этих идей, и этих принципов. Внешняя сторона событий вполне позволяет считать традиционно сильную пробургиньонскую часть Парламента виновной в этом расколе и, следовательно, в связи с крахом «двойной монархии», проигравшей стороной. Допустимо также причислять парламентских чиновников, работавших в Париже в 1418-1436 гг., к предателям интересов Франции, как их называли сторонники Карла Валуа⁵⁶. Однако у чиновников Парламента в Париже была своя логика поведения, свидетельствующая о четкой позиции, понять которую можно, проследив, как и почему это произошло.

Состояние войны с Англией определяло все сферы жизни общества, и угроза английского вторжения учитывалась Парламентом задолго до 1415 г., определяя его жесткую политику по поиску мира в стране перед лицом «традиционных врагов королевства». Еще в 1409 г. (31 декабря) мелькает в протоколах информация об отслеживании французами подготовки Англии к высадке во Франции.

Эта угроза постоянно отмечается Парламентом в качестве главного стимула для примирения враждующих группировок в стране: 31 августа 1413 г. Парламент настаивает на неотложных мерах ввиду «неминуемой угрозы от англичан»; 31 июня 1417 г. в ходе обсуждения новых налогов в королевстве говорится о необходимости «сопротивляться англичанам и другим противникам королевства»; 2 июня 1418 г. в переговорах Парламента с дофином Карлом звучит требование «держатъ и укреплять королевство в мире, любви и добром единстве, чтобы лучше сопротивляться англичанам, старым врагам королевства». Отношение к англичанам в Парламенте не изменилось и после перехода Парижа под власть герцога Бургундского, и это стоит отметить, поскольку принято считать Парижский Парламент «предательским» с 1418 г. Между тем после лета 1418 г. Парламент не прекращает действия против англичан — врагов страны. Так, 12 ноября 1418 г. говорится о необходимости защитить Руан от англичан; 29 декабря того же года Парламент отправил посольство к королю с целью уговорить его «сильнее нападать на англичан, которые осаждают Руан».

Парламент поддерживал герцога Бургундского и продолжал работать после расправы «над арманьяками», но было ли это национальным предательством? Парламентские чиновники приносят клятвы (возобновление работы «обновленного» Парламента) 30 августа 1418 г. «в присутствии герцога Бургундского», но клятвы их — «королю и его суду, служить и подчиняться им законно». В клятве есть и слова поддержки герцога Бургундского, но в чем? «Участвовать... с герцогом Бургундским, чтобы поддержать, охранять и укреплять суд короля, мир и спокойствие королевства и Парижа». И самое важное: одновременно герцог Бургундский приносит «клятву» Парламенту: «Служить законно королю и подчиняться ему, помогать и способствовать его суду». И только в этом позиция парламентских чиновников «пробургиньонская»⁵⁷.

Итак, в действиях парламентских чиновников в период от вторжения англичан в 1415 г. до заключения договора в Труа в 1420 г. видна позиция Парламента по отношению к войне с Англией: никакого предательства национальных интересов, никакого пособни-

---

13. Разграбление города

чества «старым врагам». При этом чиновники проводят грань между войной гражданской и войной внешней, считая последнюю самым важным делом, ради которого обязано сплотиться все общество. Именно под этим углом зрения оценивают они и гражданскую войну после 1415 г., квалифицируя сговор с англичанами как национальное предательство⁵⁸. Уже в 1416 г. (22 января) Парламент судит некоего каноника за преступление против величества (*lèse-majesté*): «Он советовал и помогал королю Англии и англичанам против общего блага королевства». Парламент квалифицирует действия и Жана Бургундского как предательство национальных интересов, поскольку «он запрещает кому бы то ни было из своих подданных вооружаться против англичан». Причина — сговор с врагами: «Он

заклучил перемирие и перерыв в войне с Англией на один год, хотя король объявил войну против англичан» (11 августа 1416 г.).

Стоит в полной мере оценить мужество парламентских чиновников, ведь, заключив перемирие с англичанами, герцог Бургундский развязал себе руки против арманьяков, царивших в Париже в это время, и собирался нанести им решающий удар. 13 августа 1416 г. Парламент вместо работы вынужден спешно решать, как оборонять Париж от надвигавшихся на него войск герцога Бургундского, отчего «Парламент, адвокаты и прокуроры и жители Парижа были очень взволнованы и возбуждены». Угрозы герцога Бургундского тем более реальны, поскольку «коннетабль и войска ушли (из Парижа) против англичан в Арфлёр».

На заседании 16 июля 1417 г. генеральный прокурор обвинил герцога Бургундского в преступлении против королевского величества, поскольку он подстрекал города и подданных к неповиновению королю в такое опасное время, «как сейчас, видя состояние королевства и то, что враги высадились в королевстве».

Парламент всегда видел в гражданской войне эту направленность — ослабление страны перед внешним врагом: 25 ноября 1418 г. упоминается об игнорировании многими дворянами и городами призыва короля к ополчению (бан и арьер-бан), когда «пришло мало людей под предлогом споров и раздоров в королевстве»⁵⁹. Таким образом, Парламент делает различие между врагами внутренними и внешними, считая, что с первыми надо искать пути примирения. Одним из реальных путей национальной консолидации Парламент считает проведение реформ в государстве, выполнение части разумных требований воюющих партий. Так, 17 апреля 1417 г. Парламент обсуждает, а 15 мая предлагает принять программу реформ, устраняющую «некоторые ошибки, которые есть в управлении королевством». В ее разработке принял участие весь Парламент, окончательный вид программе должны были придать пять чиновников Парламента, среди них Никола де Бай, и предложить ее на заседании Королевского совета. Такая позиция Парламента нашла единомышленников и в лице кардинала Сен-Марка, отправленного Папой для поиска путей примирения внутри Франции (3 мая 1418 г.).

Однако главные усилия Парламента в 1417-1419 гг. были направлены именно на примирение короля с дофином, что важно для характеристики политической позиции его чиновников.

Впервые переговоры Парламента с дофином Карлом упоминаются 14 января 1417 г.: тогда Парламент отправляет двух своих советников в Компьень к дофину, чтобы «умолить его позаботиться о

войне, которую ведут в королевстве англичане и другие отряды грабителей во многих частях королевства». Вновь «пробургиньонский» Парламент ищет пути примирения с дофином: 21 июня 1418 г. в Лувре собирается Королевский совет, где обсуждаются меры для «мира, единства и сохранения королевства», среди них — посольство к дофину в Мелен, дабы уговорить его «вернуться в Париж и не удаляться от короля, королевы и их родственников, которые находятся в обществе короля, чтобы лучше сопротивляться англичанам». Посольство было отложено, так как пришло известие, что дофин уехал еще дальше от Парижа, и отправлено только 8 июля 1418 г., в его состав вошли два чиновника Парламента. В итоге 16 сентября 1418 г. был заключен мир между королем и дофином: от короля в Венсенском замке присутствовали королева Изабо, герцоги Бургундский, Бретонский, Анжуйский, Алансонский; от дофина — его советники и послы. 19 сентября 1418 г. мир был утвержден Парламентом, все чиновники которого поклялись его соблюдать. Радость была всеобщей, в Париже зажгли огни, звонили во все колокола.

Обратим еще раз внимание на то, что поиск мира и объединения королевства имеет в виду общего врага — англичан, о сопротивлении которым Парламент не устает сообщать. Но этот мир не принес согласия: еще через месяц, 15 ноября 1418 г. во дворце Сен-Поль в присутствии Парламента, университета и муниципалитета Парижа были объявлены претензии короля к дофину в связи с принятием последним титула королевского наместника (*lieutenant général*). Король настаивает на повторении клятвы Парламента договору, заключенному в сентябре, уже не уверенный в лояльности парламентских чиновников.

И действительно, Парламент не прекращал общение с дофином Карлом. Когда продвижение англичан внутри страны стало угрожать Парижу, Парламент в числе других неотложных дел решает отправить посольство к «Тангидю Шателю и другим капитанам и воинам, называющим себя сторонниками дофина», чтобы рассказать им об «опасности, в которой находится королевство из-за войны, которую они ведут против подданных короля и против Парижа, и попросить их, по крайней мере, если они не хотят мира, чтобы заключили перемирие на некоторое время» (9 февраля 1419 г.). Реакция короля и герцога Бургундского была быстрой и категоричной: никаких переговоров с дофином — вот путь к единению страны⁶⁰. 10 февраля 1419 г. от имени властей с Парламентом, который пригласил на заседание купеческого прево и эшевеннов, членов Королевского совета и даже квартальных, десятников и просто «по-

ченных буржуа Парижа», говорил первый президент — ставленник бургиньонов. Его речь свелась к упрекам Парламенту за его попытку договориться с дофином и к призыву «не делать заговоров, собраний... или частных консультаций... чтобы не возбуждать подданных к бунту или мятежу одних против других... и чтобы в переговорах о мире... не делать отделения или отъединения Парижа, чтобы его поставить в подчинение Дофину или тех, кто называет себя правителями от его имени, против короля и герцога Бургундского и против всех остальных городов королевства, подчиняющихся им». Для герцога Бургундского главный враг — дофин Карл, а поиски Парламентом примирения с дофином для него еще «большее зло, чем война, ибо через это средство война и раздор не прекратятся вовсе, но усилятся».

Следует обратить самое пристальное внимание на этот открытый конфликт «пробургиньонского» Парламента с герцогом Бургундским, поскольку он не только перечеркивает картину единодушия «очищенного» Парламента и бургиньонских властей, бытующую в историографии, но и обнажает главное препятствие такому единодушию: нежелание герцога Бургундского идти на компромисс во имя сохранения единства страны и прекращения войны⁶¹.

Со всей откровенностью конфликт Парламента и властей был обозначен на заседании 15 февраля 1419 г., где собралось около 200 человек: весь Парламент, представители Парижского университета, купеческий прево и почтенные горожане. Собранию были зачитаны письма от короля и герцога Бургундского из Провена. Король «удивлен» (*s'emerveille*) всей линией поведения парламентских чиновников, а герцог Бургундский обвиняет во всех бедах дофина Карла: «И если кто-то иначе говорит, пусть они этому не верят». Парламент дает ответ в присутствии представителей университета и муниципалитета и настаивает на своем: «Эти послы были мудрыми и честными людьми, которые не совершили никакой ошибки и зла». Когда же послы короля пожелали получить в письменном виде все то, что было заявлено устно, им через сутки ответили, что «не дадут никакого письменного ответа, и пусть они доложат о сказанном» (устно).

Явной демонстрацией неповиновения Парламента стала отправка в тот же день новой делегации к «Танги дю Шателю и другим капитанам, называющим себя сторонниками дофина, чтобы вместе поговорить об общем перемирии в войне» (17 февраля 1419 г.).

Обмен письмами с дофином продолжался вплоть до убийства герцога Бургундского (сентябрь 1419 г.) сторонниками Карла: 21 февра-

ля 1419 г. он сообщает Парламенту и Парижу о перемирии, заключенном с англичанами в области между Сеной и Луарой; 13 марта 1419 г. он извещает, что принял титул регента королевства, и Парламент, одобряя этот шаг, заявляет, что этот шаг не наносит «ущерба или урона власти короля, нашего суверенного сеньора, ибо от этого регентства и управления королевством... никак не вытекают такие последствия». Более того, он выступает посредником между дофином и королем, убеждая последнего в необходимости начать переговоры и объявить перемирие на это время, «о чем дофин много раз просил... и ничего не было сделано». Упрек в адрес противников дофина здесь почти не скрыт, и Парламент не только благодарит дофина за эту инициативу переговоров, но и намерен «ускорить и преследовать перед королем переговоры о мире в королевстве». Парламент даже отправляет к королю с этой миссией президента Следственной палаты и нескольких чиновников (3 апреля 1419 г.).

В итоге герцог Бургундский от имени короля требует от Парламента больше не вступать в переговоры с дофином «в обход короля и без его разрешения или приказа» (3-4 мая 1419 г.).

Кстати, за стенами Дворца сближение Парламента с дофином одобрялось не всеми: так, Ги Аннекен открыто заявлял, что в Париже дурное и предательское управление, «и все эти прево и эшеваны в душе арманьяки!». 5 мая 1419 г. прево и эшеваны, а также 21 «почтенный буржуа Парижа» обратились в Парламент с просьбой возбудить против него «гражданский иск (a fin civil)», поскольку речи Аннекена «ведут к бунту, чтобы возбудить некоторых людей убить «прево и чиновников». Ги Аннекен, посаженный в Шатле, был переведен по приказу Парламента в Консьержери, а дело передано на рассмотрение епископа Парижа, так как обвиняемый был человеком духовного звания⁶².

И перемирие между дофином и Жаном Бесстрашным было заключено в июле 1419 г. с участием Парламента, в частности президента Жана Рапиу (15, 20, 31 июля 1419 г.).

Зная о кропотливых усилиях парламентских чиновников по поиску мира и примирения враждующих партий в стране, мы можем понять, почему убийство во время переговоров на мосту в Монтеро в сентябре 1419 г. герцога Бургундского сторонниками Карла воспринималось Парламентом как катастрофа.

Реакция осуждения убийства была единой и в окружении Карла VI, и в Парламенте. Но подоплека ее все же была разной⁶⁴. Окружение короля все время подозревало дофина в предательстве, в бунте против короля, хотя он не хотел подчиняться лишь герцогу Бур-

гундскому. Для этого окружения убийство в Монтеро явилось долгожданным и удобным во всех отношениях поводом объявить дофина «преступником», теряющим право на престол Франции. В Парламенте же все эти годы предпринимались реальные шаги на примирение с дофином. Но оправдать убийство он не мог⁶⁵. Обратим на это внимание: даже в такой ситуации Парламент не только не обвиняет самого дофина, но даже высказываются сожаления о нанесенном ему непоправимом ущербе, поскольку помимо «очень больших неприятностей» еще более крупные ожидаются от этого в будущем». Более того, здесь четко осознают, что дофин теряет права на французский престол: «к позору совершивших это в ущерб моему сеньору дофину главным образом, которого ожидало наследство и преемственность после короля, в чем он имел бы очень много помощи и покровительства, а теперь — еще больше врагов и противников, чем раньше» (11 сентября 1419 г.)⁶⁶. Убийство воспринималось как катастрофа не только в Парламенте, но и за его стенами. «Пробургиньонский, предательский» Париж так ждал союза с дофином, что всего лишь через год после превращения в «город бургиньонов» снял знаки Бургундского дома в момент начала переговоров в Монтеро. На следующий день Парламент собрал в своем зале канцлера, капитанов и воинов, королевского и купеческого прево, чиновников других королевских ведомств, квартальных, пятидесятников, десятников, просто буржуа и жителей Парижа — словом, всех для принесения клятвы верности закону и порядку в стране, дабы «помогать и заботиться всей властью в охране, сохранении и защите Парижа и... в общем сохранении и защите королевства; сопротивляться телом и всей силой позорным предложениям и предприятиям преступников, бунтовщиков и нарушителей мира и единства королевства, заговорщикам, виновным и замыслившим смерть и убийство герцога Бургундского» (12 сентября 1419 г.).

Вторым важнейшим звеном в политике Парламента в период, предшествовавший заключению договора в Труа, была активная и даже инициативная поддержка им сопротивления англичанам. Особое внимание уделялось обороне отдельных городов, особенно Руана, осада и последующая сдача которого стали одной из трагических страниц в истории Столетней войны.

Парламент неотступно следил за действиями короля, выслушивая доклады об «отчаянном положении Руана, осажденного англичанами». В городе царил ужасающий голод, не было средств для содержания гарнизона и армии, для покупки и подвоза продуктов. Канцлер обратился с просьбой о помощи для защиты города, «что-

бы из-за отсутствия финансов и помощи Руан не был взят и оккупирован врагами». Парламент дал на защиту Руана одну тысячу франков (15 ноября, 12 декабря 1418 г.).

Затем в Парламент пришли представители Парижского университета с просьбой повлиять на короля и герцога Бургундского и заставить их защитить Руан (20 декабря 1418 г.). Авторитет Парламента и его возможность влиять на действия короля были явно переоценены университетом, но факт такого обращения показателен. Парламент отправил делегацию из пяти советников во главе с президентом Следственной палаты Жаком Бранларом к королю в Понтуаз (26 декабря 1418 г.). По-видимому, последствия были невелики. 29 декабря 1418 г. чиновники собирались для обсуждения того, что они сами могут сделать «для сохранения Парижа, Руана и всего королевства». В тот же день до Парламента дошли слухи, что король и герцог Бургундский собираются уехать в Бовэ. В Понтуаз вновь отправились Жак Бранлар с двумя советниками к королю, прося не удаляться от Парижа иначе как для «преследования англичан, осаждающих Руан». Очередное такое посольство, теперь в Бовэ, было направлено 12 января 1419 г., т. е. через 14 дней. Кстати, здесь впервые возникает обстоятельство, характерное для последующей «посольской» деятельности Парламента — она осуществляется им за свой счет, т. е. из фонда взимаемых штрафов (13 января 1419 г.). Вскоре Парламент признает, что его усилия «имеют малый результат ввиду отсутствия помощи Руану» (14 января 1419 г.). Власти вынуждены оправдываться перед Парижем и Парламентом, что «сделали все возможное для сбора людей и налогов от добрых городов королевства, но многие не подчиняются... и большинство дворян королевства вовсе не подчиняются приказам короля» (17 января 1419 г.).

Третьим важным направлением в деятельности Парламента в этот период было участие в сборе налогов на оборону страны. Сбор налогов никогда не был легким делом, а их увеличение явилось источником постоянного напряжения в обществе. Так, в Парламент постоянно шли жалобы от городов, не желавших платить «налоги на оборону вообще», а не своего города, и в этом была одна из особенностей городского партикуляризма, проявившегося в Столетней войне. На заседании 27 мая 1411 г. рассматривалась жалоба от городов Оверни, отказавшихся платить налог на содержание гарнизонов в крепостях, поскольку «область... разорена и разграблена... до такой степени, что удивительно, как там могут жить люди». Но главное в том, что «эти крепости находятся вне их области... и если надо что-то платить, пусть это делают те, кого эти крепости защищают и

охраняют, а не они, кому от них ни тепло ни холодно». Участвовал Парламент и в сборе налога с Парижа (6, 11 ноября 1411 г., 27 марта 1415 г., 11 февраля 1418 г.).

При этом Парламент следил за тем, чтобы его добровольное участие в уплате налогов не обернулась потерей привилегий. Уже с начала английской агрессии (22 марта 1415 г.) попытка лишить Парламент привилегий имела место, но получила отпор, когда Королевский совет решил обложить чиновников-мирян Парламента налогом на общую сумму 600 парижских ливров «по причине войны, которую вели англичане против королевства». В ответ Парламент заявил, что «и в прошлом в королевстве были очень большие трудности, но никогда не платили субсидий чиновники-миряне», учитывая «их малое жалование и выгоды, а также обязанности и освобождение от налогов, соблюдавшееся до сих пор»⁶⁷.

Свою власть Парламент использовал и для контроля за расходованием денег. В период агонии режима арманьяков власти просили Парламент помочь в изыскании средств для «защиты королевства». В ответ на эту просьбу Парламент выдвинул программу исправления «ошибок в управлении королевством» (15 мая 1417 г.). Выслушать мнение Парламента о способах изыскания средств явился сам коннетабль Бернар д'Арманьяк, но вместо этого услышал требование отстранить от должностей всех главных комиссаров по сбору налогов и предоставить полный отчет о финансах. Поскольку нужно было в течение 4-5 месяцев собрать 8-9 тыс. франков, а в казне не было ни гроша, то Парламенту передали кое-какие бумаги о состоянии финансов (24 мая 1417 г.). Отчеты изучались еще целый день. 26 мая 1417 г. в Парламент вновь пришел коннетабль с представительной свитой, чтобы выслушать мнение Парламента о том, «как заставить все сословия заплатить королю». Парламент отверг предложенный властями способ «принуждения» сословий, уплатив от себя 2 тыс. франков. Вскоре и «мнение Королевского совета» о способе собрать налог было представлено для одобрения в Парламент (9 июня 1417 г.). Таким образом, Парламент участвует в этой не свойственной ему деятельности — сборе налогов, т. е. выполняет функцию сословно-представительного органа, поскольку в той ситуации расценивал это не как финансовый, а как политический вопрос⁶⁸.

За санкциями в Парламент обращались и бургиньонские власти: 3 октября 1418 г. в Парламент пришли канцлер, купеческий прево, эшевены и представители университета, чтобы обсудить решение о новом налоге на содержание армии и «защиту королевства».

Обращение в Парламент было вызвано тем, что налог предполагалось собрать со всех сословий, привилегированных и непривилегированных, а также с университета, обычно освобожденного от налогов. Парламент дал санкцию на сбор налога только после того, как узнал мнение города и университета, а также добавил в формулировку о налоге слова, что он предназначен на «сопротивление англичанам и поддержку жителей Руана, осажденного ими» (10 октября 1418 г.).

Как же случилось, что эти «французы», чиновники Парижского Парламента, потратившие столько сил на сопротивление англичанам, «старым врагам королевства», искавшие любой ценой мира и прекращения гражданской войны, вызывавшие поочередно гнев и короля, и бургиньонов, и арманьяков своими переговорами с враждующими партиями, — превратились в «англичан», в тех, кто присягнул договору в Труа, кто его соблюдал и исполнял, кого считали предателями?⁶⁹ Прежде всего поэтапность перехода от подданных Карла VI к подданным короля «двойной монархии» малолетнего Генриха VI несколько смягчала удар. И тем не менее возможность проследить перипетии этого «превращения», предоставляемая парламентскими протоколами, может многое прояснить в истинных мотивах поведения парламентских чиновников, в подлинной трагедии «ланкастерского» Парламента в Париже и ее последствиях для этого института власти⁷⁰.

Отметим, что с самого начала переговоров с Англией, завершившихся договором в Труа, чиновники Парламента были в целом настроены к ним враждебно⁷¹. Впервые о начале этих переговоров и реакции на них Парламента мы узнаем из протокола заседания 17 мая 1419 г., когда именно в Парламент пришли за советом и помощью канцлер, маршалы и главы Парижа: они сообщили о закрытом письме короля, которым он приказывал изъять 20 тыс. франков у глав монетного ведомства, предназначавшиеся для содержания армии, и отправить ему для оплаты поездки в Понтуаз на переговоры с англичанами. И Парламент решается, видимо, с согласия обратившихся за помощью, отказать королю, убедив его «в большом ущербе и неминуемых бедствиях, которые последуют, если эти суммы будут изъяты». Тем не менее уже 27 мая 1419 г. стало известно, что королева Изабо и герцог Жан Бургундский направились в Понтуаз «договариваться о мире и браке». К ним присоединились по приказу короля и чиновники Парламента: первый президент и четыре советника, сторонники бургиньонов (29 мая 1419 г.). Подозрения властей в возможной нелояльности Парижа подтверждает письмо гер-

цога Бургундского, прочитанное здесь 18 декабря 1419 г. канцлером: в нем содержалось требование в случае одобрения намерений, скрепить письмо к королю Англии печатью и подписями чиновников всех основных институтов власти в Париже. Герцог Бургундский прямо требует сообщить ему, «каково отношение в Париже к договору и есть ли намерение утвердить, исполнять и осуществлять своей властью то, что решат король, королева и герцог Бургундский». И хотя единогласно (*nemine in contrarium reclamante*) эти письма признали «разумными, полезными и правильными», подозрения властей были не безосновательны. Так, только в этой перспективе начавшихся переговоров с Англией понятна реакция Парламента на введение нового налога через две недели после письма герцога Бургундского. 4 января 1420 г. в Парламенте шло бурное и однозначно негативное обсуждение сбора талы с Парижа, поскольку это происходило якобы с одобрения Парламента. И вот тут, вновь единодушно (*concordablement*), было решено, «чтобы избежать и устранить крупные несообразности и скандалы», грозящие от этого налога, вообще прекратить его сбор, а деньги, уже собранные, вернуть обратно. Такого ещё не бывало в практике, и, чтобы никто не усомнился в подлинности этого решения, назавтра пригласили в Парламент («если захотят прийти») канцлера, королевского прево, генеральных советников финансов, Палаты счетов, купеческого прево и эшевенов, всех почтенных горожан, дабы «предупредить их об опасностях и несообразностях... и заявить им, что Парламент не давал никогда ни согласия, ни разрешения на сбор талы, никогда не приглашался и не присутствовал на обсуждении и принятии этого налога, и что в этом решении все президенты и советники единодушно одного мнения». В этой напряженной ситуации Филипп Бургундский решил привлечь Парламент к переговорам с Англией и тем снять противостояние: в письме от 3 февраля 1420 г. он просит прислать на переговоры представителей Парламента. Но чиновники не спешат с ответом. Собравшись 5 февраля 1420 г. и высказываясь вполне лояльно о переговорах, тем не менее они не только не согласны отправлять туда своих послов⁷², но и решают дождаться мнения остальных институтов, получивших аналогичные письма: Королевского совета, купеческого прево и эшевенов Парижа. А когда все, включая Палату счетов и Парижский университет, собрались 7 февраля 1420 г., выяснилось, что все ждут мнения Парламента и готовы поступить так же, как он. Круг замкнулся. Тогда Парламент высказал свое главное соображение — потребовать, чтобы переговоры проходили в Париже, надеясь, видимо, что совмест-

ными усилиями согласных с ним институтов и чиновников ему удастся повернуть переговоры в иное русло. Реакция короля была отрицательной: в письме 12 февраля 1420 г. он потребовал прислать послов в Труа «для блага и сохранения королевства». В это же время обозначился и конфликт Парламента с канцлером, который практически исключил Парламент из круга доверенных лиц власти. Отношение Парламента к начавшимся переговорам не могло абстрагироваться оттого факта, что англичане — по-прежнему враги королевства, и даже в период переговоров Парламент продолжал защищаться от их продвижения. Так, 29 февраля 1420 г. он обсуждал, как поступить с крепостью Бомон, которую англичане грозятся взять в ближайшую субботу, а крепость охраняла дорогу, по которой шло снабжение Парижа. И в совершенном отчаянии, при отсутствии какой-либо поддержки войск, Парламент решил добровольно сдать крепость, «видя, что она скверно охранена, плохо вооружена и не снабжена продуктами и не способна противостоять большой силе», чем ждать, пока «эту крепость захватят англичане, которые из-за этого могут очень разозлиться и принести еще большие убытки области вокруг». Как могли относиться парламентские чиновники к переговорам о союзе с теми, кого воспринимали как врагов, которых лучше не злить?

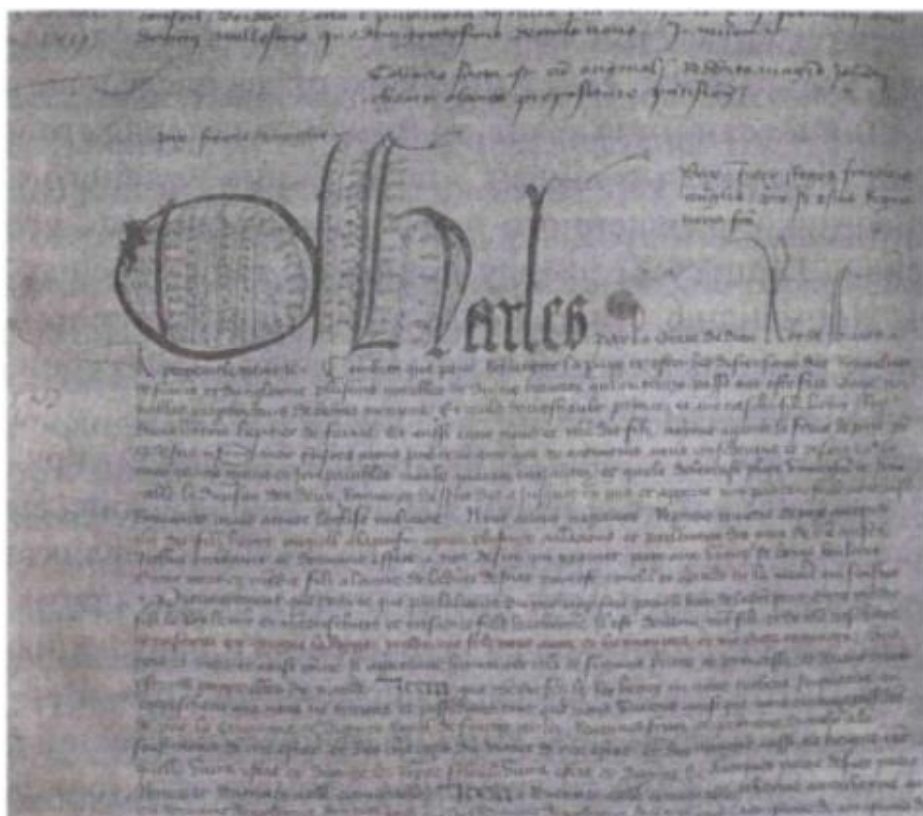
И все же парламентские чиновники понимали, не могли не понимать, что ситуация в стране тупиковая. Договор с Англией казался единственным спасением страны и условием ее дальнейшего существования⁷³. Брак Генриха V и Екатерины Валуа, дочери Карла VI, должен был сделать английского короля зятем, объявленным по договору «сыном Карла Валуа VI», а их ребенка — законным наследником обеих корон, и поэтому парламентские чиновники пытались хоть как-то улучшить условия этого договора, понимая неизбежность его заключения.

Вместе с тем, герцогу Бургундскому приходилось постоянно убеждать Парламент в том, что договор обусловлен тяжелой ситуацией в стране и преследует цель спасти ее: на заседании 29 апреля 1420 г. канцлер огласил в Парламенте письмо Филиппа Доброго, в котором он снова и снова объясняет, что стремится «помочь и избежать очень больших опасностей, убытков и помех... по причине войны между королевствами и избежать еще большего кровопролития и... избавить народ и подданных королевства от ущербов и потрясений, которые они испытывали и переносили ранее изо дня в день... для сохранения короля и его сеньории и чтобы избежать разорения и разрушения королевства и его законных подданных»⁷⁴.

К этим объяснениям были добавлены сведения о короле Англии Генрихе V «как о благоразумном и мудром, почитающим Бога, мир и правосудие». Таким образом, в ход были пущены все средства убеждения, однако Парламент соглашался одобрить этот договор только при условии его корректировки и внесения «некоторых изменений и мнений». Отсутствие уверенности властей в покладистости Парламента подтверждают и слова канцлера, который от себя вновь напомнил чиновникам, что «ранее они обсуждали и решили осуществить, поддержать и исполнить то, что решат король, королева и герцог Бургундский». Тут он прямо спросил их, «намерены ли они придерживаться этого» и получил в ответ «общее мнение» (*in turba*), что надо еще раз все обсудить. На следующий день канцлер, первый президент Парламента и Жан Ле Клер, президент Палаты прошений были отправлены в Понтуаз к королю Англии, чтобы «он принял и обсудил эти переделки». Таким образом, Парламент все еще колебался, поддерживать ли договор в Труа⁷⁵.

Наконец, 24 мая 1420 г. Парламент получил письма отдельно от короля Карла VI, герцога Бургундского и короля Англии Генриха V, где они просили принести клятвы договору в Труа и соблюдать его условия, что и было выполнено. Чужеродность короля Англии, как и его ставленников — канцлера и первого президента, отчетливо сознавалась Парламентом. Так, 18 июня 1420 г. вскоре после заключения договора в Труа канцлер Э. де Л Атр умер, и в записи об этом в протоколе Парламента явно сквозит ощущение возмездия: выбранный епископом Бовэ с согласия Папы, он так и не смог воспользоваться плодами этого продвижения, «которое стоило больше, чем принесло выгод (*qui lui plus cousté que proufité*)». И вместо выборов нового канцлера, на законности и необходимости которых настаивал Парламент, должность получил Жан Ле Клер в оплату его услуг при заключении договора в Труа. Когда этот пассаж 22 июня 1420 г. бурно обсуждался в Парламенте, первый президент, ставленник новых властей, покинул помещение, «как только начали обсуждать этот вопрос». Все это свидетельствует о далеко не безоблачных отношениях Парламента и властей в этот период.

В последний раз Парламент предпринял попытку пересмотреть договор в Труа, когда он должен был вступить в силу. После смерти Генриха V 31 августа 1422 г. и Карла VI 21 октября 1422 г. королем «соединенного королевства Англии и Франции» должен был стать малолетний Генрих VI. На заседании 27 октября 1422 г. стало ясно, что Парламент пытается отсрочить вступление в силу договора в Труа. Канцлер открыто упрекнул его в нарушении этого договора,

---

14. Договор в Труа

так как «после смерти короля Карла VI были выданы приговоры без имени короля», хотя герцог Бедфорд «считает, что надо было назвать в приговорах и письмах короля Генриха королем Франции и Англии». Для нажима на Парламент канцлер вынужден вновь напомнить об ордонансе 1407 г., согласно которому «после смерти короля его старший сын в любом возрасте будет коронован королем как можно быстрее... и будет управлять... через Совет и мнение самых близких». Но Парламент вновь что-то обсуждал и никак не мог решить, «называть ли в письмах Генриха королем или подождать до приезда герцога Бургундского и герцога Бедфорда». Более того. Парламент написал им письма, чтобы узнать точнее их мнение, хотя мнение герцога Бедфорда им только что представил канцлер. Герцог Бургундский написал в Парламент и просил раз-
узнать, «какую должность ему хотят поручить и как использовать» (7 ноября 1422 г.), и лишь после этого он намерен был приехать в Париж. Таким образом, герцог Бургундский занял выжидательную позицию, и ждать от него помощи Парламенту не приходилось.

Для вступления в силу договора в Труа потребовалось вновь собирать Парламент, куда пришли и новый регент Франции герцог Бедфорд, встречен-
ный не очень дружелюбно, поскольку, как пишет секретарь, он «сел на высо-
кий стул, где привык сидеть первый президент». Герцог вынужден вновь
напомнить об обстоятельствах

заключения договора в Труа, его благих целях, а также о положении дофина Карла, который «не имеет никакого права наследовать королевство Франции и если имел какое-то право, то потерял его и стал его недостоин и полностью лишен... по причине ужасного и гнусного преступления, совершенного в его присутствии, по его приказу и согласию». Герцогу Бедфорду пришлось также обещать вернуть Франции Нормандию. Лишь после этого Парламент принес обычную клятву, как делалось при открытии очередной сессии, и признал Генриха VI королем Франции (19 ноября 1422 г.).

Все годы существования «английской Франции» Парламент присягал договору (последний раз — за месяц до сдачи Парижа войскам Карла VII 15 марта 1436 г.)⁷⁶. Однако по мере усиления конфликта Парламента с властями договор в Труа превратился в форму противостояния парламентских чиновников разделу страны и нарушению ее законов. Если власти требовали присягать договору в Труа, Парламент в ответ требовал его соблюдать. Именно отношение властей к сути договора в Труа обнаружило со временем эфемерность «союза двух корон» и истинные намерения английских властей.

Анализ того, что делал Парламент при англо-бургиньонах, позволит дать более точную оценку роли парламентских чиновников в преодолении кризиса власти. Оказавшись в силу обстоятельств под властью законного, с точки зрения договора в Труа, короля Генриха VI, рожденного от брака Екатерины Валуа и Генриха V Ланкастера, парламентские чиновники сумели в этих условиях сохранить то, что они считали самым важным во французском королевстве. Став «англичанами», они продолжали защищать законы Франции, и это помогло им остаться «французами». Так лояльность чиновников Парламента в Париже внесла вклад в сохранение сильной королевской власти во Франции.

§ 5

На страже законов Франции

После всех попыток сопротивляться договору в Труа и внести в него изменения Парижский Парламент все же утвердил его и поклялся соблюдать. Итак, было ли это актом национального предательства? Юридически — нет, поскольку договор в Труа, заключенный королем, которому обязаны подчиняться все подданные, не ущемлял права французской стороны. Он был на бумаге «союзом двух корон», не подчиненных друг другу, и все органы государственного аппарата сохраняли свое место в системе управления. К тому

же договор сулил прекращение губительной для Франции войны, восстановления мира, законности и стабильности в стране⁷⁷. И вся дальнейшая история взаимоотношений Парламента с англо-бургиньонскими властями пронизана требованиями парламентских чиновников соблюдать договор в Труа и продуманными нарушениями новыми правителями сути договора, раскрывшими в итоге истинные, антифранцузские, цели установившегося правления.

Как я намерена показать, политика парламентских чиновников продолжала линию института в предшествующее время, хотя она приобрела иные формы. При этом следует обратить внимание на характерное для историографии этого вопроса в целом противоречие: наряду с традицией французской историографии называть Парламент этого периода «бургиньонским» не менее уверенно заявляет о себе английский термин «ланкастерский». Однако известно, что в 1422 г. не было проведено «чистки» даже аналогичной 1418 г., хотя и ее масштабы нами скорректированы⁷⁸. Клятву принесли все, кто работал в Парламенте на момент вступления в силу договора в Труа. Тем не менее следует отметить, что вместе с постоянным оттоком чиновников из Парижского Парламента в Пуатье в этот момент произошло сокращение численности Парламента, связанное с расколом бургиньонов в 1422 г. Оно было вызвано изменением положения герцога Бургундского при новых властях: Филипп Добрый не получил никакой официальной должности в королевстве, а регентом страны стал брат Генриха V Джон Ланкастер, герцог Бедфорд⁷⁹.

Поэтому меньшинство бургиньонов приняло правление англичан, большинство же мечтало об иной власти во главе с Филиппом Бургундским. И хотя клятва Генриху VI была принесена, самые преданные сторонники бургиньонов не скрывали грусти, воцарившейся в Париже. К ним относились и чиновники Парламента, хотя и не бывшие слепым орудием в руках ни Жана Бесстрашного, ни Филиппа Доброго, тем не менее предпочитавшие в должности регента «француза».

Главные направления деятельности Парижского Парламента остались неизменными, восстановление мира и единства в стране, объединение ее в прежних границах, соблюдение законов и полноты компетенции институтов королевской власти. Присягая договору в Труа, Парламент исходил из того, что этот договор обещал обеспечить все вышеназванные цели⁸⁰. Однако скорее всего непреднамеренный обман английских властей стал причиной последующего кризиса «союза двух корон», а дальнейший ход событий выявил всю нереальность и эфемерность такого государственного объединения.

15. Филипп Добрый, герцог Бургундский, и Генрих V, король Англии

Мир в глазах парламентских чиновников был основой существования государства и соблюдения законности в нем. И Парламент был готов присягнуть любому договору, обещавшему этот мир установить. Но принес ли договор в Труа долгожданный мир? И мог ли его принести? С самого начала Парламент расходился с новыми властями в представлениях об этом мире, поскольку они по-разному относились к «Буржскому королевству» дофина Карла: для Парламента мир и законность обеспечивало только объединение страны в границах, существовавших до договора в Труа; для английских властей никакой компромисс с Карлом Валуа был невозможен⁸¹.

Парламент не желал мириться с таким уменьшением территории распространения своей власти и постоянно искал контакты с Карлом⁸². Такая политика парламентских чиновников встречала с первых же дней недовольство властей, от которых постоянно исходили угрозы и требования никоим образом не сближаться с дофином. После установления «соединенного королевства Франции и Англии» Парламенту приходилось действовать более завуалированно. И все же можно отметить, что Парламент продолжал постоянно следить за действиями войск Карла (об этом всегда аккуратно сообщается в протоколах). При этом властям не удавалось втянуть парламентских чиновников в акции против перешедших на сторону Карла. Так, на заседании 5 марта 1428 г. герцог Бедфорд потребовал от Парламента принять участие в разбирательстве дела коро-

левского прево Парижа против человека, «находящегося с врагами в неподчинившихся областях», т. е. у Карла. Однако первый президент Парламента признался, что «вовсе не намерен вмешиваться в это дело». Осада Орлеана и победа Карла стали поворотным пунктом в политике Парламента: в октябре 1429 г. Парламент начал с послами Карла переговоры, содержание которых хранилось в секрете (10 октября 1429 г.)⁸³. Именно в контексте этого становится понятной реакция Парламента, приветствовавшего сближение с Карлом герцога Бургундского, видя в нем приближение к долгожданному объединению страны. Этому способствовали и успехи Карла VII, триумфально объединяющего под своей властью Францию в то время, как «двойная монархия» не смогла дать обещанного мира, постепенно все более ужесточая репрессии против своих врагов, множившихся с каждым днем. О наличии постоянных подозрений властей в отношении Парламента свидетельствуют строгие распоряжения все чаще присягать договору в Труа. Так, через год после торжественной присяги Парламента власти потребовали повторить процедуру, причем клятву должны были возобновить все, от президентов до судебных исполнителей. В письме короля содержится и прямая угроза в адрес тех, «кто делает или пытается говорить и делать что-то против», и запугивание смещениями и арестами (11 апреля 1421 г.). Подобная процедура повторялась с подозрительной монотонностью, превратившись со временем в пустую формальность, поскольку в самом требовании властей приносить клятву содержалось все больше сомнения в ее эффективности⁸⁴. Таким образом, стремление парламентских чиновников восстановить в прежних границах королевства власть своего учреждения определила их ориентацию на того правителя, который мог реально осуществить эту задачу.

Налоговая политика английских властей стала еще одной сферой противостояния Парламента режиму. В Парламенте английские правители получали постоянный отпор просьбам о денежных субсидиях, тем более, что вначале английские власти обещали отменить ненавистные налоги, выполнив тем самым главные обещания бургиньонов. Власти требовали от обнищавшего населения Франции лишь полной верности и денег, а в ситуации устойчивого отказа английского Парламента оплачивать оккупацию на континенте выход у властей был один: для господства англичан во Франции деньги должны были давать сами французы⁸⁵. Несмотря на возможно искреннее желание Генриха V и герцога Бедфорда укорениться во Франции, целью завоевания оставалось быстрое и бесцеремонное обогащение, поэтому такой режим неизбежно вынуждал исполь-

зовать жесткий нажим, окрик и угрозы (18 июня 1423 г., 17 апреля 1424 г., 11 ноября 1424 г., 7 января 1429 г.)⁸⁶.

Отношение англо-бургиньонских властей к Парламенту, его авторитету и мнению, компетенции и месту в системе государственного управления обусловило конфликт Парламента с новым режимом⁸⁷. В нарушение договора в Труа Парламент не занял подобающего ему места в системе управления. Власти требовали от него беспрекословной лояльности: на любые свои акции — лишь простого одобрения, чистого жеста подчинения⁸⁸. Оппозиция Парламента привела к тому, что вскоре самые крупные и важные дела власти решили передать в Королевский совет в Руане.

Свидетельством оппозиции Парламента могут служить и предпринимаемые с начала бургиньонского правления акции властей по сокращению компетенции института. Так, уголовное дело об арманьяках пытались изъять из ведения Парламента (9 сентября 1418 г.), чему настойчиво сопротивлялся генеральный прокурор короля. Он прямо заявил, что подобные акции являются «неразумными и неучтивыми... ибо лишают Парламент полноты суверенитета, каковой никакой судья или суд не может и не должен иметь в этом королевстве». Возмущение Парламента было столь бурным, что один из чиновников, назначенных в комиссию по расследованию «дел арманьяков», заявил, будто его оторвали от других дел, в то время как он не стремился войти в эту комиссию. Нарушения совершались и в существенной в период войны области — финансах, причем при попустительстве Палаты счетов, и вновь Парламент и генеральный прокурор короля протестовали, например, против передачи земельных доходов епископа Шартра кардиналу дез Юрсену (25 февраля 1419 г.). Одновременно Парламент выступал и против «советников и чиновников герцога Бургундского», совершивших многие злоупотребления и грабежи «к большому скандалу и ущербу суда» в области Фландрии с целью изъятия у казны денег от чеканки монеты (27 апреля 1422 г.)⁸⁹. Парламент воспринимался властями оппозиционно, и ему не давали решать дела, в которых власти были заинтересованы. Так, 10 марта 1423 г. в Парламент обратились некие «заговорщики и противники», арестованные по приказу герцога Бургундского в Париже, дело которых намеревались изъять из ведения Парламента. Последний заявил канцлеру о «помехах, которые могут последовать от уменьшения» прав института.

Наконец, важнейшим вопросом, намеренно изымаемым из ведения Парламента, был вопрос о землевладении и королевском домене, на уменьшение которого Парламент не пошел бы никогда.

Опасения Парламента по поводу уменьшения домена высказывались и раньше. Так, Парламент несколько дней подряд обсуждал королевские ордонансы по поводу «суда и домена короля», и на эти обсуждения были приглашены чиновники Палаты счетов, с целью предупредить их о незаконности намечаемой акции (15 февраля 1417 г., 27 февраля, 1 марта — 3 марта 1417 г.)⁹⁰.

20 сентября 1418 г. генеральный прокурор короля Жан Агенен протестовал в Парламенте против решения Палаты счетов о передаче некоторых прав на Овернь герцогу Бурбонскому, Парламент обещал «сделать все, что необходимо согласно разуму и доброму суду». На заседании 7 декабря 1418 г. передачу герцогства Овернь герцогу Бурбонскому генеральный прокурор назвал «ущербом королю». При этом обнаружился конфликт с канцлером, ибо на три просьбы генерального прокурора подписать иск о возбуждении дела, как положено, он получил отказ из Канцелярии и вынужден был просить об этом Парламент, который единодушно (*nemine contradicente*) решил возбудить дело и подписал иск.

Открытый конфликт обозначился к концу 1418 г., когда король обратился к Парламенту, наряду с другими институтами власти, с просьбой найти способ получить необходимые денежные средства, дав право «продавать, закладывать и передавать земли и сеньории домена в графствах, барониях, шателлениях, городах в размере 2 тыс. ливров». После чтения письма все разошлись, чтобы отдельно обсудить и высказать свое мнение. Парламент, в компетенцию которого входила охрана королевского домена, повел себя неожиданно: он отказался вмешиваться в этот вопрос. Считали ли парламентские чиновники, что есть и иные, менее губительные для короны, источники получения денег или столь острую нужду казны относили на счет недальновидных действий властей, ясно одно: Парламент не пожелал своим авторитетом санкционировать уменьшение домена (10 декабря 1418 г.). Уничижительный тон ответа Парламента едва прикрывал его оппозицию избранному курсу на сокращение домена короля. Так, 7 декабря 1424 г. из письма о назначении нового бальи Лиона, переданного на утверждение Парламента, стало известно, что графство Макон отдано герцогу Бургундскому, «о чем они не видели ни одного письма и поэтому протестуют»⁹¹.

Заранее предвидя конфликт с Парламентом, англо-бургиньонские власти не только не ставили его в известность о своих решениях, но в 1425 г. решили вообще изъять все дела о землевладении из ведения Парламента и передать их Королевскому совету в Руане (16 апреля 1425 г.), что было также частью политики отделения Нор-

мандии. Естественно, что такое сокращение компетенции Парламента, да еще в важнейшей области, вызвало в нем бурю протеста⁹². В ходе обсуждения этого вопроса Парламент открыто заявил, что это решение есть прямое нарушение договора в Труа (4 мая 1425 г.). На заседании 17 июля 1425 г. было единодушно решено, что «Парламент не должен ничего отправлять, но должен сам знать эти деда».

Исход конфликта был заранее предрешен, однако важно, что Парламент стал в оппозицию властям, поскольку не соглашался на уменьшение своей компетенции. Так, 10 октября 1430 г. здесь просто для сведения зачитались письма короля о передаче герцогу Бедфорду «герцогства Анжу, графства Мэн и виконтства Бомон-ле-Роже». Тем не менее, если письма поступали на утверждение Парламента, он продолжал протестовать: так было 4 декабря 1433 г. по поводу сокращения королевского домена, и отказываясь эти письма утвердить, Парламент выказал сомнения в законности этих писем, «учитывая юный возраст короля», считая что «из-за этого утверждения домен короля может уменьшиться, а они все были обязаны сохранять домен»⁹³. Вновь, как и прежде, он делал упор на нарушении властями договора в Труа. Зная об этой позиции Парламента, к нему обращались и другие институты, обиженные нарушениями, и 22 апреля 1434 г., разбирая жалобу Парижского университета на действия Королевского совета в Руане, ущемляющие «мирный договор», генеральный прокурор короля обвинил власти в нарушении статей договора в Труа, поскольку «по мирному договору Парламент является и должен оставаться главным и суверенным судом», и члены Королевского совета в Руане, действуя «против власти и чести Парламента», наносят ущерб «королевскому достоинству». Поэтому прокурор решил возбудить дело против членов Королевского совета «как частных лиц и виновных в оскорблении величества» (*lèse-majesté*).

Парламент выступал также решительным противником отделения Нормандии⁹⁴, однако вывод некоторых историков о союзе Парламента и герцога Бедфорда, в свою очередь боровшегося против сепаратистских планов герцога Бургундского, кажется мне несправедливым⁹⁵. Ибо Парламент готов был поддержать любого, кто заботился о целостности страны и компетенции ее верховного суда. По существу, оба правителя грабили страну, и их столкновение было неизбежно, что и использовал Парламент, проводя свою политику, оппозиционную планам расчленения Франции.

Суть позиции Парламента в том, что он протестовал против уменьшения своей власти. Она проявилась и в вопросе о местном судебном-административном аппарате: если раньше все должности

сенешалей и бальи утверждались в Парламенте, то теперь он лишь из протестов узнает о смещениях чиновников. Так, 25 января 1426 г. разбиралась жалоба отстраненного королем и герцогом Бедфордом бальи Вермандуа. Канцлер объяснил Парламенту, что «герцог Бедфорд был информирован о плохом отправлении этой должности и потому отстранил его», но Парламент не намерен был сдаваться, решив вести переговоры с канцлером и с регентом и узнать, «кто возбудил регента отстранить бальи Вермандуа».

Существенные изменения претерпел и традиционный союз Парламента и канцлера, столь способствовавший усилению власти судебной палаты. Именно кризис власти привел к этому небывалому прежде явлению: оформившаяся к концу XIV в. традиция выдвижения на должность канцлера президентов Парламента и участие парламентских чиновников в его выборах опиралась на единство интересов и согласованность действий этих институтов власти. К тому же она гарантировала союз канцлера с Парламентом⁹⁶.

После вступления в Париж войск герцога Бургундского должность канцлера оказалась в руках Эсташа де Л'Атра, ставленника бургиньонов. В обстановке, воцарившейся в Париже, уже не могло быть и речи о соблюдении процедуры выборов канцлера. Обоюдные попытки установить хоть некоторый союз успеха не имели. Впрочем, новый канцлер поспешил обеспечить себе более спокойную жизнь и уже в 1420 г. добился должности епископа Бовэ.

Власти натолкнулись на сопротивление Парламента при назначении нового канцлера. Им стал Жан Ле Клер, президент Палаты прошений, получивший эту должность за услуги на переговорах о заключении брака Генриха V и Екатерины Валуа и договора в Труа. Парламентские чиновники были явно возмущены пренебрежением к традиции выборов и потребовали учета своего «доброго мнения». Фактически требования Парламента сводились к соблюдению формальности: «Согласно королевским ордонамсам... призвав советников Парламента... предусмотреть на эту должность... достойного человека, который... чтит благо королевства и общественное благо, образован в деле суда, как положено по должности». Формальности были соблюдены, и Жан Ле Клер был «избран» Парламентом. Когда же в 1425 г. он «добровольно» сложил с себя полномочия, власти поставили на должность канцлера епископа Теруанна Луи Люксембургского, ставленника герцога Бедфорда⁹⁷. И вновь состоялся фарс с «выборами» уже назначенного канцлера, по настоянию парламентских чиновников, стремившихся сохранить хотя бы видимость законности⁹⁸ (7 февраля 1425 г.).

Источником постоянных, со временем все более острых конфликтов Парламента с канцлером являлась, как видим, несамостоятельность этого всесильного чиновника, его прямая зависимость от короля и его окружения, от политической конъюнктуры, что и привело после 1418 г. к расколу традиционного союза и «перерастанию канцлера» Парламентом. К началу 1420 г. раскол обозначился вполне определенно: Парламент был обижен на то, что канцлер принимает важные решения, не советуясь с ним. На заседании 12 февраля 1420 г. чиновники выразили свое недовольство, поскольку «канцлер не должен принимать никаких решений... не призывая кого-либо из Парламента и особенно первого президента». Ответ канцлера был вполне откровенен: «Он позвал туда тех, кого посчитал нужным, и что всякий раз, если будет надо, позовет туда тех, кого пожелает». Секретарь записывает в протоколе, что «Парламент был недоволен этим ответом канцлера».

Надо заметить, что конфликт Парламента с канцлером после 1418 г. нарастал постепенно и не был плодом предвзятой позиции ни одной из сторон. Э. де Л'Атр искал союза с чиновниками Парламента. Так, 19 августа 1418 г. он лично пришел в Парламент, дабы разрешить спор о том, может ли чиновник-мирянин быть первым президентом Следственной палаты. Спор чиновников канцлер решил прекратить, поставив этот вопрос на обсуждение и «спросив мнение президентов и советников». Чиновники Парламента также искали этого союза, и 27 августа 1418 г. направили к канцлеру делегацию по вопросу о папской схизме, дабы ничего не было решено без учета мнения генерального прокурора. Канцлер и Парламент даже продемонстрировали единение перед англичанами, когда те захватили Мант и осадили Понтуаз, и 9 февраля 1419 г. канцлер собрал президентов и советников трех палат Парламента, «чтобы обсудить, что необходимо сделать главным образом для защиты, сохранения и спасения королевства и особенно Парижа».

Но конфликт был неизбежен: канцлер по природе своей должности не мог находиться в оппозиции властям, к тому же его легко было сменить, легче, чем сменить состав Парламента в 100 человек.

Уже весной 1419 г. появилась первая «трещина». На заседание пришел канцлер и объявил письмо об отмене «старых свобод церкви Франции», не выслушав генерального прокурора короля и в его отсутствие (31 марта 1419 г.).

Традиционная для канцлера функция посредничества между короной и Парламентом потеряла в новых условиях свой смысл. 11 марта 1422 г. канцлер пришел в Парламент выслушать мнение по

вопросу о схизме, чтобы передать его королю Англии; однако чиновники отказались говорить на эту тему, поскольку их мнение «не будет иметь большого эффекта, раз решение уже принято». 16 июля 1423 г. он пришел в Парламент, чтобы выслушать мнение о письме муниципалитета Амьена, просившего разрешения обложить налогом церковь города для строительства укреплений. Чиновники настаивали на необходимости слушания дела в Парламенте и вызове сторон. В планы канцлера не входило соблюдение принятой процедуры, и в ответ ему пришлось выслушать отповедь чиновников: «Парламент не привык выносить приговоры или решения, не выслушав стороны». Когда же канцлер ответил им, что не намерен возбуждать дело, а хочет лишь услышать кратко и определенно их мнение, чтобы решить, что ответить, чиновники заявили, что это письмо «неразумно, и его нельзя утверждать, не рискуя заслужить отлучение от Церкви».

С новым канцлером Луи Люксембургским парламентские чиновники уже не церемонились и не соблюдали даже видимости «союза»⁹⁹. 16 февраля 1426 г. Парламент вынес приговор без консультации с канцлером, хотя вопрос был весьма щекотливым и канцлер мог быть против этого решения. Канцлер тоже не скрывал своего отношения к Парламенту. 6 марта 1426 г. на обсуждении писем короля Генриха VI по поводу папской схизмы парламентские чиновники решили пригласить канцлера, чтобы выслушать его мнение. Парламентской делегации канцлер сказал, что обдумает их предложение, и 9 марта 1426 г. Парламент вновь отправил к нему делегацию, члены которой уже с трудом согласились выполнять это поручение, но канцлер опять не пришел. 11 марта от имени канцлера пришли гонцы и заявили, что тот по-прежнему ждет мнения Парламента, а что до их просьбы прийти к ним, то он посоветовался с членами Королевского совета, которым кажется, что канцлеру не пристало и не подходит присутствовать на обсуждении в Парламенте писем, уже прошедших обсуждение в Королевском совете. Важная деталь: «гонцы» передали слова канцлера, многое проясняющие в истинных отношениях двух институтов — «президенты и советники смогут в его отсутствие более свободно обсуждать, чем в его присутствии», считает канцлер. И это говорит канцлер, который должен быть главой суда.

Конфликт Парламента с канцлером в период англо-бургиньонов помог чиновникам окончательно освободиться от одного из сеньориальных принципов управления, согласно которым канцлер был главой суда. Уже 8 августа 1432 г. было сказано по поводу ре-

шения, принятого вопреки позиции канцлера: «Парламент... ни в чем не является подчиненным канцлеру, как и никакому другому суду»¹⁰⁰. 8 ноября 1435 г. чиновники решили сами открыть очередную сессию Парламента в отсутствие канцлера.

Так кризис власти в «английской Франции» наглядно доказал жизнеспособность коллективной формы управления: один чиновник, даже всесильный, был бессилен перед лицом неблагоприятных обстоятельств, а коллектив профессионалов оказался практически непобедим.

В период англо-бургиньонского правления областью конфликта Парламента и властей стали и принципы галликанизма, законодательно оформившие новые отношения королевской власти и церкви во Франции¹⁰¹. Галликанизм воспринимался Парламентом как одно из завоеваний королевской власти в процессе централизации, и наступление английских властей на это завоевание не могло не рассматриваться как антифранцузская акция. Позицию Парламента в отношении галликанизма определяла не только вполне конкретная заинтересованность чиновников-клириков в получении от короля церковных бенефициев, являвшихся дополнительным доходом, но и мощный институциональный стимул — автономия от Рима церкви Франции расширяла права короля в церковных делах и, следовательно, права Парламента в этой области юрисдикции. Поэтому главный пафос деятельности Парламента основывался на защите интересов короля, и если в период утверждения галликанизма Парламенту приходилось бороться с его противниками, опираясь на санкции короны, то в период англо-бургиньонского правления он лишился и этих санкций и вынужден был сам организовывать оппозицию пересмотру «старых свобод церкви Франции».

Усиленный папской схизмой процесс «автономизации» церкви Франции после завершения Констанцского собора и избрания Папы Мартина V воплотился в ордонансе от 25 ноября 1417 г., подготовку которого вел Парламент, «изучая все ордонансы, конституции, решения, инструкции, письма, касающиеся возвращения церкви Франции к старым свободам»: отныне выборы на вакантные церковные должности осуществляет король, прекращается вывоз денег в папскую курию за пределы Франции (20, 22 и 25 ноября 1417 г.). Вскоре Парламент стал главной опорой королевской политики в делах церкви. Возрастание роли Парламента происходило на фоне колебаний, а затем и отхода Парижского университета, являвшегося на ранних этапах зачинателем и теоретиком галликанизма. Вскоре

Парижский университет превратился в проводника политики новых властей, что определило его конфликт с Парламентом, в том числе и в этой области. Важно иметь в виду, что галликанизм был долгое время программой арманьяков, и пробургиньонский университет в этом вопросе следовал своим политическим пристрастиям¹⁰². Позиция Парламента определялась интересами усиления королевской власти в делах церкви, и в этой мере была антибургиньонской. Впервые об этом было отчетливо заявлено на заседании Парламента 26 февраля 1418 г., на котором Парижский университет был обвинен в нарушении решений Констанцского собора и новой королевской политики в отношении церкви, в оскорблении величества. Из обвинительной речи королевского адвоката Гийома Ле Тура мы узнаем очень важную подробность: Парижский университет пытался привлечь к суду папской курии первого президента и советников Парламента, «которые посоветовали эти решения» королю.

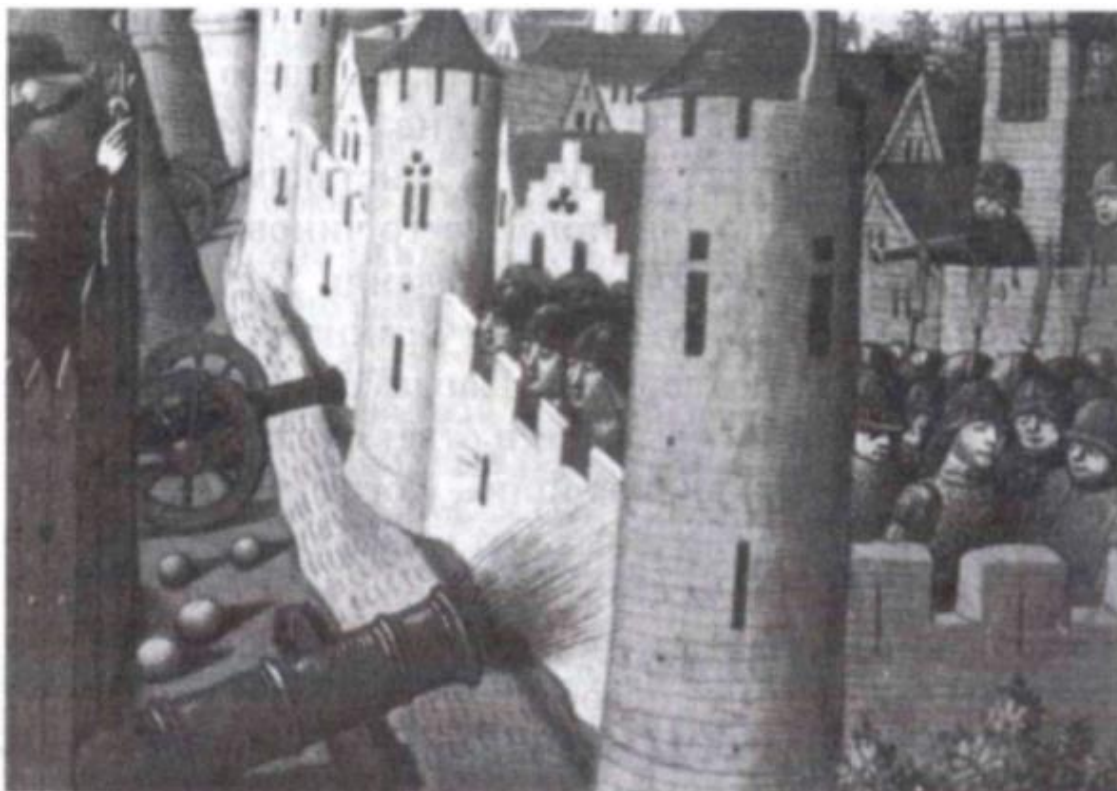
Политика Парижского Парламента по сохранению «старых свобод церкви Франции» и защите галликанизма составляла не только важную часть укрепления королевской власти во Франции, но была еще одной областью конфликта Парламента и англо-бургиньонских властей, следовавших конкордату, заключенному между Папой Мартином V и королем Франции и восстанавливавшему власть Папы во Франции в ущерб прежним принципам галликанизма¹⁰³.

Конфликт возник в первые же месяцы установления бургиньонского правления в Париже. 3 августа 1418 г. на рассмотрение Парламента было вынесено решение об отмене ордонанса «о возвращении церкви к старым свободам». Парламент не спешил подчиняться распоряжению и передал генеральному прокурору короля изучение этого вопроса. Позиция Парламента была окончательно сформулирована к концу августа. Суть ее — защита королевских ордонансов, неугодных герцогу Бургундскому, уже в начале 1418 г. предпринимавшему попытку их оспорить. Парламент направил делегацию из президентов и советников к канцлеру, «чтобы ничего не было сделано в ущерб старым свободам церкви Франции» (27 августа 1418 г.). При этом выясняется важная подробность: Парламент опасался, что власти обойдут его при принятии решения. Об этом говорилось в письме короля: «Король хочет, чтобы ордонансы о возвращении церкви к старым свободам были отменены и чтобы эта отмены была совершена в его Совете» (15 февраля 1419 г.).

Однако Парламент намерен был поставить вопрос на обсуждение, исходя из того, что «предмет очень важный». На этом обсуждении

присутствовали власти Парижа и представители Парижского университета (16 февраля 1418 г.). Несмотря на «очень настоятельные просьбы» университета объявить и утвердить эти письма, Парламент недвусмысленно высказался в пользу генерального прокурора и заявил, что «дело очень существенно затрагивает короля и королевство» и требует отмены ордонансов короля, утвержденных Парламентом, что относится к ведению «этой палаты, и никакой другой не должно принадлежать». Решение Парламента было единодушно (*consonants*) и означало открытый конфликт властями. Еще через день (18 февраля) Парламент собрался на чрезвычайное заседание и решил, как действовать против тех, кто стремится в угоду своей «частной выгоде... отозвать и отменить конституции, ордонансы и решения, касающиеся свобод церкви Франции». Парламент угрожал преследовать всех, кто «по благосклонности или из частной выгоды наносит урон общественному благу, церкви королевства к смуте, разорению и полному разрушению церковей, общего блага и добрых нравов». И Парламент начинает преследовать нарушителей королевских ордонансов: на заседании 25 февраля 1419 г. генеральный прокурор выступил против действий кардинала дез Юрсена и чиновников Палаты счетов, отдавших тому, «противно ордонансам о свободах церкви Франции», доходы с епископства Шартра, полученные им в дар от Папы. Прокурор объявил, что письма «сделаны королем в ущерб ордонансам».

Действия Парламента шли вразрез политике властей, о чем им было прямо заявлено в письме короля (27 марта 1419 г.), где объявлялось, что «таким было желание короля и герцога Бургундского», чтобы письмо, отменяющее ордонансы, касающиеся свобод церкви Франции, было объявлено в Парламенте. Обсуждению дальнейших действий было посвящено несколько заседаний, ибо «предмет был очень важный и большого ущерба» (28, 29 марта 1419 г.). Наконец, на заседании 30 марта 1419 г. в присутствии канцлера и королевского прево Парижа было поставлено на голосование: объявить ли королевские письма или выслушать протест прокурора. Несмотря на давление на Парламент, результаты голосования свидетельствуют о твердой позиции: из 41 чиновника 29 были за то, «что прежде надо выслушать прокурора... и показать ему письма до объявления», и лишь 12 чиновников «мнения противоположного, что надо объявить письма, не слушая прокурора и не показывая ему писем». Когда решение вновь не было принято и объявление писем отложено, канцлер припугнул, что письмо будет все равно объявлено. Тогда Парламент решил (31 марта 1419 г.) отправить послов к королю в

16. Осада Орлеана

Провен и разъяснить ему свою позицию и ущерб королевской власти от отмены прежних решений.

Однако канцлер волевым решением (31 марта 1419 г.) «заставил объявить письма, отзывающие ордонансы... не выслушав прокурора и в его отсутствие». Более того, он распорядился удостоверить это объявление традиционной подписью секретаря (*lecta, publicata et registrata*). И разгорелся скандал: советники Парламента заявили секретарю Клеману де Фокамбергу, что «он не должен был, зная мнение и решение Парламента, писать ничего, из чего следовало бы, что Парламент одобрил эти письма». Стоит обратить внимание на желание властей придать законность своим решениям путем объявления их в Парламенте. Но для сохранения своего авторитета Парламент делает заявление: «Подпись секретаря была сделана с целью избежать и смягчить всеми способами скандалы и раздоры, но не по решению, ни с согласия Парламента... и по этой подписи не должны и не могут решить, что Парламент одобрил эти письма».

Заинтересованность парламентских чиновников в праве короля распределять церковные должности и бенефиции была вполне прагматичной; более того, парламентские чиновники берут на себя смелость объяснить «регенту и наследнику Франции» королю Англии Генриху V все выгоды для королевской власти такого источника поощрения своих чиновников (31 августа 1420 г.). Нежелание Пар-

ламента пересматривать ордонансы о «свободах церкви Франции» даже по настоянию короля Англии, бывшего в то время регентом Франции, выражалось не раз (14 января, 11 марта, 8 июля 1422 г.). Парламент продолжал следить за действиями властей в этом вопросе и даже выделил для этого своего чиновника, которому назначили специальное жалованье (заседания 5, 21 июля 1424 г.) ввиду подготовки к собору духовенства Франции.

Обращаясь за поддержкой Парламента в конфликте с Папой, власти, естественно, слышали в ответ обвинения в отступлении от «старых свобод церкви Франции». Когда канцлер передал в Парламент обвинение курии Рима «во многих ущербах и злоупотреблениях... общественному благу королевства и его церковей, короля и его подданных», Парламент продолжал настаивать на том, что единственный надежный способ противостоять этим нарушениям — соблюдать королевские ордонансы, касающиеся свобод церкви Франции (4 ноября 1424 г.).

О приверженности Парламента принципам галликанизма свидетельствует и такой факт. Желая заручиться поддержкой института, английские власти обещали следовать прежней политике короны в отношении церкви. Так произошло на заседании 1 сентября 1424 г., где канцлер просил о введении нового налога на войну и заверял Парламент в том, что власти очень расстроены вывозом из страны денег в курию Рима за получение бенефициев «в противовес ордонансам... из-за чего многие церкви королевства разрушены полностью и там прекратились службы», и намерены «поддерживать церковь Франции и духовенство в их старых свободах». Тем не менее власти непоследовательны в этом вопросе, и Парламенту всякий раз приходится отстаивать свое право решать дела о бенефициях, опираясь на прежние ордонансы: на заседании 15 и 16 июня 1425 г. он вновь объявил их основой своей деятельности, назвав эти ордонансы «добрыми и действенными, справедливыми и разумными, согласными с общим правом». Более того, узнав о том, что часть чиновников Парламента пыталась встать на сторону властей, он строго их осудил (21 августа 1425 г.)¹⁰⁴.

Новая попытка была предпринята властями в 1426 г. (5 февраля), в ответ генеральный прокурор короля объявил эти решения «приносящими очень большой вред», а прежние ордонансы — «святыми, справедливыми и разумными».

Однако на этот раз власти не намерены были играть в либерализм, и Парламенту стало известно, что если он откажется утвердить решения Королевского совета, канцлер намерен «лично при-

ти в Палату, чтобы заставить объявить эти письма и написать регенту об отказе Парламента». Угроза была достаточно откровенна, и Парламенту ничего не оставалось, как оговорить, что он делает это ради «поддержания союза» и «чтобы избежать разделения и еще большего скандала», но не раньше, чем они «будут исправлены и переделаны... чтобы они не были так открыто в ущерб ордонамсам и свободам» (11 марта 1426 г.).

Поскольку окончательно вопрос так и не был решен, Парламент продолжал распределять свободные бенефиции (11 мая, 12 ноября 1426 г., 11 марта 1432 г., 19 марта 1433 г.) и придерживаться отмененных королевских ординасов, поощряя обращение клира с жалобами на незаконное получение бенефициев, фактически своей властью проводя в жизнь принципы галликанизма.

Отстаивание Парижским Парламентом королевских прав в делах церкви получило столь широкий резонанс, что к нему обращались за помощью в проведении нового собора в Базеле представители церкви, прося не допустить разгона собора «принцами» (11 февраля 1432 г., 18 марта 1432 г.). Парламент всячески способствовал полноценному участию духовенства Франции в Базельском соборе, обращаясь с просьбой к регенту Бедфорду (7 апреля 1432 г.). Именно в этот период Парижский университет вновь стал их союзником из-за решения Бедфорда основать университет в Кане в нарушение интересов Парижа (7 апреля 1432 г., 3, 24 апреля, 7 мая, 19 июня, 23 июля 1433 г.)¹⁰⁵.

В целом в этот сложный период Парижский Парламент остался верен принципам галликанизма и отстаивал королевские prerogatives в области церковных дел в противовес действиям верховной власти. Логическим продолжением этой политики явилась ведущая роль Парижского Парламента в утверждении принципов национальной церкви Франции при Карле VII и в принятии Прагматической санкции. Однако в период «двойной монархии» защита «свобод церкви Франции» была частью защиты Парламентом государственного суверенитета и сильной королевской власти во Франции¹⁰⁶.

Итак, Парижский Парламент в период существования «двойной монархии» был последовательным и открытым проводником договора в Труа, которому регулярно присягал на всем протяжении этого периода. Можно сказать, что он был ему предан даже больше, чем сами заключившие его стороны. Он был самым непримиримым и стойким приверженцем основополагающей идеи договора: союз двух разных, ни в чем не подчиненных друг другу королевств, со своими законами и институтами власти. Однако новые власти не при-

несли Франции мира, разделение общества лишь усиливалось по мере успехов Карла Валуа, ставших необратимыми после снятия осады Орлеана. Неприкосновенность королевского домена также не входила в планы властей, приступивших к активному разделу земель, а строптивость Парламента привела только к передаче всех дел о землевладении в Королевский совет в Руане. Наконец, законы страны, успехи централизации, налоговая политика ставились английскими правителями в зависимость от интересов их, по существу, оккупационного режима во Франции, чьей целью был грабеж и подчинение своим целям завоеванной страны. Отстаивая договор в Труа, как и законы страны в целом, Парламент, формально работая при оккупационном режиме, на деле в течение 18 лет стоял на страже интересов государства во Франции и в ситуации острого политического кризиса власти сумел защитить достигнутые успехи в строительстве сильной королевской власти, обеспечив преемственность королевской политики и институтов государственного управления в стране¹⁰⁷.

§6

Сохранить «христианнейший» город Париж

Парижский Парламент, к началу XV в. обладавший широкой компетенцией в области административного управления страной, использовал ее в период кризиса власти для контроля за работой местных органов, и главной его заботой, имевшей отчетливый политический аспект, стал Париж. В своей деятельности Парламент опирался также на исключительные полномочия, полученные им по ордонансу от 3 ноября 1415 г.: в момент обострения ситуации в стране в связи с началом английской агрессии и продолжающейся гражданской войной Париж перешел под преимущественный контроль Парламента¹⁰⁸. В полной мере эти полномочия пригодились Парламенту и Парижу в период англо-бургиньонского правления, когда город был оставлен властями, и Парламент проявил тогда административные способности и политическую дальновидность. Эта важная сторона деятельности Парламента в должной мере не оценена в историографии, а между тем она дает возможность вскрыть истинные мотивы деятельности парламентских чиновников в период политического кризиса и оценить ее итоги в контексте сохранения Франции как самостоятельного государства.

Нахождение в одном городе местного суда, т. е. суда первой инстанции, каковым являлся Шатле, и высшего судебного органа стра-

ны было чрезвычайно соблазнительно для тех, кто по тем или иным причинам хотел перенести рассмотрение своего дела из Шатле в Парламент. Ввиду этой угрозы сохранялась постоянная необходимость в разграничении компетенции между Парламентом и Шатле. В этом вопросе Парламент не поддавался на лестные уговоры передать в его ведение выгодные дела и старался соблюдать права Шатле и королевского прево. Однако будучи судом первой инстанции для земель королевского домена, Парламент сохранял за собой функции заботы о Париже как столице, в частности, в компетенцию Парламента входила забота о состоянии улиц и мостов Парижа¹⁰⁹. Соблюдение Парламентом прав местного судебного и административного аппарата в предшествующий период заложило прочные основы союза этих институтов власти, выдержавшего испытание и в годы англо-бургиньонского правления, поставившего их перед необходимостью самим заботиться о городе. В этой деятельности Парламента, ставшей одной из самых значительных по объему в эти годы, выделяются три основных аспекта: контроль за деятельностью местного судебного и административного аппарата, беспрецедентная помощь в обеспечении города жизненно важными продуктами и, наконец, защита города и отстаивание его роли как многовековой столицы королевства Франции.

Традиция союза и взаимопомощи Парламента и властей Парижа стала основой для складывания системы совместного управления с самого начала англо-бургиньонского правления, которое с первых же месяцев знаменовалось отъездом из Парижа властей: и короля Карла VI, и герцога Жана Бесстрашного, и дофина Карла Валуа, увезенного королевским прево Танги дю Шателем в первые часы вступления в Париж войск бургиньонов.

Взаимопомощь становится потребностью всех институтов, оставшихся в Париже, и уже на заседании 22 октября 1418 г. впервые обозначилось появление некоего консультативного совета, объединяющего все власти города: «Для распределения продуктов и других вопросов, касающихся управления и поддержания порядка» Парламент приказал купеческому прево и эшевенам собираться ежедневно на заседания в городской ратуше и направил туда для консультаций двух своих чиновников. С тех пор такой совет собирался регулярно, число парламентских чиновников, помогавших в управлении городом, постоянно возрастало, и вскоре совет стал полномочным органом власти в городе, поскольку в него вошли также и королевский прево, и Парижский университет, и «почтенные буржуа»¹¹⁰. На заседании 2 января 1419 г. совет получил офор-

мление: в него вошли представители от Шатле, четыре чиновника Парламента, прево и эшеваны, а также пять горожан, среди них меняла и суконщик, чтобы «обсуждать все необходимое, надлежащее и полезное для... доброго управления и поддержания порядка в Париже». Вскоре число парламентских чиновников, участвующих в совете, достигло 20 человек (10 января 1419 г.). На заседании 18 января 1419 г. совет получил одобрение властей города: для его утверждения собрались чиновники Парламента, ректор Парижского университета, чиновники Шатле, королевский и купеческий прево и эшеваны и «многие почтенные люди коллежей и церкви». Совет возглавил Жиль де Кламеси, чиновник Палаты счетов. Все решения были присутствующими «ратифицированы, поддержаны и подтверждены»¹¹¹. Не следует думать, что в городе не было оппозиции и царило единодушие в отношении самостоятельно учрежденного органа без санкции короля: уже на заседании 6 марта 1419 г. члены совета во главе с королевским прево пришли в Парламент и обратились с симптоматичной просьбой: дабы избежать «гнева сеньоров, обидных и опасных слухов в свой адрес, они просили все принимаемые ими решения объявить решениями короля и Парламента», если эти решения будут одобрены последним. Следует учесть также, что к этому времени Парламенту удалось уже добиться от короля подтверждения полномочий совета, названного «комиссарами по делам суда, порядка и превотэ», вызвавшего сопротивление части горожан: на заседании 31 января 1419 г. об этом было сообщено Парламенту, а 6 февраля 1419 г. отправлено посольство к королю. Все эти действия превратили в конечном счете Парламент в гаранта и контролера всей деятельности властей разного уровня в городе.

Целью этой деятельности Парламента становится защита законов и борьба с ошибками и злоупотреблениями властью, ставшими в годы кризиса опасной тенденцией в работе органов суда и администрации Парижа. Парламент старался поддерживать высокий авторитет королевского прево и Шатле, стимулировать их усердие, предотвращать вмешательство извне в управление городом. При этом Парламент настойчиво боролся с вымогательствами чиновников Шатле, с множеством «новшеств», вводимых прево, и проверка работы Шатле прочно входит в практику Парламента. На заседании 16 апреля 1420 г. Парламент издал специальное постановление, требующее от чиновников Шатле сообщать ему, если дело передастся на дополнительное расследование, иначе оно будет признано незаконным. На заседании 24 апреля 1423 г. сержанты обратились с жалобой на действия прево и получили в Парламенте поддержку: он запретил прево нарушать королевские установления

о Шатле. В 1425 г. (20 января, 26 января, 3 февраля и 9 февраля) Парламент обсуждал новые ордонансы, «касающиеся чиновников прево-тэ и Шатле». В сложном деле, потребовавшем изучения регистров Шатле, его чиновники отдали решение в полное ведение Парламента (22 января, 18 февраля, 19 марта 1434 г.). Создавшиеся в Париже благоприятные условия для всяческих нарушений законов потребовали от Парламента особых мер и в отношении чиновников Шатле и прево-тэ, что входило органично в общую политику института по защите законности в государстве. Уже в самом начале бургиньонского правления имела место беспрецедентная попытка посягательства Шатле на компетенцию Парламента, когда сержант опечатав имущество покойного советника Парламента, чье завещание было отдано в Парламент для исполнения (1 октября 1418 г.). Парламент по настоянию родственников, друзей и душеприказчиков покойного вынужден был напомнить Шатле о последней воле советника и неприкосновенности компетенции Парламента. 30 июля 1421 г. Парламент вызвал к себе чиновников Шатле, чтобы пресечь злоупотребления с дополнительными платами, требуемыми за каждое слушание дела (по 4 солида); «и почти все участники заседания были того мнения, что было бы разумно найти средство против этого... и составить новый ордонанс». В 1423 г. Парламент специально занимался разбором незаконного поведения прево, вызвав его на допрос: в Парламент поступило множество жалоб на дополнительные платы (1 золотой), которые прево требовал от всех, кто после 1418 г. получал в Шатле должность, хотя назначения происходили по королевским письмам. Ссылки прево на то, что «его предшественники обычно тоже брали» с сержантов, вынудили Парламент пригрозить ему судом (6, 12 февраля 1423 г.).

16 марта 1425 г. Парламент вновь вызвал прево, чтобы выслушать его объяснения по поводу участвовавших жалоб на незаконные поборы, взимаемые им. Объяснения прево были вполне рациональны: он напомнил, как герцог Бедфорд поручил ему должность «очень ответственную, особенно в нынешнее военное время», в силу чего он вынужден держать для охраны больше людей, чем в мирное время. Вместе с тем ему обещали, что он будет пользоваться обычными выгодами от этой должности, которые вошли в традицию, и он не увеличивал их, а поскольку его предшественники тоже брали платы с вновь назначенных, они и теперь сами несут ему дары, хотя он их и не просит об этом; и еще он напомнил об особых милостях от короля, вошедших в традицию, — носить оружие, дорогие одежды и украшения, в чем он также лишь подражал своим предшественникам. Наконец, он заметил, что лишен многих традиционных вы-

17. Вид Парижа в XV веке

год из-за сложной ситуации в городе и поэтому вправе получить хоть какую-то компенсацию¹¹².

Парламент осознавал, разумеется, неизбежность большинства злоупотреблений, вызванных трудностями военного времени, и пытался лишь ограничить их, исходя из своих представлений о высоком авторитете органов королевской власти. В решениях Парламента мы находим такие меры, как борьба с незаконным распределением денег от чеканки монеты (7 марта, 16 марта, 10 октября 1419 г.); запрет увеличивать количество прокуроров Шатле до 40 человек, что приводило к задержке решения дел (29 октября 1425 г.); отмену жалованья советника-клирика, вступившего в брак (11 ноября 1426 г.); борьба со взятками в Шатле (8 февраля 1427 г., 14 марта 1427 г.); требование к секретарю Шатле соблюдать правила ведения документации и регистров (12 апреля 1427 г.); требование к лейтенанту прево соблюдать ордонансы о введении дел в Шатле, «которые не охраняются и не соблюдаются из-за ошибок и небрежности лейтенанта» (5,6 сентября 1427 г., 10 марта 1428 г.); требование соблюдать взаимодействие прокуроров и чиновников Шатле при расследовании дел (10 декабря 1427 г., 14, 21 июля 1430 г.); запрет нарушать ордонансы в отношении церквей Парижа (21 марта 1431 г.), как и отмена иных ошибок в работе Шатле и прево (22 января, 18 февраля, 19 марта 1434 г.).

Во взаимоотношениях Парламента и Шатле всегда видное место занимали вопросы формирования персонала и решение споров, возникавших при этом. В этой области деятельности Парламент опирался на свои полномочия по утверждению чиновников всего административно-судебного аппарата страны, однако в отношении

Шатле Парламент действовал с учетом особой важности союза с ним, тем более в годы кризиса власти¹¹³. С персоналом Шатле значительные трудности возникли с самого начала бургиньонского правления и потребовали вмешательства Парламента, использовавшего свое право контролировать работу местных органов власти. На заседании 18 ноября 1418 г. рассматривался вопрос о замещении должности лейтенанта королевского прево Парижа по уголовным делам: Никола Сюрро обратился за помощью в Парламент и рассказал, что от имени герцога Бургундского и прево Парижа его неоднократно просили занять должность лейтенанта прево, что не входило в его планы. В итоге он решил попросить Парламент найти способ избежать конфликта с властями города, не принуждая его к неудобной деятельности¹¹⁴. Парламент подсказал весьма оригинальное решение: он посоветовал ему исполнять эту должность, но не брать за нее жалованья, «удовольствуясь выгодами этого лейтенантства», продемонстрировав тем самым временность пребывания на этой должности. Однако этот вопрос стал хорошим поводом для главного обвинения Парламента в адрес чиновников Шатле и прево, поспешивших раздать должности далеко не самым подходящим людям, спровоцировав жалобы и злоупотребления, которые «изо дня в день происходят из-за недостатков, незнания и небрежности многих», пришедших в Шатле, где они «не работали и не имеют достаточного знания, ни желания работать там». В итоге Парламент потребовал у королевского прево «позаботиться об исполнении должностей людьми компетентными, опытными и подходящими вместо тех, которые являются... невеждами, небрежными и неподходящими для должностей в Шатле».

Сложная политическая ситуация в городе вызывала многочисленные перестановки в аппарате Шатле, и Парламент боролся за соблюдение законности и недопущение необоснованных смещений по политическим мотивам. Так, уже в начале 1419 г. вакантной оказалась сама должность королевского прево Парижа (25 января 1419 г.). Опираясь на свои полномочия. Парламент решил использовать процедуру выборов и 3 февраля 1419 г. в присутствии канцлера приступил к голосованию (*scrutine*). Мнения были почти единодушны (*concordablement paucis demptis*), и был избран Жиль де Кламеси, чиновник Палаты счетов. Однако, поблагодарив за «доверие», он просил не утверждать его или хотя бы дать отсрочку. Парламент не внял его просьбе и утвердил в тот же день, а первый президент повел в Шатле вводить в должность. Стремление Парламента любой ценой спасти город и его органы власти от хаоса вызвало недовольство короля, о чем он написал (15 февраля 1419 г.) как об опасном

самоуправстве. На это чиновники Парламента заявили, что смена прево была сделана «по справедливым и разумным причинам», к тому же самым законным для Парламента способом — «путем выборов в присутствии канцлера и многих других». Вскоре противостояние накалилось настолько, что Жиль де Кламеси, заявив, что «неугоден некоторым жителям Парижа», а также купеческому прево и эшевенам, сам просил об отставке. На заседании Парламента 6 октября 1419 г., где рассматривался этот вопрос в присутствии канцлера, Палаты счетов, Шатле, купеческого прево и эшевенов, квартальных и других чиновников города, состоялись повторные выборы королевского прево. Выслушав добровольный отказ Жили де Кламеси, чиновники Парламента, Палаты счетов и канцлер удалились в «Уголовную башню» и приступили к голосованию. Дебаты продолжались два дня и закончились вновь избранием того же Жили де Кламеси, попытавшегося снова отказаться, но его аргументы были признаны неубедительными¹¹⁵. Так Парламент продемонстрировал всем намерение не допустить вмешательства политических страстей в формирование органов власти. Он предвидел усложнение политической ситуации и способствовал продвижению на должность купеческого прево своего советника Гуго Ле Кока, а в 1422-1425 гг. королевские письма о новых назначениях прево и других чиновников города утверждались Парламентом без всяких возражений (3, 21 февраля, 1 декабря 1422 г., 20 января, 9 февраля 1425 г.)¹¹⁶.

Взаимодействие Парламента и Шатле в этот период было весьма разнообразным и обоюдовыгодным. Так, тюрьма Шатле, где содержались и заключенные по приговору Парламента, была источником получения штрафов и оплаты чиновников Парламента, поскольку взимание штрафов входило в обязанности Шатле, а предназначенные Парламенту суммы передавались на ежегодных собраниях накануне закрытия очередной сессии. Значимость этой деятельности Шатле особенно возросла после 1418 г. при неуклонном сокращении жалованья парламентских чиновников (9 апреля 1422 г., 30 мая 1422 г., 11 мая 1423 г., 23 декабря 1424 г., 5 апреля 1425 г.).

Опираясь на право президентов охранять (*veiller à la sureté*) город, полученное от короля по упоминавшемуся ордонансу 3 октября 1415 г., Парламент расширил свои полномочия и по мере ухудшения ситуации в городе вмешивался в рассмотрение всех хозяйственных, административных, финансовых проблем, поставив задачу обороны и сохранения Парижа. Уже 16 ноября 1417 г. лейтенант королевского прево, купеческий прево, эшевены и горожане пришли в Парламент за советом, как подвезти продукты, избежав грабежа и захвата. На следующий день Парламент обсуждал спо-

соб, по предложению купеческого прево, собрать некоторую сумму денег с жителей Парижа, которая крайне необходима для укрепления города и его нужд ввиду надвигающейся опасности со стороны герцога Бургундского. Парламент решил сам не вмешиваться в сбор налога, так как это все же не входило в его компетенцию, но послать в помощь купеческому прево нескольких парламентских чиновников для совещаний. При этом Парламент добровольно участвовал в налогах с города, зная о тяжелом положении горожан (11 февраля 1418 г.), а также своей властью призывал к участию и другие институты, пользующиеся освобождением от налогов. Так, на заседании 3 октября 1418 г., где обсуждалась уплата нового налога «на дело войны, сохранения, охраны и защиты королевства», который жители Парижа решили собрать со всех «привилегированных и непривилегированных», в том числе и с Парижского университета, Парламент просил ректора объяснить на собрании университета истинное тяжелое положение страны и убедить их заплатить вместе со всеми. Своей властью Парламент также распоряжался теми суммами из казны, которые находились в Париже, и потребовал их траты только на нужды города, прежде всего на его оборону и защиту (20 января, 6 февраля, 6, 16 марта 1419 г.).

«Щедрый» дар властей брать часть доходов от Парижа, предназначенных казне, на нужды и оборону не мог покрыть всех расходов, и в письме от 15 февраля 1419 г. король возмущен фактом изъятия Парламентом средств из поступлений в казну от чеканки монеты в Турнэ, Сен-Кантене и Париже на нужды города.

На этих заседаниях речь идет не только о плачевном состоянии финансов города, но и о злоупотреблениях в их расходовании. При этом Парламент обращался с просьбами к чиновникам финансов о помощи в устранении этих ошибок. Уже на заседании в конце октября 1419 г. генеральный правитель финансов Гийом Ле Клер попросил освободить его от должности ввиду невозможности в нынешнем состоянии финансов обеспечить оборону и безопасность Парижа и представил полный отчет о финансовом положении.

Если вопросы финансов и их распределения всегда были в поле зрения Парламента, особенно в случае возникновения споров и злоупотреблений, то совершенно новой для Парламента областью деятельности явилось в этот период участие в хозяйственной жизни города¹¹⁷. Прежде чем коснуться этой области деятельности Парламента, следует отметить, что никогда, ни до, ни после периода англо-бургиньонского правления, Парламент не занимался в таком объеме и с такой подробностью проблемами города. Уже в начальный период бургиньонского правления Парламент оказался един-

18. *Заседание муниципалитета в Париже*

ственным защитником Парижа и вынужден решать проблемы обеспечения города продуктами, организуя отряды по 100 человек во главе с прево Парижа для сопровождения привозимых товаров (22 октября 1418 г.). При этом Парламент обращался к королю и герцогу

Бургундскому с просьбой помочь городу в этом и выделить 200 воинов «для сопровождения продуктов и защиты купцов от насилия». Все вопросы обеспечения города решал отныне учрежденный совет из представителей всех властей города, и главные вопросы сводились к подвозу продуктов и дров, а также к ценам на самые необходимые товары. Любопытно отметить, что проблемы возникли в Париже сразу же после установления бургиньонского правления, и об этом было прямо заявлено на заседании 15 октября 1418 г., поскольку задержка продуктов приписывается «воинам, называющим себя воинами короля, герцога Бургундского и других», по чьей вине при сильном уменьшении населения Парижа цены выросли до невиданных прежде сумм. 26 ноября 1418 г. Парламент разработал подробный план мероприятий для снижения цен на дрова в преддверии холодов. Палате счетов, главам Вод и Лесов Шампани и Бри поручено осуществить вырубку 300 арпанов леса на дрова в королевских лесах Бонли, Лей, Сенар и Помлеруа или других, более близких к Парижу, где это выгоднее и нанесет меньше ущерба. Затем эти дрова решили продать платежеспособным купцам по цене не меньше 6—8 турецких ливров за каждый арпан, обязав их продавать дрова, согласуясь с изменениями цен и погоды. Те купцы, которые имели дрова и завышали цены на рынке, получили строгое распоряжение Парламента продавать по строго установленным расценкам. Но купцы попытались сразу высказать недовольство, заявив, что такая система полностью убыточна для них. Парламент не поддался нажиму и возложил обязанность контролировать цены на дрова на своего чиновника вместо королевского прево, отказавшегося от этих опасных полномочий. Парламенту приходилось думать и о мерах по снижению цен на хлеб и другие продукты, и эти меры давались чиновникам труднее всего, поскольку у них не было опыта в таких вопросах. Единственной мерой Парламент по-прежнему считал ежедневные совещания со всеми властями города. В итоге он установил строго фиксированную цену на дрова и назначил адвоката Г. Роза для контроля за этими ценами (15 декабря, 2 декабря 1418 г.). При этом Парламент предлагал всем недовольным явиться и «сообщить о своих убытках и ущербах», с тем чтобы он мог позаботиться о них. Таким образом, цены на дрова и продукты питания являлись главной заботой Парламента во все годы англо-бургиньонского правления¹¹⁸.

Не стоит думать, что заботы Парламента о снабжении города давались легко и без конфликтов. Напротив, ему пришлось столкнуться с жестким сопротивлением и использовать в полной мере свою власть верховного суда, к тому же облеченного королем особыми

полномочиями¹¹⁹. Решающим фактором, определившим успех парламентских акций, стал уже упомянутый совет, постоянно собиравшийся для консультаций и обеспечивавший Парламенту мощную поддержку всех властных структур Парижа. В создании этого совета Парламент проявил свою глубокую приверженность коллективной форме управления, столь характерную для этого института власти, которая доказала свою жизнеспособность в тяжелых условиях англо-бургиньонского правления. Уже в самом начале деятельности адвоката Г. Роза, назначенного Парламентом для контроля за исполнением решения о ценах, возник конфликт (3 января 1419 г.) с одним из купцов, привезших дрова. Спор о цене быстро перешел в стычку, и поскольку дело происходило в лодке этого купца, он перешел от угроз вызвать Г. Роза в суд к намерению сбросить его в реку. Парламент, естественно, строго допросил купца, приговорил к штрафу и посадил в тюрьму. Напуганный Г. Роза попросил Парламент освободить его от столь опасного поручения, в чем ему было отказано, а в качестве компенсации назначена дополнительная плата в размере 1 солида в день за контроль в Париже и 24 солида – вне стен города. Однако этот инцидент продемонстрировал реальность угрозы «ропота и бунта» в Париже в отношении действий Парламента, который обсудил меры по пресечению возможных конфликтов (9 января 1419 г.). Акцию неподчинения Г. Розу попытался предпринять и купеческий прево, но его чиновники, уполномоченные следить за ценой на дрова, которым он в течение 8 дней запрещал давать отчет Г. Розу или еще кому-либо кроме себя, явились в Парламент и сказали, что готовы «подчиняться и купеческому прево, и Г. Розу, и комиссарам Парламента, и всем другим... согласно ордонансу Парламента» (20 января 1419 г.). Вскоре возникла и более широкая оппозиция в городе действиям Парламента, который вновь прибег к помощи учрежденного им совета и добивался подтверждения принятых мер (31 января 1419 г.). Для окончательного утверждения действий комиссаров Парламент отправил посольства к королю и герцогу Бургундскому, чтобы получить их формальное одобрение и тем самым снять напряжение в городе (6 февраля 1419 г.). По-видимому, одобрение короля было получено, но его воздействие на ситуацию в городе резко снижалось из-за его фактического отсутствия в Париже.

Никакие попытки нажима на Парламент в вопросе обеспечения города не имели успеха, поскольку он оправдывал крайние меры чрезвычайностью ситуации. Когда на заседании 12 марта 1420 г. булочники Парижа заявили, что новый ордонанс, изданный Королевским советом, приведет их к разорению и отказу от своей про-

фессии, Парламент, сославшись на многочисленные жалобы горожан, приказал судебному исполнителю объявить повсюду в Париже, чтобы «под угрозой повешения» булочники выпекали подобающий хлеб и по разумной цене. Более того, в этой связи Парламент высказал открыто претензии королевскому прево и чиновникам Шатле, не проявившим должного усердия и не указавшим булочникам на их ошибки, «что повлекло жалобы, угрозы, ущербы и помехи». Вновь в Парламенте разбирались действия булочников Парижа 17 июня 1420 г., объявленные «ошибками, злоупотреблениями и заговором... нарушающим ордонансы и общественное благо». Суровые меры наказания были применены Парламентом по докладу генерального прокурора короля и в отношении мельников Парижа (12 июля 1420 г.): они должны просить прощения у Парламента и генерального прокурора «за злоупотребления и вымогательства... в ущерб королевским ордонансам и общественному благу», пройти с зажженными свечами по улицам Парижа до Нотр-Дам, а затем будут заключены в Консьержери. Более того, найденное у них зерно должно быть куплено по установленной цене, промолото и роздано бесплатно в богадельню (Hôtel-Dieu), заключенным, нищенствующим орденам, «в других местах скопления бедняков и бедного люда на площадях Гревской и Мобер». Только расплатившись полностью, они будут выпущены из тюрьмы, при этом части их запрещалось отныне быть мельниками или помощниками мельника под угрозой штрафа в 100 парижских ливров. Столь резкие меры были вызваны ухудшением ситуации в Париже, которая и провоцировала многочисленные злоупотребления. О них вновь идет речь на заседании 31 мая 1421 г., где говорится о «пекарях-булочниках Парижа, совершающих много ошибок в профессии, несмотря на ордонансы, не раз изданные Парламентом», который приказал судебному исполнителю пройти по всем домам булочников в городе, осмотреть и взвесить хлеб, и там, где найдет нарушения, изъять весь хлеб и раздать «бедным и в больницы». В ответ на оправдания пекарей, что цена на хлеб в ордонансах ограничена, а цена на зерно — нет, что вынуждает их уменьшать вес хлеба, Парламент посоветовал им обратиться к комиссарам, назначенным Парламентом: те готовы продать им зерно дешевле. Таким образом. Парламент дает понять, что оправдания булочников лишь прикрывают их стремление нажиться на кризисе продуктов в Париже. Проверки цен на зерно и на хлеб вновь поручили прево и одному из булочников Парижа (11 ноября 1426 г.; 14, 20 марта 1431 г.).

Как видим, приоритетом в политике Парламента была забота о выживании города и прежде всего беднейших его слоев. Такая по-

зиция усилила авторитет института в городе: к нему обращались с жалобами на все властные органы и получали поддержку самые незащищенные слои. Так, 23 июля 1430 г. в Парламент обратились с жалобой на королевского прево муж и жена, жившие в его доме 8 месяцев, будучи беженцами из Мениля, и теперь опасавшиеся, чтобы уплата ими денег за проживание, которые предназначались якобы на «содержание воинов в доме этого сеньора», не было истолковано как свидетельство их крепостного состояния. 30 августа 1430 г. в Парламент обратились с жалобой и торговли старьевщицы, которым чиновники Шатле не разрешали торговать на их привычных местах у церкви Сен-Мартен, заставляя их ходить на рынок Ле Аль по понедельникам, средам, пятницам и субботам, хотя на своих местах они торгуют по 6-12 лет. Парламент, переговорив с генеральным прокурором и чиновниками Шатле, внял этой жалобе, «видя их бедность и нужду народа и из-за бедствий военного времени».

Для того чтобы в истинном свете оценить эту кропотливую, ежедневную и весьма трудную деятельность Парламента по снабжению и спасению Парижа, достаточно только представить себе положение верховного суда французского королевства, столь ревниво оберегавшего свою компетенцию и власть в решении важнейших вопросов страны, а теперь при англо-бургиньонах вынужденного вступать в препирательства с булочниками, мельниками и старьевщиками, взвешивать хлеб и следить за каждой лавкой и ценой на товары в ней. Ясно, что Парламент никогда не стал бы заниматься этим, если бы не придавал делу сохранения Парижа политического значения.

Парижский Парламент рассматривал вопрос о снабжении, обороне и спасении Парижа как задачу особой значимости. Наряду с известным партикуляризмом городов и областей Франции, отчетливо проявившемся в ходе Столетней войны и существенно повлиявшем на ее ход и последствия, положение и роль Парижа как традиционного центра страны, многовековой столицы королевства определили позицию парламентских чиновников в отношении города. Одной из самых главных претензий Парламента к властям в период англо-бургиньонского правления стало их невнимание к Парижу, расцениваемое Парламентом как нарушение законов страны. С самого начала установления бургиньонского правления в Париже четко обозначилось это принципиальное расхождение между Парламентом и властями: уже на заседании 15 октября 1418 г., на котором рассматривалось бедственное положение города, в Парламенте было решено, по предложению доктора теологии Парижс-

19. Торговая улица в Париже

кого университета Жана Куртекисса, отправить к королю и герцогу Бургундскому делегацию «от всех сословий Парижа и им рассказать о положении города», прося обеспечить охрану купцов, привозящих продукты и дрова. Однако вскоре, переходя к самостоятельным действиям по снабжению Парижа, Парламент на заседании 22 октября 1418 г. недвусмысленно дает понять, что вынужден действовать в одиночку из-за «отсутствия короля и герцога Бургундского» в Париже.

Отсутствие верховных правителей в Париже стало лейтмотивом существования города в период всего англо-бургиньонского правления¹²⁰. И в этом заключалась одна из уникальных и своеобразных сторон кризиса центральной власти, нашедшего свое образное выражение в «одиночестве» Парламента. Столица Французского королевства со времени избрания Гуго Капета, графа Парижского, на престол Франции была всегда местом «пребывания» короля, даже если король отсутствовал, он как бы незримо присутствовал здесь посредством главных институтов его власти, и это делало Париж столицей королевства¹²¹. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что основные институты власти остались в Париже и в период англо-бургиньонского правления, однако нежелание верховных

глав страны жить в Париже поставило институты в двусмысленное положение: лишало их в какой-то степени легитимности.

В самом деле, Жан Бесстрашный установил режим своего правления в Париже летом 1418 г., но за весь год «правления» посетил всего один раз этот, по выражению Алена Шартье, «город бургиньонов»¹²². Еще меньше тянуло сюда его сына Филиппа Доброго, тем более что он не получил после установления «двойной монархии», так много обещанной ему, никакой официальной должности¹²³. Больной Карл VI, переходивший в руки очередного «победителя», не бывал в Париже. Наконец, с заключением договора в Труа Генрих V возил с собой Карла VI как символ легитимности своих действий, после его смерти малолетний Генрих VI лишь эпизодически появлялся в Париже, живя в Англии. Герцог Бедфорд, регент королевства, хотя и жил в Париже, но также разрывался между Лондоном, Руаном, где находился Королевский совет, и театром боевых действий. Что же касается дофина Карла, то, буквально выкраденный королевским прево Танги дю Шателем, увезшим его из Парижа в первые часы вступления войск герцога Бургундского, он посетил его триумфатором после добровольной сдачи города и только через год – в 1437 г., но, помня пережитые там потрясения и неуверенный до конца в его лояльности, Карл VII так и не смог полюбить этот город.

Весь период англо-бургиньонского правления Париж находился в двусмысленном положении: никто не оспаривал его звания столицы, будь то расколотого или объединенного государства (обе столицы по договору в Труа должны были сохранить свой статус), но в любом случае лишь как «образа» и «мифа».

Именно этот образ, этот миф и отстаивали в Парижском Парламенте все годы англо-бургиньонского правления, и именно эта деятельность является ценнейшим вкладом парламентской корпорации в конечную победу Франции¹²⁴. Парламентская корпорация с первых же месяцев установления англо-бургиньонского правления поставила знак равенства между спасением Парижа и защитой королевства, произнося эти слова всегда вместе — «Париж и королевство Франция»¹²⁵. Не забудем, что Парламент заботился и о других городах, оказывая посильную помощь деньгами и советами, побуждая власти в многочисленных посольствах защитить эти города. И все же Париж, его престиж и место в королевстве Парламент отстаивал настойчивее всего, оценивая политику властей, в том числе и по их отношению к Парижу.

Впервые Парламент на заседании 29 декабря 1418 г. четко сформулировал свою претензию к герцогу Бургундскому и королю по поводу их отъезда из Парижа, когда отправил за свой счет посоль-

ство уговорить их «больше не удаляться от Парижа». Единственным оправданием отсутствия короля в Париже для Парламента были бы боевые действия против англичан, но в этот период король стал игрушкой герцога Бургундского в его планах раздела Франции и примирения с этой целью с Англией. Новое посольство было отправлено вначале 1419 г. (12, 13 января), причем полностью за счет средств Парламента. Отчитываясь об итогах посольства на заседании 17 января 1419 г., канцлер объявил о том, что король был очень доволен теми усилиями по защите Парижа, которые предприняты в его отсутствие, однако в ответ на просьбу «не удаляться от Парижа» потребовал, чтобы к нему были присланы в Ланьи, где он тогда находился, представители властей города для участия в советах и обсуждениях. Здесь же узнаем интересную деталь: находясь в тяжелом материальном положении, Париж тем не менее оказал помощь королю для защиты Руана, «и все добрые города королевства не поставили столько воинов, сколько Париж предложил и готов был дать». Таким образом, защита Парижа была для Парламента, как и других властей города, органической частью общей политики защиты городов Франции¹²⁶. Обсуждая в Парламенте указы посольству, отправляемому в Ланьи, решено было «посоветовать королю и просить вернуться или в Париж, или в Венсенский лес, или в Сен-Дени», т. е. как можно ближе к Парижу.

Многократное повторение этой просьбы свидетельствует о придании Парламентом важного политического смысла пребыванию короля именно в Париже, где сосредоточены институты его власти. Ввиду противоположной политики герцога Бургундского вовсе не случайно, что именно эта главная просьба Парламента не была услышана. Ответ, полученный от короля и герцога Бургундского из Ланьи, обнаружил глубокое пренебрежение к положению в Париже, поскольку король и его Совет заявили, что не могут вернуться в Париж, «так как он недостаточно обеспечен продуктами для короля и его окружения... хотя он (король) имел намерение туда вернуться сразу же, как только он будет обеспечен продовольствием». В ответе короля обозначена и новая драма бургиньонского Парижа: «...находясь в Провене, король может получать более свободно помощь своих вассалов, подданных, союзников и доброжелателей, чем если бы был в Париже, в который многие не хотят приходить столь охотно» (21 января 1419 г.). Таким образом, уже к началу 1419 г. Париж, многовековая столица королевства, превратился в опасный и опальный город.

Безусловно, защита Парижа определялась заинтересованностью Парламента в нормальных условиях для работы, однако политичес-

кий подтекст этой позиции выражен в приравнивании «доброго управления и порядка в Париже» к «сохранению королевства». Поэтому ему приходилось уже с начала 1419 г. самому выискивать средства для содержания гарнизона в Париже (26 января, 6 февраля 1419 г.), и, зная лучше других о плачевном положении финансов в городе, он ищет любую возможность договориться с обеими враждующими партиями с целью защитить Париж. Так, получив известие о продвижении английских войск, захвативших Мант и осадивших Понтуаз, Парламент собирает заседание 9 февраля 1419 г., чтобы обсудить меры по «защите, охране и сохранению королевства и особенно Парижа» и отправить послов к королю и герцогу Бургундскому, дабы «дать им понять положение Парижа». И тут же решено отправить посольство к дофину Карлу и Танги дю Шателю «и другим капитанам и воинам, называющим себя капитанами для дофина», прося их приостановить боевые действия на некоторое время, «чтобы в течение этого времени они смогли бы снабдить продовольствием и позаботиться о Париже для сохранения его и всего королевства».

Эта политическая линия Парламента на союз с дофином Карлом ради защиты Парижа вызывала крайнее недовольство герцога Бургундского, которого он уже не скрывал (10 февраля 1419 г.). Перейдя к открытым угрозам в адрес парламентских чиновников и всех, кто искал примирения с дофином Карлом, он потребовал, чтобы «в будущих переговорах о мире... не делать разъединения или отделения Парижа и его передачи в подчинение дофину... против короля и герцога Бургундского... ибо этим война и раздор вовсе не прекратятся, но усилятся и станут более опасны для Парижа и всего королевства, чем сейчас». Несмотря на щедрые заверения герцога Бургундского в стремлении к «доброму миру и единству королевства», в отчете послов ясно слышится его тревога, как бы Парламент и власти Парижа не договорились самостоятельно с дофином. В этом истинный смысл и таких обращенных к Парламенту требований герцога Бургундского, как «соблюдать мир и согласие», не прибегать к «заговорам, советам и частным консультациям», «не возбуждать подданных к бунту». Письма короля и герцога Бургундского, направленные в Парламент и обращенные к властям города (15 февраля 1419 г.), выдержаны в недоумевающе-враждебном тоне и свидетельствуют об окончательном разладе во взаимоотношениях Парламента и властей. В своем ответе Парламент уже не пытался сгладить это противоречие и решительно отстаивал занятую позицию. Так, признавая справедливость упрека короля за самовольное смещение чиновников в муниципалитете Парижа, Парламент пояснил, что не может согласовывать своих действий с ко-

ролем ввиду большого расстояния и опасности дорог, тем более что ранее он многократно просил короля через посольства, «отправленные в Понтуаз, Бовэ, Бомон, Гонес, Ланьи, не удаляться от Парижа, чтобы ему сообщать нужды Парижа и иметь более свободно от него помощь». Сближение Парламента с дофином стало постоянным предметом торга, и вновь в ответ на просьбу Парламента позаботиться о снабжении Парижа продуктами (27 марта 1419 г.) герцог Бургундский потребовал «оставаться в единстве и добром подчинении».

Установление «двойной монархии» не изменило положения Парижа: по-прежнему город сам беспокоился о снабжении, обороне и безопасности. Нежелание новых правителей обосноваться в Париже, поставить его в прежнее положение столицы королевства выявило чужеродность их власти и антифранцузскую природу¹²⁷.

В этом контексте объяснима и негативная реакция горожан на угрозы осадивших Париж войск Карла во главе с Жанной д'Арк сровнять город с землей (7 и 8 сентября 1429 г.). Кстати, в записи о событиях этой осады сообщается, что Париж хорошо вооружен и снабжен достаточным количеством продуктов; что гарнизон защищался самоотверженно, хотя перевес сил был на стороне осаждающих (в соотношении 4:1).

Негативно реагировал Парламент и на враждебные слухи, распространяемые в Париже накануне передачи города в руки Карла VII. Парламент высказывает претензии купеческому прево и эшевенам, которые, вместо того чтобы «собирать... мудрых и достойных людей, советников и буржуа и доброжелателей... ничего не делают» (7 января 1436 г.). Предлагая различные меры, Парламент по-прежнему обосновывает их «благом короля... а также города и его жителей». И снова, созданный из Парламента, королевского и купеческого прево, муниципалитета и Парижского университета, а также представителей иных институтов, совет собирается ежедневно в городской ратуше и решает оперативные вопросы для «поддержания единства и согласия в городе». Об атмосфере, царившей в Парламенте накануне передачи города Карлу VII, свидетельствует весьма любопытный эпизод (11 февраля 1436 г.). Члены Королевского совета сообщили Парламенту о готовящемся восстании «людей низкого сословия» с целью освободить некоего рыцаря, воевавшего в войске Карла VII и плененного англичанами, а теперь находящегося в тюрьме Консьержери. Из возмущенного доклада членов Совета мы узнаем интересные подробности о содержании этого опасного для властей заключенного. Оказывается, что в тюрьме он встречался и разговаривал со всеми, с кем хотел и кто приходил к нему ежедневно, и

даже угрожал этим чиновникам, когда они хотели перевести его в тюрьму Большого Шатле, что «позовет своих людей» на помощь. И это в тюрьме, находящейся под контролем муниципалитета и Парламента! Парламентские чиновники обещали разобраться, усилить охрану, но предупредили всех, чтобы «с ним ничего не случилось».

Парламент приветствовал вступление войск Карла VII, среди прочих причин и как результат добровольного открытия ворот Парижа¹²⁸.

Одним из важных последствий этого периода для дальнейшего развития государства во Франции явилось осознание чиновниками значимости нахождения короля в столице¹²⁹. Больной, малолетний, даже редко появляющийся в учреждениях центральной власти, но только король делает их работу легитимной, не говоря уже о том, что лишь присутствие короля делает Париж столицей, хотя многовековая роль столицы и превратила Париж в самый крупный город Западной Европы. В период англо-бургиньонского правления город обезлюдел, экономика зачахла, в то время как города, где находились Карл или английские власти, неуклонно развивались¹³⁰. Как бы ни хотели чиновники высшего государственного аппарата придать себе значимость и автономизировать работу своих учреждений, отсутствие короля существенно сказалось на их положении и деятельности. Именно поэтому чиновники Парижского Парламента так настойчиво умоляли Карла VI вернуться в Париж, шли на переговоры с дофином, упрекали герцога Бедфорда и герцога Бургундского в невнимании к Парижу. Кризис власти, выразившийся в том числе и в отсутствии в Париже главы государства в период англо-бургиньонского правления, доказал чиновникам и обществу, что только тесный союз центральной власти и ее институтов является прочной основой и оптимальной формой функционирования и этих институтов, и самой власти.

§7

Жалованье в политическом аспекте

В период англо-бургиньонского правления отношение властей к Парламенту, его авторитету, мнению, компетенции и месту в системе государственного управления, являвшееся надежным критерием для парламентских чиновников в выработке их ориентации, обусловило его конфликт с новым режимом. Сокращение числа чиновников, отсутствие жалованья и его задержки, общие тяготы войны потребовали от оставшихся чиновников особой преданности сохранению института, и существование Парижского Парламента

в течение 18 лет англо-бургиньонского правления должно быть признано в значительной мере заслугой самих парламентских чиновников.

Возобновление работы Парламента ордонансом 22 июля 1418 г. позволило парламентским чиновникам создать видимость преемственности, однако дальнейшая политика англо-бургиньонских властей не оставила в итоге никаких надежд на восстановление бывшего престижа института¹³¹. В нарушение договора в Труа, Парламент не занял в системе «двойной монархии» подобающего ему места.

Сложность и завуалированность конфликта Парламента с властями, если иметь в виду строгую секретность обсуждений, с особой тщательностью соблюдавшуюся именно в этот период, требуют от исследователя поиска косвенных выражений истинных отношений. Таким показателем взаимоотношений Парламента и англо-бургиньонских властей мне видится вопрос об оплате работы чиновников, давно замеченный исследователями, но не оцененный в полной мере. Действительно, если рассматривать вопрос жалованья в отрыве от политической проблематики, то претензии парламентских чиновников выглядят неправомерными. Во-первых, проблемы с жалованьем существовали всегда, особенно в период Столетней войны, и объяснялись трудностями военного времени. Были они и до 1418 г.¹³² Во-вторых, проблема с жалованьем не была специфической «парижской» проблемой: Парламент в Пуатье испытывал те же трудности¹³³. Но только в Парижском Парламенте вопрос об оплате стал центральным вопросом отношений с властями.

«Жалкое и нищенское существование Парламента в Париже», по выражению Э. Можи, внешне не очень отличалось от положения Парламента в Пуатье, основанного по ордонансу от 21 сентября 1418 г. дофином Карлом: там также постоянно маячил печальный вопрос об оплате работы чиновников, к тому же этот Парламент должен был заново комплектовать состав палат, организовывать работу¹³⁴. Но Парламент в Пуатье креп вместе с успехами Карла VII, в то время как Парижский Парламент неотвратимо беднел и обезлюдевал, кроме того он был фактически оставлен властями на произвол судьбы, оплачивать его работу не хотел никто. Последствием этого конфликта с англо-бургиньонскими властями явилось неуклонное сокращение численности чиновников Парламента: указом от 22 июля 1418 г. Парламент возобновил работу в составе 70 человек, в 1421 г. — 48 человек, в 1423 г. — 42 человек, в 1425-1426 гг. — 50 человек, в 1430 г. — 47 человек, в 1431 г. — 40 человек, в 1432 г. — 25 человек, в 1435 г. (накануне вступления войск Карла VII в Париж) — 28 человек¹³⁵.

Анализ политики парламентских чиновников в эти трудные годы подтверждает не только организационную зрелость учреждения, но и глубокую преданность его чиновников самому факту существования верховного суда королевства в Париже как столице и символу судебной власти короля.

Парижский Парламент берет на себя изыскание средств для хотя бы минимальной оплаты своих чиновников, самостоятельно распоряжаясь средствами, поступающими в виде штрафов по приговорам, причем делает это вопреки королевскому запрету (15 ноября 1418 г.). С 1419 г. четыре парламентских чиновника получают задание брать часть поступлений от генерального сборщика Казны для оплаты своих чиновников (13 января 1419 г.). Однако главным и надежным источником получения средств для выплаты жалованья чиновникам становятся поступления в казну от бальяжей, которые подчинялись в этот период судебной власти Парижского Парламента. В период с 1419 по 1429 г. в Парламент регулярно привозят деньги следующие города и области: Турнэ, Вермандуа, Нуайон, Лан, Реймс, Суассон, Труа, Шалон, Лангр¹³⁶.

Другим способом добывания денег стали обращения Парламента к чиновникам Казны и финансов, разнообразные меры воздействия на них с целью добиться внимания к нуждам парламентских чиновников. На заседание 21 августа 1419 г. Парламент вызвал Луи Кюльде, генерального чиновника монет короля, для объяснений. «Парламент удивляется тому, что он, кто знает положение Палаты... не приложил никакого старания» и не передал необходимых для жалованья денег.

Парламент использует любые источники пополнения фонда жалованья для чиновников, проявляя большую изобретательность. Так, на заседании 29 марта 1420 г. выясняется, что задолженность по оплате достигла 6 месяцев «из-за больших нужд и задач, возникших у короля», который обещает в будущем платить исправно. Парламент решает взять недостающие средства за счет конфискации движимого и недвижимого имущества у «восставших, неподчиненных, нарушающих мир», вопреки изданным запретам и ордонам короля, а также взимая долги (13 июля 1425 г., 1 марта, 19 июля 1426 г.).

Регулярно выставляя перед властями ультимативные требования немедленной выплаты положенных денег и гарантий на их получение в будущем, угрожая в противном случае прекратить работу, Парламент тем не менее продолжал ее, причем немало упорства и настойчивости было проявлено чиновниками в вопросе решения в полном объеме поступающих дел¹³⁷. Несмотря на тяжелые условия Парламент настаивал также на ведении протоколов и документа-

ции в полном объеме, объявляя недопустимыми нарушения «правил, стиля и общих установлений» Парламента¹³⁸.

Хотя Парижский Парламент использовал все имеющиеся у него средства для выплаты жалованья, претензии чиновников неуклонно возрастали и вопрос об оплате был зачастую единственным, для чего собиралась Верховная палата. При постоянном сокращении численности ситуация в Парламенте Парижа была, по-видимому, не так катастрофична, как ее представляли чиновники. С этой точки зрения, возраставшие претензии Парижского Парламента к англо-бургиньонским властям выглядят довольно странно, если не рассматривать их в политическом аспекте.

В этой связи представляются далеко не случайными постоянные обращения парламентских чиновников к властям с жалобами на задержку жалованья: Парламент пытается выяснить таким способом отношение к себе властей, прибегая к угрозе прекратить работу, если просьбы не будут удовлетворены. Впервые Парламент сформулировал свою просьбу на заседании 21 ноября 1422 г., когда задолженность составляла 4-5 месяцев. На заседание 24 ноября 1422 г. пришли канцлер и епископ Парижа, члены Королевского совета, в присутствии которых Парламент в довольно категоричной форме выразил требование погасить задолженность. Главный аргумент, превратившийся со временем в угрозу, состоит в невозможности дальнейшей работы в таких условиях. Наконец, 2 декабря, когда задолженность достигла 6 месяцев, Парламент сообщил канцлеру о намерении прекратить работу, однако работу не прекращает, «чтобы избежать скандала». Понятно, что скандалом Парламент считает вовсе не конфликт с властями, а именно прекращение работы. В этом конфликте, на который сознательно шел Парламент, обращает на себя внимание категоричность тона чиновников и их неоправданно жесткая позиция, поскольку они работали эти полгода без жалованья и вдруг решают вовсе остановить работу. Это «вдруг» может несколько проясниться, если посмотреть, что предшествует конфликту. Ему предшествуют смерть Карла VI, препирательства Парламента перед вступлением в силу договора в Труа, наконец, приход на заседание 19 ноября 1422 г. герцога Бедфорда, чье появление было встречено с плохо скрытой враждебностью: именно на этом заседании канцлер уламывал Парламент признать договор в Труа вступившим в силу.

О том, что Парламент таким способом стремился выяснить отношение властей к себе, свидетельствует и такой аргумент: на заседании 24 ноября 1422 г. было заявлено, что главная забота состоит в том, чтобы «из-за отсутствия жалованья некоторые советники не

были бы вынуждены оставить должности и практику, как уже сделали другие, чтобы обрести иные должности и практику». Прозрачный намек на Парламент в Пуатье используется в качестве угрозы, провоцируя власти на подтверждение их заинтересованности в дальнейшей работе Парламента в Париже.

С тех пор Парламент всякий раз прибегал к этому неотразимому оружию конфронтации: постоянно напоминал о задолженности, как, например, через день после присяги новому королю Генриху VI. И отныне требование об оплате становится надежной защитой Парламента от нажима властей.

Важным направлением стало недопущение раскола корпорации: Парламент отвергал все попытки властей оплатить работу лишь части чиновников. Со всей отчетливостью противостояние этой попытке властей проявилось в очередном всплеске борьбы Парламента против задержки жалованья в 1425 г. Тогда на заседании 3 августа 1425 г. Парламент заявил о стремлении получить жалованье «для всех вместе, не ища оплаты частичной и отдельной», т. е. для части чиновников. Так Парламент усиливает свои претензии к властям, используя корпоративный принцип своей организации. При этом позиция Парламента остается прежней: прекращение работы по вине властей, не платящих жалованья своим чиновникам, он считает «несообразностью», переадресуя возможные упреки в адрес властей. И вновь обстоятельства этих бесспорно логичных претензий Парламента придают им политический оттенок. Когда противостояние Парламента и герцога Бедфорда достигло апогея в вопросе об изъятии из ведения Парламента всех дел, касающихся землевладения и передачи их в ведение Совета в Руане, Парламент отказался выполнить это требование регента и тут же поставил вопрос об оплате своей работы, усиливая конфронтацию и придавая ей характер широкомасштабной защиты интересов института в целом (17 июля, 3 августа 1425 г.).

Весной 1426 г. вопрос о задолженности Парламенту за 8 месяцев рассматривался в контексте спора о «старых свободах церкви Франции». Тогда на заседании 1 и 2 марта 1426 г. Парламент обращается к канцлеру и чиновникам финансов, угрожая в противном случае «прекратить работу, и больше он не сможет действовать и продолжать, учитывая нагрузки президентов и советников и изъятия в уплате их жалованья, которое является ничтожным». Из последнего замечания о «ничтожном жалованье» в сравнении с нагрузками, а также из упоминающейся в тот же день передаче Парламенту 532 турских ливров в счет уплаты долгов ясно, что какие-то деньги Парламент продолжал получать, и требование об оплате ставится

не буквально, а в контексте диалога с властями. Лучшим подтверждением этому служит тот факт, что работу Парламент так и не прекратил.

Продолжение работы Парламента в таких условиях выглядит уже как оппозиция властям. Новый всплеск ее приходится на весну 1428 г., в период противостояния Совету в Руане, отобравшему у Парламента наиболее важные дела. На заседании 8 марта 1428 г. по поводу «способа уплаты жалованья» решено отправить делегацию к канцлеру и членам Королевского совета, чтобы «показать им положение Парламента, угрожая иначе отправить делегацию к регенту». На заседании 17 марта 1428 г. в состав делегации включены 4-5 советников, которые должны «рассказать о состоянии и намерении» Парламента прекратить работу. Наконец, 20 марта к ним присоединились и президенты, а требование свелось к получению до 23 марта всех выплат, полагающихся Парламенту. Новое обострение произошло весной 1429 г., и эту дату невозможно объяснить иным, нежели снятием осады с Орлеана: на заседании 31 мая 1429 г. были прекращены слушания дел и обсуждалась задолженность за 10 месяцев. Тут же решено идти к герцогу Бедфорду, чтобы предупредить, что «без уплаты не могут больше служить». Далее узнаем подробности встречи с регентом, который заверил делегацию, «что хорошо осведомлен о (состоянии Парламента), достаточно претерпевшего, и что скоро они получают хорошие известия, и он о них позаботится и вознаградит их за долготерпение так, что они останутся довольны». Заметим, что впервые регент говорил с делегацией в небывало заботливом тоне, что также, очевидно, связано с атмосферой, царившей в «английской Франции» после снятия осады с Орлеана¹³⁹.

Лучшим доказательством истинных претензий Парламента является его реакция на «милостивые» заверения регента: на следующий день (1 июня 1429 г.) Парламент решил добиваться от него немедленного получения денег. Но вопрос не был решен и к началу 1430 г., когда Парламент вновь решает прекратить работу (*cum intimacione cessacionis*) (25 января, 8 и 22 февраля 1430 г.). Это противостояние Парламента и властей не осталось незамеченным в обществе, и оно воспринималось именно как конфронтация. Об этом косвенно свидетельствует версия в «Дневнике Парижского Горожанина» относительно раскрытого в Париже заговора с целью передать город в руки арманьяков, т. е. Карла VII: по его версии в число заговорщиков входят не только чиновники Шатле, купцы и ремесленники, но и чиновники Парламента¹⁴⁰.

Наконец, накануне открытия сессии 1430 г. Парламент решает идти на прояснение ситуации: он собирается три дня подряд для

выработки плана действий (3-5 октября 1430 г.). Объявив, что король задолжал Парламенту за два года, чиновники направляют к нему в Руан делегацию с подробной инструкцией из 10 пунктов. Главный пафос первых пунктов сосредоточен на обосновании высокого положения Парламента в структуре государственного аппарата, «большой пользы и необходимости его, блага суда и, напротив, опасности, неуместности и вреда, происходящих от беззакония или отсутствия суда». Королю приходится напоминать и о том, что чиновники Парламента, «люди большого знания и опыта», что «они постоянно занимаются делами Парламента с очень большим и постоянным усердием за очень маленькое жалованье», и какое место прежде занимал Парламент при распределении денег, следуя сразу же после двора короля, королевы и дофина, «перед всеми остальными людьми и всякими нуждами», теперь же им «приходится самим поддерживать честь короля и Парламента» заёмами, залогами, продажей рент и движимого имущества. В инструкции подробно расписано поведение делегатов: вначале добиваться полного погашения задолженности; «если увидят, что им не смогут заплатить, просить оплаты хотя бы за один год до дня Всех святых с гарантией, что остальное получают до Пасхи». Только в этом случае решено обещать королю продолжить работу «наилучшим образом к чести короля и Парламента». Если же делегация получит отказ, то по поручению Парламента должна сообщить, что «в этом случае у президентов и советников нет намерения начинать работу».

В этом смысле весьма знаменательно, что герцог Бедфорд понял истинные претензии Парламента занять привычное место в системе государственной власти и отказался их признать. 9 октября 1430 г. послы выехали в Руан, а уже на заседании 24 октября 1430 г. читалось закрытое письмо «от короля», т.е. герцога Бедфорда. В нем после уважительных обращений и огорчений по поводу плачевного положения чиновников Парламента следует резкий выпад против их претензий занять главное место в королевской администрации. Герцог Бедфорд был «очень удивлен» упреками парламентских чиновников, «ибо считает, что среди наших чиновников не должно быть оплачиваемых в последнюю очередь (*des derreniers paieez*)». Парламенту, как и другим институтам, в настоящее время нет возможности заплатить «так скоро, как хотите и просите заплатить». При этом выражается надежда на продолжение работы института, «которая так необходима для поддержания общественного блага в нашем королевстве Франции». Это последнее замечание о «нашем королевстве», как и четко выраженный призыв к Парламенту продолжить работу свидетельствуют об известном повороте в позиции

герцога Бедфорда, искавшего в изменившихся не в пользу английского правления обстоятельствах поддержки там, где прежде он видел лишь препятствие.

В начале 1431 г. Парламент вновь решает прекратить работу. Обсуждая 10 и 12 февраля вопрос о том, когда прекратить работу, парламентские чиновники вспоминают, что не раз откладывали это решение во избежание скандала и в надежде получить все деньги, но «в течение этого времени не получили ни одного знака, ни малейшей видимости обеспечения». Решено было продлить работу до Пасхи, а затем, если не получат жалованья, прекратить работу. Решение было принято единодушно (*concorditer et unanimiter*), чем подтверждается твердое намерение парламентских чиновников продолжать конфронтацию с властями. Однако и это решение, по-видимому, имело целью лишь припугнуть власти, поскольку Парламент продолжает работать. И лишь с весны 1431 г. он прекращает работу. На заседании 9 апреля 1431 г. обсуждалось известие о том, что кардинал из Англии везет деньги, предназначенные якобы для жалованья чиновникам, и вскоре ожидается в Руане. На заседании 28 апреля 1431 г., после получения письма от канцлера, первый президент обсуждал, продолжать ли работу Парламента или прекратить. В итоге решили «прекратить слушания дел и вынесение приговоров с 1 мая до дня Пятидесятницы, а после него прекратить совсем и закрыть все комнаты... если не будет жалованья». Так впервые Парламент действительно выполнил угрозу. Отныне он собирался на заседания Совета только по вопросу о жалованье. Ответ канцлера был представлен на заседании 25 июля 1431 г.: период задолженности по жалованью достиг двух с половиной лет, а ответ канцлера содержал лишь отчет о больших усилиях короля и трудностях, об уменьшении доходов королевства и отсутствии в настоящее время денег для уплаты Парламенту «полностью, но по возможности заплатят часть». Кроме того, рухнули надежды на получение денег из Англии, Парламент которой отказывался оплачивать оккупационный режим во Франции¹⁴¹. Поэтому канцлер объявил решение короля платить впредь жалованье «из его доходов от Франции и Парижа», т. е. Парламент, столько сил прикладывавший для выживания столицы, был поставлен перед драматическим выбором: либо отказаться от категоричных требований, либо обирать парижан. И он предпочел союз с Парижем, заявив, что требует оплачивать его работу, как положено по закону, из поступлений в казну, вне зависимости от источника поступлений. Что же касается неопределенных обещаний канцлера заплатить в будущем, то Парламент отправил к нему первого президента для получения четких ответов на вопрос, «с какого време-

ни и сколько заплатят сейчас, а сколько — потом?» Назавтра (26 июня 1431 г.) выяснилось, что канцлер обещал заплатить за три месяца, а остальное — от «поступлений с Парижа и этой области Франции по мере возможности короля». Парламент составил ответ королю, в котором сообщил, что после «долгого и бурного обсуждения и все взвесив» он решил прекратить работу, если им не заплатят хотя бы за год и не дадут гарантий на получение остального, причем из казны, а не только от Парижа. Парламент не работает практически все лето 1431 г., и вскоре вновь снаряжается посольство в Руан для получения денег, причем, как явствует из заседания 14 августа 1431 г., на котором разрабатывалась инструкция послам, само посольство оплачивают чиновники из своих скудных средств — по 2 франка с каждого. При этом Парламент очень тревожится из-за приостановленных дел, которые ждут своего решения, однако заявляет, что «по очень справедливым и очень разумным причинам, очень настоятельным» он решил не работать. Послы вернулись лишь в ноябре, и на заседании 14 ноября 1431 г. был заслушан их скорбный отчет: обещанная канцлером оплата даже трех месяцев не была получена, более того, самих же чиновников обвинили в этом, поскольку они отказались от оплаты трех месяцев, требуя оплаты за год, и поэтому деньги «король употребил на свои нужды». Печальный итог посольства усилили жалобы делегатов, не получивших от короля обещанных 200 франков в оплату их десятинедельных расходов: «Заплатил только 80 франков, а остальное они делали на свои деньги». Парламент поблагодарил их за усилия и «большое терпение, с которым они вообще выслушали странные обращения и слова короля».

Вопрос об оплате чиновников рассматривался в этот момент в связи с готовящимся приездом в Париж малолетнего Генриха VI впервые после объявления его «королем Англии и Франции». На заседании 15 ноября 1431 г. выбирается советник Парламента, который должен будет от имени Парламента добиваться уплаты жалованья, «чтобы... поддержать Парламент без изменений или сокращений», от каковой миссии поочередно отказались несколько чиновников.

Вместо обещанного жалованья на заседании 21 декабря 1431 г. — запоздалого открытия очередной сессии — король потребовал принести помимо обычных клятв еще и клятву «подчиняться Генриху... как королю Англии и Франции и никому другому, не помогать его противнику, не мешать ему, охраняя всеми средствами Париж». Таким образом, вместо возврата долгов Парламенту даются лишь приказы и абстрактные обещания «их охранять и поддерживать»¹⁴². В это трудное время с особой силой проявилось единство и спло-

ченность парламентской корпорации: когда король предложил оплатить работу части чиновников. Парламент решил перевести остальных на решение уголовных дел и тем самым не допустить раскола корпорации (26 января 1432 г.).

На заседании 13 февраля 1432 г. Парламент решил направить своего чиновника к канцлеру с просьбой о помощи в получении денег; 15 февраля 1432 г. делегация из 5-6 советников направлена по тому же поводу к герцогу Бедфорду. Однако результатов по-прежнему нет, поскольку тот еще не «видел состояния финансов». Наконец, 20 февраля первый президент собрал заседание и объявил решение герцога Бедфорда уплатить в первую очередь из полученных денег «на расходы королевы, людей Высшего совета и Парламента», и деньги для этого есть; к тому же герцог Бедфорд обещал отныне платить ежемесячно начиная с 1 января этого года, при этом первый президент доверительно сообщил, что «герцог Бедфорд себе из этих денег не оставил ничего». В надежде на улучшение дела 22 февраля 1432 г. в Парламент обратились с жалобой Жан Рапиу, адвокат короля, и Гийом Бартелеми, генеральный прокурор, рассказав, как в 1421 г. их попросили служить на этих ответственных должностях, отказавшись от всех прочих «жалований, денег и практики» за 400 ливров жалованья, и с тех пор они честно служили в течение 10 лет и ничего не нажили, и им еще должны по 1200 франков. Надежды на восстановление порядка в выплате жалованья чиновникам вскоре рухнули, поскольку уже на заседании 5 апреля 1432 г. сказано, что жалованье получено только за 1 месяц. При этом Парламенту наконец раскрылась системы выплаты, установленная регентом. Казначей сказал советникам, так и не получившим жалованья, что герцог Бедфорд «запретил кому-либо выдавать деньги, если нет его подписи». Вновь Парламент отправил депутацию к канцлеру и регенту, а на заседании 12 апреля уже прямо сказано об обмане: «Король и герцог обещали платить... но мы ничего не получили», так что решили снова прекратить работу. Тогда же у казначея они узнали, что «готовых денег нет, но после Пасхи будут», и решили повременить с исполнением угрозы, отменив только объявление приговоров до Пасхи (15 апреля 1432 г.). Однако после Пасхи на заседании 24 апреля Парламент узнал от казначея, что распоряжение об уплате Парламенту от регента не поступало, и после его распоряжений о деньгах «у казначея не из чего платить» Парламенту. «Видя манеру, которая принята в распределении финансов», Парламент отправил делегацию к регенту с требованием «выполнить (его) обещания, иначе не смогут... продолжать работу, и они прекращают и не будут больше служить». Регент сказал, что сделает все возможное, но назавтра

(25 апреля 1432 г.) от посланных к казначею советников Парламент узнал, что никаких распоряжений не поступало. Вновь (26 апреля) казначей пришел в Парламент и предложил дать 100 солидов «для самых срочных плат», но Парламент отверг этот соблазн раздробления в оплате. 12 мая 1432 г. уполномоченный от Парламента советник ходил к казначею и канцлеру, добиваясь получения денег за март, но «по ответу не было ни надежды, ни видимости получить в ближайшее время». И даже к осени (2 сентября 1432 г.) жалованье не было получено: в разговоре с герцогом Бедфордом ему напомнили об «обещании короля и его, которые не были выполнены. На это он ответил, как раньше, что позаботится». Парламенту самому приходится решать, что же делать (13 сентября 1432 г.): ожидая писем из Англии, «касающихся этих плат», он намерен собрать всех и «принять решение с согласия и в присутствии всех». 17 сентября 1432 г. Парламент собирается в полном составе, обсуждая, начинать ли работу. В итоге единодушно (*unanimiter*) решено, «что не будут больше служить». Однако сообщить это решение регенту не захотел никто; сначала отказался первый президент, затем предложенный многими Жан Бранлар вслед за десятью чиновниками, ранее выполнявшими подобное поручение. Вновь это обсуждается на заседании 10 ноября, накануне открытия очередной сессии, куда уже не приходят 5-6 советников. После «долгого и бурного обсуждения» оставили без изменения решение 17 сентября, но обсуждение проходит уже в отсутствие первого президента, и сообщить ему об этом решении одни просили Филиппа де Нантерра, другие — секретаря Клемана де Фокамберга. Видимо, де Нантерр тоже отказался, и решение о прекращении работы сообщил сам гражданский секретарь, на что первый президент ответил, что «регент приказал открыть Парламент после дня Св. Мартина, когда все обязаны» прийти. Однако он не намерен был никого уговаривать, сказав, «чтобы пришли туда, кто хочет, и что никого не будут принуждать». Таковых нашлось немало, и 12 декабря 1432 г. очередная сессия Парламента была открыта.

Со временем парламентские чиновники не скрывают намеренного обострения ими ситуации заведомо утопичными претензиями. На заседании 28 ноября 1432 г. канцлер предложил Парламенту компромисс, учитывающий тяжелое положение казны и вообще «английской Франции»: король готов был уплатить полностью жалованье, но пока лишь 22 чиновникам, причем остальным не запрещалось работать и им обещали заплатить позднее. Кроме того, предлагалось ввести ограничение времени работы Парламента до двух дней в неделю (понедельник и четверг или в другие дни). Более того, власть готова была рассмотреть любое другое решение Пар-

ламента, учитывающее реальное положение дел, и «их выслушают охотно». Для того чтобы чиновники могли представить себе реальную ситуацию, король и члены Королевского совета готовы были дать отчет о финансах двум уполномоченным от Парламента чиновникам. После «долгого и бурного обсуждения» Парламент оставил в силе решение от 17 сентября, «если не получит надлежащего обеспечения, и по справедливым и разумным причинам отказывается служить». Услышав такой ответ, канцлер даже не пытался скрыть своего недоумения странным напором чиновников и прямо заявил им, что «не понимает, как можно вообще сейчас заплатить и полностью удовлетворить Парламент, зная о состоянии финансов». В ответе Парламента на упрек канцлера в абсурдности требований выражена позиция чиновников, сознательно идущих на конфликт: «Это вовсе не их дело вникать в вопросы финансов, они этого не знают, и среди них нет человека, который бы хотел в это вмешиваться». Нежелание Парламента вникать в трудности властей, помимо неприятия раскола корпорации, равно как и сокращения работы института, и есть по существу отказ от сотрудничества и союза с властями¹⁴³. Получив в начале 1433 г. от канцлера небольшую сумму, который при этом напомнил, что выжал деньги из весьма тощей казны, Парламент заявил, что «эта сумма неприемлема, и в таких условиях он не намерен продолжать работу, требуя, чтобы им платили регулярно, из месяца в месяц и чтобы казначей обещал это Парламенту». Когда канцлер попросил чиновников дать этот ответ в письменном виде для передачи регенту и его Совету, «чтобы яснее понять», чиновники отказали ему и в этом, сославшись на то, что «ранее они много раз достаточно полно сообщали где положено, т. е. что они вовсе не намерены служить и не будут служить, если им не заплатят» (10 января 1433 г.).

Отстранение по настоянию канцлера первого президента Парламента и замена его на Робера Пьедефера не изменило позиции института в отношении оплаты. Когда на заседании, где было объявлено решение о новом президенте, канцлер продолжал заверять Парламент о «стремлении короля и людей Совета поддерживать Парламент и платить жалованье», тот настаивает, что «намерение Парламента, чтобы все советники, которые служили в Парламенте, были оплачены» (9 февраля 1433 г.). Поддержку Парламент неожиданно нашел и в лице казначея, разоблачившего ложность уверений регента, что в казне нет денег: придя на заседание 10 февраля 1433 г., он сообщил, что готов выплачивать жалованье ежемесячно, если не будет запрета от регента, «и ему кажется, что есть достаточно (средств. - С.Ц.) для оплаты суда».

Следует подчеркнуть, что Парламент тем не менее продолжал работать, несмотря на угрозы, имеющие целью скорее обозначить конфликт с властями. Так, на заседании 10 февраля 1433 г. Парламент принимает меры для обеспечения работы института в полном объеме, хотя чиновников уже явно недостаточно: решено, что все работающие в Парламенте, вне зависимости от должности, будут «осуществлять дела все вместе», поскольку в Верховной и в Следственной палатах нет достаточного числа чиновников, т. е. будут все вместе работать и в расследовании дел, и в вынесении приговоров (решение о форме выдачи и подписи этих приговоров принято на заседании 21 февраля 1433 г.). Продолжая работать, слушать дела и выносить приговоры, Парламент периодически пытается надавить на власти для получения жалованья, но не очень настаивает, перейдя фактически своей работой в оппозицию властям. Так, 26 мая 1433 г. на совете решался вопрос, объявлять ли приговор или подождать до получения жалованья, и в итоге решили дожидаться жалованья. К такому же способу получить жалованье Парламент прибегает и на заседании 4 сентября 1434 г., назначив двух своих чиновников сказать казначею, «что если не заплатят им за месяц, не объявят приговор». После открытия сессии на заседании 18 ноября 1434 г. назначена делегация к канцлеру «показать ему положение суда, не получающего жалованья».

И все же Парламент продолжает работу, и даже когда вопрос о том, открывать ли очередную сессию обсуждался в ситуации агонии англо-бургиньонского режима, «учитывая перемены в городах и областях, повернувшихся к другому подчинению (т. е. к Карлу VII. — С.Ц), после долгого и бурного обсуждения решили открыть Парламент для блага суда» (8 ноября 1435 г.). Имея представление о том, в каких условиях и с какими трудностями пришлось столкнуться Парламенту в период англо-бургиньонского правления, закономерно задаться вопросом, почему же при таком неуважении и невнимании властей парламентские чиновники не прекратили работу, но ценой личных усилий сохранили в итоге Парламент в Париже?

Первая и весьма веская причина заключалась в том, что Парижский Парламент обслуживал территории, отделенные от владений Карла Валуа, и Парламент в Пуатье был недостижим для этой части страны. Люди были лишены возможности добраться в Пуатье, а парламентские чиновники всегда пропагандировали «благо суда» и его необходимость в обществе. Весь объем дел, все тома ежегодных слушаний и приговоров подтверждают выгоды для поданных такой настойчивости Парламента¹⁴⁴. Обращение Парламента к вла-

стям в феврале 1419 г. с требованием не покидать Париж и обеспечить работу Парламента оказалось пророческим в отношении того факта, что люди из всех городов, крепостей и областей «со всеми своими нуждами приходят в Париж». Страна привыкла, что именно в Париже можно найти справедливость и суд. Такую традицию выгодно было поддержать тем, кто служил королевской власти, и в их числе Парламенту в Париже как символу верховного суда во Франции. Сохранив Парламент в Париже, его чиновники следовали этой традиции, и нежелание англо-бургиньонских властей уважать работу Парламента выявило недалекость и антифранцузский характер их политики. В этой связи отстаивание Парламентом своих интересов оказалось на деле защитой целостности и суверенитета королевской власти во Франции. Они защищали не конкретного короля, они защищали «короля, который не умирает никогда», т. е. идею королевской власти во Франции, интересы государства перед любыми частными и сепаратистскими интересами. И история доказала, что именно образ короля, а не только конкретный король, будь то Карл VI Безумный или Карл VII Победоносный, важен для страны и служит национальному объединению¹⁴⁵.

Это дает право расценивать функционирование Парламента в Париже под властью англо-бургиньонов, считающееся едва ли не пособничеством сепаратизму и оккупации, национальным предательством, как вклад парламентских чиновников в укрепление королевской власти Франции.

На этом фоне принесение Парламентом клятвы верности Генриху VI накануне вступления войск Карла VII (15 марта 1436 г.) выглядит тактической формальностью. Показательно в этой связи, что имена присягнувших на верность парламентских чиновников фигурируют и в составе делегации Парламента, отправленной 16 апреля 1436 г. к коннетаблю де Ришмону, вошедшему во главе войск Карла VII в Париж, «приветствовать его и показать ему, что они... сохранили Парламент, готовы оказать почести королю и служить ему... как его верные, законные и истинные подданные». Через два дня был прислан уважительный ответ с заверениями в его благодарности чиновникам за их работы «о благе короля... и состоянии суда» (18 апреля 1436 г.).

Вклад Парижского Парламента в конечную победу Франции нашел убедительное и логическое завершение на открытии новой сессии Парламента в ноябре 1436 г., в который вошли 26 чиновников из Парламента в Пуатье и 19 чиновников Парламента в Париже¹⁴⁶.

«Прагматический патриотизм»

Объем приведенного в III главе материала может создать у читателя ложное представление о решающей роли парламентских чиновников в главных политических событиях эпохи, поэтому в заключение стоит снова напомнить, что речь идет об аутсайдерах, о тех, кого меньше всего слушали в обществе и чье мнение мало кто принимал в расчет вне стен здания Дворца на острове Ситэ. И почти полное умолчание в историографии о парламентских чиновниках в политических конфликтах эпохи вполне объяснимо: позиция института была не громогласна, малозаметна. Но это не значит, что её важность от этого уменьшалась.

Воочию увидев последствия гражданской войны, испытав на себе все тяготы политических репрессий, французы к середине XV в. могли оценить, приносит ли благополучие и покой нарушение закона даже с самыми благими целями, как и предупреждал Парламент.

История аутсайдеров, каковыми были парламентские чиновники в период политического кризиса первой трети XV в., интересна именно тем, что как раз они оказались в числе победителей. Служить закону оказалось выгодно, поскольку в итоге он становится прибежищем для всех. Более того, выгоду извлекли все партии, которые пытались склонить на свою сторону Парламент: политическая борьба имеет свойство переменчивой фортуны, и в конечном счете всем оказалось выгодно, что кто-то сохранил видимость нейтралитета и к нему можно прибегнуть в случае поражения как к защите.

Оценивая в целом роль Парижского Парламента в политической жизни Франции первой трети XV в., следует отметить, что своеобразие позиции парламентских чиновников было обусловлено сделанным ими выбором в пользу интересов сильной королевской власти, защиты институтов государственного управления и преданностью государственной службе. Это помогло им не только избежать компрометирующего участия в борьбе бургиньонов и арманьяков, но и последовательно, с позиций гражданского гуманизма противостоять теории и практике тираноборчества и политических репрессий. Отстаивание интересов Парламента помогло его чиновникам противостоять политике «двойной монархии» в разделе королевства и отмене успехов централизации королевской власти, что обеспечило Парламенту почетное место в ряду защитников государственности во Франции.

Уникальность опыта параллельного существования двух Парламентов, в Париже и Пуатье, с одинаковыми проблемами (сокраще-

20. *Мирный пейзаж Франции.*

нием компетенции, задержками жалования и неукомплектованностью состава) заключается в проявившемся именно в этих чрезвычайных, не повторившихся более никогда обстоятельствах, единстве парламентской среды¹⁴⁷. Сходство ситуации породило и сходную политику, проводимую обоими Парламентами. Оба защищали галликанизм, неделимость территории, законы Франции. Разделенные политическими пристрастиями и обстоятельствами, они остались верными прежде всего интересам своего института власти. В протоколах Парижского Парламента за все эти 18 лет, когда он обезлюдевал, в том числе из-за переезда чиновников на службу в Парламент Пуатье, мы не найдем оскорбительных выпадов против этих чиновников¹⁴⁸. А воссоединившийся Парламент стал ведущей силой национального примирения¹⁴⁹.

Наконец, политика Парижского Парламента в период «двойной монархии» дает интереснейший материал для размышлений о природе зарождавшегося в эпоху Столетней войны патриотизма¹⁵⁰. Связанный с формированием национального государства, патриотизм зародился в конце XIV в. прежде всего в городах. Однако скоро он охватил все слои общества, воевавшего за «свою Францию». И тут начинаются различия. Что каждый вкладывал в это понятие? И что защищал? Патриотами традиционно называют горожан, сдававших

свой город англичанам лишь после длительной осады, ужасающего голода и отсутствия надежды на помощь извне. Но известно также, что горожане защищали охотно и с энтузиазмом свой город, реже — округу, и уж совсем неохотно — отдаленные области, отказывались платить налоги на «Францию вообще». Партизанские отряды, состоящие из крестьян с рыцарями во главе и ведшие десятилетиями партизанскую войну, например в Нормандии, тоже были привязаны к своей округе и редко защищали другие области страны. Ясно, что патриотизм как защита родины требует раскрытия того, что каждый понимал под родиной: для одного — это стены родного города, самые прекрасные на свете, для другого — поля и замок, малая родина предков¹⁵¹. Для парламентских чиновников родина — понятие более широкое, связанное с «мистическим телом» государства: это их Дворец правосудия. Он символ их власти и значения в обществе, он олицетворение главной функции короля — суда для всех, он защищает их самих, придает их труду особое значение в жизни общества. Поэтому, защищая Парламент в весьма неблагоприятных обстоятельствах, при невнимании и неуважении властей, его чиновники тоже защищали родину, то лучшее, что, по их мнению, было в этом Французском королевстве, ради чего они потратили годы жизни на учебу, приобретение опыта, на восхождение по карьерной лестнице. Все вместе они отстояли этот оплот королевской власти во Франции — Дворец правосудия, и это завоевание пригодились всем последующим поколениям французов.

Глава IV

Самоидентификация Парижского Парламента

Складывание во Франции XIV-XV вв. централизованного государства в форме сословной монархии обусловило появление особого «сословия» служителей власти, сломавшего традиционные представления о трехчленном делении общества на молящихся, воюющих и работающих, причем «сословие» чиновников причудливым образом соединило в себе черты, присущие трем освященным традицией сословиям. С молящимися чиновников связывали прежде всего духовные звания, имевшиеся у не менее чем 50% магистратов Парламента, что давало им право не только активно вмешиваться в юрисдикцию церкви, но и иметь церковные бенефиции и пребенды, получаемые уже за службу королю, а не церкви, так что служба королю приравнивалась к служению Богу¹. Сословие воюющих было не менее близко парламентской среде: чиновники Парламента частью были выходцами из дворянства или становились дворянами, аноблируясь, и многие черты дворянства вошли в парламентскую этику, приспособившись к службе короне, дающей чиновникам особую значимость, формулируя специфическую «честь» парламентской службы. Перспектива «дворянства мантии» лишь намечалась в этот период, однако именно в процессе его складывания можно обозначить те черты, которые существенно отличали «дворянство от закона» от «дворянства шпаги», причем на этих отличиях настаивает само чиновничество, видя в них свое *raison d'être*². С обоими благородными сословиями чиновников роднит и освобождение от налогов. В то же время, парламентское чиновничество — это сословие «трудящихся», для него труд есть самооправдание и самоидентификация, но труд весьма специфический, дающий право на особый статус в обществе, на некую исключительность и отличие от всех остальных³.

В предыдущих главах анализировались представления чиновников о месте верховного суда в обществе, проявившиеся в работе Парламента. в комплектовании кадров, а также в политической позиции уч-

реждения. Данная глава представляет собой попытку рассмотреть более общие взгляды и некоторые фундаментальные принципы, характерные для парламентской этики и культуры как форме самоидентификации парламентского чиновничества. В таком аспекте исследование предпринимается впервые и имеет целью выявить сущностные черты во взглядах парламентариев, сказавшиеся на работе учреждения: их представления о себе, о своем предназначении в обществе, о роли и месте суда в системе власти, о короне и государстве.

§ 1

«Совершенно особые чиновники короля»

Парижский Парламент, выросший из Королевской курии (Curia Regis) в отдельный судебный институт, сохранил в своем названии эту генетическую связь и придавал ей особое значение. В самом деле, если просмотреть парламентские протоколы на предмет выявления самоназвания института, то мы обнаруживаем, что он не называл себя никогда Парижским Парламентом, такого словосочетания в протоколах первой трети XV в. нет. Как же называл себя Парламент в этот период?

Единогласия не сложилось, хотя есть несколько близких по смыслу устойчивых словосочетаний: «Двор заседаний» (Cour de seances) (21 ноября 1405 г., 5 февраля 1414 г., 15 июля 1417 г.), просто «Двор» (Cour) (17 февраля 1406 г.), «Совет Короля в Парламенте» (Conseil du Roi au Parlement) (12 ноября 1408 г.), «Двор Парламента» (Cour du Parlement, Curia Parlamenti) (18 октября 1409 г., 20 октября 1410 г., 15 февраля 1421 г.), «Палата Парламента» (Chambre du Parlement, Camera Parlamenti) (31 августа 1417 г., 30 октября 1420 г., 28 ноября 1432 г., 12 февраля 1431 г.).

В этом разнообразии самоназваний Парламента стоит обратить внимание на две важнейшие черты. Во-первых, Парламент сохранил за собой слово «Двор» (Curia, Cour) и таким образом настаивал на своей исключительной роли в государственном аппарате, поскольку прямо апеллировал к Королевской курии как к первооснове. Так, самим названием Парламент претендует на высшую власть в государственном аппарате, и это вполне закономерно с точки зрения места суда в системе общегосударственных приоритетов, поскольку именно суд, т. е. установление справедливости для всех, являлся одной из самых главных функций королевской власти⁴. И не случайно при коронации наравне со скипетром королю вручалась «длань правосудия» (символическое изображение жеста судьи)⁵.

Во-вторых, «двор суда» (Cour de Parlement), конкурирующий с королевским двором как институтом личных слуг короля, входил органически в символику «двойного тела короля»: короля как личности и короля как общественного института, олицетворяемого двором суда⁶. Закрепив за собой право называться в том числе и двором суда, Парламент в дальнейшем сохранил исключительно за собой старый королевский Дворец в Ситэ, откуда выехали сначала двор короля (при Карле V), а затем и остальные институты королевской власти. Двор суда превратился в Дворец правосудия (Palais de Justice), где пребывает и поныне, пережив все исторические коллизии и политические потрясения⁷. А слово «двор» стало означать во французском языке также «суд», судебное заседание, и именно так переводится в данной книге.

Анализ самоназвания чиновников Парламента открывает нам дополнительные существенные аспекты самоидентификации парламентариев, свидетельствующие о специфике этого слоя профессиональных служителей власти. Прежде чем представить характерные самоназвания парламентариев, скажем сразу, что они почти никогда не называют себя чиновниками. Кем же считают себя парламентарии?

«Сеньоры Парламента (12 сентября 1405 г.), сеньоры и министры суда (12 ноября 1407 г.), президенты и другие сеньоры палаты (28 августа 1408 г., 7 января 1412 г.), сеньоры заседаний (5 сентября 1408 г., 20 ноября 1408 г., 2 февраля 1409 г., 5 февраля 1414 г., 24 апреля 1417 г., 31 августа 1420 г.), сеньоры палат (16 марта 1415 г.), президенты и другие люди Парламента (11 сентября 1408 г.), президенты и другие сеньоры заседаний (30 октября 1408 г.), сеньоры суда (20 ноября 1408 г.), советники (26 ноября 1408 г., 20 ноября 1409 г.), советники заседаний (28 марта 1435 г.), люди корпорации Парламента (*des gens du corps de Parlement*) (5 ноября 1411 г.), люди и слуги короля в его Парламенте (14 ноября 1411 г.), клирики короля (*clers du Roy*), клирики Парламента (*clerici de Parlamento*) (28 ноября 1432 г.), советники короля (15 июня 1412 г., 3-5 октября 1430 г.), сеньоры и другие чиновники заседаний (5 февраля 1414 г.), советники и чиновники (31 августа 1417 г., 27 апреля 1418 г., 13 мая 1430 г.), президенты и советники суда (19 сентября 1418 г., 30 октября 1420 г.), президенты, советники и чиновники (21 февраля 1424 г., 30 мая 1427 г., 7 января 1429 г.)».

В этой кажущейся неоднородности можно тем не менее выявить ведущие тенденции в самоназвании парламентариев. Во-первых, понятие «сеньор», которое относится ко всем парламентариям вне зависимости от принадлежности к сословию дворян, хотя среди

21. Карл V в Парламенте.

чиновников были и выходцы из неблагородного сословия⁸. Все они считали себя сеньорами, но не обычными сеньорами, а сеньорами суда, что объединяло всех чиновников в верховной судебной палате и «облагораживало» их по службе закону⁹. Такая устойчивая тенденция намечает поворот от возникновения слоя профессиональных служителей власти к рождению «дворянства мантии».

Следующим по частоте употребляется понятие «советник» для обозначения заседающих во всех трех палатах. По существу, все парламентарии — советники, а президенты — лишь главные советники. К фундаментальной для парламентской этики идее совета мы еще вернемся, сейчас же важно отметить, что члены трех палат и их президенты — это советники, в отличие от всех других чиновников суда. О важности для парламентариев понятия «советник» свиде-

тельствует и такой факт. В ходе конфликта между Парламентом и королем, пытавшимся отменить пожизненное жалованье чиновникам, прослужившим менее 20 лет, выполнить неприятную «миссию» (отменить эти выплаты) поручили президентам, от имени которых Робер Може отказался исполнять распоряжение, заявив, что «президенты всего лишь члены суда, как и другие советники» (17 февраля 1406 г.).

И, наконец, очень важное обстоятельство — появление в самоназвании парламентариев понятия «чиновник». Оно всегда связано с людьми вне парламентской корпорации: как правило, это тоже судьи и чиновники иных судебных ведомств. «Канцлер и другие чиновники короля (12 ноября 1414 г.), люди и чиновники короля в бальяже Турнэ (19 ноября 1415 г.), бальи и чиновники короля в Пикардии, президенты, советники и другие чиновники короля, адвокаты и прокуроры (19 сентября 1418 г.), чиновники прево Парижа (15 ноября 1418 г.), советники и чиновники, адвокаты и прокуроры (16 ноября 1418 г.), прево и чиновники (12 марта 1420 г.), король, его люди, советники и чиновники (29 апреля 1420 г.), чиновники, адвокаты и прокуроры Шатле» (24 мая 1420 г.).

В самоназвании Парижский Парламент настаивает, таким образом, на отличии парламентариев от других чиновников короля и следит за соблюдением подобного отличия, пресекая посягательства на свои «привилегии». Например, когда несколько прокуроров было принято в состав работающих в Парламенте, им среди прочих наставлений было запрещено «называть себя сеньорами суда» (19 апреля 1404 г.). Особой привилегией Парламента были и названия всех должностей. Так, довольно громкое дело было связано с нотариусами Канцелярии и Казны, посмеявшимися назвать себя «в своих письмах секретарями» (*greffiers*). Запрещая подобное новшество, Парламент обосновывает свое решение ссылкой на особый статус парламентских чиновников перед всеми остальными, что должно выражаться в том числе и в названии должностей: «Двор заседаний есть суверенная палата королевства и столь знатная (*notable*), что это каждый видит и знает, и поэтому подобает, чтобы должности палаты имели бы особые преимущества и авторитет как в названии, так и иначе перед всеми другими, и поэтому нет ни одного места, кроме нее, и не должно быть, где бы называли себя секретарями» (21 ноября 1405 г.).

Проявившаяся в самоназвании парламентариев тенденция придать парламентским чиновникам особый статус была частью общей позиции — утвердить в обществе исключительное положение пар-

ламентариев как хранителей высшей судебной власти короля, поэтому, настаивая на соблюдении процедуры выборов на должности в Парламенте, чиновники отмечают: «Королевские должности и особенно те, в которых есть судебское звание (*judicature*), должны распределяться выборами» (22 августа 1413 г.). В названии судебных должностей местного уровня Парламент также выделяет их принадлежность к магистратам. Так, делая распоряжения местным органам власти устранить ошибки в работе, Парламент передает исполнение их в руки «балы и других судей королевства» (10 декабря 1427 г.). Будучи чиновниками и судьями, парламентарии в самоназвании настаивают, что они и не чиновники, и не судьи, а если и то и другое, то — совершенно особые чиновники и особые судьи (5 августа 1417 г.). Так, в перипетиях борьбы за галликанизм и право короля Франции раздавать по своему усмотрению освобождающиеся церковные бенефиции, активными получателями которых были и парламентарии духовного звания, Парламент настаивает, что он должен получать эти бенефиции за свою заботу о делах церкви во Франции и «иметь особую милость» (18 февраля 1412 г.).

Принципиально важным для парламентариев является сам факт получения бенефициев от короля Франции, а не от Папы Римского, поскольку они служат только королю, и «никому другому», как предписывает приносимая ими клятва. Поэтому, отказываясь платить церковную десятину, они обосновывают свои привилегии тем, что это «привилегии клириков короля». В число привилегий Парламент включал и право вмешиваться в споры о бенефициях, «ибо они совершенно особые (*especiāulx*) клирики короля и имеют особые прерогативы» (19 февраля 1412 г.). Подобное преимущество Парламент продолжал отстаивать, когда в ходе попыток отменить «старые свободы церкви Франции» англо-бургиньонские власти предлагали обращаться за бенефициями к Папе Римскому. Тогда Парламент отказался отступать от прежних своих привилегий, при этом «не запрещая и не препятствуя, чтобы простые палаты могли, если хотят, просить и преследовать свое обеспечение (*provision*)» (12 февраля 1421 г.).

«Простые палаты» — это, по мнению парламентариев, другие институты власти, но Парламент совсем не простая палата, и ей подобает особое, отличное от всех поведение, и потому все суды должны подчиняться Парламенту (7 января 1412 г.). Особое положение Парламента было выражено и в иерархии выплат содержания, в которой он находился сразу же после двора короля, королев и дофина, прежде всех остальных институтов королевской власти.

Особое положение парламентариев в обществе поддерживалось не только самоназванием, но и рядом привилегий и внешних атрибутов, часть которых безусловно отражала тенденцию превращения парламентских чиновников позднее в «дворянство мантии». Однако в их обосновании и идейной подоплеке сквозит та же тенденция, что и в названии института и его должностей: подчеркнуть особый статус Парижского Парламента в обществе. Первой привилегией, сближавшей его с благородным сословием, было освобождение от уплаты налогов. Вызванное стремлением подчеркнуть значимость парламентских чиновников, освобождение от налогов, хотя и схожее с дворянской привилегией, имело иные обоснования, акцентирующие отличие парламентариев от других подданных короля¹⁰. Парламентарии отстаивали эту привилегию, усматривая в ней не только экономический, но и моральный аспект. Об этом можно судить по тем фактам, нередким в годы гражданской войны и английской агрессии, когда Парламент платил налоги добровольно; тем не менее он требует указать, что добровольные дары Парламента не должны повлечь за собой посягательства на принцип освобождения от налогов (1 декабря 1411 г., 20 марта 1417 г., 7 января 1429 г.). Основанием этой привилегии парламентарии считали «малое жалованье и доходы их» (22 марта 1415 г.), а вовсе не желание имитировать дворянство.

Не отрицая правомерность рассмотрения парламентариев как зарождающегося нового дворянства, мне хотелось бы обратить внимание на ряд деталей, свидетельствующих о том, что в этот период парламентарии настаивают на своем отличии от всех прочих сословий, в том числе и от дворянства, и это отличие они выводят из характера их службы, которая отличалась от функций дворянства¹¹.

Так, парламентарии демонстративно отказывались от таких атрибутов дворянского сословия, как ношение оружия и езда верхом на лошадях¹². Когда поступил приказ от короля всем чиновникам, в том числе «сеньорам и другим чиновникам заседаний», сопровождать канцлера в его поездках по Парижу, имеющих целью «поддержать добрых людей и жителей в единстве и уверенности (*seurté*)» ввиду угроз со стороны герцога Бургундского, парламентарии пытались избежать этой «почетной» миссии, ссылаясь именно на характер своей службы: «Палата является судебной (*de justice*) и не имеет сеньоров, привыкших ходить вооруженными, ни ездить на лошадях по городу, кроме как на мулах приезжать во Дворец... сеньоры сеансов не привыкли носить оружие, ни вести себя иначе, чем предписывает их занятие (*soy mettre en autre estat que selon leur*

22. Въезд императора Карла IV в Париж

---

profession)... и им кажется странным ездить по городу, учитывая их положение и занятие (estaset profession)» (5 февраля 1414 г.). Таким образом, претендуя на привилегии аналогичные дворянским, парламентарии в этот период настаивают на своем особом статусе внутри «благородного» сословия. Все же большинство парламентариев, по замечанию секретаря, в итоге поехали «верхом и вооруженными» (montez et armez), однако такую уступку он обосновывает тем, что «даже люди церкви, буржуа и другие разных сословий» откликнулись на призыв короля (6 февраля, 9 февраля, 11 февраля 1414 г.).

В этой связи показательны случаи, когда парламентарии вполне добровольно и охотно восседают на лошадях и не считают это посягательством на свой особый статус, поскольку в этих случаях речь

идет о внешнем престиже Парламента, участвующего в торжественных акциях. Так, шестнадцать чиновников едут на лошадях с «прелатами и другими к послам Англии... чтобы оказать почести англичанам» (8 августа 1414 г.). В другом случае речь шла о торжественной встрече «императора Сигизмунда, короля Венгрии и римлян; перед ним на лошадях ехали прелаты, герцог Беррийский... сеньоры заседаний и Счетов, прево Парижа и купцов, адвокаты и прокуроры заседаний и Шатле, буржуа, все на лошадях» (1 марта 1416 г.). Как видим, в данном случае лошади призваны лишь подчеркнуть статус процессии, и участие в ней соответствовало представлениям парламентариев о своем положении в обществе. В пользу такой трактовки свидетельствует и случай, когда речь шла о торжественном въезде в Париж короля «соединенного королевства Англии и Франции». Тогда парламентарии очень тщательно продумывали, в каком виде им следует появиться на церемонии, и Парламент, в контексте жесткого конфликта с властями, стремился подчеркнуть свое высокое положение в обществе, так не соответствующее отношению к нему англо-бургиньонских властей: он решил поехать на встречу «в длинных мантиях, приличествующих (*decent*), алого цвета, в шапках, подбитых мехом, на лошадях» (13 марта 1430 г.). Вновь упоминание о лошадях встречается, когда речь идет о присоединении к парламентариям адвокатов и прокуроров Парламента: им разрешено участвовать, если они имеют лошадей (13 июня 1430 г.). Выражением разочарования парламентариев накануне падения англо-бургиньонского режима представляется решение Парламента встречать регента герцога Бедфорда в 1434 г. «в почетных одеждах, пешими» (16 декабря 1434 г.).

Если поездка на лошадях могла восприниматься неоднозначно, например в военных целях, то отношение к ношению оружия не позволяло иной, кроме военной, трактовки, и потому встречало всегда недовольство Парламента. Восходящее к более глубокому идейному обоснованию в парламентской этике преимущества силы закона перед силой оружия, ношение оружия воспринималось парламентариями как посягательство на их главную привилегию и обязанность, определяющую их место в обществе: устанавливать мир и справедливость с помощью силы закона. Когда канцлер попросил «сеньоров заседаний» вооружиться для защиты Парижа, секретарь был возмущен необходимостью потратить более 40 франков на вооружение и тут же вспомнил, что он к тому же и священник (*prestre*), подчеркнув двойное освобождение от ношения оружия (31 августа, 4 сентября 1416 г.).

Главная задача всех привилегий и атрибутов состояла в подчеркивании отличия парламентских чиновников от других подданных короля, во внедрении в общественное сознание представлений об особом статусе парламентария, обусловленного значимостью исполняемых им функций. В этом контексте показательны и те формы почтения, которые требовал Парламент от провинившихся в том или ином проступке людей. К наказанию (штрафы, тюремное заключение) Парламент обычно присоединял и особые ритуалы покаяния перед институтом, которые обязан был исполнить человек, как-то неуважительно или недостойно отозвавшийся о Парламенте или совершивший какой-либо проступок в отношении парламентария. О характере требуемых форм уважения к Парламенту, близких к религиозным, свидетельствует употребление для их обозначения слова «благоговение» (*reverence*), которое Парламент требует даже от короля¹³. Например, при попытке короля отменить пожизненные платы чиновникам Парламент заявил, что в связи с его особой властью и функциями в обществе «советников должны содержать и поддерживать в большой чести и благоговении (*honneuret reverence*)» (17 февраля 1406 г.). «Честь Парламента» не менее ревностно охранялась парламентариями: так, осуждая прокуроров за взятки и наказывая их за попытку протестовать против вынесенного решения. Парламент добавляет также и требование «в другой раз, если захотят передать какую-то просьбу, пусть передают ее в учливой и надлежащей форме (*en forme honeste et convenable*)» (12 ноября 1414 г.). Подобные почести (*honeur et reverence*) считают полезным воздать Парламенту те, кто хочет заручиться его поддержкой и благосклонностью, например епископ Санский перед созывом поместного собора в Париже (26 февраля 1429 г.).

Некоторые детали требуемого Парламентом «благоговения» раскрывают самооценку парламентариев и их стремление приравнять служителей закона к особой «священной касте» служителей культа государства.

Когда сборщик налогов с Парижа позволил себе угрожать судебному исполнителю, Парламент не только наказал его и отправил в тюрьму Шатле, но и простил лишь после того, как тот «смирненно на коленях умолял Палату простить его, что не оказал столь большого благоговения (*reverence*) к Палате, как она заслуживает» (18 мая 1403 г.). Здесь стоит обратить внимание также на позу: только на коленях, т. е. опустившись на оба колена, Парламент следовало умолять о прощении. В обществе, где важную смысловую нагрузку несли подобные формы поведения, опуститься на оба колена означа-

ло наивысшее почтение, которое подданный должен был оказать верховному лицу — королю¹⁴.

Требую к себе тех же форм почтения, что и к верховному суверену, Парламент так отстаивал свое положение «эманации королевской власти», органа, который без посредников (*sine medio*) осуществлял его верховную судебную власть, был «частью тела короля»¹⁵. Новые детали, весьма существенные для характеристики требуемых Парламентом форм почтения к себе, обнаруживаем в деле Р. Гризоля, маршала де Риё, который оскорбил судебного исполнителя Парламента и, будучи препровожден в тюрьму Консьержери, так умолял о прощении: «Многократно раскаивался, плача и твердя, что был пьян от вина в этот момент... на двух коленях заклинал о пощаде Палату, сложив руки, умоляя, чтобы она простила ему его проступок» (21 января 1405 г.). Помимо позы — опуститься на колени, здесь важна еще одна деталь — сложение рук, также означавшее наивысшее почтение, какое было возможно в средневековом обществе.

Наказывая Ж. Жандрю за жалобу герцогу Беррийскому на президента Пьера Боше, Парламент приговаривает его не только к денежному штрафу, но и к публичному покаянию, в данном случае «на коленях просить пощады (*mercü*) у Боше» (2 сентября 1406 г.).

При этом Парламент предупреждает, что в следующий раз Жандрю будет наказан и телесно (*du corps*). Публичное покаяние было неким аналогом современного «возмещения морального ущерба», однако моральный ущерб измерялся в средневековом обществе не столько материальным эквивалентом и возмещался не только деньгами. Моральное оскорбление возмещалось моральным же унижением¹⁶.

Когда в результате столкновения Г. Роза (уполномоченного Парламентом следить за ценами) с торговцем дровами последний был Парламентом отправлен в тюрьму, сам «пострадавший», Г. Роза, просил Парламент «отпустить и простить купца, не наказывая штрафом и тюрьмой», но Парламент отверг заступничество, заявив, что «купец будет сидеть в тюрьме по воле Палаты», и даже то, что сам купец «очень смиренно просил его простить», не смягчило решения (3 января 1419 г.). В этот же период контроля Парламента за ценами на продукты в Париже наказание мельников за нарушения «ордонансов короля и Палаты» включало и такую церемонию: десять мельников должны были явиться в Парламент и «выкрикивать прощение у Палаты», а затем пойти оттуда, «держа в руках свечи каждая по 1 ливру ценой через Большой мост к собору Нотр-Дам»,

где и поставить эти свечи зажженными перед образом Богоматери (12 июля, 1 августа 1420 г.).

Как видим, Парламент придавал большое значение именно процедуре покаяния, когда совершивший проступок в отношении Парламента или его чиновника не только терпит наказание, будь то штраф или тюремное заключение, но и просит прощения у Парламента и оскорбленного им чиновника (31 мая 1421 г., 20 июня 1425 г., 25 мая 1429 г.).

Непочтение к Парламенту влекло за собой наказание, даже если оскорбитель — его чиновник, правда, такие случаи стали возможны вследствие общего ухудшения положения Парламента в период англо-бургиньонского правления. Когда один из советников Парламента отказался внести свою долю в оплату посольства к королю «двойной монархии», его также наказали, и он добился прощения только после того, как «смирненно признал свою ошибку, после извинений, со слезами и мольбами (*cum fletu et lacrimis*) просил Палату... простить его ошибку» (30 августа 1431 г.).

Второй важной составляющей особого почтения к Парламенту являлись церковные церемонии. Помимо упоминавшейся процессии с зажженными свечами приведем еще один пример. Желая отблагодарить Парламент за «добрый суд» и вынесенное решение в пользу церкви Корделье в Париже против епископа Парижа, в Парламент явились два магистра теологии и четыре священника и сообщили о том, что они решили отблагодарить Парламент: «Для спасения Палаты, советников и чиновников ее решили отслужить три мессы, и каждый священник прочтет по две молитвы, а остальные — по семь псалмов» (3 марта 1428 г.).

В формах покаяния, требуемых Парламентом, четко выражено складывание новой идеологии государственной службы как некоего священнодействия в пользу общественного блага (*chose publique*). В исследуемый период активно формируется культ государства и государственной службы, и общество, хотя с трудом и неохотно, признает «слуг короля» неким светским священством¹⁷. Многозначна в этой связи речь, произнесенная в Парламенте легатом Папы, признавшим особый статус парламентариев и священный характер их службы. Взяв темой слова апостола Петра «Вы — род избранный, царственное священство (*Vos estis regale sacerdotium*)», он «применил эти слова к сеньорам, советникам, министрам суда», приравняв «знатоков и министров суда» к священникам, «ибо охраняющие гражданские законы также достойны именоваться священниками (*qui merito tales sacerdotes appellat*)» (14 апреля 1414 г.).

Большое внимание Парламент уделял и поведению людей на его заседаниях. Так, описывая опалу и казнь Жана де Монтегю, некогда всесильного мажордома королевского двора, Н. де Бай приводит такой момент, свидетельствующий о его непомерном возвышении: «Так возвысился, что почти ни разу, когда приходил в Палату Парламента, не снимал с головы своей шляпы, ни перед королем» (19 октября 1409 г.). Две важнейшие черты непочтительного поведения Жана де Монтегю раскрывают самооценку Парламента: обязанность всех приходящих в Парламент снимать головной убор, а также равенство короля и Парламента, и раз уж Монтегю не снимал шляпу в Парламенте, то не делал этого и перед королем.

Расположение людей в Парламенте должно было отвечать иерархии власти, выраженной в четком определении места, которое может занять каждый приходящий в Парламент¹⁸. Так, описывая первое посещение дофином заседания Парламента, секретарь отмечает, кто где сидит при этом: «И сидел дофин совсем один на высоком кресле (*siege*) клириков, на месте второго президента, и это кресло выделено и украшено, как кафедра (*chaïere*), и над его головой маленькое небо, а на другом высоком кресле мирян сидели сеньоры герцог (Бургундский. — *С. Ц.*), графы и другие из рода короля и прелаты, а на низких стульях, предназначенных клирикам (*du ranc des clercs*), сидели канцлер, президенты и другие советники, на другой скамье ниже канцлера и герцога Гиенского другие советники последовательно, а я у ног моего сеньора Гиенского (дофина. — *С. Ц.*)» (7 января 1412 г.)¹⁹. Строгая иерархия местоположения каждого на заседаниях Парламента олицетворяла порядок, и любое отклонение от него было в глазах парламентариев нарушением порядка, поэтому, описывая посещения Парламента коннетаблем д'Арманьяком, секретарь отмечает вызывающее поведение этого человека, пренебрежение к порядку, принятому в Парламенте: приходя в Парламент и пытаясь оказать на него нажим, коннетабль не утруждал себя следовать нормам поведения, принятым здесь, а, может быть, это был вызов и демонстрация силы; во всяком случае, придя в Парламент, садился «этот коннетабль над канцлером и всеми остальными» (24, 26 мая 1417 г.).

Точно так же повел себя в Парламенте и герцог Бедфорд, регент «соединенного королевства», и аналогии с деспотическим режимом Бернара д'Арманьяка напрашиваются сами собой. Придя в Парламент, «герцог Бедфорд сел один на высокое кресло (*siege*) Палаты, на место, где должен сидеть первый президент» (19 ноября 1422 г.). Отступление от правил новыми властями было, помимо прочего, дурным примером, и впоследствии эти нарушения Парламент строго

контролировал: когда один из советников Следственной палаты перешел в Верховную и на этом основании попытался сесть выше, чем президент Следственной палаты, последний пожаловался на совете, прося «определить его кресло и место согласно приличию должности (*secundum decentiam officii*)» (29 мая 1423 г.).

Соблюдение иерархии в местоположении каждого должностного лица на заседании Парламента не только показывает встроенность этого института в средневековую систему ценностей, но и раскрывает ее важнейшее свойство — своеобразие корпоративного принципа: равенство всех членов корпорации базируется на строгой иерархии, где каждый занимает место в соответствии со своим положением, и такое сочетание делает эту систему эффективной и работоспособной.

Иерархия власти была предметом особого внимания Парламента и в его отношениях с другими институтами и корпорациями. Здесь, как и в других вопросах, Парламент отстаивает свое особое место в обществе, отвечающее важности исполняемых им функций, поэтому, когда в Париже готовились к приезду короля «двух корон» Генриха VI и чиновники Палаты счетов хотели идти вместе с Парижским Парламентом в торжественной процессии, им отказали, ссылаясь на четкое место каждого института в иерархии общественного устройства: «Кажется более подобающим, чтобы каждая Палата, коллегия или университет, едино (*uniement*), каждая в отдельности (*a par soy*), не смешиваясь с другими, предстала перед королем» (10 июня 1430 г.).

В этой связи самыми сложными были отношения Парламента с Парижским университетом. Парижский университет обладал равной Парламенту монополией, но в сфере идей. К тому же в этот период он имел даже собственную юрисдикцию²⁰. Наконец, моральный вес Парижского университета во Франции перевешивал парламентский. Правда, в исследуемый период этот авторитет пошатнулся: ему нанесли невосполнимый ущерб папская схизма, Столетняя война, открытие новых университетов во Франции, и вмешательство университета в политику должно было это компенсировать²¹.

Едва ли не самым драматичным обстоятельством, определившим сложность взаимоотношений Парламента и университета, был тот факт, что все парламентарии были выходцами из университетов, их связывали общность образования, прежние университетские узы, просто дружба с бывшими однокашниками и почтение к учителям.

Однако разная служба в государстве превращала прежних друзей в

соперников и даже в идейных противников: Парижский университет первым разглядел и пытался остановить опасный для общества рост власти чиновников²². В ответ Парламент, например, защищая свой налоговый иммунитет, не спешил признать такие же права за университетом, и когда последний обратился в Парламент с просьбой подтвердить освобождение университетской корпорации от уплаты очередного налога, парламентарии придрались к форме (*mie in forme debita*) письма и объявили его «опасным и предосудительным», наносящим ущерб Парижу (23, 24, 30 июня 1419 г.).

Сложность отношений с университетом можно понять из следующего эпизода. Ректор Парижского университета пригласил на собрание университета всех парламентариев, которые были когда-то его студентами и здесь получали ученые степени, но сделал это в неподобающей, по мнению Парламента, форме — прислал студента с письмом и с наказом всем «присягнувшим Университету (*jurez*) быть на этом собрании». В ответ Парламент обрушивает на голову студента и в адрес ректора возмущенную отповедь: «Это вовсе не подходящий способ... учитывая положение (*etat*) Палаты, которая не является подчиненной (*subjecte*) или присягнувшей (*jurez*) никому, кроме короля». Так клятва чиновника служить королю, и никому другому должна, по мнению парламентариев, освободить его от всех прежних клятв и обязательств. Однако связь с университетом сохраняла свою ценность для его питомцев, и Парламент делает уступку, советуя ректору попросить каждого в отдельности, «кто приносил клятву университету», пойти на собрание, «и было передано этому гонцу, чтобы сказал ректору, и чтобы впредь больше так не поступал». В итоге гонцу пришлось оправдываться перед Парламентом, что так было сделано не из неуважения, а всего лишь «для быстроты (*brifté*)» (22 ноября 1410 г.).

О стремлении университета опереться на такие связи говорит демарш, предпринятый им в период восстания кабошьенов. Тогда, став во главе программы реформ, предложенной кабошьенами, университет решил заручиться поддержкой Парламента. На заседание пришли представители университета вместе с купеческим прево и эшевенами Парижа, рассказали об основных требованиях восставших и «просили, чтобы Суд присоединился к им... и отправил нескольких из Палат заседаний быть вместе с ними для осуществления этих требований». Кроме того университет прямо обращается к своим выпускникам и рекомендует им вспомнить об обязательствах перед *Alma Mater*: «Запретили под угрозой быть клятвопреступниками (*sub pena perjurii*) тем, кто присягал им, как-то

мешать этому». Однако парламентарии сказали, что «не могут присоединиться, ни встать на их сторону, учитывая положение Суда, хотя во всем, в чем смогут помочь или содействовать, всегда будут к услугам». Так же Парламент отказался делегировать своих чиновников к восставшим, ссылаясь на допустимость сделать это только по приказу короля и его Совета. Наконец, в отношении тех чиновников, кто связан с университетом клятвой, Парламент рекомендует гибкость: «Суд уверен, что присягнувшие университету постараются не делать ничего, чего делать не следует». Такая обтекаемая форма оставляла чиновнику право следовать той клятве, которую он считал важнее всего, но Парламент явно рассчитывал, что это будет клятва королю (17 февраля 1413 г.).

Отстаивая свою независимость и неподчиненность никому, кроме короля, парламентарии в то же время следили за тем, чтобы университет не забывал приглашать их на очередные собрания выпускников, и обижались на невнимание. Так был обойден Клеман де Фокамберг, которого не пригласили в 1425 г. на очередное собрание (месса и обед) в коллегии нотариусов в церкви Целестинцев, хотя он там бывал ежегодно «согласно чести и прерогативе секретаря

Парламента» (6 мая 1425 г.). О чести Парламента идет речь, когда президентов и советников пригласили присутствовать на завтраке в школе канонического права и на вечерне, а на следующий день — на начале занятий и на обеде в Hôtel Dieu. Парламент заметил пришедшей делегации, что «по таким поводам вовсе не имеет обыкновения прекращать заседания», но не возражает, если «отдельные (*singuliers*) захотят туда пойти» (14 июня 1426 г.). В итоге 18 июня Парламент прекратил работу, так как «многие советники пошли из Суда в школу (*Escoles*)», и вся предшествующая риторика должна была лишь подчеркнуть, что это делают отдельные чиновники, а не учреждение в целом.

Так в самооценке парламентариев четко проступает их претензия на особый статус в обществе. И в самоназвании парламентариев, отличном от всех прочих чиновников, и в названии института, сохранившем связь с Королевской курией, видно, что Парламент в своих претензиях и привилегиях насаждал в обществе образ совершенно особенного служителя государства, каковым должен был представлять парламентарий. Все эти усилия в целом служили укреплению авторитета не только самого института, но и судебной королевской власти, формированию в обществе уважения к зарождающемуся сословию профессиональных служителей нового культа — государства²³.

Интерьер парламентской корпорации

Корпоративный принцип функционирования Парижского Парламента способствовал формированию определенных взглядов и системы ценностей. Он благотворно сказался на работе института, комплектовании персонала, участии в политической жизни общества. Однако едва ли не самым значительным последствием стало формирование общности парламентской среды, восприятия парламентариями себя как группы людей, связанных общей клятвой, работой и взаимной ответственностью. Вовсе не авторским произволом вызвано употребление на страницах этой книги выражений типа «Парламент решил», «Парламент приказал»... Именно Парламент, нерасчленённо и едино, выносит решения, действует, советует и защищается. Интересно узнать, как достигалось такое единство, что оно подразумевало, что давало чиновнику и что запрещало. Главное, необходимо понять, как воспринимала себя корпорация, что ценила в чиновнике, а что считала недостатком, т. е. определить, какой эталон парламентского служения она выработала к этому времени и пыталась представить обществу.

В предыдущем параграфе было показано, как в самоназвании парламентарии пытаются отделить себя от прочих чиновников короля, считая себя «совершенно особыми». Однако там речь шла о судьях, о тех, кто входит в состав трех палат Парламента. Между тем для работы парламентской «машины» столь же важны и необходимы были и прокуроры, и адвокаты, и судебные исполнители, и секретари, и нотариусы — все те, кого мы именуем здесь парламентской средой. Эта среда была одним из основных источников пополнения Парламента, отсюда он черпал свои кадры, уже прошедшие проверку на знания, работоспособность и преданность институту. Воспринимал ли Парламент этих, не входивших в его состав, но близких по образованию, опыту и образу жизни, чиновников «своими»? Данные, которыми я располагаю, позволяют ответить на этот вопрос утвердительно. Парламент воспринимает всех чиновников, так или иначе связанных с работой института, как единое целое.

Вот «сеньоры Суда» приглашают на совет вместе с членами палат всех «адвокатов, прокуроров и других находящихся в комнате слушаний», чтобы обсудить щекотливое дело с жалобой на действия герцога Беррийского (20 ноября 1408 г.). Вот парламентарии принуждены для поддержания парижан «в единстве и уверенности» ездить вооруженными и на лошадях, и прежде чем обсудить этот воп-

рос и отказаться от опасной «миссии». Парламент просит покинуть помещение всех, «кроме прокуроров и адвокатов», считая их своими (5 февраля 1414 г.). Вот они все вместе приносят присягу очередному договору о мире, «сеньоры палат, все адвокаты и прокуроры, нотариусы и другие, в том числе секретари» (16 марта 1415 г.). Очередная просьба канцлера к Парламенту вооружиться и защищать парижан обращена не только к членам трех палат, но и к нотариусам и секретарям (31 марта 1416 г.). Договору о мире присягают по требованию президента сначала «советники и чиновники, адвокаты и прокуроры», а на следующий день — «адвокаты, прокуроры и судебные исполнители» (16, 17 ноября 1418 г.). Когда Парламенту приходится самому заботиться о добывании средств для жалования и посылать делегации к регенту в Руан, то на обсуждения приглашаются также и секретари, и судебные исполнители, «поскольку это касается всех» (20 августа 1431 г.). В этой связи нет нужды повторять все те факты единства парламентской корпорации, о которых шла речь в предыдущих главах. Напомним только еще раз, что даже в самые тяжелые времена задержек жалования и сокращения компетенции Парламент тем не менее защищал единство своих рядов и отвергал попытки раскола, когда власти предлагали платить за работу лишь части чиновников (28 ноября 1432 г.).

Единство парламентской среды проявлялось и в такой важной для формирования парламентариев в особую группу области, как освобождение от налогов. Здесь Парламент также стремился защищать права не только судей, но и адвокатов, прокуроров и других чиновников. Так, в уплате налога с Парижа в виде добровольного дара участвовали «люди Суда, включая президентов, советников, секретарей, нотариусов и судебных исполнителей» (14 ноября 1411 г.). Об этом даре короля («l'ostroy») не платить налогов Парламент напоминает вновь и требует включить в группу также адвокатов и прокуроров (20 марта 1417 г.). И наоборот, когда пытались в кратчайшие сроки восстановить разрушенные льдами мосты в Париже, были «вызваны адвокаты заседаний, живущие за Малым мостом», которых Парламент просил помочь в этом деле, равно как и судебных исполнителей (28 ноября 1408 г.). Точно так же Парламент просил адвокатов и прокуроров добровольно участвовать в уплате налога, «чтобы сопротивляться англичанам и врагам королевства» (3 июня 1417 г.).

Такой же принцип равенства установлен в Парламенте и в процедуре получения церковных бенефициев, которые были дополнительным заработком для всех чиновников-клириков, и поэтому все они должны были участвовать в оплате расходов делегации к Папе

Римскому. Так, в 1410 г. было решено взять со всех, кто упоминался в составленном списке на получение церковных бенефициев, по 1 экю, и поскольку Парламент уже уплатил вперед 100 экю, то, «если кто-то... не заплатит или не сможет заплатить сейчас», секретарю велено позднее «удержать с них по 1 экю» (19 июня 1410 г.).

В основе действия корпоративного принципа лежит определенным образом интерпретируемая идея равенства всех членов данной корпорации, объединенных правами и привилегиями, которые вытекают из общего характера их службы и предназначения в обществе. Но это не означало, что между членами корпорации не делалось различий, наоборот, равенство покоилось на строгой иерархии должностей и службы²⁴.

В Парламенте четко отделялись магистраты трех палат — президенты и советники — от остальных судебных, но они пропагандировали себя как единую среду, не враждующую, не конкурирующую, связанную общей дисциплиной и обязанностями, поэтому, например, в самоапологии, произнесенной при посещении заседания Парламента дофином, первый президент, перечислив состав палат, говорит: «Вместе с ними в Палате (находятся) адвокаты и прокуроры для расследования, ведения и защиты дел, каждый из которых приносит присягу» (7 января 1412 г.). Таким образом, присяга связывает воедино всю парламентскую среду, превращая ее в корпорацию служащих государства.

Однако в процедуре принесения клятвы также делалось различие: президенты, советники, секретари и судебные исполнители приносят ее при закрытых дверях (*huiz clos*), т. е. только в присутствии членов корпорации, а адвокаты и прокуроры — при открытых (*huis ouverte*) (12 ноября 1415 г.). Об этой разнице свидетельствует и тот факт, что они перечисляются секретарем отдельно (например, «суд и адвокаты и прокуроры» (13 августа 1416 г.). Об этом косвенно свидетельствует и характеристика внутреннего устройства корпорации как единого тела, приведенная в речи делегации Парижского университета: «Большой палец, указательный и средний, которые означают три сословия в Палате, а именно: президентов, советников, адвокатов и нотариусов» (19 августа 1404 г.).

Наглядным выражением единства парламентской среды стало совместное участие всех ее членов в торжественных процессиях, и эта демонстрация единства убедительнее прочих фактов показывала, какое значение Парламент придавал корпоративному принципу²⁵. Именно так, все вместе, в строгой иерархии парламентских должностей предстал Парламент на похоронах короля Карла VI, и здесь

«следом за президентами и советниками шли секретари и нотариусы Палаты... после них судебные исполнители, оберегая, чтобы никто не устраивал давки или беспорядка» (9 ноября 1422 г.). При подготовке к встрече короля «двух корон» Генриха VI Парламент отказал Палате счетов в просьбе идти вместе с ним в торжественной процессии. Совершенно иное отношение было проявлено к прокурорам и адвокатам: на торжественной встрече Парламент был представлен «в строгом порядке, по двое (*deux en deux*) президенты, советники, секретари, нотариусы, судебные исполнители, адвокаты и прокуроры» (24 ноября 1431 г.). В таком же единстве и порядке Парламент хоронил королеву Франции, супругу Карла VI Изабо Баварскую, и там вновь судебные исполнители шли впереди прокуроров и адвокатов, «расчищая им дорогу» (13 октября 1435 г.).

Ощущение единства парламентской среды было присуще членам корпорации, и они видели его истоки в характере их службы: по словам секретаря, это были «нерасторжимые узы уважения и общности, чтобы быть союзниками в утешении и труде» (12 февраля 1431 г.)²⁶

Этой же цели должно было служить участие Парламента в похоронах своих чиновников. Зная о почти болезненном отношении парламентариев к перерывам в работе, можно в полной мере оценить, какое значение придавал Парламент этой традиции, если ради похорон прерывал работу. Все чиновники принимали участие в торжественных проводах бывшего парламентария. Вот как это обозначается в протоколе: «Было заседание совета около одного часа, потом объявление приговоров полтора часа, затем чиновники Суда пошли в церковь Сен-Марсель на похороны Пьера Рейльяка, бывшего советника короля» (10 июня 1402 г.). Чиновники расценивают участие в похоронах как продолжение своей работы и потому всегда прерывают заседания ради участия в похоронах (12 декабря 1409 г., 5 августа 1412 г., 1 марта 1414 г., 13 августа 1415 г., 1 июля 1421 г.), а если похороны должны состояться в другом городе, тогда Парламент дает отпуск тем чиновникам, кто намерен в них участвовать. Очень любопытный эпизод был связан с этой парламентской традицией: в 1407 г. потомки Жана де Марэ, бывшего одним из руководителей восстания майотенов в Париже в 1382 г., принесли письмо, в котором король разрешал погребение останков этого человека, казненного вместе с другими участниками восстания. Парламент, утверждая это решение, отмечает, что покойный был «доктором права и адвокатом короля на заседаниях», т. е. принадлежал к этой корпорации (11 марта 1407 г.).

23. Надгробие Робера Може, первого президента Парламента

Корпоративный принцип особенно пригодился для защиты чиновников от нападков, угроз или оскорблений, вызванных исполнением ими своих обязанностей. Принятые в государстве законы, направленные на защиту чиновников как особых слуг короля, наделенных в период исполнения ими государственной службы неприкосновенностью, были изданы под мощным давлением самих чиновников, очень быстро столкнувшихся со стремлением сделать их «козлами отпущения», удобной мишенью для критики власти²⁷. Объявляя нападки на королевских чиновников наивысшим государственным преступлением — оскорблением величества (*lèse-majesté*), Парламент внимательно следил за неприкосновенностью своих чиновников, не делая в своей защите различий между корпорацией и парламентской средой. При этом принципиальное значе-

24. Надгробие Гийома де Санса, президента Парламента

ние для характеристики корпоративного принципа имеет тот факт, что наказание зависит не от должности чиновника в парламентской иерархии, а от тяжести «оскорбления» и его обстоятельств.

Так, во время проведения выездной сессии в Шампани — так называемые Дни Труа — в 1402 г. нападкам подвергся не кто иной, как президент Парламента Пьер Боше, однако приговор Парламента был снисходительным, учитывая обстоятельства инцидента. Дело в том, что оглашение приговоров совпало по времени с цеховым праздником «холодных сапожников» (день Св. Креспена), и из-за этого президент не мог прочесть приговоры, поскольку оказался на пло-

щади перед огромной танцующей толпой; чтецу не позволили читать, обозвав при этом «курносой вонючкой» (*camus rupaiz*); затем один из сапожников крутился у дома президента, пока все танцевали, в итоге произошла драка и дом, где жил президент, оказался почти в осаде; праздник был расстроен. Посадив многих в тюрьму, Парламент во избежание «крупных беспорядков в Труа» освободил затем из нее всех, а главному зачинщику разрешил пойти на праздник и обед, но не на службу в церковь (2 ноября 1402 г.). Куда большее возмущение Парламента вызвал поступок Карла Савойского, камерария короля, который приказал своим людям избить королевского прокурора в его собственном доме на том основании, что он в числе других присутствовал при аресте слуги камерария — Жана де Бовэ, «каковой слуга был вор и убийца и изгнан из королевства». Требуя скорого и примерного наказания от королевского прево, Парламент видит в этом преступлении опасный симптом ослабления королевской власти, «учитывая ущерб из-за болезни короля», что дает смелость нападать на его чиновников. А истоком «вдохновения» для подобных дел он считает знаменитый случай нападения Пьера де Крана на Оливье де Клиссона, коннетабля Франции и одного из самых близких Карлу VI людей. Это преступление было печально известно тем, что предшествовало первому приступу безумия короля. Парламент усматривает в этом «слишком опасный пример... и привычку еще свободнее с тех пор и до сего времени (нападать) на королевских служителей (*lesserviteurs royault*)» (13 января 1402 г.). И столь же строго он наказывает сборщика налогов Парижа за оскорбления и угрозы «еще худшее сделать» в адрес судебного исполнителя: Парламент отправил этого сборщика в тюрьму Шатле (15 мая 1403 г.).

Любые попытки воспрепятствовать исполнению решения Парламента, выраженные в форме противодействия судебным исполнителям, трактуются как посягательство на власть института. Когда на собрание университета в Орлеане были посланы судебный исполнитель и королевские сержанты «для оглашения решения» Парламента, но были «выгнаны вон из ассамблеи», Парламент не внял просьбам представительной делегации университета, просившей оставить в Орлеане рассмотрение дела, но взял его себе, «учитывая беспричинную вольность (*simplece*) и высокомерие университета» (3 января 1405 г.)²⁸. За отказ выполнить постановление Парламента, переданное судебным исполнителем, был наказан маршал де Риё. При этом Парламент особенно возмутило то, что судебного исполнителя де Риё «обвинял несправедливо словами», и он потре-

бовал не только уплаты штрафа, но и публичных извинений маршала перед этим судебным исполнителем, что тот и сделал (21 января 1405 г.).

Кроме того, Парламент настаивал на своем исключительном праве наказывать чиновников или знать о затеваемых против них процессах. Об этом свидетельствует такой факт. Прокурор короля решил испросить совет у Парламента прежде, чем начинать процесс по иску священников одной из парижских церквей, «так как прокурор не привык в такой манере делать заключения против советников заседаний, не поговорив об этом с Палатой» (17 февраля 1425 г.). За оскорбление в адрес советника Р. Агода Парламент наказал сержанта и освободил его из тюрьмы только после принесения им извинений (31 мая 1421 г.). Защищая честь института, Парламент поступает так и в отношении чиновников любого ранга, например, наказывает бальи Мортэня и его сержанта (область Турнэ) за их «бесчинства и нападки... на людей и чиновников короля» (19 ноября 1415 г.). Точно так же Парламент пресек попытку Парижского университета возбудить дело против королевского прокурора и лейтенанта королевского прево Парижа, отправив делегацию на собрание университета: защищая прокурора, Парламент объявил, что «такая же защита будет сделана и в пользу лейтенанта прево» (15 декабря 1424 г.).

Отстаивая честь парламентской корпорации и неприкосновенность чиновников, Парламент добивался признания обществом особого статуса чиновника, действующего в интересах «общего блага». Чиновник мог быть уверен в том, что институт защитит его, если он исполняет добросовестно свои обязанности, и это укрепляло солидарность корпорации, равенство всех ее членов вне зависимости от должности.

Частью этого процесса стала защита Парламентом своих чиновников от угрозы преследования по политическим мотивам²⁹. Когда стало известно, что герцог Бургундский схватил и посадил в тюрьму президента Парламента П. Ле Февра, Парламент собрался на экстренное заседание: президент Симон де Нантерр обратился с просьбой к магистратам трех палат дать согласие на написание обращения к герцогу Бургундскому с просьбой освободить Ле Февра. Находясь в конфронтации с герцогом Бургундским, угрожавшим арманьякам в Париже огнем и мечом, Парламент вступает за своего чиновника, обсуждая, в каких выражениях лучше написать письмо (*sub qua forma verborum*), чтобы добиться нужного результата (2 марта 1418 г.). В то же время Парламент противостоит аналогичным по-

пыткам арманьяков: когда те попытались выслать из Парижа и сместить с должностей подозреваемых в симпатиях к бургиньонам (среди них 13 советников, один королевский прокурор, два нотариуса, уголовный секретарь и четыре судебных исполнителя — всего 21 человек), Парламент протестует и добивается для «своих» особых льгот (31 августа 1417 г.).

В период политических чисток в государственном аппарате и огульных расправ в Париже после установления бургиньонского режима Парламент сумел освободить Жана де Мени, писца уголовного секретаря, из тюрьмы «под предлогом того, что его обвиняют, будто он арманьяк (Arminague)» (31 мая 1418 г.). Парламент сумел добиться особых привилегий для своих чиновников и накануне краха англо-бургиньонского режима: канцлер разрешил чиновникам, не желающим возобновлять клятвы Генриху VI, покинуть Парламент и Париж, гарантируя им безопасность и обещая выдать охранные грамоты, а имеющим семьи — право взять с собой жен и детей (15 марта 1436 г.).

Безусловно, Парламент не мог поставить своих чиновников в совершенно особые условия и вывести из политической игры, но то, что он по мере возможностей пытался это сделать, свидетельствует о сущности корпоративизма, основанного не просто на солидарности и равном пользовании правами и привилегиями, характерном для любой корпорации, но на предназначении института, на его месте в обществе, диктующем и ряд ограничений, в том числе запрет политической деятельности, не связанной с работой суда и противоречащей ей.

В то же время, принадлежность к парламентской корпорации давала большие преимущества чиновникам в защите их частных интересов. Так, Парламент обещал своему чиновнику защитить его от произвола матери, грозившей лишить его наследства: по этой причине он отказывался ее посетить, боясь, что против воли будет принужден пойти на ущемление своих интересов; Парламент успокоил его и посоветовал поехать к матери, заявив, что «пересмотрит и попытается что-то сделать», если он «против своей воли согласится на что-то себе в ущерб» (28 мая 1407 г.). На защиту Парламента всегда могли рассчитывать чиновники-клирики в спорных делах о распределении церковных бенефициев. В частности, именно так Парламент поступил в отношении обоих гражданских секретарей: Никола де Бай получил поддержку Парламента в споре за место каноника церкви Камбре (26 июня 1411 г.); Клеман де Фокамберг — в споре за место каноника церквей Амьена и Арраса (13 июля

1420 г., 31 марта 1423 г., 15 июля 1430 г.). Укрепляли корпорацию и различные дары и пожалования чиновников друг другу³⁰. Например, Никола де Бай получил вместе с первым жалованием деньги и мантию, завещанные нотариусом и королевским секретарем Жаном Берто тому, кто займет должность гражданского секретаря (24 июня 1401 г.). Как к коллективной собственности привык относиться Парламент к обстановке в своих помещениях. Например, после обновления мебели в залах Парламента деньги от продажи старой мебели отдали П. Коэ, судебному исполнителю, хотя по традиции она должна была принадлежать консьержу (23 марта 1407 г.).

Отношение к учреждению как общему делу, связывающему корпорацию одними интересами и задачами, порождало не только привилегии, но и обязанности. Так, возникшие финансовые сложности в отправлении мессы в капелле Дворца, с которой начинался рабочий день в Парламенте, было решено возместить за счет новых членов корпорации: каждый новый адвокат, приносивший клятву, обязан был отныне платить 2 экю или 2 франка, а прокурор — 1 экю (12 ноября 1406 г.).

Защитой интересов парламентской корпорации и привилегий государственных чиновников являлась и позиция Парламента в отношении пожизненного жалования. Оно давалось чиновнику после многолетней службы и гарантировало, что служба институту будет должным образом вознаграждена и обеспечит старость. Эта привилегия отстаивалась корпорацией и как гарантия от злоупотреблений и взяток, которыми чиновник обеспечил бы себе безбедную старость³¹. Поэтому Парламент настаивал на сохранении пожизненного жалования как формы укрепления авторитета парламентской службы и материальной обеспеченности чиновников. Таким образом, пожизненное жалование было мощным стимулом укрепления парламентской корпорации, повышения престижа государственной службы в обществе.

В 1402 г. король попытался отменить пожизненное жалование вместе с отменой дарений земель и доходов. Тогда Парламент не препятствовал этому, поскольку акция имела широкий размах (16 апреля 1402 г.). Подлинный скандал и открытое противостояние королю явились реакцией Парламента на решение 1406 г. отменить пожизненное жалование всем парламентским чиновникам, «кроме тех, кто прослужил 20 лет и более». Усмотрев в этом посягательство на свой авторитет, Парламент устами Робера Може высказался весьма сурово и категорично. Взяв темой слова из Евангелия, Робер Може произнес гимн корпоративному принципу как божественному установлению, а королевские письма объявлялись «лживыми и

незаконными». Как мы уже знаем, президент отказался от «привилегии» исполнить это решение, «ибо президенты, хотя имеют преимущества в решении дел и принятии приговоров, не могут временно отстранить или лишить никого должности, но только сам суд, т. е. все вместе, и к тому же только имея веские мотивы». Как удар по долгому строительству здания государственного управления и профессионализации государственной службы расценивает Парламент акцию короля: «Учитывая власть, честь и превосходство этих советников всем очевидные... из-за чего этих советников надо поддерживать в большой чести и благоговении, а не держать их, как детей в школе, рабов или слуг». Отмена пожизненного жалования к тому же не лишена была абсурдности, на взгляд магистратов, ибо, сохраняя его тем, кто отслужил 20 лет, письмо отбирает его всего лишь у шести человек, из которых «кто-то прослужил 19 лет, кто-то — 18, а кто-то — 17». Разница в один-два года превращает саму отмену в бессмысленное оскорбление (17 февраля 1406 г.).

Одним из способов укрепления корпорации был и принцип секретности обсуждений, что еще раз показывает, как тесно связаны между собой работа учреждения и этика. Парламентарии не имели права разглашать разные точки зрения на решаемые вопросы, делать эти споры достоянием посторонних. Безусловно, такой принцип вызван спецификой работы судебного органа, чей приговор не должен сопровождаться знанием, какие аргументы внутри судейской корпорации ему предшествовали. Покров тайны, будучи одной из существенных черт, присущих власти вообще, особенно значим для власти судебной, внушая обществу представление о непредвзятости судей и справедливости выносимого приговора. Разглашение споров и иных, нежели окончательно выраженных, точек зрения судей создавало угрозу их подкупа или другого воздействия, поэтому в уже упоминавшемся строгом предписании Парламента ограничить возлияния вином меньшим объемом и в ином месте главный упор делался на присутствии при этих «попойках» «чужих людей», которые «могли узнать секреты Палаты к опасности и скандалу Суда (*in periculum et scandalum Curie*)» (4 июня 1404 г.).

О нарушении чиновниками требования хранить секреты обсуждений в Парламенте Никола де Бай говорит как о причине падения авторитета института в обществе (12 ноября 1404 г.)³². Необходимость соблюдать тайну мнений упоминается всякий раз, когда разбираемое дело имеет политическую подоплеку, например в период гражданской войны, при возбуждении дела о «преступлениях и нарушениях, совершаемых в бальяже Витри многими крупными се-

ньорами» (4 сентября 1409 г.), или в момент обострения споров в обществе по поводу оправдания герцога Бургундского (13 ноября 1413 г.). Такой способ вынесения решений Парламент использует и в ситуациях, требующих особой деликатности, как, например, в случае конфликта вокруг университета в Орлеане, когда Парламент предложил всем заинтересованным сторонам письменно изложить свое мнение и передать его Парламенту, но «так, чтобы один не знал о мнении другого» (8 февраля 1405 г.).

Усилия Парламента по соблюдению этого фундаментального принципа работы судебного института имели целью внушить представление о Парламенте как о сплоченной и потому неуязвимой извне корпорации.

Но разные мнения были. Об этом свидетельствуют прямые сведения, содержащиеся в протоколах. Да и не могло быть иначе: разные взгляды, политические пристрастия, семейные связи, собственные интересы — все это неизбежно, когда в коллективе почти сто человек. Поэтому интересно узнать, как достигалось единство, как примирались эти мнения, какой мотив лежал в основе окончательного приговора. Рассмотрение этого вопроса важно с точки зрения корпоративного принципа, поскольку дает возможность понять, от чьего мнения зависело решение вопроса — простого большинства или тех, кто стоял на вершине парламентской иерархии.

О том, что раскол мнений в Парламенте бывал, протоколы свидетельствуют не раз. В этом смысле важен и сам факт фиксации раскола, поскольку для самого учреждения интересен прецедент. Например, раскол мнений был по делу между герцогом Беррийским и сеньором де Шовиньи: из-за него решение не выносилось несколько дней, поскольку «тридцать человек были одного мнения и тридцать один — другого» (16 февраля 1402 г.). Заметим, что разделение мнений было почти равным, что могло выглядеть как тотальное противостояние двух группировок. Тем не менее решение было принято, хотя неясно, как «партии» примирились; можно предположить, что решение отражало простое большинство голосов. В пользу такой версии свидетельствует случай, когда голоса Парламента разделились поровну — по 22 голоса. Поскольку в данном случае невозможно было принять окончательное решение из-за «равного числа голосов» (*in equali numero vocum*), решили обратиться к канцлеру, чей голос и решил дело (26 мая 1403 г.). Простым большинством Парламент решил спор об ответе на королевские письма, отменявшие «свободы церкви Франции»: следует ли прежде выслушать генерального прокурора или объявить эти письма в обход его

протеста. Из всех присутствовавших 29 человек были за то, чтобы прежде выслушать прокурора, т. е. фактически были против этих писем, лишь 12 человек — за немедленное их утверждение, хотя, как замечает секретарь, дважды, 15 и 18 февраля 1419 г., было решено сначала выслушать прокурора. Можно предположить, что эти 12 чиновников были открытыми сторонниками бургиньонов и пытались провести через Парламент указание герцога Бургундского, но им это не удалось, так как большинство парламентариев пробургиньонского Парламента остались верны многолетней политике института в этом важнейшем для власти вопросе (30 марта 1419 г.).

Парламент продолжал следовать этому принципу в годы англо-бургиньонского режима, например, когда решалось, ждать ли, как делалось прежде, жалованья из казны или взять деньги из собранных Парламентом штрафов; вопрос не был решен из-за равного числа голосов (*propter equalitatem opinionum ad utramque partem*) (26 февраля 1427 г.). Прямо об этом сказано и по поводу перехода адвоката из Шатле в Парламент и возможности совмещать обе должности в ситуации острой нехватки квалифицированных людей в Париже. Тогда вопрос решили «большинством советников», вопреки мнению «других, меньше числом» (13 мая 1430 г.); как и в случае обращения Парижского университета к Парламенту, ответили «согласно мнению большей части советников» (10 апреля 1434 г.).

Принцип большинства как способ решения вопросов вовсе не означал нивелировку парламентариев: уже то, что разные мнения всегда фиксировались в протоколах, свидетельствует об уважении к мнению каждого; однако предпочтение отдается демократическому принципу. Так, описывая обсуждение в Парламенте вопроса о сокращении домена короля, секретарь отмечает, что Парламент отказался утвердить королевское решение на основе мнения «всех, исключая четырех или пятерых советников» (2 сентября 1418 г.); или в случае обсуждения другого решения короля, когда отмечено, что «все единодушно, исключая двух-трех», приняли решение (28 марта 1435 г.).

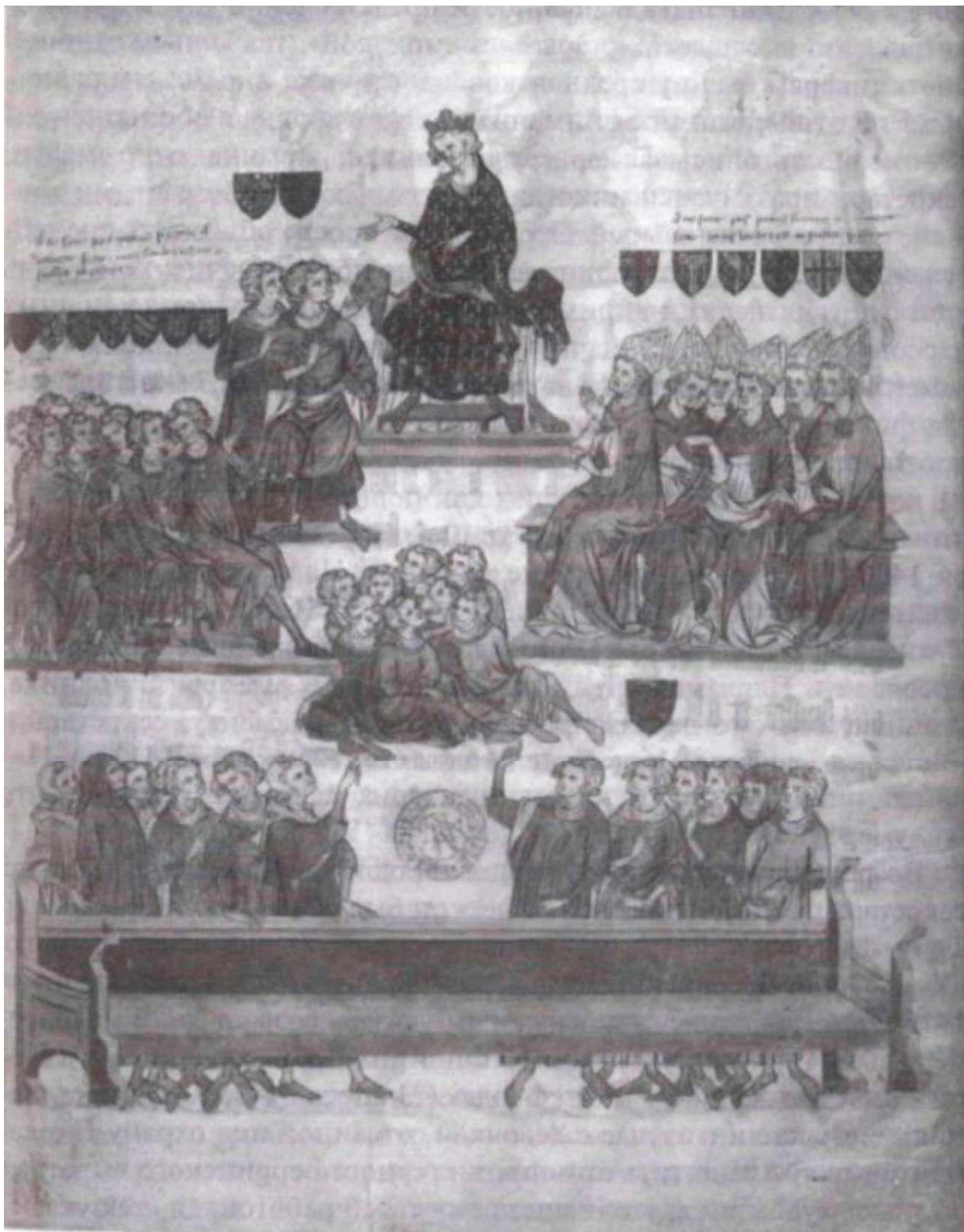
Меньшинство имеет право на свое мнение и на его фиксацию, однако решение принимает большинство. В этом смысле очень интересна запись обсуждения вопроса об исправлении ошибки, допущенной сначала в приговоре прево Парижа, а затем и в Палате прошений Парламента. Тогда мнения высказывались разные, и в каждом случае речь шла о нюансах формулировки. Тем не менее секретарь фиксирует, что Парламент не может прийти к окончательному решению «из-за разности в мнениях»: 23 чиновника счи-

тали, что в приговоре содержится ошибка, 3 — что ее нет, 3 — что ошибки не будет, если обе стороны получают по половине оспариваемого имущества, еще 9 человек высказались в пользу такого решения, хотя считали, что ошибки не было и дело было решено правильно, 5 других абсолютно соглашались с этим выводом, лишь один-единственный считал, что ошибка содержалась и в приговоре Палаты прошений, и в приговоре прево Парижа. Дальше описывается, как Парламент пытался свести к некоему общему положению эти не совсем ясные формулировки: «Хотя большинство мнений сходилось и примирялось, полного единства не было, особенно в вопросе, использовать ли слово «ошибка», т. е. что в приговоре была ошибка». Обсуждение длилось несколько дней, «когда многие сеньоры заседаний и секретарь пытались, каждый в своем углу (*endroit*), согласить стороны, что не смогли сделать». В итоге, как ни странно, победил тот единственный, который настаивал на том, что была ошибка в обоих приговорах, правда, к этому тяготело и большинство (21 июня 1409 г.).

Принцип большинства был защитой единства и противостоянием нажиму извне, свидетельствуя об уверенности в преданности большинства интересам института³³. Примерно так наставлял Парламент Симона де Нантерра, пришедшего на свое первое заседание в качестве советника Верховной палаты: «Учитывая, что он был впервые на заседании, где первый раз судил, не должен вовсе держаться или вести себя против Палаты... и чтобы он сел между сеньорами заседаний» (27 апреля 1407 г.). А когда трое советников, назначенных канцлером для «охраны малой печати», т. е. ставить печати на решения и письма Канцелярии, отказались поставить печать на решения Парламента, отправив их в Канцелярию, Парламент вызвал этих советников и выразил свое возмущение (*redargua et blasma*), усмотрев в этом предательство корпоративных интересов (28 июля 1419 г.).

В процессе формирования парламентской корпорации были выработаны представления о достоинствах и недостатках чиновника, сложилась четкая иерархия приоритетов в сфере самооценки чиновников как служителей власти. Специфика этих приоритетов позволяет лучше понять самоидентификацию Парламента как института власти. В эту обширную тему, достойную не одного исследования, я могу внести лишь несколько собственных наблюдений.

Кажется совсем не случайным, что едва ли не первая работа, посвященная особенностям парламентской среды, относилась к датам и восприятию возраста³⁴. Возраст — вообще категория неорди-

25. Заседание Королевского совета

нарная в средневековой культуре, и наши представления о средневековом обществе то как о мире молодых, то как о дряхлеющем мире, особенно в «осень Средневековья», лишний раз показывают, что для адекватной оценки казалось бы простой категории — возраста

человека — надо знать особенности представлений о том, что понималось под словами «старый» и «молодой», поскольку отношение к цифрам было у средневекового человека вполне символичным³⁵. В этой связи мое внимание привлекла одна любопытная закономерность: описывая карьеру чиновника, упоминая о его смерти, секретари практически никогда не указывают его возраст, ни точный, ни приблизительный. Это было бы просто объяснить пренебрежением к такой категории, если бы не противоречие: когда речь идет о других людях, например особах королевского дома или иных персонах, в силу своей значимости попадающих в протоколы Парламента, у них почти всегда возраст указывается. Так, секретарь всегда фиксирует возраст дофина Франции, когда он упоминается в протоколах. В описании первого заседания Королевского совета, на котором присутствует дофин как полномочное лицо, сказано, что он занял это место «в возрасте 10 лет или около того» (20 декабря 1406 г.). Первое посещение дофином Парламента в качестве «лейтенанта короля» он совершил в возрасте «15 лет или около того» (7 января 1412 г.). В конце того же года дофин впервые обратился с просьбой в Парламент, пытаясь вмешаться в выборы чиновника, уточняя, «что это первая просьба» его к Парламенту; секретарь и пишет, что дофину «16 лет или около того» (26 ноября 1412 г.). Наконец, описывая смерть наследника трона, секретарь отмечает, что он «умер в возрасте 20 лет» (18 декабря 1415 г.).

Возраст точно указан и у герцога Людовика Орлеанского, когда секретарь пишет, что «в свои 36 лет» он был убит (23 ноября 1407 г.). Точный возраст указан и в записи о смерти герцога Беррийского: «Умер герцог Беррийский, дядя короля, брат его отца, 47 лет» (15 июня 1416 г.). Секретарь считает нужным указать возраст даже малолетнего сына герцога Бургундского Филиппа Доброго: «прибыл в Париж вместе с женой и сыном 1 года» (21 апреля 1435 г.). Есть сведения о возрасте и в случае с девочкой, отданной под охрану Парламента с целью защитить от попытки герцога Беррийского выдать ее замуж за художника, угодившего ему своей работой: ей, как указывает секретарь, было около 9 лет (7 января 1409 г.).

Поэтому я бы не решилась утверждать, что парламентариям чуждо понятие возраста как такового. Однако они почему-то напрочь отвергают его применительно к себе. За этим явно стоит нечто существенное для парламентской этики в целом. Ведь секретари отмечают возраст и других чиновников, например, точно указан возраст Жана де Монтегю, могущественного мажордома королевского двора: давая точное описание его внешности, манер, карьеры и по-

ведения, секретарь считает нужным записать, что было ему 50 лет (19 октября 1409 г.). Возраст указывают секретари и в тех случаях, когда речь идет о людях, формально входивших в Парламент, но являющихся к тому же священниками, и поскольку речь идет об их смерти, указано их положение в церкви: это Пьер д' Оржемон, «советник короля и епископ Парижа... в возрасте 66 лет» (16 июля 1409 г.), Пьер де Молен, епископ Нуайона, «умерший... в возрасте более 80 лет» (8 августа 1409 г.); Г. де Годиак, «доктор обоих прав (in utroque), декан церкви Сен-Жермен-Л' Оксеруа в Париже и советник короля... в возрасте 80 лет умер» (9 мая 1414 г.).

При этом само понятие возраста занимает довольно важное место в иерархии парламентских должностей. Однако возраст понимается здесь как срок службы в Парламенте, как знак опыта, и в таком качестве есть достоинство чиновника или, наоборот, источник недостатков в работе, но в любом случае возраст — это категория работоспособности.

Прежде всего возраст чиновника — это основа уважения к нему Парламента. Так, канцлер Арно де Корби, который в начале гражданской войны был не в состоянии в полной мере исполнять свои обязанности и перемещаться вслед за королем по стране из-за почтенного возраста, решил прибегнуть к помощи Парламента, поскольку «ему очень трудно, учитывая его древний возраст, поехать к королю в Жьен». И Парламент походатайствовал за престарелого канцлера, обосновав перед королем необходимость его присутствия в Париже, чем спас его репутацию и, возможно, карьеру (12 и 26 ноября 1408 г.).

Срок службы в Парламенте, а не возраст в чистом виде, имел значение для парламентской шкалы ценностей, и чем больше срок этой службы, тем выше уважение и больше прав и привилегий. Именно поэтому, в отличие от остальных случаев, в описании парламентариев указан исключительно срок службы в Парламенте. Вот характерный пример: «Умер Жан д'Асье, советник заседаний, из области Шампань, который занимал должность 36 лет или около того» (18 января 1407 г.). Точно так же Никола де Бай, перечисляя свои достоинства, говорит, что «в течение 16 лет полностью и постоянно служил и осуществлял эту должность» (12 ноября 1416 г.).

Срок службы в Парламенте лежал в основе парламентской иерархии, и продвижение чиновника осуществлялось с учетом этого срока³⁶. Когда на открытии сессии 1407 г. не оказалось ни одного из пяти президентов Парламента и был назначен временно президентом Жан дю Драк, чиновники Палаты прошений обратились с протестом: они доказывали, что в отсутствие президентов кто-то из них

имел право его заменить. На это им возразили, что «сеньоры Палат говорят обратное», ибо часто, когда надо было президентам уходить срочно с заседаний в Совет или по другим делам, «самый старый из советников-мирян в Палате заменял президента», и поэтому заявили «старые миряне заседаний, что это (решение канцлера) еще больше в ущерб им, чем этим мэтрам Провансов... ибо на заседании было достаточно мирян и довольно старых, чтобы занять это место» (15 ноября 1407 г.). Ясно, что под «старыми» здесь понимается не возраст, а срок службы, который, конечно же, предполагал и немалые годы чиновника. В споре между нотариусами по поводу вакансии в Парламенте, когда были назначены два чиновника, дабы установить, был ли Ж. Ле Бек самым старым среди нотариусов (*antiquite*)), проверка выявила, что Ф. Ле Мерсье «более старый в должности нотариуса, чем Бек» (31 июля 1410 г.). Точно так же на освободившееся место в Следственной палате претендовал чиновник на основании того, что «он самый старый из оплачиваемых нотариусов» (22 апреля 1411 г.). Из-за должности в Верховной палате поспорили два советника Следственной палаты, Гийом де Сане и Одар Жансьен: последний считал себя самым старым среди чиновников-мирян; де Сане настаивал на своем «возрастном» преимуществе на основании того, что сначала служил на должности клирика, а потом перешел на должность мирянина. О преимуществе срока службы свидетельствуют и случаи его нарушения. Когда в угоду Анри де Марлю был выбран его сын, секретарь отметил это как нарушение, поскольку тот «довольно молод и принят в Следственную палату около полугода», а уже поднялся в Верховную палату, и поэтому Парламент отмечает, «чтобы это не повлекло ущерба в подобном случае на будущее» (25 апреля 1414 г.). Показателен и факт претензии чиновника Верховной палаты сидеть выше, чем президент Следственной палаты, поскольку он рано поднялся в Верховную, и «особенно потому, что был советником короля в Парламенте за 10 лет до этого президента». Парламент признал его правоту и разрешил сидеть на заседаниях «прежде этого президента» (29 мая 1423 г.).

«Старые» чиновники Парламента признавались хранителями парламентских традиций. Так, в споре между церковью Сен-Мартен-де-Шан и жителями Пантена Парламент, прежде чем вынести приговор, решил посоветоваться «со старыми адвокатами», которые оберегают традиции (*stilo*) (19 февраля 1428 г.).

Возраст чиновника как свидетельство опыта и его преданности службе короне в то же время не должен был препятствовать работе и в этом плане мог стать основанием для некоторых ущемлений. На

сложных выборах первого президента Парламента в 1403 г. пришлось идти на нарушение правила, согласно которому при продвижении чиновника учитывался прежде всего срок его службы. Выбирать нужно было между более молодым Анри де Марлем и чиновником с большим стажем Пьером Боше. Обстановка в Парламенте накалилась: кандидаты обзывали друг друга и в стенах Парламента, и вовне, так что во время выборов никто не хотел высказываться вслух. Тогда была сделана щадящая форма голосования: каждый подходил к канцлеру и ему называл свой выбор (*votum et opinionem suam*). В итоге победил Анри де Марль, а основанием нарушения парламентских правил явилось состояние здоровья Пьера Боше. Канцлер объявил, что выбор более молодого кандидата сделан, «учитывая, что Боше был довольно в годах, и слаб, и болен, а Марль силен и трудолюбив». Чтобы смягчить удар, было сказано, что «Палата очень хорошего мнения о Боше, учитывая его знания, доблесть и другие достоинства» (22 мая 1403 г.). Возраст как признак утраты работоспособности стал причиной отказа чиновника Парламента от должности в пользу своего родственника: Парламент признал правомерность такой замены, учтя тот факт, что чиновник «был очень стар и слаб умом (*imbecile*), болезнен и не мог больше служить» (28 марта 1414 г.).

Только потеря чиновником способности полноценно работать была основанием для ухода, но никак не возраст сам по себе, поэтому, когда после подавления восстания кабошьенов в Париже, в ходе которого был отстранен от должности канцлер Арно де Корби и выбран Э. де Л'Атр, сторонник бургиньонов и «весьма угодный парижанам», вновь встал вопрос о канцлере, Арно де Корби все же не был восстановлен, хотя и прослужил в этой должности в течение 30 лет, поскольку был «старый и 88 лет, и стал слабоумен и так ослабел, что с большим трудом мог ходить» (8 августа 1413 г.).

Эту же аргументацию использовал герцог Бедфорд, когда добивался от Парламента утвердить отставку бальи Санлиса ввиду того, что военные обязанности, лежащие на этом чиновнике «в отношении врагов, бандитов и грабителей», требовали людей опытных в военном деле и способных ездить во главе отрядов на боевые операции, поэтому в решении Парламента сказано, что бальи отстраняется от должности не из-за ошибок, а по причине того, что «был старый... и не мог ездить на лошади, с оружием, преследуя врагов» (19 февраля 1424 г.). Ошибки в работе, вызванные преклонным возрастом, воспринимались Парламентом в контексте его политики по поддержанию работоспособности института, и поэтому он согла-

сился с канцлером, который выразил свое недовольство некоторыми королевскими нотариусами, работавшими в Парламенте, поскольку те были «такими старыми и слабыми, что не могли служить» (13 ноября 1413 г.).

Возраст расценивался в парламентской этике как опыт и подтверждение доброго имени, но не должен был стать причиной ошибок. Так, Парламент возмутился поведением советника и потребовал от него добровольно оставить должность, поскольку «из-за недостатка зрения (*debilité de sa vue*)... он не мог ни читать, ни писать; тем не менее долгое время целиком получал жалованье, а его документы подписывал секретарь или нотариус палаты» (18 февраля 1419 г.). Да и сам Никола де Бай, едва почувствовав ухудшение зрения, счел благоразумным проситься на должность советника, не требовавшей таких усилий (секретарь вел всю парламентскую документацию), хотя он при этом подчеркивал, что еще вполне «чувствует себя здоровым (*en santé, ni rompu, ni froissé, mais seulement ploïé*) и надеется еще послужить Парламенту, пока худшее (с ним) не приключилось» (12 ноября 1416 г.).

О том, что Парламент считал солидный возраст синонимом добродетели, свидетельствуют весьма недвусмысленные оценки молодости как источника непродуманных и даже незаконных действий³⁷. Так, говоря об участниках восстания кабошьенов из числа чиновников Парламента, секретарь считает достаточной причиной их соучастия тот факт, что это «юные адвокаты и прокуроры заседаний» (8 августа 1413 г.). Еще более весомо такой аргумент был использован генеральным прокурором короля, протестовавшим против утверждения указов Генриха VI, «учитывая юный возраст короля» «соединенного королевства Франции и Англии», необдуманно идущего на уменьшение своего домена (4 декабря 1433 г.).

В контексте парламентских представлений о возрасте стоит оценить запись Никола де Бая, посчитавшего достойным внести в протокол известие о «своей доброй служанке», которая «прослужила верно (*fideliter*) ему самому 15 лет и 4 месяца и его предшественникам 9 лет и 3 года», ради похорон которой он пропустил один день работы, что делал всего несколько раз за все 16 лет, и всякий раз по весьма уважительной причине (31 марта 1416 г.).

Возраст, который являлся основным фактором при получении места парламентского чиновника в иерархии учреждения, имел и другое достоинство — долгое служение в Парламенте³⁸. Так, когда возник спор за должность нотариуса Парламента, Н. де Лепуасс просил оказать милость его сыну и Парламент согласился учесть тот

факт, что «этот Лепуасс долго, законно, достойно, мудро и похвально исполнял должность» (28 ноября 1404 г.). Когда канцлер обратился в Парламент с ходатайством о назначении на должность советника Жиля де Кламеси, «несмотря на ордонансы о выборах должностных лиц заседаний», он напомнил, что отец де Кламеси «хорошо служил королю» в Парламенте (29 июля 1406 г.). По той же причине без выборов был назначен королем и Королевским советом Филипп де Рюильи, который был сыном Жана де Рюильи, «рыцаря и президента... который хорошо служил королю» (13 августа 1410 г.).

Служба должна быть долгой и безупречной, тогда она дает чиновнику право на знаки почтения со стороны парламентской корпорации, поэтому Никола де Бай, прося Парламент оказать ему особую милость и без выборов назначить советником, так говорит о своих достоинствах: «Я служил и отправлял должность секретаря... 16 лет полностью и постоянно... самым законным (*loyalement*) и самым прилежным (*diligemment*) способом, каким только мог...» (12 ноября 1416 г.). И сообщая о смерти Никола де Бая, Клеман де Фокамберг как главное достоинство умершего записывает, что тот «осуществлял должность гражданского секретаря 16 лет благородно и почтенно (*grandement et notablement*)» (9 мая 1419 г.). Те же принципы Парламент распространяет и на других чиновников, считая долгую службу основанием для особых привилегий. Когда после смерти Карла VI его слуги обратились в Парламент с просьбой дать им что-то из вещей короля в знак вознаграждения за их службу. Парламент посвятил разбору их спора немало времени, заверяя, «что каждому будет дано согласно службе... и особенно надо учесть интересы двоих, которые дольше всех служили королю», один из них — 20 лет (31 января 1423 г.).

Все эти знаки уважения к тем, кто служил долго интересам короля и институтов его власти, раскрывают приверженность Парламента значимости самой службы чиновника, лежащей в основе парламентской этики и иерархии ценностей. Долгая служба чиновника обеспечивала ему самому и его потомкам особые преимущества в Парламенте, что способствовало не только укреплению корпорации, но и созданию парламентских династий. Однако поскольку основой династий была доказанная многолетняя преданность учреждению, Парламент видит в процессе их возникновения стабилизирующий фактор. Так, секретари всегда отмечали должности, занимаемые чиновником в процессе восхождения. Например, описывая блестящую карьеру Жана де Монтегю, Никола де Бай замечает, что он был прежде секретарем и нотариусом короля и сыном

королевского нотариуса (19 октября 1409 г.); сообщая о смерти первого президента Жана де Пупанкура, секретарь отмечает, что он был президентом три года, а ранее — адвокатом короля (21 мая 1403 г.).

Обязательным условием, предшествующим вступлению в корпорацию и как бы первой ступенью в парламентской иерархии, было получение чиновником образования, также требовавшее немало времени, поэтому образование практически всегда отмечается в перечне достоинств чиновника, следуя в иерархии сразу же после сроков службы. В этом смысле показателен случай с принятым на должность нотариуса Жаном де Сессьером, который попал в Парламент, будучи сыном парламентария Анри де Сессьера. Приняв его на должность, Парламент тут же отправляет его в Орлеан с наказом немедленно получить степень лиценциата гражданского права (28 ноября 1404 г.). Принимая чиновника, особенно в угоду членам парламентской корпорации. Парламент подчеркивает эту важнейшую составляющую его достоинств — образование³⁹.

Наличие образования включало в себя и опыт работы, необходимый для вступления в Парламент. Это выражали более широкие понятия — «состоятельность» и «пригодность» (*souffisance et ydointé*), не имеющие прямого отношения к собственно материальному достатку, поскольку контекст, в котором употребляются эти слова, связан с качествами человека и пригодностью к работе. Само понятие «пригодность» чиновника входило в обязательный набор качеств любого избираемого на государственную службу человека, даже на выборах канцлера в клятве, которую приносили выборщики, в их числе и чиновники Парламента, содержалось требование избрать «доброего человека, пригодного (*ydoine*) и подходящего, чтобы осуществлять должность канцлера» (8 августа 1413 г.). Об этой же «состоятельности» чиновника говорится применительно к парламентариям: в характеристике чиновника присутствует категория его «состоятельности и пригодности (*ydointé et suffisance*)» для исполнения должности⁴⁰.

Такой же критерий Парламент применял и ко всем судебным должностям в государстве. Так, он требует устранить ошибки в работе Шатле и выбрать туда «людей пригодных, опытных и состоятельных вместо тех, кто является... незнающим, небрежным и несостоятельным» для таких должностей (*ydoines, experts et souffisans... ignorans... insuffisans*) (18 ноября 1418 г.), а когда Парламент хвалит адвокатов и прокуроров, то за их «большую состоятельность и почтенные достоинства» (*souffisance et notables merites*) (22 февраля 1432 г.). Такой контекст исключает, по крайней мере на словах,

критерий материального порядка, апеллируя исключительно к деловым личностным качествам — образованию, опыту и работоспособности⁴¹.

Обязательный набор достоинств парламентского чиновника, необходимых для вступления в Парламент, включает несколько более размытое понятие доброго имени, под которым подразумевается безупречное имя человека, результат личных заслуг или, что еще лучше, семейной славы⁴². Так, рекомендуя сына Жиля де Кламеси в Парламент, канцлер упоминает, что он «добрый клирик и достойный человек» (29 июля 1406 г.). Об этом же говорится в письме, написанном собственноручно королем Карлом VI, отдающим вакантную должность в Парламенте Ж. де Майи; исполняя волю короля, Парламент отмечает, что руководствуется тем, что «де Майи довольно известен нравами и из благородной семьи (*de noble lignage*)» (24 апреля 1411 г.). Доброе имя (*renommé*) Парламент упоминает наряду с образованием и опытом как главными достоинствами чиновника (28 марта 1414 г., 27 апреля 1418 г., 27 апреля 1431 г.).

Добрые, мудрые, почтенные, хорошей славы, из знатной семьи, опытные, образованные и благородные — такова риторика, рассчитанная на укрепление авторитета института и государственной службы. Но она же свидетельствует о том идеале «офицера власти», к которому стремился Парламент и который он утверждал в обществе⁴¹.

Вот как от имени короля «двух корон» Генриха VI были перечислены достоинства парламентария, которого рекомендовали принять на место покинувшего Париж секретаря Клемана де Фокамберга: король пишет, хваля Жана де Л'Эпина, что доверяет его «разуму, законопослушности, честности (*proudommie*), состоятельности и доброму старанию» (17 декабря 1435 г.). Король разваливающегося соединенного королевства попытался показать напоследок, что он уважает идеал парламентария, насаждаемый верховным судом.

Парламентская этика была одним из формообразующих факторов парламентской корпорации, диктуя определенное равенство чиновников внутри института, единые правила для получения привилегий. Вне зависимости от занимаемой должности все чиновники ощущали свое единство и сплоченность, позволившие им противостоять неблагоприятным обстоятельствам кризиса власти и не превратиться в жертву политических страстей. Оформление парламентского идеала службы не позволило с легкостью сделать Парламент ареной политической борьбы, и мифы о тотальных чистках Парламента в угоду арманьякам, бургиньонам и Ланкастерам раз-

бываются о неизменность парламентских принципов отбора чиновников. И даже если кто-то был принят на службу в угоду королю или его окружению, политической партии или семейному клану, но при этом соответствовал критериям, применяемым к отбору чиновников, его пристрастия и связи не пугали корпорацию, уверенную в своей способности переплавить любые частные интересы в «общий интерес» института. Именно поэтому обнищавший и неугодный властям Парламент при англо-бургиньонах говорит о своих чиновниках как о единой группе и так оценивает свои достоинства: «Советники, которые являются людьми большого знания и опыта... постоянно занимаются делами Суда с очень большим и постоянным трудом за очень маленькое жалованье» (3-5 октября 1430 г.). Таков был насаждаемый идеал, выдаваемый за действительность, и она подтвердила его общественную состоятельность.

§ 3

«Интересы короля, интересы королевства»

Парижский Парламент внес решающий вклад в утверждение судебного суверенитета короля. Выработанный королевскими легистами в начале XIV в. принцип «король является императором в своем королевстве» получил дальнейшее развитие в практике Парламента, который использовал свои полномочия для расширения понятия «интересы короля» до масштабов всей страны и превращения всех ее обитателей в подданных короля⁴⁴. В то же время в основе взглядов парламентариев на природу и назначение института лежит оформившаяся благодаря усилиям легистов и практиков суда, теоретиков и идеологов общественного развития идея о публичном характере королевской власти, о короле как общественном институте⁴⁵. В результате Парламент, обладавший исключительными прерогативами вмешиваться во все вопросы жизни общества, в определенной мере оказался и над королем как частным лицом, обязанным, по Жану Жерсону, «подчиняться разуму, Божественным законам и суду»⁴⁶. Эта двойственная природа Парламента определила проблемы, связанные с осуществлением функций верховного суда королевства: государственные интересы по-прежнему именуются «интересами короля», однако развитие государства привело к складыванию системы жизненно важных для его существования «интересов», которые выходили за рамки личных интересов того или иного представителя королевского дома и могли вступать с ними в противоречие⁴⁷. Поэтому для характеристики общественных взгля-

дов парламентских чиновников важно исследовать вопрос о том, какие интересы защищал Парламент, от кого и во имя чего.

Верховный суверенитет короля в жизни общества и государства никогда не оспаривался Парламентом ни в одной области. Более того, Парламент признавал право короля вмешиваться во все вопросы работы суда и иметь решающий голос во всех спорах. Парламент всячески подчеркивает, что его обязанность — во всем подчиняться королю. Так, в ходе спора о форме распределения церковных бенефициев во Франции было заявлено, что чиновники Парламента «обязаны сделать то, что захочет король» (18 февраля 1412 г.). Парламент подчиняется приказам, исходящим от короля и Королевского совета. Например, во время долгого разбирательства дела графа Савойского Парламент подчинился указанию не предпринимать ничего, «если это не будет исходить от короля в его Высшем совете» (18 июля 1401 г.). Получая письма от враждующих партий бургиньонов и арманьяков, Парламент немедленно пересылает их королю с заверением, что не предпримет ничего, «пока... не получит ответа от короля» (23 мая 1412 г.). Даже когда Парламенту кажется неуместным содействовать боевому духу парижан перед угрозой продвижения войск герцога Бургундского при помощи разъездов парламентариев по городу на лошадях и при полном вооружении, тем не менее все они подчинились приказу короля (9, 10, 11 февраля 1414 г.). Получив приказ короля послать с ним в поход против войск бургиньонов нескольких парламентариев, Парламент объявил, что «Палате вовсе не принадлежит (право) выбирать в этом случае, но королю и его Совету, и Палата готова подчиниться» (21 марта 1414 г.). Получив письма о передаче части прав короля аббатству Сен-Дени в обмен на денежные средства, Парламент был возмущен их «ущербом королю» и подробно аргументировал свою позицию, но, поскольку «это была воля короля... и людей Высшего совета», был вынужден утвердить это соглашение (27 апреля 1418 г.). Так же безропотно Парламент присягает любому договору о мире, если перед тем принесли присягу «сеньоры королевского рода и Совета короля» (19 сентября 1418 г.). О своей преданности королю и твердом намерении исполнять его приказы парламентарии заверяют и после установления бургиньонского правления: благодаря короля за усилия по установлению мира, парламентские чиновники заявляют, что «всегда были и будут подчинены королю и его приказам» (4 мая 1419 г.).

Беспрекословная преданность королю или тому, кто в согласии с законами страны признавался королем в данный момент, стано-

вится удобным и надежным способом противостояния политической конъюнктуре. В согласии с этим принципом вполне оправданной выглядит акция парламентариев накануне вступления в Париж войск Карла VII, когда они написали ему письмо, заверяя, что «готовы сделать удовольствие королю и служить ему своей службой, как его верные, законные и истинные подданные» (16 апреля 1436 г.). И Карл VII мог вполне доверять таким заявлениям: Парламент всегда подчинялся королю, кто бы им ни был.

Такое поведение парламентских чиновников вытекало из сути приносимой ими клятвы служить «королю, и никому другому, защищать его интересы от всех и против всех» (8 августа 1413 г.). Парламентарий воспринимал свою работу исключительно как службу королю (12 ноября 1416 г., 29 декабря 1435 г.), поэтому он не оспаривал право короля назначать чиновников: «Королю хотелось дать место Жану де Рюильи», и он его получил (22 мая 1403 г.). В другой раз «король по просьбе некоторых крупных сеньоров» дал письма на вакантную должность двум людям, чтобы Парламент из них выбрал достойного (13 сентября 1401 г.). Даже в случае давления знати на выбор Парламента, если просьба исходила от короля, она исполнялась (16, 17 июля 1409 г., 10 января 1413 г.).

Правда, секретари всегда отмечают на полях протоколов, что назначение было сделано без процедуры выборов (*non obstante electionem*), однако это не выглядело в глазах Парламента незаконным (13 августа 1409 г.). Точно так же Парламент безропотно подчиняется приказам короля в период широкомасштабной смены чиновников местного аппарата (сенешалей и бальи): несмотря на жалобы и претензии отстраняемых и ущемленных, Парламент утверждал тех, кого предлагал король (23-25 октября 1414 г., 6 ноября 1414 г., 22 октября 1417 г.)⁴¹.

Зная о приверженности Парламента соблюдению процедуры выборов на судебные должности, стоит обратить внимание на это «подчинение» королю, поскольку оно несколько противоречит, на первый взгляд, политике Парламента в области комплектования кадров и в целом не согласуется с претензиями института на независимость в этой области. Разгадка этого кажущегося противоречия заключается в стремлении Парламента всячески укрепить власть короля, которая на данном этапе развития института напрямую способствовала и власти самого Парламента. Не случайно поэтому замечание на полях протоколов секретаря о назначении королем чиновника: «Король выше выборов» (*Rex est supra electionem*) (22 мая 1403 г.). Парламенту в конечном счете было выгодно утвердить в

обществе всевластие короля, его неоспоримое право на любые действия, его власть над обществом, превращающую людей разных сословий в единую массу подданных. Именно поэтому Парламент поддерживает и отстаивает судебный суверенитет короля, способствуя тем самым укреплению своей власти⁴⁹. Так, в деле об оправдании герцога Бургундского Парламент осуждал идеи тираноборчества именно за содержащееся в них посягательство на исключительное право короля вершить суд, ибо только ему «дан меч (gleve) суда, и никому другому» (7 августа 1416 г.). В еще большей степени идеи суверенитета короля были развиты и поддержаны Парламентом в период папской схизмы и утверждения галликанизма во Франции, существенно расширившего компетенцию Парламента в области церковной юрисдикции, не говоря уже о материальных выгодах парламентариев, получавших за службу церковные бенефиции от короля. Выступая против тех, кто посягал на принципы галликанизма, Парламент объявлял их действия «ущербом королю, его сеньории, которую он держит от Бога одного», «очень большим сокращением его королевских прав, преимуществ и прерогатив». Парламент всегда напоминает о верховной власти короля в государстве и его неподчиненности никому, в том числе и Папе: «Король является императором в своем королевстве, которое он держит от Бога одного, не признавая (ни какого) земного сеньора сувереном, и привык, как ему позволено (loisible), править и управлять королевством... издавать законы, статуты, ордонансы и конституции, о которых ему нет необходимости никому из подданных давать отчет», поэтому подданные, обсуждающие или нарушающие эти ордонансы, по версии Парламента, совершают самое тяжкое преступление в государстве — оскорбление величества (*lèse-majesté*) (25 февраля 1418 г.). Отстаивая интересы короля, Парламент подразумевает прежде всего интересы королевства, а не конкретно короля. Весьма любопытно в этой связи появление в протоколах Парламента такого нового понятия, как «величество королевства» (*majesté du Royaume*) (21 июля 1417 г.).

Представление о Парламенте как эманации королевской власти, идентификация его с персоной короля лежали в основе компетенции учреждения, однако парламентские чиновники пытались поставить знак равенства между королем и Парламентом⁵⁰.

Именно поэтому во всех наиболее важных или спорных актах Парламент пользуется формулой «Король и Парламент» со знаком равенства; наказывая за преступления, Парламент объявляет их «ущербом Королю и Суду»⁵¹.

Поставив знак равенства между королем и Парламентом, его чиновники не только отстаивали таким образом суверенитет судебной власти короля, но и уравнивали свои интересы с интересами короля, под которыми уже подразумевали интересы суда и, как следствие, государства⁵². Любое посягательство на королевские права Парламент объявлял ущербом себе, но точно так же посягательство на свои права квалифицировал как государственное преступление (*lèse-majesté*): когда выяснилось, что платы за королевскую печать шли не в пользу Канцелярии и, следовательно, ущемлялись интересы чиновников, поскольку из этих денег выплачивалось жалованье, это было объявлено ущемлением интересов короля (12 ноября 1414 г.). Парламент настаивает, что его власть суверенна, как и у короля (16 апреля 1425 г.), и ущемление компетенции Парламента квалифицируется им как посягательство на права короля (27 февраля 1431 г.), в том числе и в вопросах о завещаниях, где у короля мог быть «интерес в части имущества», что служило и интересам Парламента, который получал долю этого имущества (29 марта 1435 г.).

Надо заметить, что общество с трудом и неохотно признавало за Парламентом такое исключительное положение. Например, в конфликте Парламента с Палатой счетов, не желавшей расставаться с судебными прерогативами, принадлежащими ей и постепенно отбираемыми Парламентом, на совещании у канцлера чиновники этой палаты хранили молчание, заявив, что «не скажут им ничего, но только в присутствии короля» (24 февраля 1402 г.). Эти претензии Парламента пытался оспорить и Луи Кюльде, генеральный смотритель Монет, отказавшись выдать Парламенту деньги от чеканки монеты в Париже в период начавшихся трудностей с жалованьем. Парламент выразил «удивление» неподчинению Парламенту, «чьим подданным (*subject*) он является». На этот упрек Луи Кюльде ответил «в манере довольно вызывающей (*arrogant*), что является подданным короля», а не Парламента. Этот обмен репликами повторился трижды, и трижды Луи Кюльде отказывался признать знак равенства между королем и Парламентом, хотя последний требовал признать «власть Палаты, подданными которой являются все люди суда королевства» (21 августа 1419 г.).

Так Парламент способствовал превращению всех сословий королевства в единую категорию — «подданных короля». Главным направлением этой политики явилось целенаправленное вытеснение сеньориального элемента из организационной структуры института и борьба с вмешательством знати в работу Парламента.

Показателем этого процесса может служить участие в работе суда 12 пэров Франции, формально входивших в состав Парламента.

Будучи анахронизмом Королевской курии, где решались все вопросы управления (суд, финансы, армия), присутствие пэров призвано было символизировать сеньориальную природу Парламента, обязанного решать важные вопросы от имени не только короля, но и самых крупных сеньоров страны. Очевидно, что дальнейшее развитие института, профессионализация суда неизбежно должны были вступить в противоречие с участием пэров в работе Парламента.

Избрание династии Валуа укрепило позиции знати и способствовало утверждению идей об ограниченной королевской власти⁵³. Однако несмотря на знатность, эти лица не имели преимуществ при обсуждении и принятии решений. Со временем, окруженные профессионалами, двенадцать пэров оказались не только в численном меньшинстве, но и в моральном одиночестве. Вряд ли им удалось бы провести свое решение, если бы оно не поддерживалось большинством чиновников, ведь именно так решались все вопросы в Парламенте, поэтому право присутствовать на его заседаниях перестало служить их интересам.

Об этом красноречиво свидетельствуют протоколы: в начале XV в. присутствие знати было крайне нерегулярным и отрывочным. В их число входят новые лица, в отличие от установленных законом. Например, 14 июля 1401 г. помимо чиновников Парламента и канцлера на заседании присутствуют епископы Нуайона и Парижа, Сен-Флура, Пюи, маршал Бусико, морской адмирал Франции; 26 августа 1401 г. — епископы Нуайона, Парижа, Байе, Мо, Макона, Пюи; 28 апреля 1406 г. — патриарх Александрии, епископы Парижа, Турнэ, Лиможа, Сен-Флура и т.д. Не удлиняя список примеров, отмстим, что главная особенность участия высшей знати в работе Парламента — это нефиксированность участников: от раза к разу приходили разные епископы и сеньоры. С точки зрения структуры Парламента, нефиксированность состава присутствующих на заседаниях сеньоров свидетельствует об их слабом участии, и даже, что важнее, об отказе их от надежд сколько-нибудь существенно влиять на решения профессионального суда. Главная функция, которую они продолжали выполнять в этот период, — орнаментальная: они придают торжественность заседаниям суда, поэтому единственный повод, по которому они всегда являются в Парламент, — открытие его очередной ежегодной сессии 12 ноября⁵⁴.

Другая особенность: практически нет представителей юга Франции, ни светских, ни духовных лиц. Север превалировал в управлении Францией, и так было до создания провинциальных парламентов по стране во второй половине XV в.

Помимо открытия сессий, приходила ли знать по каким-то еще поводам в Парламент? Да, причем круг вопросов, решавшихся в этом случае, весьма определен.

Первое и главное: Парламент всегда приглашал знать, когда речь шла о крупном землевладении или о домене короля⁵⁵. Парламент созывал «расширенные» заседания также по поводу крупных политических дел, в том числе на выборы сенешалей и бальи⁵⁶. Вполне логично поэтому присутствие знати на заседаниях Парламента, решавшего дела, связанные с борьбой бургиньонов и арманьяков⁵⁷.

Другим важным политическим процессом изучаемой эпохи являлась папская схизма и раскол католической церкви конца XIV — начала XV в. Здесь совершенно естественно присутствие высших иерархов церкви Франции, которые приходили в Парламент по этому поводу⁵⁸.

Вот и весь перечень дел, в которых участвовали высшие лица страны. О чем он свидетельствует?

Прежде всего о том, что в состав Парламента уже фактически не входят те двенадцать пэров Франции, которые оговорены в ордонансах. Причем формально, ордонансами, это не было отменено. Это отменила сама жизнь, вернее, эволюция Парламента в сторону его профессионализации, а также политические изменения в стране: Нормандия, Тулуза и Шампань потеряли независимость, а герцогство Гиень попало в руки англичан. Из прежних светских пэров остались только герцог Бургундии и граф Фландрии. Заметим в этой связи, что эти высшие лица отмечаются секретарем отдельно от членов Парламента, т. е. в сознании парламентских чиновников они и были уже в XV в. за пределами института.

Второй важный момент: Парламент все же не враждебен их присутствию. Почему? Здесь, мне кажется, проявилось одно из фундаментальных свойств Парламента — его по сути совещательный характер. При обсуждении важных вопросов высказываются мнения, даются советы, которые тем более ценны, чем ближе советующий знает существо дела, поэтому и приглашаются те лица, кого касаются обсуждаемые вопросы. Парламент уже достаточно уверен в своих возможностях принять правильное решение и противостоять давлению знати, чтобы опасаться мнения высокопоставленного лица.

Наконец, нельзя не заметить, что в основном речь идет о высших церковных иерархах, светских сеньоров в Парламенте уже почти нет. Разумеется, признание знатью профессионализации суда выражалось и так. Возрастание солидарности парламентских чиновников, среды очень сплоченной и в определенном смысле однород-

ной, сводило шансы знати к нулю, поэтому она покидает Парламент, а дела, затрагивающие ее интересы, передаются в Королевский совет. Так Парламент лишился части компетенции, которая могла быть отобрана королем согласно праву «у задержанного суда (*justice retenue*)», зато приобретал больше самостоятельности и стал более однороден. Широта юрисдикции церкви в этот период была крупным препятствием на пути утверждения судебного суверенитета короля, поэтому Парламент использует приглашение церковных иерархов на заседания для передачи в свою компетенцию важнейших церковных дел. Только с этой целью Парламент еще продолжает терпеть на своих заседаниях людей, не входящих в его состав, не связанных с ним общей клятвой, общими целями и интересами.

Форма вмешательства высшей знати в работу Парламента и, главное, реакция на нее парламентских чиновников убедительно показывает осознанный выбор, сделанный ими в пользу отстаивания публично-правовых основ института. Сразу же отметим, что случаев прямого вмешательства знати, которые были бы указаны в протоколах, не так много, как можно было бы предположить из особенностей ситуации во Франции начала XV в., и относятся они в основном к периоду 1400-1418 гг.⁵⁹ Обнищание и упадок Парламента при англо-бургиньонах сказались и в этом, но знать явно недооценила возможностей Парламента в деле восстановления единства страны.

Первой формой вмешательства знати в работу Парламента, фиксируемой в протоколах, было обращение в виде ходатайств (через посылку приближенных или отправку писем) за одну из тяжущихся сторон. В этом ряду ходатайств можно назвать вмешательство герцогов Бургундского и Беррийского в конфликт Парламента с Палатой счетов на стороне последней (16, 23 февраля 1402 г.); их ходатайство о переносе дела между архиепископом Санлиса и Гийомом де Неллем (16 августа 1402 г.); просьбу герцогов Беррийского и Орлеанского за одного из претендентов на место капитана Сен-Мало (12 марта 1407 г.); присоединение герцога Беррийского к просьбе «нескольких крупных сеньоров» об отсрочке некоего дела (12 марта 1410 г.). Надо сказать, что подобные просьбы не посягали на власть Парламента и потому не встречались враждебно, тем более что они всего лишь принимались к сведению и не гарантировали испрашиваемого результата.

Совершенно иная, открыто враждебная реакция Парламента имеет место в тех случаях, когда высшая знать подобным вмеша-

тельством пыталась повлиять на решение своих дел или дел, связанных с личными интересами. В 1406 г. герцог Бурбонский пытался приостановить дело графини д'Аркур и Ги де Шатильона, а получив уклончивый ответ о том, что Парламент «сделает лучшее, что сможет», и не удовлетворившись им, вынужден был выслушать прямой отказ: «Учитывая ордонансы Суда и многих королей... вовсе не намерены откладывать дела» (23 января 1406 г.). В 1409 г. он же пытался заполучить конфискованные земли Понса де Кардильяка и натолкнулся на решительный отказ Парламента (3 мая 1409 г.). Неизменное возмущение парламентариев вызывали попытки знати помешать разбору дел в Парламенте. Так, парламентарии потребовали от дофина и герцога Бургундского «прекратить помехи в разборе» Парламентом действий арманьяков; в ответ герцог Бургундский просит прекратить преследование Оливье де Станвиля и его сторонников (1 августа, 15 ноября 1412 г.).

Следует иметь в виду, что в большинстве случаев ходатайства исходили от короля, подстрекаемого знатью, однако тот факт, что Парламент отказывается исполнить эти просьбы и фиксирует их истинных инициаторов, свидетельствует о его попытке в такой форме защищать короля от назойливости его окружения, отстаивая суверенитет королевской власти.

В этой связи приведенные в главе II факты вмешательства знати в вопросы комплектования парламентских кадров имеют одну общую, весьма важную черту, никогда представители знати не вмешиваются лично, действуя всегда от имени короля, заручившись его письмом-«даром»⁶⁰. Тем самым знать признает, что у нее отсутствует законное право вмешиваться в дела Парламента, а необходимость заручиться королевским письмом говорит о заведомо отрицательной реакции парламентариев на открытое давление знати. Так, на вакантную должность в 1401 г. претендовали «многие достойные люди, тем не менее король по просьбе некоторых крупных сеньоров» остановил свой выбор на двух кандидатах: один — из окружения герцога Беррийского, другой — племянник епископа Мо (13 сентября 1401 г.). В этом случае Парламент не протестует, поскольку оба кандидата обладали необходимым набором качеств, а право короля назначать своих чиновников никто не отменял. Но вот королева таким правом уже не обладает, и на полях протокола о выборах Н. де Бай считает нужным приписать, что за того, кто получил больше голосов, ходатайствовала королева по настоянию своего окружения (1 декабря 1402 г.). Проведя очередные выборы, Парламент требует занести в протокол, «что Гектор де Бруфиньяк полу-

чил больше всех голосов, чтобы никто не смог вообразить, будто его приняли из расположения к графу д'Арманьяку, который вместе с другими сеньорами рекомендовал его» (11 апреля 1404 г.).

Разумеется, у знати были большие возможности воздействия на парламентариев, входивших в разветвленные семейные, политические и иные группы и кланы, опутавшие политическую жизнь страны⁶¹. «Едва ли можно найти прелата, или советника, или чиновника, либо клирика, будь то в университете, или в другом месте, или буржуа, который так или иначе не слыл бы принадлежащим к той или иной партии», — сетовал Жан Жерсон на рубеже XIV-XV вв.⁶² Обратим внимание на скудость сведений о связи парламентариев со знатью, на их тщательное укрывание и воинственную риторику, призванную доказать независимость Парламента. В этом контексте скандал на открытии сессии 1407 г., когда все президенты отсутствовали, приобретает особую значимость, поскольку кроме первого президента Анри де Марля ни один из президентов не занимался делами Парламента, но, напротив, делами посторонних лиц, в основном знати. Именно поэтому ситуация квалифицировалась как «бесчестье и скандал (esclandes) короля, его суверенного Суда и его Двора» (12 ноября 1407 г.).

Сеньориальный элемент вытеснялся из практики Парламента и превращался в фактор чуждый, незаконный и скандальный. Укрепляя суверенитет королевской власти, Парламент внедряет в общественное мнение идею о независимости суда от любых иных властей, кроме верховной. Однако все это происходит в весьма кризисные для Франции годы, потворствующие скорее обратному процессу — уменьшению власти короля в связи с болезнью Карла VI. Парадокс: именно в этот период идет укрепление и расширение королевской власти, и роль парламентских чиновников в этом процессе была едва ли не решающей⁶³. Безоговорочно признавая право короля вмешиваться во все вопросы Парламента, его чиновники не могли не осознавать, что передают себя в руки психически больного человека, значительную часть времени находящегося в недееспособном состоянии.

Но понимали ли они, что Карл VI болен? И как они к этому относились?

О болезни Карла VI Парламент упоминает часто и в разных контекстах, но всегда с уважением и сочувствием. Однако главный пафос парламентариев — не допустить, чтобы болезнь короля стала помехой в работе Парламента и причиной нарушения законов. Так, в долгом конфликте Парламента с Палатой счетов последняя при-

бегла к заступничеству «наших сеньоров герцогов Берри и Бургундии, и Орлеанского, брата короля, который в это время страдал серьезной болезнью, от которой Бог в своем милосердии его избавит» (16 февраля 1402 г.). Парламент сумел отстоять свои прерогативы и защитить обиженного чиновника, получив от короля разрешение на разбор дела против Палаты счетов, поскольку «король из-за многих нужд занят так, что не мог этим (делом) заниматься» (15 марта 1402 г.). Столь же опасным прецедентом были названы действия Карла Савойского против Парижского университета, совершенные в период, когда «король... не мог лично позаботиться о деле» (23 августа 1404 г.). Действия герцога Жана Бесстрашного, после смерти отца попытавшегося сразу же встать во главе общественного недовольства «малым управлением королевства», Парламент расценил как опасный пример для подданных короля, «больного в своем дворце Сен-Поль в Париже болезнью повреждения рассудка, которая длится с 1393 года, с некоторыми перерывами» (19 августа 1405 г.). Нападение людей герцога Беррийского на дом епископа дю Пюи на улице Ломбар в Париже Парламент посчитал показателем атмосферы беззакония, воцарившейся в стране в связи с борьбой политических партий, воспользовавшихся болезнью короля: Парламент заявил, что эти действия нарушают «права и честь короля, который в этот день находился взаперти (*encloz et enfermez*) больным, и что это мешает суду, особенно в Париже, где совершается много преступлений и где каждый безнаказанно носит шпаги, кинжалы и ножи, и много оружия среди бела дня носят» (1 сентября 1406 г.).

Сам Парламент, напротив, предпочитает дожидаться просветления рассудка, периодически наступавшего у Карла VI, чтобы убедить его в законности своих действий. Так, из-за спора претендентов на должность капитана Сен-Мало в Бретани Парламент решил, что «подождут здоровья короля» (17 февраля 1406 г.); и вновь по тому же делу «подождут хорошего здоровья короля, в присутствии которого и в его Высшем совете будет объявлено то, что было решено в этом вопросе» (18 марта 1407 г.). В день очередных выборов в Парламент пришел сеньор де Дампьер и сообщил, что «король в своем проблиске здоровья с пятницы на субботу сказал, что многие просили у него свободное место... и что он хочет и его намерение, чтобы состоялись выборы самого достойного согласно королевским ордонансам» (12 марта 1408 г.). И даже скрепить печатью королевские ордонансы по делу о вывозе денег в папскую курию канцлер предложил отложить, «пока король будет в здравии или в состоянии выслушать» (12 ноября 1414 г.).

Сочувственное отношение парламентариев к болезни Карла VI сквозит и в весьма обтекаемых формулировках, которые использует секретарь для описания печального положения в стране. Когда фиксируется передача королем власти в руки королевы и дофина, секретарь так обосновывает это решение: «Когда король занят или отсутствует (1c Roy empeschié ou absent)» (5 сентября 1408 г.). Описывая поход короля против враждующих партий в Жьен, секретарь уточняет: «Король болен своей обычной болезнью» (12 ноября 1408 г.). Окончательная передача власти в государстве в руки дофина обоснована секретарем так: «Из-за многих препятствий, которые часто с ним (королем. - С.Ц.) происходят» (3 декабря 1409 г.). Выбор адвоката короля был осуществлен в Парламенте также без уведомления Карла VI, «так как король был болен своей обычной болезнью» (4 марта 1413 г.).

Если сравнить отношение парламентариев к болезням и физическим немощам своих коллег как к препятствию нормальной работе институтов власти с их отношением к болезни главы королевства — короля, от которого зависело все управление, то противоречие бросается в глаза. Почему же парламентарии так снисходительны к помехам в работе, идущим от неизлечимой болезни короля? Помимо весьма интересного феномена отношения общества именно к Карлу VI, которого современники и ближайшие потомки называли «Любимым» (Bien-aimé), кстати, единственного из всех королей Франции, и лишь последующая традиция окрестила «Безумным», в этом вопросе выразился поворотный этап в становлении государства: если раньше все события в жизни общества приписывались личным достоинствам или грехам государя, то отныне король и общество взаимно ответственны⁶⁴. Как ни парадоксально, именно болезнь Карла VI и неучастие его в непосредственном управлении страной способствовали укреплению институтов власти, победе публично-правовых основ их деятельности и повышению авторитета в обществе.

Поэтому вовсе не случайно о Карле VI сохраняли в Парламенте особенно добрую память и после смерти короля, именно после смерти, когда контраст с англо-бургиньонским правлением способствовал еще большей славе его правления. Желая добиться расположения Парламента, делегация Парижского университета напоминает, что «покойный король Карл VI был и являлся очень расположен (recommandé) к суду...» (7 декабря 1424 г.). Описывая похороны Изабо Баварской, вдовы Карла VI, секретарь не упускает случая вспомнить о величии этого короля: «Изабо Баварская, королева

Франции, при его жизни жена очень возвышенного (hault), очень могущественного и превосходного (excellent) государя короля Карла Валуа VI» (13 октября 1435 г.).

Но отношения Парламента с королем были далеко не безоблачны, как может показаться из этих слов. Двойственная природа Парламента, защищающего интересы короля в качестве сеньориального суда земель домена и как верховного суда королевства, обусловила главную проблему. Выбор, сделанный Парламентом в пользу интересов государства, именуемых по-прежнему интересами короля, определил сложную гамму отношений Парламента и короля, любимого и больного, защищаемого от всех и против всех, в том числе и против действий самого короля⁶⁵. В проведении этой политики главная роль отводилась генеральному прокурору короля, призванному защищать интересы короля во всех делах, задевающих его хоть в малейшей степени.

Должность генерального прокурора короля появилась в 1330 г. и замещалась королем. Однако с начала XV в., и это нельзя объяснить иначе, чем укреплением власти Парламента, кандидатуру на эту должность предлагал Парламент, который также участвовал в выборах. Должность была несменяемой, как и должность канцлера, что также показывает объем ее властных полномочий. Генеральный прокурор обязан был защищать права короля, неотчуждаемость домена, общественный мир и законность⁶⁶. Однако отсутствие указаний на прямые инструкции короля генеральному прокурору дает основания предполагать, что его деятельность регулировалась Парламентом, и генеральный прокурор самостоятельно определял, где именно задеты интересы короля. Перейдя с начала XV в. под полный контроль Парламента, генеральный прокурор на всем протяжении изучаемого периода действовал в согласии с Парламентом, который, даже утверждая то или иное решение короля, всегда фиксировал протест генерального прокурора. Этот союз был важен для эффективной работы Парламента по защите общегосударственных интересов в условиях кризиса власти, поэтому Парламент очень резко отреагировал на попытку посягнуть на свое право выбирать генерального прокурора короля. Когда в период восстания кабошьенов в Париже умер генеральный прокурор короля Дени де Моруа, герцогом Бургундским была предпринята попытка провести на эту должность своего человека. События выглядят в передаче секретаря так. Когда канцлер и чиновники Парламента перешли в «Уголовную башню», где традиционно проводились выборы, и приступили к процедуре, явился Е. Ломбар, королевский нотариус, и сообщил «от

имени герцога Бургундского», что выборы решено провести в Королевском совете в присутствии дофина и делегированных туда чиновников Парламента. Парламент был шокирован и тут же решил действовать. К дофину была направлена мощная делегация — Жан дю Драк, президент Парламента, Жан Жувенель, адвокат короля, Мишель де Лалье, чиновник Палаты счетов, и Никола де Бай, гражданский секретарь. Делегация изложила требование Парламента и его представление о значении должности генерального прокурора и необходимости его выборов именно в Парламенте: «И представили дофину суть королевских ордонансов проводить выборы в Парламенте главных должностей и необходимость должности главного прокурора, и опасность, проистекающую из вакансии, и понимание (*notice*), которым обладал Двор больше (*trop plus grant*), чем кто-либо другой, того, кто полезен (*utiles*), а кто — нет (*inutiles*) на этой должности». Самое поразительное, что, как выяснилось, дофин понятия не имел об этом и не намерен был мешать выборам. Заручившись поддержкой дофина и узнав истинного инициатора акции, делегация отправилась к герцогу Бургундскому, который «милостиво» разрешил провести выборы и только пожелал, чтобы их итоги были сразу же сообщены в Королевский совет, т. е. ему первому (17 февраля 1413 г.). В этом противостоянии Парламента посягательству на процедуру выборов генерального прокурора короля, которая была гарантией политической неангажированности этой важнейшей для института должности, следует иметь в виду и угрозу конфликта с главами восстания кабошьенов, выступить против которых было смелой акцией Парламента. И они добились своего: генеральный прокурор был избран Парламентом, Палатой счетов и чиновниками Казны в присутствии канцлера (18 февраля, 4 марта 1413 г.). Тот факт, что в процедуре избрания генерального прокурора участвуют все институты центрального аппарата короля, свидетельствует в пользу усиления публично-правовых основ его деятельности и направленности на защиту интересов общества.

Генеральный прокурор присутствует на всех заседаниях, где решаются важнейшие государственные вопросы, и его позиция всегда отмечается особо: либо его согласие (*presente et non contradicente Regis procuratore*) (25 мая 1403 г.), либо его протест (29 марта 1419 г.), даже в том случае, когда Парламент вынужден подчиниться решению короля (11 марта 1426 г.), причем сама эта независимая от короля позиция генерального прокурора показывает степень отчуждения «интересов короля» от реальных поступков того

или иного представителя королевского дома. Наконец, в исследованных материалах не встречается ни одного случая, когда генеральный прокурор протестовал бы против решения Парламента, т. е. всегда их мнения совпадают или Парламент соглашается с доводами прокурора.

Что же включали Парламент и генеральный прокурор в «интересы короля»?

В изучаемый период, как и в предшествующий, главные усилия направлялись на сохранение целостности королевского домена и недопущение его распыления. Утверждение в конце XIII в. принципа неотчуждаемости домена совершилось благодаря особым стараниям легистов и королевских чиновников, требовавших даже отмены даров из земель домена в ходе общественного движения 1316-1317 гг. и 1356-1358 гг. С 1364 г. во время церемонии коронации король клялся также не отчуждать домен, что было реакцией на события Столетней войны⁶⁷. Несоблюдение королем этого принципа было источником постоянных столкновений с Парламентом, участвовавшим в выработке теории о принадлежности домена короне, но не в виде собственности, а лишь с правом короля распоряжаться доходами с земель⁶⁸. К тому же в общественном сознании царила мечта ограничить расходы короля доходами от домена, вера в то, что государство может существовать и развиваться исключительно на доходы от домена и не требовать от общества все возрастающих налогов⁶⁹.

Самым крупным делом первых лет XV в. был многолетний спор вокруг земель графа Савойского, подлежавших передаче дофину согласно решению Парламента от 1390 г. Решение было отменено вмешательством короля и попыткой передать дело в ведение Королевского совета. Дело было вновь возбуждено в Парламенте в 1401 г.: на заседании 12 июля из жалобы уголовного секретаря Жана де Сессьера явствует, что король мешает исполнению решения Парламента, выработанного долгими усилиями и занявшего 24 листа, запечатанных и помещенных в специально изготовленный сундук в Шатле, пока не будет решено, как его исполнить. На следующий день де Сессьера остановил на улице незнакомец и начал выспрашивать, принято ли решение. А вскоре пришел сержант и от имени короля запретил передавать исполнительный лист по делу. Противодействие королю было акцией небезопасной: на это указывает и вопиющий факт избиения генерального прокурора в его собственном доме людьми графа Савойского. Однако вмешательство «многих сеньоров и дворян», в том числе герцога Орлеанского, помеша-

ло Парламенту строго наказать виновных. Возмездие Парламента настигло графа Савойского только в 1404 г., когда граф и его люди учинили вооруженное нападение на процессию Парижского университета в церкви Св. Екатерины, и хотя король своей властью и на этот раз пытался запретить расследование, ему это не удалось. В ходе разбирательства дела в Парламенте делегация университета назвала графа и его сторонников «врагами короля и королевства», а волю Парламента осуществил Королевский совет, приговорив графа к уплате штрафа университету, его дома — к разрушению, а слуг отдал под суд. Лишь в 1406 г. графу было разрешено вновь построить дом в Париже⁷⁰.

Во всех делах, затрагивающих королевский домен, обязательным было участие и согласие Парламента и генерального прокурора. Парламент следит также за покупкой земель для короля, в 1406 г. он передает меняле Парижа на хранение I тыс. турских ливров, предназначенных для покупки земель для короля в сенешальстве Бокера (15 декабря 1406 г.). В то же время Парламент отказал герцогу Беррийскому в утверждении королевского письма, отдающего в виде дара 600 ливров ренты с земель Понса де Кардильяка, конфискованных в пользу короля. Тогда же Парламент решил, что не подчинится письмам дофина, передающим два замка из земель графа Савойского Г. де Мартелю, поскольку эти земли были отданы королю. Парламент заявил, что «не подчинится королевским письмам», данным Филиппу Наваррскому и нарушающим целостность королевского домена (3 мая 1409 г.). С большой неохотой Парламент возвращал прежним владельцам конфискованные в пользу короля земли, как это было в 1412 г., когда Парламент с оговоркой утвердил возвращение земель «мятежным вассалам» (3 сентября 1412 г.); или когда истек срок договора короля с фафом д'Аркур и Парламент настаивал, чтобы его земли по-прежнему оставались «в руках короля», а графу было бы уплачено 8 тыс. франков (17 ноября 1416 г.).

С особой силой эта традиционная политика Парламента проявилась в отношении англо-бургиньонских властей, пытавшихся разделить между собой завоеванные земли. Так, попытка провести через Парламент передачу графства Макон герцогу Бургундскому натолкнулась на сопротивление генерального прокурора, потребовавшего показать ему королевский указ для определения, «ущемляет ли он короля» (7 декабря 1424 г.)⁷¹. Сопротивление Парламента передаче «всех дел и процессов о бенефициях и дарах сеньорий, земель, рент, доходов» в ведение Совета в Руане лишний раз доказывает,

что договориться с Парламентом о разделе королевских земель англо-бургиньонские власти сочли нереальным. Когда в период агонии «английской Франции» Парламент собрался на экстренное заседание по поводу катастрофического уменьшения домена из-за «королевских писем», разбазаривающих земли, он ясно обозначил законность своей оппозиции: отказ утверждать такие письма Парламент обосновывает тем, что «домен короля уменьшится, а они все клялись его сохранять», да и «покойный король Карл VI запрещал» подобные акции, видимо, «забыв» об аналогичных столкновениях и с ним (4 декабря 1433 г.).

Вторым важнейшим после домена «интересом короля» Парламент считал поддержание мира и законности в стране. В этой связи действия Парламента против гражданской войны бургиньонов и арманьяков, против распространения идей тираноборчества объявлялись «защитой интересов короля». Уже в 1409 г. генеральный прокурор при поддержке канцлера возбудил уголовное дело против «дворян и их слуг... бродивших по королевству в течение 4-5 месяцев, сжигая многие дома» (28 февраля 1409 г.). С помощью генерального прокурора делегация из Пуату смогла обратиться к Парламенту с жалобой на действия герцога Беррийского (17 декабря 1409 г.). Вскоре подобные действия враждующих партий Парламент квалифицирует как оскорбление величества (*lèse-majesté*). Именно так генеральный прокурор охарактеризовал действия герцога Лотарингского против жителей Нефшателя (6 мая 1410 г.): «Из-за многих восстаний, неподчинений, грабежей, убийств и других преступлений против короля и его суверенитета, будучи его слугой и вассалом (*hommage lige*), и против жителей Нефшателя, являющихся подданными короля и его графства Шампань» (17 мая 1410 г.). Возбуждая на этом основании уголовное дело против герцога Лотарингского и конфискуя его земли в пользу короля, генеральный прокурор отстаивает на деле интересы подданных и общественный мир. Общее осуждение гражданской войны, наносящей ущерб королю, прозвучало на открытии сессии этого же года, и в стремлении к миру Парламент уравнил интересы короля и общества: «Совершили все зло, которое только можно совершить... к большому бесчестью короля и королевства» (12 ноября 1410 г., 9 августа 1412 г.). А отстраненный чиновник Палаты прошений Пьер де Л'Екла (*de L'Esclat*) был назван в числе сторонников герцогов Беррийского, Орлеанского, Бургундского, «кто восстал против короля» (9 марта 1412 г.). В 1417 г. Парламент созвал заседание о кризисе в стране, на котором генеральный прокурор выступил с речью, осуждающей действия

герцога Бургундского с позиций общественной роли короля: подстрекать людей на неподчинение «своему государю и суверенному сеньору — очень большое зло» (16 июля 1417 г.). Так, гражданская война бургиньонов и арманьяков квалифицируется Парламентом как государственное преступление, поскольку она посягала на исключительное право короля вести войну и нарушала общественный мир. В этом же русле шло в Парламенте и осуждение идей тираноборчества и речи Жана Пти, названной ущербом суду короля, порядку и общему благу (7 августа, 16 сентября 1416 г.). Угрозу общественному миру, являвшемуся «интересом короля», усмотрел Парламент и в восстании кабошьенов, которое «топчет и ранит власть и авторитет короля» (13 июля 1413 г.). Пробургиньонский заговор в Париже Парламент также расценивает как посягательство на «честь короля» (8 мая 1416 г.).

Таким образом, очевидно, что «честь короля», «авторитет короля», «власть короля» означали для Парламента интересы общественного мира и законности, которые он готов был защищать от всех, в том числе и от короля.

В исследуемый период особое значение приобрел вопрос о статусе национальной церкви Франции в связи с папской схизмой. В этом вопросе Парламент настаивал на расширении прав короля, квалифицируемых как «свободы церкви Франции», а посягательство на них как «оскорбление величества» (10 июля 1406 г., 30 апреля 1416 г.). Не только отмена королевских ордонансов на этот счет, но даже простое обсуждение подданными королевских решений Парламент считает преступлением — «оскорбления величества» (25 февраля 1418 г.). Здесь же Парламент развивает идеи королевского суверенитета и расширение прав короля в делах церкви, объявляя, что неправомерно «ставить юрисдикцию и светскую (*temporelle*) власть и мощь короля» в зависимость от церковной юрисдикции. И когда англо-бургиньонские власти пытались отменить ордонансы о галликанизме, Парламент и генеральный прокурор защищали их, считая обратное ущербом «королю и королевству» (15, 25 февраля, 27 марта 1419 г.).

С особой ясностью выбор, сделанный Парламентом в пользу интересов государства, обнаруживается и в том, что Парламент включал в «интересы короля» заботу об институтах его власти и людях власти — чиновниках, борясь со злоупотреблениями и осуществляя контроль над соблюдением законов в органах управления.

В 1415-1416 гг. происходит широкомасштабная замена чиновников местного аппарата в связи с начавшимся английским втор-

жением, и Парламент использует этот повод, чтобы устранить имевшиеся нарушения законов: генеральный прокурор напоминает о незаконности и недопустимости совмещения должностей, о необходимости иметь квалифицированных помощников, недопущении увеличения аппарата, об отказе от службы частным лицам, наконец, об обязанности находиться у себя в области. Парламент, в свою очередь, напоминает о праве возбуждать дела о таких нарушениях (19 декабря 1415 г.). Вскоре генеральный прокурор сообщил Парламенту о нарушениях, допущенных бальи Витри и сенешалем Бокера, которые после назначения не спешили отправиться в свои области и продолжали находиться в Париже, хотя знали о положении у них и «покаялись находиться (*resider*) там» (3, 12 марта 1416 г.). В этот период замены чиновников генеральный прокурор протестовал против совмещения должностей хранителя вод и лесов двух областей — Лангедока и Гиени, поскольку в каждой из областей, по мнению генерального прокурора, нужен отдельный чиновник. Обосновывая свою позицию, он прямо обозначает общественный интерес в качестве основы своего протеста (*pro expeditione rei publice*) (28 июля 1416 г.). В итоге Парламент способствовал укреплению судебно-административного аппарата в областях страны, распространив на сенешалей и бальи парламентский кодекс службы⁷².

В этом же русле следует рассматривать и особую заботу Парламента о состоянии Дворца в Ситэ — ремонт, обустройство, украшение залов. Производя различные траты и оплачивая работы, Парламент делает это по своей инициативе, из денег от штрафов, предназначенных королю, и обоснованием этих расходов служит «общественное благо этой Палаты Парламента» (15, 27 февраля 1404 г., 14 января 1406 г., 24 марта 1417 г.). Та же причина — честь суда — выдвигалась для обновления мебели в залах Парламента, поскольку «стулья и скамьи, а также вход (паперть) палаты были старые, испорченные, очень неприличные и к тому же неудобные (*malaisez*) и слишком низкие, величиной в полную ладонь или в полступни (*d'environ pleine paume ou demi piet*), из-за чего невозможно услышать адвокатов так, как полагается» (27 апреля 1406 г.). Все эти заботы Парламента являлись составной частью их представлений о «честь короля» и авторитете его судебной власти в обществе.

Можно с уверенностью сказать, что парламентарии к началу XV в. сделали окончательный выбор в пользу защиты интересов короля, понимаемых широко: как общественный интерес, как защита власти короля от нарушителей мира, законов и порядка. И в этой защите Парламент не останавливался даже перед необходимостью

выступать и действовать открыто против актов самого короля. Об этих действиях в той или иной мере уже говорилось выше, здесь же мне хотелось бы обратить внимание на поразительную аргументацию Парламента: действия короля он объявляет «ущербом» королю, т. е., если не предполагать, что король вредит почему-то сам себе, ясно, что Парламент имеет в виду ущерб верховной власти как олицетворению общественного интереса и ущерб служителям этой власти⁷³. Именно так, без обиняков, Парламент характеризует попытку короля вмешаться в конфликт Парламента с Палатой счетов на стороне последней: это обращение короля в Парламент названо «очень большим ущербом королю и общественному благу (*tres grant prejudice du Roy, de la chose publique*)» (23 февраля 1402 г.). Такова аргументация Парламента и в отношении попытки короля отменить пожизненное жалование чиновникам: письмо короля названо «лживым», унижающим авторитет судебной палаты короля (17 февраля 1406 г.). Точно так же Парламент возмущен королевским ордонансом о сокращении числа чиновников в государственном аппарате: хотя это сделал король, Парламент заявил, что «не потерпит, чтобы это было объявлено на заседании, ибо это будет против чести короля» (14 августа 1406 г.). И король сам вынужден апеллировать к общественному интересу, чтобы убедить Парламент в правоте своих действий, как это было в случае соглашения между герцогом Бретонским и графом де Пантер (*Pautevre*), «ибо это соглашение для блага королевства» (3 сентября 1410 г.).

С позиций общественного интереса Парламент требует от короля соблюдать «королевские интересы», считая это прямой обязанностью короля как главы государства. Любая попытка отмены ордонансов «о свободах церкви Франции» встречала яростное сопротивление Парламента, требующего от короля и дофина «для их блага и блага королевства держаться твердо и неизменно» принятых решений, «особенно потому что это одна из клятв, которую король дал при своем короновании... хранить церкви в их свободах» (16 марта 1418 г.). Парламент сопротивлялся и решению короля передать часть своих прав аббатству Сен-Дени за 200 тыс. ливров. Хотя привезенные письма напоминали Парламенту, что «такова была воля короля, дофина, коннетабля и людей Высшего совета», адвокат короля назвал эти письма «очень неразумными и в ущерб королю, и что король этим очень обманывается (*deceue*)» (27 апреля 1418 г.). Позиция парламентариев остается неизменной и при англо-бургиньонах, от которых он требовал соблюдать общественный интерес, как положено претендующим на законность властям, например, в воп-

росе о галликанизме, чью отмену он объявил «приносящей вред (prejudicial) королю, церкви... и общественному благу королевства» (31 марта 1419 г., 11 марта 1426 г.)⁷⁴.

Итак, Парижский Парламент всегда и во всех вопросах отстаивал интересы короля. И если в каждый конкретный момент король не мог разобраться, в чем состоит его королевский интерес, Парламент готов был ему это объяснить так, как он сам его понимал. Так в период кризиса королевской власти из-за болезни короля благодаря институтам центральной власти, в том числе Парламенту, удалось не только сохранить достигнутый уровень, но и значительно расширить и укрепить королевскую власть в стране. В сущности, Парламент никогда не оспаривал право короля вмешиваться во все области работы и жизни Парламента, от назначения чиновников до решения главных государственных дел. Парламент никогда не оспаривал свое подчинение королю. Он «всего лишь» путем расширения трактовки «интересов короля» до масштаба всего государства способствовал превращению короля в главу чиновников своего аппарата, обязанного соблюдать «интересы короля», важной составляющей которых были и интересы служителей власти.

§ 4

«...И правосудие для всех»

248

В становлении Парижского Парламента как института верховной судебной власти короля существенную роль сыграло идейное обоснование его особого места в обществе. В этой связи стоит обратить внимание на самоапологию Парламента, поскольку она раскрывает его интерпретацию идейной основы деятельности учреждения и направленность используемой риторики для оправдания своих претензий на исключительную власть в государстве.

В основе самоапологии парламентариев лежит принцип верховенства Парижского Парламента над всеми судами королевства, вытекающий из суверенной власти короля, которого без посредников представлял Парламент⁷⁵. Этот принцип выражен в таких определениях, применяемых к Парламенту, как «главная (capital)», «суверенная», «центральная (unique)» палата (16 февраля 1402 г.); при этом наиболее употребительное и, следовательно, самое существенное определение — это именно «суверенная палата» (21 ноября 1405 г., 19 февраля 1424 г., 9 марта 1429 г., 8 августа 1433 г., 22 апреля 1434 г.). Об этом же говорит Парламент, отказываясь непосредственно участвовать в восстании кабошьенов и их попытке реформ: «Учитывая поло-

жение Палаты, которая является суверенной и главной и представляющей короля без посредников (*sans moien*) (17 февраля 1413 г.).

Как и король. Парламент является «источником суда», т. е. он обладает правом выносить решения, не подлежащие пересмотру никаким другим судом (17 февраля 1406 г.)⁷⁶. В обществе, раздираемом враждой и войнами, Парламент объявлял себя «единственным убежищем суда, которое можно в настоящее время иметь в королевстве» (12 ноября 1408 г.). В самоапологии Парламент прибегает к сравнениям, свидетельствующим о понимании им роли суда в укреплении королевской власти. Так, первое посещение дофином заседания было использовано Парламентом для провозглашения идей о своем предназначении в обществе: «Как город Рим возводился не только зданиями, но и 100 достопочтенными людьми, совершавшими правосудие и прозванными сенаторами, так же эта Палата была создана и установлена, чтобы совершать суд... в количестве 100 человек, предназначенных для верховного суда (*justice capitale*) королевства» (7 января 1412 г.).

Приоритет Парламента приходится отстаивать и от посягательств верховных властей, особенно в период англо-бургиньонского правления, когда нападкам подвергалась именно полнота компетенции института: выступая против указов короля, отбирающих часть полномочий у Парламента в пользу комиссии реформаторов, генеральный прокурор обосновывает свой протест тем, что эти указы «лишают эту Палату Парламента полноты (*ressort*) суверенитета, каковую никакой другой суд или палата не могут и не должны иметь в этом королевстве» (9 сентября 1418 г.).

В своих претензиях Парламент опирался на суверенитет королевской судебной власти, объявляя Парижский Парламент источником суда для всего королевства, что наряду с другими признаками делало Париж столицей, раз здесь находится главная судебная палата страны: «Главный город королевства, исток его суда (*la fonteinne de justice*)» (7 августа 1416 г.).

В этом представлении о величии верховной судебной палаты, стоящей над всеми другими судами и защищающей всех «людей суда короля», заложены важные для становления государства идеи о предназначении суда в обществе. Стоящий над всем обществом суд защищает именно общественный интерес, общее благо, то, что объединяет всех людей государства вне сословной принадлежности⁷⁷. Именно это общественное благо (*chose publique*) становится обоснованием исключительного положения Парламента в системе государственной власти. И основой этой деятельности является прин-

цип — «правосудие для всех». В долгом конфликте с Палатой счетов, пытавшейся изъять дело из ведения Парламента, тот отстаивал свое право вмешиваться в любое дело в государстве на основе этого принципа равенства всех перед законом, в том числе и того обиженного Палатой счетов чиновника, который обратился в Парламент за помощью. И Парламент боролся за это дело, «желая защитить его интересы, как он делал всем людям, просящим об этом» (16 февраля 1402 г.). А когда король пытался изъять дело, Парламент сопротивлялся на том основании, что «Палата является главной и создана, чтобы совершать разумное и справедливое всем без всяких исключений» (23 февраля 1402 г.). Об этом же говорит и канцлер на согласительном совещании Парламента и Палаты счетов: «По закону обиженный (greve) подданный короля имеет и должен иметь помощь в виде обращения к своему суверену, и для этого был создан Парламент» (24 февраля 1402 г.).

Это равенство всех перед законом выражено в праве быть выслушанным: «Палата... привыкла защищать права... каждого, кто придет на заседание, и выслушивать тех, кого надо выслушать» (7 апреля 1407 г.). Такая позиция Парламента способствовала быстрому росту компетенции института, поскольку стимулировала обращения к нему тех, кто по каким-то причинам хотел избежать суда первой инстанции. Так, например, желая изъять свое дело из ведения Парижского университета, имевшего в то время судебные полномочия, обвиняемые обратились в Парламент и вопреки протесту университета заявили, что «это разумно... и они пришли на заседание в главную палату... и нет человека, будь он хоть сарацин (tant fust Sarrasin), который бы пришел на заседание и попросил решения (distribution) и ему бы в этом отказали» (10 июля 1408 г.)⁷⁸. Делегация городов Оверни, отказывавшихся платить очередной налог на содержание гарнизонов в крепостях, «от которых им ни тепло ни холодно», решила обратиться за помощью в Парламент, «ибо эта Палата учреждена, чтобы осуществлять правосудие в отношении всех» (22 мая 1411 г.). Об этом принципе деятельности Парламент напоминает в конфликте с Руаном при англо-бургиньонах: «Палата... всегда стремилась действовать .. для защиты прав каждого» (9 августа 1426 г.).

Так принцип «правосудия для всех», избранный парламентскими чиновниками в качестве основы их деятельности, способствовал расширению власти института, его компетенции и авторитету в обществе, видевшем в верховном суде охранителя интересов всех подданных короля. В этой связи большую смысловую нагрузку не-

сет само словоупотребление, за которым стоит глубокое идейное обоснование деятельности института: слова «суд» и «справедливость» во французском языке, как в большинстве языков романской группы, выражались одним словом — justice, и в этом смысле справедливость суда была предрешена, а любое отступление было нарушением сути суда. В изучаемый период употреблялось и еще одно слово для обозначения справедливости, понимаемой как равенство всех перед законом, как равное право добиться правды, — это слово equite. Оно широко употреблялось вместе со словом justice, как дополняющие друг друга понятия. Так, требуя от Парламента осудить речь Жана Пти об оправдании герцога Бургундского, Парижский университет напоминает, что судебная палата «давала клятву правосудия и справедливости (justice et equite)» (7 августа 1416 г.). А в своих действиях против Совета в Руане Парламент намерен был «предпочесть справедливость (equite) строгости (rigueur)» (9 августа 1426 г.).

Таким образом, самой сутью суда является справедливость, устанавливаемая в отношении всех подданных короля вне зависимости от их сословной принадлежности. В конфликте с Палатой счетов Парламент использовал этот принцип для обоснования своих действий: «Так как... не просит ничего, кроме справедливости», дело этого чиновника должно быть рассмотрено в Парламенте, а Палата его «много раз откладывала, хотя ясно, что это всего лишь справедливость, которой он добивается» (28 января 1402 г.). Также справедливость движет Парламентом, защищавшим свой выбор перед королем, решившим отдать должность не тому, кого хотел Парламент, человеку, чему Парламент противился «из-за справедливости» (26 мая 1403 г.). К справедливости взывает Парижский университет, прося Парламент наказать слуг графа Карла Савойского за нападение на университетскую процессию: «Палата будет доброй и справедливой дочерью, если найдет средство против» преступников (19 августа 1404 г.). Об этом же от имени университета просит Парламент адвокат Андре Котен, призывая Палату «быть настойчивой в своей справедливости» (20 августа 1404 г.). Предлагая свою помощь в деле утверждения ордонансов о «свободах церкви Франции», Парижский университет просит Парламент принять рекомендованных им людей «в своей доброй справедливости (bon justice)» (19 января 1405 г.).

Справедливость как сущность равного для всех суда четко обозначена и в словах герцога Анжуйского, который прибег к помощи Парламента в связи с обострением борьбы бургиньонов и арманьяков: «К ней (палате Парламента. — С.Ц.) особое доверие и надежда.

ибо разбирая на заседании дело, старается всем обеспечить справедливость (pour lout asseure de justice)» (4 марта 1407 г.).

Если суть суда заключена в справедливости, то она же определяет его предназначение в обществе. Будучи основной функцией королевской власти — устанавливать справедливость для всех — судебная власть Парламента рассматривалась парламентариями как главная функция самой королевской власти, как способ управления государством, без которого оно теряет свой смысл и оправданность существования. Вера во всесилие суда, единственно способного внести порядок в общественное устройство, глубоко пронизывала всю деятельность парламентариев⁷⁹.

Эта вера опиралась, как на незыблемую твердыню, на слова Августина: «Чем были бы государства без суда, как не разбоем?» (23 февраля 1402 г.)⁸⁰. Об этой роли суда говорит и герцог Анжуйский, стремясь склонить на свою сторону Парламент, что свидетельствует об общественном резонансе этих идей: «Через эту Палату королевство охраняет себя, как говорят, и без которой не могло бы сохраниться» (4 марта 1407 г.). И сами парламентарии говорят о том же: именно через суд «все блага сохраняются, (без него же) все блага уменьшаются и ущемляются (se degaste)» (7 января 1412 г., 16 марта 1418 г., 10 февраля 1433 г.). Таким образом, суд есть главная форма управления королевством, и именно суд должен стать опорой власти и надеждой общества в периоды смуты и потрясений: «Ибо управление королевством или другой сеньорией может хорошо и долго осуществляться (conduire) и поддерживаться только судом» (22 августа 1418 г.). Об исключительной роли суда в управлении королевством Парламенту приходится напоминать и англо-бургиньонским властям в надежде добиться от них привычного для себя положения в системе власти, поручая президенту «объяснить королю (Генриху VI. - С. Ц.) среди прочего, как короли и государи должны следить, чтобы суд осуществлялся и охранялся в их королевствах и сеньориях, и какое благо от этого исходит, а если делать противное, какое зло от этого может последовать» (13 мая 1430 г.). Таков же смысл главного пункта инструкции послам, отправляемым к англо-бургиньонским властям: «Показать королю... большую пользу и необходимость, благо суда и, напротив, опасности, неуместность и зло, проистекающее от беззакония или отсутствия суда» (injustice on faulte de justice) (3-5 октября 1430 г.). Именно эта жизненная необходимость суда для существования государства явилась для парламентских чиновников надежным аргументом при примирении с Карлом VII накануне вступления его войск в Париж, и послы, от-

правленные к нему, делали упор на его собственную заинтересованность, «чтобы суд был защищен, дабы избежать неуместностей, которые могут произойти» (18 апреля 1436 г.).

Эта вера парламентариев во всемогущество суда, в его исключительные возможности спасти государство от любых потрясений служила мощным идейным стимулом работы института. В таком контексте все общественные потрясения виделись им как следствие недостатка суда или отступлений самих судей от своей миссии. Поэтому Н. де Бай, характеризуя начавшуюся гражданскую войну, прямо указывает на ее источник: «Главная причина всего этого... есть недостаток суда (*defaut de justice*)» (9 сентября 1410 г.). И потому все бесчинства бургиньонов летом 1418 г. трактуются Парламентом как преступление, поскольку они не получили санкции суда. Парламент требует, чтобы «никто без разрешения и власти суда не арестовывал никого» (29 мая 1418 г.) «и чтобы прекратились грабежи и аресты людей, которые многие предпринимают без разрешения суда» (31 мая 1418 г.).

Судебная процедура есть единственная гарантия законности, есть путь, ведущий к свету, настаивали парламентарии. Об этом же напоминает Парижский университет: «Суд призван отделять свет от тьмы и видимость от истины (*Curia dividat lucem a tenebris et palliationes a veritate*)» (19 августа 1404 г.). Такова же программа, предлагаемая Парламентом дофину в его первое посещение заседания: «Чтобы можно было сказать — продвигались в потьмах, ныне же путем суда выходим к свету (*ambulavimus per tenebras, nunc per vias justice (in) luce ambulamus*)» (7 января 1412 г.).

Именно такая функция Парламента в обществе давала парламентариям право претендовать на особые привилегии и исключительное положение, а сама эта функция придавала институту то «благородство», которое ставило его даже выше самого благородного сословия (*ex nobili officio Curie*) (20 августа 1404 г., 23 августа 1404 г.). Отсюда следует главная цель суда — мир и спокойствие в обществе, и эта миссия института в годы войн и вражды стала ведущей в его работе⁸¹. Отстаивая интересы парламентской корпорации, Парламент ссылается на эту главную миссию суда и исходит из нее в своем отношении к вражде партий, идеям тираноборчества, внешней угрозе: «И это означало бы конец Палаты и их (чиновников. — С. Ц.), поскольку творение суда есть мир (*quia opus justitie pax*)» (17 февраля 1406 г.). В своих действиях Парламент ориентируется на возможность сохранить мир и, наоборот, пресекает угрозы миру (3-4 сентября 1410 г.). Именно об этом приносят взаимную клятву герцог Бургундский и

26. Казнь на площади города

институты власти в Париже после установления бургиньонского правления в Париже: обе стороны клянутся «помогать и способствовать королю и его суду... поддерживать, охранять и соблюдать суд короля, мир и спокойствие королевства и Парижа» (30 августа 1418 г.).

Неизменно негативна позиция парламентариев в отношении подстрекательств к бунту и неподчинению: дело суда — мир, и парламентские чиновники не могут поддерживать того, кто этому миру угрожает, — от введения неоправданного налога «из боязни, что народ еще больше возмутится (meuz) от таких писем, произнесенных в суверенной палате» (20 мая 1402 г.), до оправдания налога, обоснованного военными нуждами, поскольку «не должны вовсе давать повода чиновникам и подданным своего государя совершать бунты (sedition ou commocion)» (16 июля 1417 г.).

Сама идея мира входит в широкое понятие общественного блага, которым Парламент руководствуется в своей деятельности. Под этим общественным благом (*chose publique*) Парламент понимал очень широкий спектр общественных интересов, в данный период включавший и войну с Англией (22 января 1416 г., 29 апреля 1420 г.), и гражданскую войну (7 августа 1416 г.), и борьбу за галликанизм (3 ноября 1424 г., 11 марта 1426 г.), и даже спасение Парижа и снабжение его продуктами и топливом (22 декабря 1418 г., 12 марта г., 1 августа 1420 г.). Во всех этих случаях Парламент в своих решениях употребляет понятие общественного блага (*chose publique, res publica*) как цель своих решений. Но Парламент использует его для любого дела, куда он пожелал вмешаться, как в случае с университетом в Орлеане и нравами в нем (3 января 1405 г.). Всеобщее благо страны (*bien universale du Royaulme*) — вот самооправдание парламентариев и программа действий (7 января 1412 г.).

При этом для парламентариев характерно ясное осознание направленности своей деятельности на всеобщее благо. Так, Анри де Марль в своей речи по случаю утверждения на должность первого президента прямо противопоставляет работу на общественной должности уединенной работе души, ссылаясь на Иеремию, который отказался от публичной должности, «дабы предаться созерцанию (*vaquer a contemplation*)»; свой же выбор, по аналогии с Исайей, Анри де Марль характеризует как стремление «трудиться на общее благо» (8 августа 1413 г.). Об этой же публичности работы парламентария говорит и Н. де Бай, оставляя должность гражданского секретаря и подводя итог своей работы: сознавая свои недостатки, он оправдывается тем, что «в должности столь публичной, как эта, невозможно оказать милость каждому (*la grace d' un chascun*)» (12 ноября 1416 г.).

Защита общего интереса, общественного блага стала определяющим ориентиром в политике парламентской корпорации в целом, а отступления от него квалифицировались как преступления, чреватые общественным недовольством. Поэтому общий интерес четко противопоставлялся частному интересу, который всегда выглядит в глазах парламентариев утрозой обществу и нарушением законов. Так, в конфликте с Палатой счетов недовольство Парламента вызывало скрывающееся за ее претензиями стремление опереться на поддержку знати, что воспринимается как частный интерес, противостоящий защите общего интереса, осуществляемой Парламентом. Называя прямо зачинщиков конфликта «друзьями маммоны (*amigos de mammonne*)», стяжающих дружбу богатством несправедливым, Н. де Бай квалифицирует такую ориентацию Палаты счетов как незаконную

и опасную для общества: «Причина, по которой эти люди не хотели, чтобы суд вмешался... в том, что они хотят быть в исключительном положении (*exempt*) и имеют в друзьях и благодетелях высоких сеньоров как друзей маммоны» (16, 23 февраля 1402 г.). Сама позиция парламентских чиновников определялась, безусловно, клятвой, приносимой ими при вступлении в государственную должность, служить только королю, и никому другому. И то, что эта клятва трактовалась парламентариями как обязанность служить общему интересу, а не отдельному лицу, даже самому высокому, красноречиво говорит о выборе, сделанном ими в пользу интересов государства. Даже посылая к Папе очередную делегацию со списком кандидатов на вакантные бенефиции, Парламент требует членов делегации поклясться, что они не будут вести себя как частные лица и «не возьмут прямо или косвенно для себя или других никаких бенефициев и должностей... если послы сделают иначе, пусть король и дофин их очень строго (*griefment*) накажут» (16 марта 1418 г.). Нарушение законов или посягательство на них усугублялось в глазах парламентариев подозрением в защите частного интереса. Так, посягательство на ордонансы о галликанизме, которые делались «некоторыми для их частной выгоды», парламентарии характеризуют как «ущерб общему делу... к разорению и полному разрушению церквей, против общего права и добрых нравов» (18 февраля 1419 г.). А действуя против договоренности церкви Сен-Жермен-Л'Оксеруа с канцлером, генеральный прокурор обосновывал свой протест тем, что каноники руководствовались «своими частными интересами» (12 марта 1426 г.). Намек на частную выгоду был использован Парижским университетом, чтобы подвигнуть Парламент действовать против решения властей о выкупе «вечных» рент в Париже, ибо «вся выгода от этой акции (*constitution*) пойдет в кошельки 7—8 человек», а не послужит общему интересу (8 августа 1433 г.)⁸². И именно как против «частных лиц» Парламент возбудил дело против членов Королевского совета в Руане, посягавших на компетенцию института, объявив их поведение несовместимым с «общим благом» (22 апреля 1434 г.).

Воспринимая и представляя себя защитниками общего интереса, оплотом всеобщего блага, парламентарии придавали в этом деле особое значение архивам института, поскольку запись в протоколе давала обратившемуся с просьбой или жалобой гарантию на учет его мнения при решении, поэтому зачастую главная просьба обратившегося в Парламент — записать ее в протокол (28 февраля 1405 г., 16 марта 1425 г., 20 января 1433 г., 17 февраля 1433 г.). Парламентс-

кие архивы как гарантия прав людей всех сословий королевства ясно осознавалась парламентариями. Поэтому секретарь охраняет протоколы, «которые были бы в опасности оказаться перепутаны, разбросаны и потеряны, что явилось бы ущербом неоценимым (*dommage inestimable*) всем, какого бы сословия они ни были, в королевстве» (16 сентября 1410 г.). Поэтому же Парламент строго следит за ведением протоколов, считая пробел в них ущербом обществу, и даже когда парламентариям не платили жалованья и началось обнищание института, из скромных средств не жалелись деньги на покупку пергамента, поскольку даже замена его на непрочную бумагу чревата проблемами, а это для парламентариев есть нарушение законов. И потому, например, в конфликте генерального прокурора с властями «соединенного королевства» по вопросу о галликанизме он посчитал достаточным для обоснования своей позиции передать властям протоколы заседаний Парламента, поскольку «в регистре... хорошо записан его протест секретарем, и поэтому он не будет давать свой протест (письменно) и передаст только регистр, ничего не убавляя и не добавляя, и этого будет достаточно» (19 августа 1433 г.).

Предназначению Парламента как хранителя общего интереса служила и такая функция института, как передача в его архивы королевских ордонансов и указов (16 марта 1418 г.), что обеспечивало Парламенту возможность отстаивать законность в стране и следить за преемственностью законов⁸⁴.

В качестве хранителя и защитника общего интереса Парламент уповал на судебную процедуру как форму гарантии каждому быть выслушанным и иметь возможность высказаться в свою защиту. Именно судебная процедура была в глазах парламентариев формой защиты интересов каждого и правосудия для всех. Так, Парламент готов выслушать протесты бальи Турнэ и Турнези и обещает никого не принимать на эту должность, не отстранять, пока не будут выслушаны те, кто заинтересован (28 апреля 1406 г.). Также письмо короля об отстранении и назначении нового бальи Витри встретило протест Парламента, напомнившего, что «согласно правилам суда (*termes de justice*) не могут его отстранить, не выслушав» (3 ноября 1424 г.). Об этом же правиле напоминает Парламент мэру и эшевенам Амьена, просившим заставить духовенство города участвовать в уплате налога эд, поскольку «Палата не привыкла выносить приговоры или решения, не выслушав стороны, и нет обычая утверждать письмо или приказ по такому вопросу без призыва сторон... и кажется, что не может и не должно приниматься Палатой никакого решения, чтобы принудить людей церкви, не выслушав их» (18 июня 1423 г.).

Такая процедура являлась в их глазах гарантией законности, и на ее более универсальный характер, связанный с необходимостью одобрения любого решения теми, кого оно касается, указывают аргументы, приведенные Парижским университетом в просьбе к Парламенту противостоять выкупу рент в Париже: «Не позволительно народу принимать законы против дворян, и, наоборот, не призвав тех, кого вопрос может касаться» (8 августа 1433 г.). Этот принцип, помимо прочего, сыграл важную роль в становлении и укреплении авторитета государственной службы. С трудом и в результате сложной борьбы чиновничеству удалось добиться, чтобы принцип неприкосновенности государственного служащего и запрет преследовать его за должностные обязанности утвердился в обществе⁸⁵. Этому служила и парламентская процедура приглашения и выслушивания отстраняемого чиновника любого ранга как гарантия от произвола и политической конъюнктуры в комплектовании кадров государственных чиновников. И в этом тоже был общественный интерес, поскольку чиновники служили в конечном счете обществу, и оно было заинтересовано в профессиональных, политически лояльных и преданных общему делу людях на службе государству.

§ 5

Идейные основы общественного образа суда

258

В деятельности Парижского Парламента, в поведении и взглядах его чиновников нашли воплощение некоторые фундаментальные идеи общественного устройства, выработанные к XIV-XV вв. Существенное значение может представлять не только выявление этих более широких идейных основ в практике Парламента, но и анализ их интерпретации с учетом представлений парламентариев о предназначении суда в обществе, а также воздействие этих идей на общественные акции суда и формы пропаганды в этот период. Такой анализ позволяет реконструировать общественный образ суда, избранный и пропагандируемый его чиновниками.

В ряду общезначимых идей, нашедших воплощение в деятельности Парламента, первым выделяется фундаментальная для Средневековья в целом идея совета⁸⁶. Сделанный анализ самоназвания парламентариев уже вывел на эту идею совета как главную при самоидентификации парламентских чиновников: в отличие от остальных слугителей государства они называли себя именно советниками, видя истоки своей работы в окружающем короля совете избранных⁸⁷. Однако фундаментальная идея совета получила свое развитие вмес-

те с развитием государства и оформлением его публично-правовых основ, когда в совет входят уже не только близкие королю родственники, прямые вассалы и высшая знать, но и профессионалы, действующие с помощью законов. Даже президенты Парламента всего лишь советники (17 февраля 1406 г.), да и сам Парламент называют «советом короля в его Парламенте» (12 ноября 1408 г.). Свою работу парламентарии воспринимают именно как совет королю, который в конечном счете все решает и несет за все ответственность⁸⁸. Так, решая конфликт за должность капитана Сен-Мало в Бретани, Парламент посчитал обоих претендентов неподходящими, но зная об имеющихся у них сильных покровителях, предпочел «подождать здоровья короля, который, если пожелает выслушать совет Палаты, не назначит ни того, ни другого» (17 февраля 1406 г.).

О совете как функции Парламента в государстве говорится и во время конфликта Парламента с королевой Изабо Баварской, препятствовавшей отъезду парламентариев на сессию в Шампани в преддверии готовившегося процесса против герцога Бургундского: «от имени королевы» Жан де Монтегю потребовал всем оставаться в Париже, «ибо будут нужны для совета с ними» (28 августа 1408 г.). Совет как главная работа парламентария вне зависимости от его должности нашел выражение и в клятве, например, секретаря Клемана де Фокамберга, поклявшегося «советовать» Парламенту на этой должности (27 января 1417 г.). На эту же свою функцию ссылаются парламентские чиновники, отказываясь от участия в финансовых начинаниях англо-бургиньонских властей, заверяя, что «всегда были, есть и будут готовы советовать, помогать и способствовать королю в его делах, согласно их знаниям и власти» (10 декабря 1418 г.). Накануне поместного собора архиепископ Санса просит у Парламента «совета и помощи» (26 февраля 1429 г.).

Претендуя на функцию совета как основную в своей деятельности, парламентские чиновники, очевидно, напрямую связывали ее с Королевской курией. Однако в процессе развития государства и отделения законодательных, судебных и финансовых функций в самостоятельные ведомства советательная роль при короле была закреплена за Королевским советом, являвшимся поэтому главным органом власти в стране. Претензия Парламента на роль советника при короле была скорее знаком усиления верховного суда и выражением самооценки института

В самом названии заседаний Верховной палаты, где выносились все приговоры и принимались решения, — «Совет» (Conseil) — выражалась эта претензия чиновников. Любопытно, как Н. де Бай

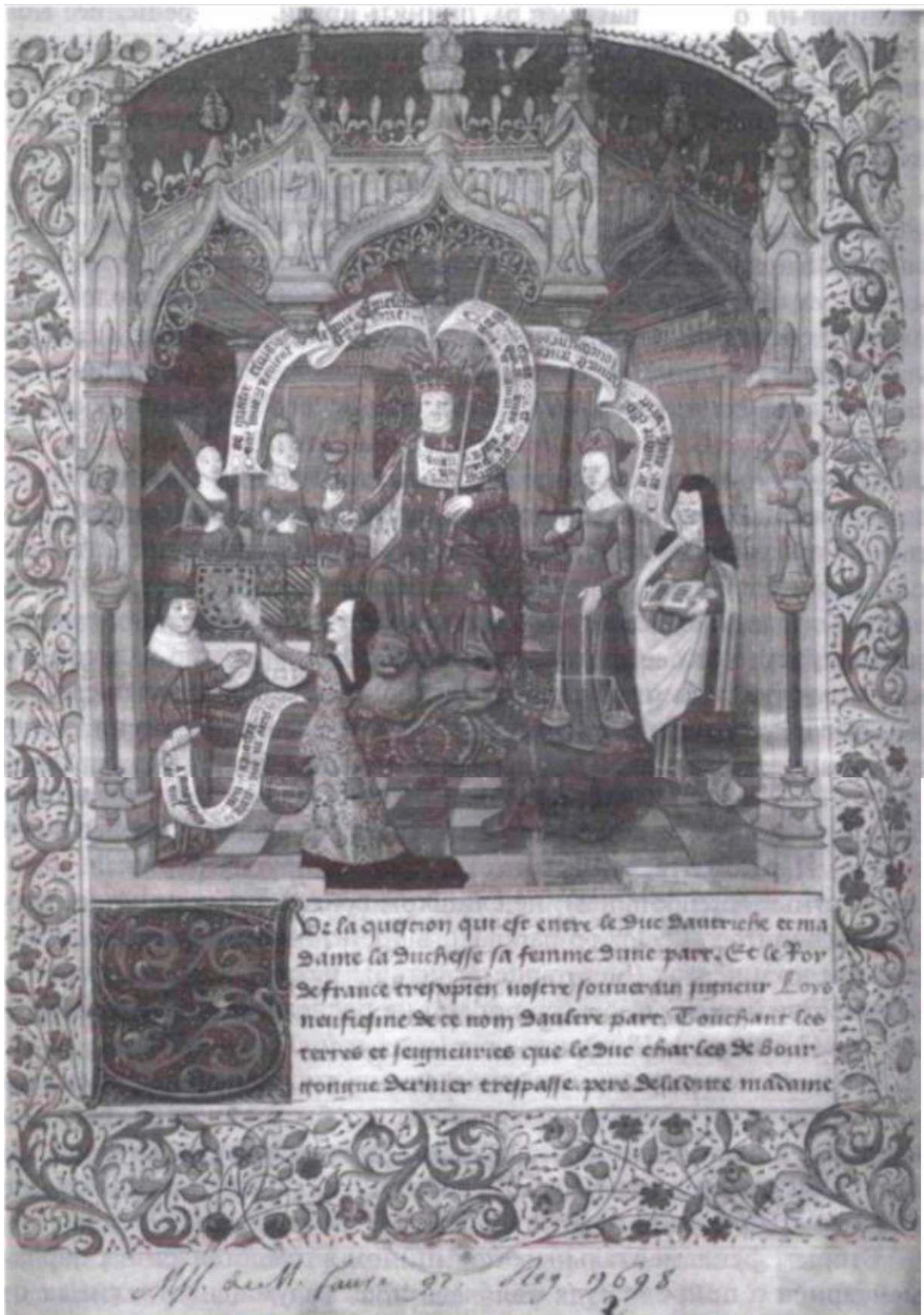
описал паузу в таком заседании — «Совет без совета» (ai Conseil sans conseil) (20 января 1416 г.). В самоназвании парламентарии также идентифицируют себя с членами Королевского совета: «Советники короля из Высшего совета и Парламента» (5 сентября 1413 г.).

Претензии парламентариев были достаточно обоснованы: в компетенцию Парламента входило право вмешиваться во все процессы и важнейшие вопросы в стране. И власти косвенно признают эти претензии Парламента на равенство с Королевским советом: заседания последнего нередко проводились в залах Парламента с его участием (22 февраля 1418 г.). Сходство полномочий двух институтов Парламент отметил, когда установил максимальные цены в Париже на дрова, «пока король в своем Совете или в Суде Парламента иначе не решит» (26 ноября 1418 г.)⁸⁹.

Будучи фундаментальной в системе представлений о способе управления, идея совета получила своеобразную интерпретацию и развитие в Парламенте, углубившем понимание сути совета в русле проповедуемых Жаном Жерсоном принципов «совета избранных», компетентных и ответственных людей, который следует предпочесть мнению «толпы», большинства⁹⁰; внешне недемократичные, эти принципы сыграли важную роль в становлении институтов власти. Итак, кому, по мнению парламентских чиновников, положено давать советы королю и к чьим советам ему стоит прислушаться? Кто должен входить в Совет короля?

Главный критерий — люди мудрые и почтенные (notables) (17 января 1419 г., 12 февраля 1420 г., 10 января 1436 г.) или добрые люди (bonnes personnes) и доброжелательные (bienveillans) (7 января 1436 г.). При этом в категорию «мудрости» парламентарии включают именно знания человека, опыт и компетентность. Так, отказываясь участвовать в установлении налога, они предлагают королю пригласить «людей мудрых и опытных» (expert) (10 декабря 1418 г.). Взывая к королю в период тотальных поражений в войне. Парламент просит его принять решение вместе с «людьми мудрыми и хорошо отобранными» (16 марта 1418 г.).

Совет профессионалов, выражая публичный характер королевской власти, противостоит совету ближайших по крови и вассальной связи королю людей, входивших в Королевский совет: так, после смерти Карла VI, когда Парламент отказывался признавать малолетнего Генриха VI королем «английской Франции», канцлер напомнил, что по ордонансу 1407 г. король в любом возрасте управляет страной «через совет и мнение самых близких señores его рода» (27 октября 1422 г.). Помимо личных качеств советников большое

27. Образ идеального суда короля окружают (слева направо) Правота, Разум, Справедливость и Истина

значение начало приобретать количество советников: сколько советников надо выслушать, чтобы принять правильное решение? Конечно, сохранялся традиционный принцип «чем больше — тем лучше. Кажется, что Парламент согласен с этим, предлагая королю призвать «людей мудрых и почтенных (notables) в большом количестве» (17 января 1419 г.).

Однако количество в данном случае призвано способствовать учетам интересов разных сословий в решении вопроса, касающегося всех. Парламент советовал властям накануне сдачи Парижа Карлу VII, «чтобы успокоить народ ...собрать многих добрых людей различных сословий, в добром количестве (7 января 1436 г.). Даже в тех случаях, как видим, когда Парламент настаивает на количестве советчиков, он исходит из качеств совета, его полномочности, в конечном счете компетентности представлять общий интерес. Что же говорить о совете по более сложным, требующим знаний и опыта, вопросам. Например, в вопросе о «старых свободах церкви Франции» Парламент защищал ордонансы потому, среди прочего, что они были одобрены «большей и наиболее здоровой (saine) частью его и Королевского совета (16 марта 1418 г.). Для Парламента важно не простое большинство, не арифметическое число голосов, но качество этих голосов. В наиболее откровенной форме это представление парламентариев о наилучшей форме совета выражено, когда в ситуации гражданской войны и английской агрессии требовались экстренные и чрезвычайные меры: тогда Парламент решил потребовать от короля и дофина созвать совет из людей Королевского совета, Парламента, университета, прево и других парижан, «людей честных (preudommes), не слишком вовлеченных или пристрастных (non trop aflectez on parcialz), в достаточном и довольно умеренном количестве (bien moderé), чтобы из-за собрания людей в количестве неумеренном (immodéré) не последовало бы несообразности» (3 января 1418 г.).

Итак, совет мудрых, честных и неангажированных профессионалов, где количество свидетельствовало бы о качестве, был для парламентариев оптимальной формой управления, в которой им самим отводилась центральная роль, оправданная местом суда в системе королевской власти⁹¹.

Вторым фундаментальным принципом в представлениях парламентариев о природе суда являлась идея разума, неотделимая от понятия правосудия, которым Парламент призван был руководствоваться в работе «Разум и правосудие» (Raison et justice) неотделимы друг от друга в представлениях парламентских чиновников, что от-

ражалось и в протоколах суда. «Суд создан, чтобы устанавливать разум и справедливость всем без каких-либо исключений» — так Парламент понимал предназначение суда в обществе (23 февраля 1402 г.); Парижский университет просит Парламент наказать Карла Савойского «согласно справедливости и разуму» (20 августа 1404 г.); Парламент обещает всем обратившимся к нему «установить разум и справедливость»⁹².

Разум предстает в парламентской интерпретации сутью суда, его необходимым признаком, гарантирующим ту справедливость, которую он обязан воздавать всем людям страны. Разум как обязательное качество решения Парламента отличает его от иных решений. Например, Парламент рекомендует в вопросе о папской схизме Парижскому университету поступить так, как он сочтет нужным, «а Суд сделает то, что требует разум» (31 декабря 1406 г.). Разум как основа деятельности прямо обозначен в словах первого президента: «Палата основана на разуме и выслушивании сторон (*sur raison et partibus auditis*) и привыкла устанавливать право и разум каждому» (*droit et raison*) (7 апреля, 22 июня 1407 г.). Разум фигурирует как основание для принятия решения: «по разумным и справедливым причинам» являлось достаточным объяснением (14 августа 1431 г., 28 ноября 1432 г.). Наконец, разум, согласно парламентариям, призван был руководить решениями Парламента, который просто приводит в соответствие с разумом просьбы и обращения (*conforme a raison, comme raison est, soubzmettre á raison*) (7 августа 1416 г., 3-4 мая 1419 г., 5 мая 1426 г.).

Разум и справедливость неотделимы друг от друга, дополняют друг друга и являются сутью суда, гарантией его законности.

Третьим краеугольным принципом деятельности Парламента в представлениях парламентариев было милосердие, составляющее вместе с советом и разумом триединство суда, действующего на благо общества. «Палата (Парламента) является благодушной, милосердной и справедливой» (*benigne, charitable et juste*) — так виделся парламентским чиновникам образцовый суд (16 февраля 1402 г.). Причем милосердие, будучи одним из главных достоинств суда, противопоставляется суровому и строгому суду, который в таком контексте выглядит как недостаток: Парламент обещает «совершить суд, руководствуясь милосердием и любовью, а не суровостью» (*cum dementia et pietate et non cum rigore*) (29 апреля 1407 г.), или совершить «добрый и скорый суд» (10 декабря 1412 г.). Когда адвокат и прокурор короля покидали свои должности из-за хронического безденежья Парламента, они так высказались о своей службе: «Пусть их

обвинят скорее в простодушии, незнании или оплошности, чем в подлоге (*dol*) или злобе, которой не имели» (22 февраля 1432 г.).

Видимо, такой образ суда признавался обществом и был хорошо известен за стенами Парламента, поэтому и мог использоваться с целью добиться благосклонности парламентариев⁹³. Именно поэтому Карл Савойский не нашел ничего лучше, как напомнить Парламенту, что суду подобает «скорее оставить без наказания преступление, чем невиновного наказать» (*delictum remanere impenitum quam innocentem punire*) (19 августа 1404 г.)⁹⁴. Приверженность милосердному суду сказалась на парламентской трактовке политических событий в стране, оценивавшихся с позиций тех бед, которые они приносили «бедным людям». Так, осуждая борьбу бургиньонов и арманьяков, Парламент опирался на заботу о людях, «ибо уже были убиты или умерли в королевстве с обеих сторон 20 тысяч человек всех сословий... бедные люди, женщины, дети и мужчины» (27 августа 1412 г.). Но и в более мелких делах этот критерий был самым верным способом добиться снисхождения в Парламенте. Так, обвиненные во взятках прокуроры оправдывались тем, что «у бедных людей вполне достаточно дел для того, чтобы их еще обременять требованиями заплатить 6 солидов за наем прокурора» (12 ноября).

Милосердие не только провозглашалось Парламентом основой и сутью праведного суда, оно отражалось и во вполне конкретных решениях Парламента, направленных на пропаганду образа «милосердного суда»⁹⁵. Бедные люди, не имеющие средств для оплаты судебных издержек, получали разрешение на бесплатное ведение дела, как Ж. Майю, «учитывая ее бедность» (20 декабря 1407 г.), или освобождение от уплаты штрафа, «учитывая бедность истца» (1 марта 1421 г., 3 декабря 1422 г., 16 февраля 1428 г., 18 февраля 1431 г.). Заболевшие в тюрьме заключенные освобождались под залог или под охрану сержанта, либо переводились в больницу в Ситэ (*Hotel-Dieu*). Бедность могла подвигнуть Парламент заменить наказание в виде штрафа на временное тюремное заключение «на хлебе и воде» (25 мая 1423 г.). Именно бедность торговых-старьевщиц, сгоняемых с привычного места чиновниками Шатле, повлияла на решение Парламента в их пользу, «видя бедность и нужды народа и из-за бедствий военного времени» (30 августа 1430 г.).

Стремление утвердить в обществе образ милосердного суда нашло яркое воплощение и в таких акциях Парламента, как передача части штрафов на содержание «бедных людей» в богадельне Парижа (6 марта 1421 г. 10 июня 1433 г.) или изъятие хлеба у булочни-

ков, занижающих вес изделий, с последующей раздачей изъятого хлеба «беднякам и в больницы» (31 мая 1421 г.). Наконец, очень яркий эпизод из жизни Парижа накануне вступления войск Карла VII весьма характерен для этой политики: Парламент назначает специально человека «собирать милостыню для бедных заключенных в Консьержери и раздавать им собранное» (16 января 1436 г.)⁹⁶.

Утверждаемый в обществе образ милосердного суда использовался парламентариями как эффективный инструмент расширения компетенции института, особенно за счет юрисдикции церкви. Так, «друзья и родственники» некоего самоубийцы обратились в Парламент с просьбой разрешить похоронить его тело в освященной земле, принимая во внимание, что он был «человеком доброй жизни и кротких речей», а факт самоубийства остался недоказанным, поскольку он был найден «повешенным в своем доме и не знаем, отчего последовала его смерть», а главное — потому что они «являются бедными людьми». Как известно, имущество самоубийцы конфисковывалось в пользу церкви как наказание за грех, на чем настаивал епископ Парижа, требуя дело себе как подлежащее его юрисдикции, духовной и бенефициальной. Однако Парламент посчитал дело относящимся к своей юрисдикции, поскольку «епископу не принадлежит знание дел ни о похищении (rapt), ни об убийствах (murtres)», так что претензии епископа Парижа посягают на «права короля» (27 февраля 1431 г.). Вряд ли позицию Парламента существенно затронуло предложение друзей покойного передать в капеллу Парламента 20 солидов; достаточным стимулом могла служить возможность отобрать дело у церкви.

Однако не стоит сбрасывать со счетов и материальную подоплеку «милосердного суда»: ведь в случае передачи дела в ведение Парламента его чиновники получали и часть имущества в виде «доли короля» или уплаты судебных издержек. Так, парламентарии решили перевести из тюрьмы заключенного Колена Вержюса по иску Парижского университета, поскольку врачи нашли его «очень слабым и тронутым меланхолией», «в хорошее и строго охраняемое помещение, с достаточным теплом, и (чтобы ему) дали бы хорошего мяса, иначе он под угрозой смерти» (5 ноября 1409 г.). А буквально через несколько дней становится ясно, что это «милосердие» Парламента хорошо оплачено: брат Вержюса уплатил за услугу 500 франков (9 ноября 1409 г.).

Вполне отчетливо материальная заинтересованность парламентских чиновников проглядывает в долгом споре с епископом Парижа Пьером д'Оржемоном за имущество королевского нотариуса

мэтра Жана Жиле. Дело заключалось в том, что этот королевский чиновник и человек церкви покончил жизнь самоубийством, и Парламент встал на защиту своего чиновника, опираясь все на тот же образ милосердного суда. Друзья и душеприказчики покойного нашли любопытную аргументацию для просьбы похоронить самоубийцу в освященной земле: поскольку Жиле страдал «печалью и помутнением рассудка, и в пылу его перерезал себе горло», то «разумно было бы» не наказывать его строго, поскольку он «достаточно наказан своей болезнью»⁹⁸. Парламент издает запрет отдавать дело епископу Парижа и защищает корпоративные интересы весьма искусно: помимо намека на недопустимость двойного наказания («Господь не наказывает дважды») в ход идет составленное покойным завещание, переданное для исполнения в Парламент, где он якобы «смирненно отблагодарил Бога и в этом состоянии закончил дни»⁹⁹. Епископ Парижа вполне резонно настаивал, что по всем законам дело относится к его юрисдикции, в особенности же потому, что Жиле был «клириком, священником и каноником», чье самоубийство особенно преступно. В речи Пьера д'Оржемона обращает на себя внимание важная деталь-оговорка: он борется не за имущество покойного, а за юрисдикцию церкви, из чего ясно, что другая сторона больше думает об этом добре. И Парламент вопреки всем законам разрешает похоронить Ж. Жиле в освященной земле (31 мая 1409 г.). Вскоре решился и вопрос с имуществом покойного: П. Сола, прокурор епископа Парижа, согласился, чтобы все движимое имущество Жиле «было продано Н. де Баю, гражданскому секретарю», а деньги от этой продажи «отданы в руки короля» (10 июля 1409 г.). Хотя в решениях все время делалась оговорка «пока иначе не будет решено» и отмечалось, что все сделано без ущерба сторон, Парламент больше не выпустил дела из рук: еще через месяц в формулировках уже не упоминается факт самоубийства, а говорится, что нотариус короля «болел горячкой от скорби, отчего и умер». Такому обороту дела способствовала и смерть П. д'Оржемона; чиновники Парламента Анри де Марль и Жан де Рюильи успели сообщить тому перед смертью, что дело Жиле окончательно передано в руки Парламента (*a la discretion du Court*) (3 августа 1409 г.). Брату епископа Парижа, Никола д'Оржемону, не оставалось ничего, кроме как подчиниться этому решению (5, 7 августа 1409 г.). Так образ милосердного суда стимулировал обращения в Парламент тех, кто искал лазейки в законе.

Представления парламентских чиновников о предназначении суда в обществе нашли выражение и в образе наказания как примера, наставляющего общество, наказания не столько жестокого,

сколько показательного, что гарантировало бы от повторения проступка в будущем (16 марта 1418 г.). Так, сурово наказывая Карла Савойского за нападение на процессию Парижского университета, король просит Парламент найти адекватное наказание для всех соучастников, «о котором осталась бы память и пример повсюду» (27 июля, 23 августа 1404 г.). Таким показательным наказанием являлось и торжественное уничтожение подстрекательских для общества и опасных писаний. Например, на торжественном заседании «ложа суда» секретарю Н. де Баю был вручен текст Кабошьенского ордонанса, объявленного после подавления восстания посягательством на права короля, и тот его разорвал (5 сентября 1413 г.); или уничтожение множества копий речи Жана Пти в защиту убийства герцога Орлеанского; равно как уничтожение в Парламенте и публичное сожжение в Париже и других городах писем герцога Бургундского, где арманьяки объявлялись «дурными, мятежными, скандальными и посягателями на королевское величество» (21 июля 1417 г.). Суд не столько сурово наказывает, сколько наставляет общество — так парламентские чиновники представляют общественную роль верховной судебной палаты, цель которой — мир и правопорядок¹⁰⁰. Одним из любопытных, но малоизвестных способов «наставления» была такая применявшаяся Парламентом форма «уговаривания», как направление в дом «уговариваемого» едоков, которые должны были столоваться там, пока жертва не согласится с решением Парламента. Например, узнав о том, что сборщик налогов Шатле посмел оскорбить судебного исполнителя Парламента и угрожал, «что еще хуже сделает», Парламент отправил этого сборщика в тюрьму Шатле, а «двух сержантов обедать в его дом» (15 мая 1403 г.). О том, что подобная форма увещевания была весьма эффективна, свидетельствует тот факт, что этот сборщик через три дня на коленях умолял Парламент его простить (18 мая 1403 г.). Когда король просил посоветовать ему, как собрать очередной налог, Парламент среди прочего предложил предупредить тех, кто отказывается платить, что в его дом будут посланы едоки (*mengeure*), считая такую угрозу вполне эффективной (1 июня 1417 г.). Ту же меру воздействия применил Парламент в отношении Гийома Ле Клера, генерального правителя финансов, за небрежение в поиске средств для выплаты жалованья парламентариям, отправив в его дом гарнизон и обещая увеличивать его состав пропорционально упорству чиновника (*crescente contumacia*) (2 октября 1419 г.). Когда арестованный по решению первого президента советник Парламента был отпущен, он попросил, «чтобы едоки, которые разместились гарнизоном в его доме, были

28. Процессия в XIV веке

бы удалены и вернули его имущество» (10 сентября 1429 г.). Столь же суров был Парламент и в отношении своего чиновника, отказавшегося вместе со всеми оплачивать отправку очередной депутации к регенту в Руан: к нему в дом отправили двух судебных исполнителей в виде гарнизона, и вскоре тот со слезами умолял Парламент простить его (28 августа 1431 г.). О том, что функции посланных судебных исполнителей были идентичны функциям едоков, говорит такой факт: в конфликте Парламента с епископом Парижа по поводу завещания покойного прокурора Парламента епископ послал в дом этого прокурора «сержантов, которые пили и ели и расхищали имущество» вопреки сделанной Парламентом описи (5 января 1430 г.).

Одной из форм воздействия Парламента на общество являлась важная в компетенции института функция — публичное оглашение в залах королевских указов и ордонансов. Парламент придавал этой функции особое значение, поскольку в ней заключалась общественная роль учреждения как хранителя законности в стране. Поэтому к нему обращались различные политические силы, искавшие возможность высказать свою позицию и сделать ее достоянием общества. Так, Филипп Храбрый в период конфликта с герцогом Орлеанским избрал Парламент как орган, способный донести до общества его позицию в отношении вводимого, по его мнению несправедливого, налога. Написав в Парламент письмо, где он объяснял свою позицию, Филипп Храбрый в конце просит Парламент об услуге: «Просим вас и очень настойчиво умоляем, чтобы вы прочли и позаботились прочесть и обнародовать один или несколько раз это (письмо) в Палате Парламента в присутствии тех, кто захочет его услышать» (20 мая 1402 г.).

Парламент как место политической пропаганды, прежде всего королевской, имел разработанную процедуру объявления различ-

ных указов и неукоснительно ей следовал, поскольку только в таком случае процедура имела смысл, собирая в зале Парламента тех, кто хотел быть в курсе таких указов. Например, когда в Парламент пришли несколько дворян от короля с его указом о назначении герцога Бургундского генеральным советником финансов (результат его успешной пропаганды против налоговой политики герцога Орлеанского, у которого эта должность отбиралась), с просьбой как можно быстрее объявить этот указ, Парламент собрал на совет чиновников двух палат и в итоге решил «объявить его публично в день слушания дел, как принято для подобных писем, и тогда на нем будет написано секретарем "объявлено и прочитано" в такой-то день» (*publicata et lecta tali die*). Если же герцог Бургундский будет настаивать на скорейшем объявлении и нарушении процедуры, тогда оно будет объявлено из окна первым судебным исполнителем, но не зарегистрировано, «согласно стилю Парламента» (1 июля 1402 г.).

Процедура объявления королевских писем и указов была по виду проста: объявление делал президент, когда после слушания дел объявлял приговоры; если же была спешка, это делал судебный исполнитель из окна большой залы Парламента (27 июля 1404 г., 25 мая 1417 г., 10 октября 1418 г., 30 сентября 1419 г., 3 июля 1421 г.). В этой простой процедуре Парламенту отводилась всего лишь одна функция: объявить то, что решил король. Однако Парламент использовал эту функцию для повышения своей власти в государстве и превратил ее в функцию одобрения королевских указов. Поэтому формула внизу любого королевского указа «прочитано, объявлено и записано» (*lecta, publicata et registrata*) на деле означала одобрение Парламентом данного указа. И если Парламент не был согласен с указом, он отказывался его объявлять, как это было, например, с решением англо-бургиньонских властей отменить «старые свободы церкви Франции»: по требованию канцлера секретарь подписал внизу указа об отмене прежних ордонансов заветную формулу, чем вызвал скандал в Парламенте, поскольку из этой формулы «можно было заключить, что Палата одобрила письма» (31 марта 1419 г.).

Так функция объявления указов и решений короля была превращена Парламентом в укрепление образа хранителя законов, защитника правопорядка и, выходя за рамки судебной работы института, связывала его с обществом¹⁰¹.

В еще большей степени такая связь Парламента с обществом нашла воплощение в мощной идеологической пропаганде — участии парламентариев в процессиях в Париже, ставших заметным яв-

лением именно в изучаемый период. Динамика этих процессий, их идейная направленность свидетельствуют об общественной позиции парламентских чиновников, использовавших процессии для политической пропаганды в русле политики института на поддержание главных ценностей — мира и порядка. Политические процессии в этот период были преобладающей формой пропаганды: так, за 10 лет (1421-1430) Парижский университет организовал столько же процессий, сколько за остальные 90 лет XV в. Подсчитано, что из 100 процессий, в которых участвовал Парламент в XV в., 50 приходится на 1418-1436 гг. — период англо-бургиньонского правления¹⁰². Из этого исследования делали вывод о соучастии чиновников «пробургиньонского», «ланкастерского» Парламента в организованной властями пропаганде своего режима. Насколько этот Парламент был действительно лоялен, мы уже видели. А вот какие цели преследовали парламентские чиновники, участвуя в процессиях и даже организуя их, стоит понять, поставив их в контекст общих идейных установок института в XV в.

О том, какое значение придавал Парламент участию в этих процессиях, говорит тот факт, что в большинстве случаев он ради них прекращал работу. Зная о приверженности парламентариев бесперебойной работе института, которая была мерилom их отношения к любым событиям в стране, можно судить, насколько важным должно было быть для них участие в процессиях, если ради этого прекращалась работа: об этом секретари регулярно сообщали в протоколах: «Суд не работает» (*Curia vacat*)¹⁰³.

Вторым важным моментом, на который стоит обратить внимание, был факт организации самим Парламентом части этих процессий, помимо присоединения к организуемым другими — Парижским университетом, епископом Парижа и т.д. (27 августа 1412 г., 18 февраля 1419 г., 1 февраля 1429 г.). Однако инициатива в основном исходит от властей: процессии рекомендовалось организовать во всех церквях, и назывались они «всеобщими».

Прежде всего следует заметить, что процессии стали заметным явлением в жизни Парламента задолго до установления англо-бургиньонского режима, хотя в этот период, безусловно, они являлись наиболее используемой формой пропаганды. Парламентские чиновники начали активно участвовать в процессиях в период обострения гражданской войны, и в этом факте мне видится исток приверженности их такой форме пропаганды, поскольку с ее помощью они преследовали те же цели, что и в своей деятельности, — защита мира и общественного правопорядка. Когда в Париже была назначена

всеобщая процессия «ради установления мира между сеньорами королевского рода» и во всех церквах шли службы, а на улицы вышли люди «босые», среди них были президенты и советники Парламента (9 сентября 1411 г.). И вновь Парламент прекращает работу и выходит «босой» во всеобщую процессию, где вместе с президентами и советниками шли адвокаты и прокуроры, люди молились «за процветание королевства, где большие раздоры и войны», и особые мольбы возносились «для процветания и здоровья короля», выступившего в тот момент походом против арманьяков (30 мая, 3 июня, 10 июля, 22 июля 1412 г.)¹⁰⁴. А когда из Осерра пришло известие о «примирении бургиньонов и арманьяков», на заседании Парламента решался вопрос, как отметить это отрадное событие: решено было во всех церквах прочесть *Te Deum*, всем колоколам звонить, а на улицах организовать всеобщую процессию от церкви Нотр-Дам к Сент-Женевьев, «чтобы отблагодарить Бога, который в своей милости взирает на это королевство с состраданием... ибо это большая радость для королевства» (27 августа 1412 г.).

Итак, со времени появления сведений об участии парламентских чиновников в процессиях в протоколах отмечается главная их цель — мир и спокойствие в стране. Цель осталась практически неизменной, менялись только обстоятельства: Парламент молился всегда о мире (10 июня, 22 июня, 20 июля 1412 г.). Описывая процессию по случаю заключения мира в Осерре между враждующими партиями, секретарь так определяет ее цели: «Чтобы воздать милость Богу... ибо по причине войны помимо убийств, грабежей, поджогов и других ущербов народ королевства... столь задавлен тальями, десятинами, многими поборами» (29 августа 1412 г.). И вновь за поддержание очередного договора о мире между сеньорами, заключенном в Понтуазе, молился Парламент в общей процессии, идущей в церковь Сент-Шапель (27 июля 1413 г.). Процессии чередовались с угрожающей монотонностью, скорее свидетельствуя о тщетности усилий, чем об их эффективности (23 апреля, 22 мая, 14 июня, 3 августа 1414 г.). Даже в процессии, организованной по случаю избрания нового Папы на Констанцском соборе, в надежде положить конец папской схизме, парламентские чиновники молились «о мире в королевстве» (15 апреля 1418 г.).

После вступления в Париж войск герцога Бургундского летом 1418 г. позиция парламентариев осталась неизменной, хотя наметились и некоторые отличия: Парламент не столь единодушен в порыве участвовать в процессиях, чьи цели также несколько поменялись. Конечно, мольбы о мире остались преобладающими це-

лями этих процессий, однако теперь по-разному этот мир воспринимался (2 декабря, 3 и 18 декабря 1418 г., 18 февраля, 28 апреля, 15 июня, 16 декабря 1419 г.). Возможно, в этом причина изменения: теперь не все чиновники участвуют в них, а только «те, кто хочет» (5 октября 1418 г.). Что стоит за нежеланием других чиновников, секретарь не поясняет. Все же можно предположить, что изменившиеся обстоятельства в стране и Париже были причиной утери единодушия. Так, описывая процессию «ради спасения и сохранения королевства», в которой участвует Парламент, секретарь сообщает, что в церкви Нотр-Дам были вынесены реликвии и святыни, «чтобы возбудить больше набожности... у жителей Парижа и подданных короля» (25 ноября 1418 г.). Возможно, брожения в Париже вынуждали организаторов процессий прибегать к дополнительным мерам воздействия на горожан. Тем разительнее контраст с радостью, охватившей Париж и Парламент при получении известия о договоре между дофином Карлом и герцогом Бургундским, обещавшим действительно тот мир и единство, о котором на деле молились парламентарии. Как сообщает секретарь, «все жители Парижа обрадовались... сразу же зазвонили колокола в церквях и запели *Te Deum laudamus* в знак очень большой радости и ликования... и зажгли огни в Париже на улицах» (12, 13, 14 июля 1419 г.). Однако, как известно, надежда на примирение была убита на мосту в Монтеро, и отныне, молясь за «спасение и процветание короля и королевства», все чаще добавляется и молитва за Париж и оставшихся на этом забытом островке бывшего величия королевства людей¹⁰⁵. При этом существует четкое различие между общими процессиями «для спасения и процветания королевства» и назначаемыми новыми властями политически направленными процессиями ради собственных целей. В этой связи, даже по поводу рождения наследника «союза двух корон» процессию назначают именно власти, а Парламент добавляет к этой «новости» свои постоянные мольбы «о спасении и процветании короля и королевства, его друзей, сторонников и доброжелателей (*bienveillans*)» (24 декабря 1421 г.). Отныне назначаемые властями процессии по поводу очередных побед над Карлом Валуа (VII. — *С.Ц.*) сопровождаются коррективами парламентариев: они по-прежнему молятся о королевстве в целом, о некогда единой Франции, напоминая о ее былом величии. Так, решение отпраздновать взятие крепости Рынок в Мо трактуется Парламентом как победа «короля нашего сеньора и короля Англии, его зятя» (6 мая 1422 г.).

Позиция Парламента несколько отличалась от университетской: Парламент никогда напрямую не прославлял английские власти, но

всегда молился о Франции, а когда королем становится наследник «союза двух корон», то только в таком качестве о нем молился Парламент. Пример этого отличия — процессия, организованная Парижским университетом «за процветание и выздоровление короля Англии» (25 января 1422 г.). Тогда оба короля оказались под угрозой смерти и была назначена всеобщая процессия, в которой участвовал Парламент, «за здоровье короля нашего сеньора, за процветание короля Англии и мир в королевстве», и только в такой увязке парламентарии готовы были в ней участвовать (12, 22, 29 июля, 3, 11, 12 августа 1422 г.). После смерти короля Франции Карла VI заметно существенное охлаждение парламентских чиновников, как и парижан в целом, к процессиям за процветание нового режима. Так, назначенная «по мнению и ордонансу людей Совета короля» процессия «просить Бога о спасении (salut) и процветании королевства» уже не ожидалась столь многочисленной, как прежде, поэтому епископ Парижа прибег к стимулированию верноподданнических чувств, обещая «отпущение грехов тем, кто будет присутствовать на этих молитвах и процессиях» (13 февраля 1423 г.). И хотя в ней участвовали и парламентарии, ясно, что шли они уже не столь охотно, и через несколько дней повторная такая процессия обсуждалась на заседании Парламента, где откровенно решалось, «останутся ли президенты и советники в Палате работать в привычной манере или пойдут на нее», но уже не все вместе, а разойдутся по своим приходам и пойдут каждый в отдельности, от своего имени. Конечно, определенную роль сыграл и тот факт, что молиться надо было за победу английского оружия над французским, поскольку процессия организовывалась по случаю взятия Мелена и изгнания войск Карла Валуа. И хотя Парламент решил, что «каждый пойдет в этой процессии со своим приходом... чтобы показать пример другим», очевидны и колебания самих парламентариев, не пожелавших идти вместе как институт власти. Такой «пример» говорил о многом (18, 19, 20, 25 февраля 1423 г.).

Победы над Карлом Валуа, которые приходилось «праздновать» (26 мая, 3, 6 августа 1423 г., 9, 10 марта, 11, 12, 19 августа 1424 г., 22 февраля, 8, 19 августа 1425 г.), все сильнее ухудшали положение Парижа, усугублявшееся неурожаями, холодами, разливами рек¹⁰⁶. В такой ситуации процессии «за сохранение продуктов земли» выглядели как антиправительственные акции, поскольку именно при новых властях Париж обнищал, «как не запомнят люди», и те, «кто видел эти процессии, с трудом могли удержаться от слез» (10, 16 июня 1427 г., 25 января, 11, 20 июня, 2 июля, 28 августа 1428 г.). И про-

цессии уже организованы для спасения не только королевства, но и «его подданных» (1 февраля 1429 г., 27-28 апреля 1430 г.).

Последняя искренняя акция парламентариев была связана с любимицей парижан Анной Бедфорд, женой регента «двойной монархии» и сестрой герцога Бургундского Филиппа Доброго: когда в Париже узнали, что она серьезно больна, была организована процессия «просить Бога в особенности за здоровье и спасение мадам герцогини Бедфорд» (10 ноября 1432 г.). В процессии по своей инициативе участвовала и часть парламентских чиновников, и когда через четыре дня она умерла, герцог Бедфорд попросил именно Парламент распорядиться ее имуществом, так как она не оставила завещания, и организовать похороны (14 ноября 1432 г.). За несколько месяцев до падения режима англо-бургиньонов в Париже часть горожан, прево, эшеваны и епископ пытались организацией «частных процессий в приходах города» «поддерживать единство и согласие» жителей, но уже без успеха: большинство парижан ждали окончания хаоса и прихода Карла VII (12 января 1436 г.).

А теперь вернемся к вопросу, было ли участие парламентских чиновников в процессиях, большинство которых действительно приходилось на период англо-бургиньонского правления, участием в укреплении «английской Франции». Мне думается, что это не совсем так, вернее, это не подлинная цель, которую преследовал Парламент. Заботясь об общественном облике института, отстаивая свою роль хранителей и защитников мира и законности в стране, парламентарии, выйдя на улицы Парижа, укрепляли этот образ. Таким образом, поведение парламентских чиновников, вышедших за пределы залов суда, было демонстрацией той общественной роли чиновников короля, которую сформулировал, развивал и отстаивал Парламент.

Глава V

Парламентская этика и культура во взглядах и судьбах гражданских секретарей

Никола де Бай и Клеман де Фокамберг еще не становились объектом специального изучения в контексте истории парламентской корпорации¹. Между тем, несмотря на различие личностей и политических пристрастий, талантов и характеров, они принадлежали парламентской среде, были сформированы ею и отдали служению Парламенту большую часть жизни. К тому же ведение ими парламентских протоколов этого периода делает их если не главными «героями» данного исследования, то уж во всяком случае весьма важными, поскольку вся информация получена в их изложении и интерпретации, вольной или невольной. А их протоколы отличались от предшествующих тем, что они содержали не только хронику жизни Парламента, но и событий в стране. Представляется интересным проследить особенности взглядов парламентариев на эти события, равно как и специфику их хроник. С этой целью мною выделены из огромного материала те сведения, которые представляются индивидуальным преломлением общих взглядов парламентариев, свидетельствующих о своеобразии парламентской культуры и парламентской интерпретации общественно-политических событий в стране. В этом же контексте рассматриваются и личные судьбы обоих секретарей, в которых нашла отражение парламентская этика и культура. Анализ взглядов гражданских секретарей позволяет также коснуться важной тенденции в культуре Франции рубежа XIV-XV вв. — раннего гуманизма, раздавленного колесами кровавой истории, но оставившего о себе воспоминания и известную традицию, отразившиеся в уверенной поступи гуманистической культуры во Франции со второй половины XV в.

История раннего гуманизма во Франции лишь относительно недавно стала предметом систематического изучения². Учитывая спорность

самого понятия «ранний гуманизм» применительно к Франции, его временных рамок и сути, а также различия и даже полярность мнений в литературе по вопросу о принадлежности части парламентских чиновников к числу первых французских гуманистов, хотелось бы внести скромный вклад в отстаивание этой концепции, поскольку мне представляется важным для характеристики облика парламентских чиновников сама их связь с кругами первых гуманистов и близость их к идеям раннего гуманизма³. В литературе подчеркивается, в основном, формальная сторона этой связи личное знакомство с гуманистами, переписка, а также состав библиотек чиновников, где немалое место занимали произведения первых гуманистов. Я бы хотела обратить внимание на иной аспект, а именно — на востребованность в профессиональной деятельности чиновников Парламента некоторых идей ранней гуманистической культуры, прежде всего гражданской этики и принципов формирования гражданского общества во Франции.

§ 1

Парламентский ракурс

276

Каждая хроника несет на себе печать отбора и интерпретации событий, обусловленную своеобразием положения автора, его осведомленностью и интересами. В этом смысле хроника способна нам сообщить не меньше о самом авторе, чем о событиях, описываемых им «по свежим следам» и неизбежно односторонне. В качестве хронистов своего времени и своей среды гражданские секретари были далеки от идеала «беспристрастного летописца», но этим для нас и интересны. Особенность взгляда на события в стране заключена прежде всего в положении парламентского секретаря, смотрящего на страну из окон Дворца на острове Ситэ и защищенного его стенами, стоящего как бы над событиями и взирающего на них с высоты выработанной Парламентом идеи об общественной роли верховного суда королевства. С этой во многом выгодной позиции гражданские секретари и оценивают людей и их поступки. Можно сказать, почти буквально и живописно этот ракурс изображен Никола де Баем при описании паники в Париже в феврале 1414 г. в связи с угрозой приближающихся войск герцога Бургундского. Тогда Парламент прервал работу в 9 часов утра, чиновники поспешно покинули залы, а гражданский секретарь «поднялся на самый верх «Уголовной башни», чтобы лучше рассмотреть что-нибудь, и увидел воинов между Родем (Role) и Монмартром» (10 февраля 1414 г.).

Именно таким ракурсом определяется важнейшая особенность описаний в протоколах всех событий и явлений: они даются в их связи с работой Парламента. Так, упоминая об эпидемии в Париже в апреле 1404 г., вызывавшей сильный кашель, Н. де Бай трактует ее прежде всего как досадную помеху в работе Парламента, поскольку «во время слушания дел из-за кашля со всех сторон секретарь (это о себе. — С. Ц.) едва мог расслышать и записывать правильно» (26 апреля 1404 г.). А эпидемия в 1414 г. вообще приостановила работу Парламента, ибо никто из чиновников не смог явиться на службу, что Н. де Бай счел нужным оправдать полным оцепенением города, где «даже не во всех церквах отправлялись службы» (5-10 марта 1414 г.).

Поэтому наравне с важнейшими событиями секретари записывают и случаи собственного отсутствия на работе из-за болезни. Например, Н. де Бай болел 12 дней в 1406 г. так сильно, что отсутствовал на работе и не вел сам протоколы, о чем счел нужным записать (13, 25 ноября 1406 г.); еще раз болезнь оторвала его от работы в 1414 г., о чем он вспомнил, когда покидал должность секретаря (1-19 марта 1414 г., 12 ноября 1416 г.).

Работа — главное, что описано в протоколах, будь то работа отдельного чиновника или Парламента в целом. В этом смысле Н. де Бай был примером усердия. Самый яркий эпизод связан с уже упоминавшейся холодной зимой 1408 г., когда мороз парализовал город, а секретарь все сокрушался, что чернила замерзают и он не может «ни работать, ни чем-то другим заниматься» (17, 26, 27 января 1408 г.). Вскоре началась оттепель, и пунктуальный Н. де Бай «между 6 и 7 часами утра прошел по Малому мосту», чтобы вовремя попасть на работу, но вскоре мост рухнул, затем начали рушиться дома, и в результате заседания проводить было нельзя: никто не мог попасть на остров Ситэ, кроме тех, кто там жил (31 января 1408 г.). Главный итог этого события в описании секретаря в том, что «суд не работает». Со временем это станет рефреном в описании важнейших событий в стране, из-за которых Парламент бездействует. В таком контексте эти события предстают главным образом как досадная помеха в работе Парламента, даже если речь идет о вступлении в Париж войск герцога Бургундского, изменившем всю ситуацию в стране. «Суд не работает» (*Curia vacat*, «*Camera non fuit aperta*») — так начинает секретарь записи в протоколах об этих событиях. Это, конечно, объясняется тем, что протоколы — официальный документ, и отсутствие записей о заседаниях должно было быть объяснено. Но и в самом описании событий секретари обращают внимание на

детали, относящиеся прежде всего к работе институтов власти. Так, описывая вступление войск герцога Бургундского в Париж, Клеман де Фокамберг подает дело так, что арестовывают только «чиновников короля и дофина», как будто не было других арманьяков в Париже⁴. И главное — в царящем хаосе и массовых расправах была утеряна печать канцлера, так что все акты скреплялись «секретной печатью короля». Это в глазах секретаря высшее выражение беспорядка и беззакония, царящих в Париже (29 мая 1418 г.). В напряженной ситуации, когда на улицах Парижа и в залах властных учреждений решалась судьба страны, Парламент все обсуждает утерянную печать канцлера, необходимую для работы институтов королевской власти (6 июня 1418 г.). А когда в городе начались самовольные расправы над арманьяками, секретарь представляет их как попытку «без причины обвинить людей суда в небрежности или коррупции, незнании или сокрытиях (dissimulation)» (20 августа 1418 г.).

Положение Парламента — вот главный критерий оценок секретарей, и, сообщая о коронации в Париже короля соединенного королевства Генриха VI, Клеман де Фокамберг весьма сухо и без деталей упоминает об этом «из-за отсутствия пергамента и упадка суда» (24 ноября 1431 г.)⁵. В этой позиции парламентариев есть и доля преувеличения, «маразма работы». Так, в самый разгар восстания кабошьенов Парламент продолжает работать и только жалуется на жару, из-за которой «приходится» заседать с 6 до 9 утра, пока не припекает солнце (12 июля 1413 г.)⁶.

В согласии с этой чертой парламентской этики секретари отмечают все нарушения в работе Парламента, как и свое отношение к ним. Так, в 1403 г. составляется вексель на передачу драгоценностей королевы Изабо Баварской, и Н. де Бай отмечает подозрительную задержку: «Вексель составлен в моем присутствии и должен был быть отдан мне, но до сих пор еще не отдан» (20 января 1403 г.). Или в 1417 г., когда канцлер с членами Королевского совета пришел в Парламент для обсуждения ситуации в Париже и они закрылись в «Уголовной башне», К. де Фокамберг был обижен, что его не позвали и он не смог записывать ход обсуждений (28 мая 1417 г.).

В реакции обоих секретарей вполне отчетливо проступает пропагандируемый Парламентом принцип особой власти верховного суда, призванного следить за соблюдением законности. Именно поэтому с обоими секретарями трудно было договориться о нарушении правил. Так, чиновник пытался отказаться от уплаты штрафа, но получил отпор секретаря: «Решение Парламента вынесено от имени короля, и он (секретарь) вовсе не собирается подчиняться

---

29. Секретарь у ног короля
Карла IV

устному распоряжению» (26 января 1404 г.). Никола де Бай позволял себе вступать в конфликты даже со знатью и канцлером, отстаивая закон и власть Парламента. Так, он отказался подписать письма о восстановлении «чести и прав» герцога Алансонского, поскольку в них он назван перед герцогом Бурбонским, а это противоречило установленному в аналогичных письмах порядку. При этом сам герцог Бурбонский не возражал, а его тесть — герцог Беррийский вынужден был пожаловаться в Королевский совет на самоуправство секретаря. В итоге письма удалось подписать только после трехдневных уговоров, строгого приказа канцлера, а также заверений, что оба герцога не возражают против такой перестановки и в Совете садятся поочередно один перед другим, наконец, что письма всего в трех экземплярах и предназначены исключительно для владений герцога Алансонского (20 ноября 1413 г.). Не менее независимо повел себя секретарь и по отношению к герцогу Бургундскому, когда тот вызвал его к себе и потребовал отдать деньги, хранящиеся в Парламенте. В ответ секретарь заявил, что «исходя из должности, ничего не может сделать из того, о чем просят, не поговорив с пре-

зидентами». Лишь на следующий день, после распоряжения Парламента он передал герцогу Бургундскому 4 тыс. экю (4-5 ноября 1411 г.). И даже поведение в Парламенте императора Сигизмунда секретарь считал непозволительным: император допустил оскорбительный выпад против короля Франции, сев на его место, к тому же пытался повлиять на решение рассматриваемого дела; наконец, здесь же, в зале Парламента, он совершил обряд посвящения в рыцари. Все это Н. де Бай частично вменяет в вину и парламентариям, чьи пышные церемонии в честь императора спровоцировали его неадекватное поведение (16 марта 1416 г.)⁷.

Несмотря на явные симпатии к арманьякам, Никола де Бай не спешит исполнять их распоряжения, особенно посягающие на статус парламентария. Так, приказ канцлера поучаствовать в инспектировании города вызвало возмущение секретаря: «Мне было приказано вооружиться, что обошлось в 40 франков, хотя я имею духовное звание. Было бы даже странно сохранять спокойствие и присутствие духа, если уже священники (*prestres*) вынуждены вооружаться» (4 сентября 1416 г.).

Самооценка парламентариев сквозит и в характеристиках, которые дает секретарь чиновникам Парламента. Так, сообщая о похоронах Филиппа де Молена, он отмечает, что тот умер в почтенном возрасте и во всеобщем уважении за мудрость (8 августа 1409 г.); в отношении Гийома де Ганлиака он пишет, что тот был «очень почтенный клирик, прекрасной и примерной жизни, разумный в суждениях» (9 мая 1414 г.). В тоже время, замечая, что со слов очевидцев он знает, «как свято и почтенно закончил дни» президент Жан де Пупанкур, в своем личном «Дневнике» приписал, что при жизни тот был подозреваем во многих прегрешениях, среди которых главным укором служили постоянные, «как говорили, участия в оргиях разврата в Дни Труа, хотя он был женат» (21 мая 1403 г.)⁸.

Взгляд на мир через призму парламентской этики нашел выражение и в представлениях секретарей о сословном делении общества, где они подчас выделяют чиновничество как отдельную группу. Например, Н. де Бай при описании восстания кабошьенов так перечисляет тех, кто подвергся преследованиям: «...дворяне, чиновники, горожане» (11 мая 1413 г.).

Наконец, в полной мере своеобразие взглядов парламентских секретарей на мир и события обнаруживается, если сравнивать их описания и отбор информации с хрониками современников. Прежде всего у секретарей, даже описывавших дефицит и дороговизну продуктов, никогда нет конкретных указаний цен, что придает значимость дру-

гим хроникам, например «Дневнику Парижского Горожанина». Так, Клеман де Фокамберг, говоря, что «продукты очень дороги в Париже», ограничивается лишь общей оценкой: «Дороже, чем когда-либо прежде» (15 октября 1418 г.). Из неapolитических событий секретари более всего уделяют внимание сообщениям о погоде, природных стихиях и климатических явлениях, имеющим большую ценность для историков: дождливое и холодное лето 1404 г., буря и град 22 июня 1406 г., засуха в 1412 г., морозы зимой 1423 г., ураган 7 октября 1434 г. И это понятно, поскольку человек вообще очень зависел от природных явлений, они отражались и на работе Парламента⁹.

Наконец, секретари пытаются дать оценку различным явлениям и событиям по их воздействию на общество в целом. В этом, безусловно, сказалась тенденция, характерная для эпохи становления государства — политизация сознания людей¹⁰. Во взглядах парламентских секретарей преобладали черты государственников, людей, служащих верховной власти и через нее — «общему благу», и сквозь эту службу оценивающих всё и вся. Поэтому даже в описания природных явлений они приносят политический оттенок; со временем все отчетливее проступает у них соотношение стихий природы с разбушевавшимися людскими страстями, зависимость природных катаклизмов от ожесточения нравов и методов борьбы. Так, своеобразие описания Н. де Бая солнечного затмения 1406 г. было давно отмечено в литературе, где обращалось внимание на его большую дидактичность, чем, например, в «Хронике Сен-Дени» (16 июня 1406 г.)¹¹. При известном описании затмения Луны, последующих холодов и разрушений в Париже Н. де Бай дает этим событиям политический комментарий, соединяя природную стихию с убийством герцога Орлеанского: «Все это в сочетании с убийством герцога Орлеанского весьма поразило королевство (*a grant merveille en se royaume*)» (17, 26, 27, 30, 31 января 1408 г.)¹². Начавшаяся гражданская война бургиньонов и арманьяков соотносится секретарем со стихийными бедствиями, предстающими как возмездие: «Сильные холода, проливные дожди уже много дней в разных областях, и вместе с этим повсеместно эпидемии и смерти, и по всему королевству раздоры и война, слишком жестокая для гражданской, из-за смерти герцога Орлеанского, брата короля» (15 июня 1412 г.).

Особенностью комментариев и оценок стихийных бедствий у секретарей являлась скорее апелляция к памяти людей, чем к описанию самих этих бедствий. Так, холод в 1408 г. был такой, «какого не было сто лет» (31 января 1408 г.); ветер в 1412 г., «какого не было десять лет» (16 июня 1412 г.); «жара, какой не запомнят люди»

(12 августа 1412 г.); «снег и мороз, каких давно не было» (1 апреля 1424 г.); «Сена поднялась от дождей, как не помнят люди» (10 июня 1427 г.). Да и описания процессий, организованных в связи со стихийными бедствиями в Париже при англо-бургиньонах, приобретают нередко под пером секретаря политический оттенок (20 июня, 2 июля, 22 августа 1422 г., 10, 16 июня 1427 г.).

Ещё одна важная особенность изображения секретарями событий в стране, отличающая их от других хроник современников, заключается в лаконизме при описании совершаемых жестокостей. Никаких, столь красочных в других хрониках, подробностей об избиениях, насилиях и убийствах, будь то взятие города или расправа над восставшими, у секретарей практически нет (см., например, 22 мая 1414 г.). Целомудрие клириков или отчаяние гуманистов останавливает их перо?¹³ О гуманизме, как и об отношении к насилию вообще, речь впереди, здесь же следует отметить, что такое описание событий выдает известную сдержанность, присущую позиции парламентариев.

Историки давно причислили записи секретарей к историческим трудам, обращая внимание при этом на их критическое отношение к фактам¹⁴. Как правило, секретари стараются писать о том, что сами видели или слышали. В иных случаях они отмечают, что «так говорят», «об этом говорил» тот-то и тот-то, «было известно». Поэтому протоколы Парламента зафиксировали события глазами современника и чиновника, сообщая ряд сведений, известных только благодаря им¹⁵.

Гражданские секретари, взирающие на события в стране из окон Дворца на острове Ситэ и в ракурсе его интересов, отразили в протоколах особенности взгляда парламентария, где превалируют интересы Парламента и его чиновников.

§ 2

Расчетливый монархизм

Положение гражданского секретаря, круг его обязанностей делали его очень близким к верховной власти в стране. Достаточно сказать, что даже больного, преимущественно отгороженного от мира короля Карла VI де Бай видел неоднократно, не говоря уже о лицах из окружения короля. Все это придает особую ценность тем сведениям, которые сообщают секретари о королях и об их политике. Они, в отличие от многих современников, не понаслышке знали о том, что происходит в коридорах власти.

Во взглядах обоих секретарей нашло отражение сложное переплетение монархизма с трезвой оценкой реальных действий правящего короля и его окружения. В отношении секретарей к короне своеобразно преломилась фундаментальная в идеологии Парламента идея королевской власти как общественной функции, не тождественной королю как личности. Поэтому Никола де Бай, скажем, всегда с подчеркнутым уважением говорит о короле как символе верховной власти в стране, даже о больном и в большинстве случаев взаперти сидящем Карле VI он пишет «наш король», «наш суверенный сеньор» (21 мая 1408 г., 17 февраля 1409 г.). Уважение к монархии де Бай обнаруживает и в отношении наследника престола. Замечательно в этом плане описание первого посещения дофином Людовиком Парламента, отличающееся редким для секретаря эмоционально возвышенным настроением (7 января 1412 г.).

В то же время это уважение не исключает и критических оценок. Ранняя смерть дофина в 1415 г. повлекла строгий приговор современников его неправильному образу жизни, и секретарь, искренне сожалея о нереализованных способностях и загубленной жизни юноши, отмечает и безответственность его поведения: «Людовик Французский, старший сын короля, дофин... умер в возрасте около 20 лет, прекрасный лицом, довольно крупный телом и высокий, грузный, медлительный и неловкий, своевольный и очень падкий на блеск одежд и украшений... Был он музыкален и поэтому имел капеллу с большим числом мальчиков от 2 до 6-7 лет, хорошо знал французский язык и латынь, но пользовался этим мало, ибо жизнь посвящал ночью — бодрствованию и праздности, а днем — сну, как говорили, до 3-4 часов пополудни, и обедал в полночь, а ложился спать под утро или просто на рассвете, и поэтому было бы удивительно, если бы прожил долго» (18, 23 декабря 1415 г.) В этом перечислении достоинств и недостатков дофина Н. де Бай весьма незавуалированно выражает отношение парламентария к обязанностям короля перед обществом¹⁶.

Действия короля в рамках закона оправдываются де Баем, а посягательства на власть короля воспринимаются болезненно. Так, гражданская война трактуется как ущерб «чести короля», о каком «не читали до сих пор в истории» (9 сентября, 10 ноября 1410 г.), непомерные же налоги восстанавливают подданных против короля: «Народ королевства... так задавлен тальями... там, где находили деньги... брали их от имени короля» (29 августа 1412 г.). Восстание кабошьенов Н. де Бай расценивает как «ранящее и попирающее власть и авторитет короля... который является самым благородным

(noble) из всех» (22, 26 мая, 13 июля, 4, 8 августа 1413 г.). Посягательства высшей знати на королевские права предстают в описании секретаря как следствие упадка королевской власти. Так, передача Карлом VI всей полноты финансовой власти в стране герцогу Филиппу Бургундскому, по мнению секретаря, было опасным симптомом упадка авторитета центральной власти и удручающего разброда в стране (1 июля 1402 г.)¹⁷. Известность в литературе комментария Н. де Бая к конфликту Парламента с Палатой счетов 1401-1402 гг. далеко не случайна: в его позиции нашло воплощение противостояние сил законности и порядка силам анархии, использующим в своих целях институты власти. С самого начала конфликта де Бай усматривает его истоки в попытке знати вмешаться в компетенцию Парламента: «Так были обмануты люди счетов... и просчитались в своих планах и... правда не была побеждена... неправыми действиями. Причина, почему эти люди не хотели, чтобы Парламент что-то узнал о них, в том, что они хотят быть в исключительном положении и имеют в друзьях и покровителях сеньоров... совершающих то, что сказал Иисус: «Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» (Лк., 16, 9) (16, 23 февраля 1402 г.). Во внешне лояльных акциях знати Н. де Бай неизменно усматривает посягательство на власть короля: так, письмо герцога Филиппа Бургундского в Парламент, где он осуждал введение новых налогов, разоряющих страну, секретарь прокомментировал на полях протокола как антикоролевскую акцию, вызванную борьбой с герцогом Орлеанским, а не заботой о стране (20 мая 1402 г.)¹⁸. Когда же герцог Филипп Бургундский умер и его сын Жан Бесстрашный предпринял попытку давления на короля, «говоря о малом управлении королевством» (19-20 августа 1405 г.), секретарь был возмущён.

Защита королевской власти не мешала, а скорее помогала де Баю замечать и порицать неправомерные действия короля, ведь король — «служение», а не привилегия. Так, в связи с разрушениями в Париже зимой 1408 г. Н. де Бай высказывает прямой упрек королю, поскольку «здание Дворца (в Ситэ. — *С. Ц.*) разрушается, и этому не препятствуют, как и все дома и дворцы короля в королевстве скоро разрушатся, хотя от имени короля на это собираются постоянно очень большие налоги» (4 февраля 1408 г.). А когда в Парламенте сообщили решение короля выделить на восстановление мостов в Париже 1/3 часть налога эд с Парижа, равную 80 тыс. ливров (всего в год с Парижа король получал 240 тыс. ливров), Н. де Бай завуалированно упрекает короля за упадок в стране, поскольку «из этого можно заклю-

чить, как много денег получает король со всего королевства (*nota con grans subsidies prant le Roy partout le royaume*)» (10 февраля 1408 г.). Однако вскоре восстановительные работы прекратились «из-за отсутствия денег», а власти города обратились в Парламент с просьбой о помощи. Тогда было решено отдать 1 тыс. франков из части штрафов, собираемых Парламентом в пользу короля, поскольку, как замечает секретарь, король «должен был и обязан строить и чинить мосты» (28 ноября 1408 г.).

Никола де Бай, встречаясь с Карлом VI, ведя с ним переговоры от имени Парламента, осведомленный об интригах в его окружении и в коридорах власти, в своих высказываниях отстаивает прерогативы короля и с этой позиции критикует политику короны. В то же время он сочувствует болезни короля, осуждая его противников за их посягательства на власть короля¹⁹.

Ситуация Клемана де Фокамберга существенно отличалась от ситуации его предшественника, поскольку его приход на должность секретаря и большая часть службы приходится на период королевской схизмы, а затем правления малолетнего короля «двойной монархии» Генриха VI. Отсюда своеобразие его оценок и более отстраненный взгляд на короля, поскольку он с ним не общался; а вскоре это стало невозможно: малолетний Генрих VI жил и воспитывался в Англии²⁰. И все же можно обнаружить общие черты во взглядах обоих секретарей, и в случае Клемана де Фокамберга они открывают новые грани преданности парламентария идее сильной королевской власти в отсутствие короля.

Подчеркнутое уважение к Карлу VI также характерно для Клемана: он одобряет его решения в рамках закона. Однако формальное уважение продолжалось только в отношении Карла VI. Запись секретаря о смерти короля Карла VI сопровождается традиционной формулой, которой он пренебрег, сообщая о смерти короля Генриха V: «Покинул этот мир Карл VI во дворце Сен-Поль около 7 часов утра. Да упокоится его душа в мире» (21 октября 1422 г.). На следующий день стали разворачиваться события, усилившие впечатление упадка: в Парламент пришел канцлер и рассказал, что после вскрытия завещания Карла VI ни одного из упомянутых в нем душеприказчиков уже не было в живых, никто не пережил завещателя. И это непременное с января 1392 г. завещание больше других событий поражает Клемана. В итоге именно 3-4 парламентария делают опись имущества покойного короля, чтобы выгодно продать его и оплатить мало-мальски достойные похороны «доброй памяти Карла VI,

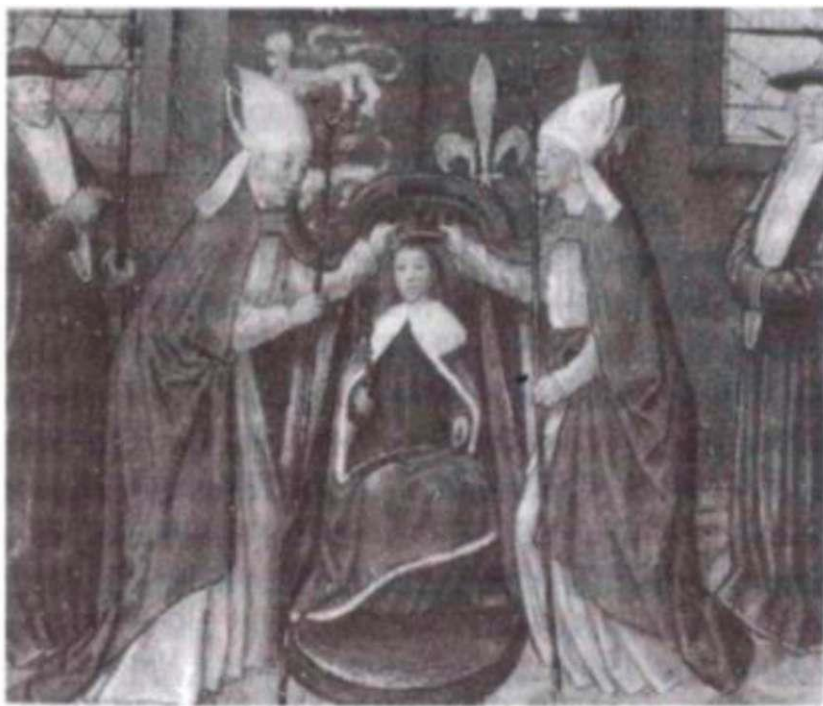
которого Бог простит» (23 октября 1422 г.)²¹. Пока набальзамированное тело Карла VI еще находилось во дворце Сен-Поль, в Париж ехал только герцог Бедфорд, и никто из французской знати не спешил на похороны, Парламент должен был разбираться в аргументах герцога Бургундского о причине его отказа явиться на похороны и сам организовать их (5, 7 ноября 1422 г.)²². Похороны, по оценкам современников, были не просто бедными, они были недостойны того образа блестящего короля сильного королевства, который создавался при жизни Карла VI чиновниками его аппарата²³. Как ни старался Клеман описать торжественность похорон, он вынужден признать, что ее обеспечивали исключительно чиновники, «президенты и советники, и всечасно сопровождали тело... секретари и нотариусы, державшиеся поближе к президентам и советникам, а вслед за ними судебные исполнители, дабы уберечь от возможной давки или беспорядка тело (того), чья душа у Бога» (9 ноября 1422 г.)²⁴. Обстановку упадка королевского дома довершили разбирательства со слугами Карла VI, остававшимися с ним до конца. Хотя герцог Бедфорд и разрешил им сохранить свои должности, но потребовал возобновить письма о назначении, что предполагало и «чистку» кадров. К тому же слуги эти оказались просто бедными людьми, и канцлер вынужден был заверить их, что за новые письма платить не надо (8 января 1423 г.). Всех их привлекли к составлению описи имущества Карла VI, а запись их показаний вел Клеман де Фокамберг (9 января 1423 г.). Однако, не спросив Парламент, канцелярия составила список слуг Карла VI, которым полагалось что-то получить по завещанию, и из него были исключены «некоторые чиновники, например камерарий и другие» (15 января 1423 г.). Парламент приложил старания, чтобы вознаградить этих слуг. Записи секретаря об этих спорах и стараниях Парламента проникнуты сочувствием и уважением к людям, честно и долго служившим королю Франции и не нажившим ничего: «Портные будут включены... и дано будет каждому согласно службе и бедности или нужде, и еще надо дать .. служившим 20 лет и... кто долго служил и беден» (28, 31 января, 29, 30 марта 1423 г.).

Уважительный тон в отношении Карла VI продиктован не столько личными заслугами короля, являвшего собой почти номинальную фигуру, слабую тень монарха, сколько почтением к самому сану короля и его общественными функциями. Превознося Карла VI по мере усложнения положения Парламента при англо-бургиньонах, Клеман де Фокамберг наделяет его все новыми достоинства-

ми²⁵. Уже через год, описывая заупокойные службы в Париже по Карлу VI, секретарь изображает его правление в явном контрасте с нынешним: «Службы о душе очень блестящего государя и нашего суверенного сеньора Карла VI, короля Франции...» (11 ноября 1423 г.). Чем дальше уходило царствование Карла VI, чем сложнее становились отношения с новыми властями у Парламента, тем с большей горечью секретарь замечает у новых правителей небрежение традициями французских королей и неуважение к атрибутам власти. Так, К. де Фокамберг неодобрительно отзывался о поведении герцога Бедфорда, регента Франции, который не стал делать того, «что привыкли делать короли Франции в страстную пятницу» (21 апреля 1424 г.)²⁶. С этой точки зрения, существенно, что в записи секретаря о коронации Карла VII подчеркивается следование традициям французских королей: «В Париже обсуждалась публично новость, что Карл Валуа в воскресенье 17 июля был коронован в Реймсе на манер своего отца и других королей Франции» (19 июля 1429 г.). Коронация Карла, вопреки принятому в литературе мнению, не прошла в Париже незамеченной и лишь сильнее обострила чувство чужеродности английского правления. Даже Изабо Баварская, столь нелюбимая и обвиняемая в развале страны, перед смертью всеми забытая и отошедшая от дел, вызывает сочувствие и сострадание у секретаря (30 сентября 1435 г.)²⁷. Любопытно, что это была последняя запись, сделанная им в качестве секретаря Парламента.

Насколько позиция К. де Фокамберга отражала некие общие для парламентской корпорации критерии оценок, можно увидеть в записях сменившего его на время секретаря. Описывая очень скромные похороны Изабо Баварской, он напоминает о былом величии французской монархии: «Изабо Баварская при его жизни жена очень могущественного, очень благородного и очень блестящего государя короля Карла Валуа VI» (13 октября 1435 г.). Парламент вновь сам организует похороны, парламентарии несут тело королевы, будучи в парадных одеждах, а судебные исполнители расчищают дорогу «из-за множества народу»; в Сен-Дени ее тело переправляют по реке, так как войска сына королевы окружили город и вели бои на подступах к нему (14 октября 1435 г.).

Верный до конца традициям французских королей, поскольку это все, что осталось у защитников монархии, К. де Фокамберг постоянно следил за действиями дофина Карла, и в этом едва ли не яснее всего проступает подлинная преданность секретаря преемственности на французском троне.

---

30. Коронация Генриха VI
в Париже

На всем протяжении 18-летнего англо-бургиньонского правления Клеман де Фокамберг не отзывался непочтительно о самом Карле, не обвинил его прямо в бедствиях страны. В период, когда еще шли переговоры между Карлом и герцогом Бургундским, Клеман обвиняет в их неуспехе не самого Карла, а его окружение («Танги дю Шатель и другие капитаны и воины»), а о дофине говорит «мой сеньор (mondit seigneur)» (10, 17 февраля 1419 г.). Описывая ход этих переговоров и конфликт дофина с окружением отца, он всякий раз выражает сомнение в виновности самого дофина (2, 22 февраля 1419 г.). Равно как не самого дофина он винит в поражениях французской армии «из-за споров и раздоров в королевстве», а его окружение: «Из-за людей в компании дофина... препятствиями тех, кто из компании дофина ... по указу некоторых из совета дофина» (3—4 мая 1419 г.). Едва ли не самым ярким выражением драматизма ситуации, в которой оказались те, кто привык с почтением относиться к короне и ее наследнику, является запись секретаря о трагедии на мосту в Монтеро, где был убит герцог Жан Бургундский, по вине дофина или его окружения, но в любом случае в его присутствии. Осуждая это убийство, К. де Фокамберг вновь пытается всю ответственность переложить на окружение дофина, которого даже жалеет, ведь из-за их необдуманных действий он потерял права на трон. Желая подчеркнуть благородство и честность намерений Жана Бургундского, Клеман сообщает, что, войдя внутрь кры-

того павильона, где находился дофин, он «принизился (*se humilia*) перед дофином и воздал ему почести (*révérence*), как положено», т. е. как следует вести себя с наследником трона. Преступление совершили по Клеману, люди из окружения дофина: «Был убит в присутствии дофина его людьми, которые задолго до этого замыслили этот заговор, как говорили повсеместно (*communement*) в Париже» (11 сентября 1419 г.).

Казалось бы, после совершенного убийства и его осуждения в Парламенте дофин должен был бы исчезнуть со страниц его протоколов, но этого не произошло. Дофин по-прежнему упоминается по поводу крупных политических событий, будь то договор в Труа или военные действия против его сторонников. Кстати, К. де Фокамберг по-прежнему именуется его дофином вплоть до официального объявления Генриха VI королем «соединенного королевства». Более того, он постоянно записывает новости о победах, а чаще о неудачах войск дофина, но в любом случае продолжает за ним следить²⁸. Этот факт показывает, среди прочего, что в «английской Франции» «буржский король» не был в забвении и воспринимался как реальная политическая сила в стране. Сообщая о походах герцога Бургундского и англичан против войск дофина, секретарь говорит, что они организованы «против врагов», не называя имени дофина, т. е. никогда слова «враг» и «дофин» не стоят рядом в записях секретаря⁷⁴. Использует он и такой прием: сообщая о взятии города у войск дофина, он не пишет, у кого город отвоеван (6-16 апреля 1422 г.). Более того, нередко секретарь откровенно сочувствует стороне дофина. Например, сообщая о привезенных в Лувр воинах, державших осаду крепости в Мо, он пишет, что они сдали замок англичанам, лишь «подчинившись силе оружия и длительности осады» (7 мая 1422 г.). Еще более явно проступает досада секретаря за победу англичан над войсками дофина, сдавшими Амьен: осаду города и замка «для дофина» держал граф д'Аркур и его люди, и сдали, «не видя никакого подобия помощи, хотя герцог Бедфорд имел малое число воинов» (9 марта 1424 г.). Точно так же К. де Фокамберг практически осуждает гарнизон Ивери за сдачу города герцогу Бедфорду, поскольку этот гарнизон «скрылся, не оказав помощи осажденным» (12 августа 1424 г.). Сообщая о сдаче города Манса, он отмечает, что она произошла «из-за отсутствия поддержки столь же сильной», какая была у англичан (8 августа 1425 г.). Симпатией к дофину проникнута и запись об аресте Жана де Вилье де Лиль-Адана, подозревавшегося в заговоре с целью передать Париж дофину еще

в 1421 г.: будучи маршалом Франции и бургиньоном, он, по словам секретаря, «был и остается очень любезен горожанам, простолюдинам (mananls) и жителям Парижа», которые были возбуждены его арестом (8 июня 1421 г.).

Важно обратить внимание в этом ряду на весьма обтекаемые и не враждебные формулировки, используемые секретарем по отношению к тем парламентариям, кто перебирался работать в Парламент в Пуатье, созданный под властью Карла; помимо корпоративной солидарности нельзя не видеть в этом если не симпатию, то уже никак не враждебность к дофину.

С момента коронации дофина в Реймсе секретарь называет его Карлом Валуа, а не дофином, как прежде, в чем, скорее всего, выражается стремление подчеркнуть произошедшее изменение статуса дофина (19 июля 1429 г.)³⁰. Сообщая отныне об успехах армии Карла VII, К. де Фокамберг все больше подчеркивает законность и божественный характер этих побед, поскольку армия занимает «много крепостей и городов... без осады и сопротивления» (19 июля, 7 сентября 1429 г.). И когда в Париже вскоре раскрывается заговор с целью отдать город в подчинение Карлу Валуа, Клеман в записи о казни участников заговора добавляет мольбы о милосердии к их душам (8 апреля 1430 г.)³¹.

Тот факт, что Клеман вошел в Парламент и при Карле VII, свидетельствует не только о незапятнанной службе, но и о результате логичной трезвой позиции, занятой им по отношению к институту королевской власти.

Если обозначить в итоге некие общие черты в позициях и взглядах обоих гражданских секретарей в отношении королевской власти и ее носителей, то на первое место следует поставить преданность самой идее сильной королевской власти во Франции, вне зависимости от того, кто в данный момент является королем. Фактически для них король — это тот, кто следует законам и традициям данного королевства, защищает интересы институтов власти и не допускает ущемления своего суверенитета. Оба секретаря с большим уважением относились к больному Карлу VI, превознося его правление как идеал «национальной» монархии в пику «феодалному» принципу «английской Франции»; так же они относились и к дофину — законному наследнику престола, и все это с позиций парламентских идей о короне как общественному служению, налагающему на ее носителя твердые обязательства по отношению к обществу. Общество в свою очередь также обязано исполнять волю монарха и

издаваемые им законы. Только такое соблюдение взаимных обязательств делают монархию легитимной, а общество — пребывающим в мире и спокойствии, что есть венеи творения суда, как утверждал Парламент.

§3

«Чужие» и «свои»

Эпоха Столетней войны, особенно на ее последнем, завершающем этапе, была отмечена зарождением патриотизма³². О своеобразии проявления любви к родине в стенах Парижского Парламента уже шла речь, однако анализ взглядов гражданских секретарей на эту проблему, выявление способа восприятия ими чужих и своих дает интересные сведения о проявлении патриотизма в той среде французов, которые следовали букве закона и в силу этого оказались в «английской Франции». Прежде всего мне представляется важным обратить внимание на само присутствие у секретарей этих понятий — «чужие» и «свои», на четкое осознание, что англичане и французы — разные народы и враги, поскольку нередко в литературе мелькают рассуждения о том, что это разделение — плод воображения позднейшей историографии, «подстраивающей» события под уже известный результат и превозносящей победившую сторону как изначально более патриотичную³³. Между тем протоколы Парламента убеждают, что у секретарей четко разделялись чужие и свои, и то, что англичане — это враги, не ставится ими под сомнение. Достаточно сказать, что до воцарения Генриха VI на троне «соединенного королевства» они пишут зачастую «англичан» с маленькой буквы, а французов всегда с большой (например, 14 января 1415 г.).

Главное, в чем убеждают записи секретарей, — это четкое осознание парламентариями деления на французов и англичан и представление о французах как о некоем единстве. Так, сообщая об аресте маршала Бусико маркизом Монферратом и капитаном ломбардцев, Н. де Бай уточняет, что они «изо дня в день обезглавливают и убивают французов» (4 октября 1409 г.). И до начала высадки англичан во Францию в 1415 г. Н. де Бай отмечает в протоколах сведения о них как о врагах. Приезд в Париж английских послов со свитой из 500 человек и оказанные им Парламентом почести, слишком пышные и пропавшие втуне, как и приход делегации во Дворец в Ситэ, где Парламент в числе других «выслушивал просьбы англичан», — все воспринимается секретарем как угроза стране (8, 16 августа 1414 г.). И хотя «англичане» приходят посмотреть Парламент

(12 марта 1415 г.), но уже в обоснование вводимого налога говорится, что налог предназначен «для поддержания границ... из-за войны, которую вели англичане против королевства» (22 марта 1415 г.).

Осуждение гражданской войны также окрашено у секретарей в патристические тона, поскольку она ослабляет королевство перед угрозой английского вторжения, да и привлечение, скажем, герцогом Бургундским «воинов из Савойи, Лотарингии, Германии и других иностранцев» подается как антинациональная акция (11 декабря 1415 г.). В это же время Парламент осуждается запрет герцога Бургундского своим подданным «вооружаться против англичан... ибо он заключил перемирие в войне с англичанами на один год, хотя король объявил войну англичанам» (11 августа 1416 г.); равно как он осуждается за связи с англичанами и пособничество им («помогал королю Англии и англичанам против общественного блага королевства») (22 января 1416 г.). Более того, несмотря на явные проарманьякские симпатии, Н. де Бай осуждает герцога Орлеанского за непродуманные акции, например, за легкомысленное письмо королю Англии Генриху V (5 декабря 1402 г.) или неоправданную и дорогостоящую экспедицию в Гиень (3 января 1407 г.).

Четкое разделение на французов и англичан, которые являли собой угрозу стране, очевидно у Н. де Бая (12, 13 августа 1416 г.): англичане ведут войну, грабят и убивают, поэтому действия против них справедливы (14 января 1417 г.).

И хотя К. де Фокамберг был сторонником бургиньонов, как и большинство парламентариев, работавших в Парламенте после 1418 г., он тоже относится к англичанам как к врагам, поэтому, записывая о вводимых налогах с целью «сопротивляться противникам из Англии, которые начали уже разорять это королевство», он вынужден выгораживать герцога Бургундского, обвиняя в предательстве только его сторонников: «Под прикрытием герцога Бургундского сделали много зла этому королевству» (15 мая 1417 г.). В иной форме это рассуждение повторено секретарем по случаю введения налогов: «Чтобы сопротивляться англичанам и другим противникам королевства» (3 июня 1417 г.). К. де Фокамберг осуждает антифранцузскую позицию императора Сигизмунда, который прежде был в союзе и родстве с Францией, к тому же должен был бы «ненавидеть англичан больше, чем какую-нибудь другую нацию», поскольку его дядя, король Богемии, погиб при Креси, тем не менее, поехав в Англию с целью добиться перемирия в войне, «поступил вопреки своей клятве, верности (*loyaute*) и договорам и против прав природы... объединился с его (короля Франции. — С. Ц.) врагом в Англии» (16 марта 1418 г.).

После установления бургиньонского правления в Париже тон секретаря в отношении герцога Жана Бургундского меняется, поскольку тот провозглашает себя защитником королевства и становится правителем при Карле VI. Особое внимание К. де Фокамберг уделяет по-прежнему действиям против англичан¹⁴. Так, осада Руана постоянно находилась в поле зрения секретаря, будь то введение налога «на оплату воинов... чтобы сопротивляться англичанам и поддержать жителей Руана» (10 октября 1418 г.), или забота о Париже в отсутствие короля и герцога Бургундского, «уехавших... против англичан, которые осаждали Руан» (22 октября, 12 ноября 1418 г.). И всякий раз он подчеркивает, что город «осажден королем Англии», «осажден врагами» (25 ноября, 12 декабря 1418 г.). Все яснее становилось отчаянное положение Руана, и послам короля приходилось оправдываться перед Парламентом за то, что они «меньше помогли Руану, чем намеревались и хотели помочь» (17 января 1419 г.). И все же Клеман не сдерживает досады и обиды за неминуемое падение Руана: «Пришли новости, что король Англии должен в ближайшее время войти в Руан по договору между ним и жителями города из-за отсутствия продуктов, ибо иначе силой оружия или атакой город взять было нельзя (*ne mie prenable*)» (17 января 1419 г.).

В протоколах Парламента К. де Фокамберг фиксирует продвижение английских войск как врагов, отбирающих у короля один город за другим, выражая досаду и обвиняя армию (9, 25 февраля 1419 г.). Так, взятие Понтуаза произошло «после того, как воины гарнизона ушли» (31 июля 1419 г.)³⁵. С патриотических позиций осуждает он и окружение дофина за сепаратизм и ослабление страны перед лицом общего врага — англичан (3-4 мая 1419 г.). И даже перед началом переговоров о мире, завершившихся договором в Труа, секретарь четко осознает, что именно отчаянное положение в стране вынуждает короля идти на заключение династического брака с врагом (17, 27 мая 1419 г.). Наконец, когда англичане подошли в августе 1419 г. к воротам Парижа, К. де Фокамберг уже не сдерживает эмоций и открыто обвиняет власти в бездействии: «Тогда в Париже был маленький гарнизон из-за отсутствия короля, королевы, дофина, герцога Бургундского и других сеньоров Франции, которые до сих пор оказывали малое сопротивление англичанам и их предприятиям, начиная с осады Арфлёра; после этой осады англичане заняли Нормандию со многими городами и крепостями под предлогом и посредством споров и раздоров между сеньорами и народом королевства» (9, 11 августа 1419 г.).

Вот в такой атмосфере парламентарии узнали о завершающем этапе переговоров о мире в Труа. Могли ли они спокойно и радостно встретить весть о том, что регентом Франции станет король Англии Генрих V, которого они не переставали считать врагом страны, а после смерти обоих королей на трон Франции взойдет ребенок, рожденный от союза французской принцессы и английского короля?

В оправдание такого решения предлагался один, но бесспорный аргумент — «сохранение короля и его сеньории», т. е. спасение Франции как государства. При этом нет никаких сомнений, что это союз двух разных государств (29 апреля 1420 г.). Всю меру отчаяния французов и трагизм положения людей в «английской Франции» показывает одна «деталь», подмеченная К. де Фокамбергом: когда в Париж доставили письмо короля Карла VI с сообщением о заключении договора в Труа и с требованием всем принести клятву его соблюдать, прибыли также и письма короля Англии; желая довести до сведения собравшихся намерения их короля Генриха V, его послы поговорили с первым президентом Парламента и попросили его пересказать содержание письма, «так как не все смогут легко понять их французский язык». Убийственная деталь сильнее любых рассуждений показывает всю нелепость положения: вчерашние враги, да и просто чужие люди, должны, согласно договору, в одночасье стать «своими» (23 мая 1420 г.)³⁶. Но они ими не стали: хотя теперь секретарь именуется Генриха V «регентом и наследником Франции», он все равно остается королем «Англии и англичан»³⁷.

В этих, казалось бы, совершенно изменившихся обстоятельствах К. де Фокамберг продолжает деление на «своих» и «чужих». Сдача городов Генриху V, формально действующему от имени короля Карла VI, не вызывает у секретаря особой радости. Более того, он всякий раз подчеркивает просчеты обороняющейся стороны. Так, сдача города Вильнёф-сюр-Ивон в окрестностях Санса, по его свидетельству, произошла всего лишь после 2-3 дней осады, что говорит о недобросовестности гарнизона (27 сентября 1421 г.). А когда Мелён, занятый войсками Карла 5 апреля, через несколько дней вновь был занят англичанами, секретарь пишет — «город возвращен», но не говорит, у кого он отнят (16 апреля 1422 г.). Важная победа, одержанная над войсками дофина, — взятие крепости Рынок в Мо, по поводу которой в Париже были назначены торжественные процессии, описана как «победа короля нашего сеньора» и лишь затем «короля Англии, его зятя». Точно так же реагирует секретарь на передачу Компьеня в руки англичан (11 июня 1422 г.).

Наконец, в полной мере разница в отношении к своему королю и королю Англии сказалась у К. де Фокамберга при описании смерти обоих королей в 1422 г. Когда Парижский университет, бывший едва ли не самым преданным сторонником «английской Франции», организует процессии в Париже за выздоровление короля Англии, секретарь лишь равнодушно фиксирует это событие (12 июля, 3 августа 1422 г.). Генриха V перевезли из Корбейля в Венсенский замок, где 31 августа он и умер. Ему было всего 34 года, однако сообщая об этом, Клеман де Фокамберг не нашел слов сожаления: «В два часа после полуночи умер в замке в Венсенском лесу король Англии Генрих, регент королевства Франции... присутствовали, как говорят, его брат герцог Бедфорд и многие знатные сеньоры Англии, куда он будет перевезен для похорон» (31 августа 1422 г.). Чужой король и похоронен будет в другой стране (15 сентября 1422 г.).

И вдруг весть о смерти Карла VI: психически больной, этот король правил 42 года, дольше, чем кто-либо из его ближайших предшественников, и тем самым смерть его предстает в записи секретаря как неожиданность³⁸. По-видимому, ощущение трагедии усугубляла неизбежность вступления в силу договора в Труа и объединения двух корон, чему в Парламенте мало кто радовался.

Однако вступление в силу договора в Труа после смерти обоих королей, его заключивших, не привело к объединению «своих» и «чужих», и секретарь продолжает писать отдельно о французах и англичанах³⁹. А продолжая следить за действиями войск Карла Валуа, не называет врагами его людей, предпочитая именовать их «арманьяками, шотландцами, гасконцами и другими»⁴⁰.

При известиях о поражениях войск Карла Валуа секретарь предпочитает не упоминать его имени, зато прямо называет его имя в связи со снятием осады с Орлеана: французы-современники почувствовали подлинный масштаб и последствия этого события вопреки утверждению некоторых историков о полном равнодушии Франции к подвигу Жанны д'Арк⁴¹. Знаменательно в этой связи, что де Фокамберг считает это победой именно над англичанами, а не над французами (10 мая 1429 г.). При описании этого события впервые упоминается имя Жанны д'Арк, и это важнейшее свидетельство современника и самое знаменитое, поскольку запись в протоколе секретаря сопровождал рисунком, где изобразил свое представление о Деве в стане воинов (10 мая 1429 г.). Хотя этот рисунок — чистая фантазия (Клеман изобразил ее в женском одеянии, с длинными волосами и со знаменем в руке, на котором два слова: Иисус Мария), он демонстрирует восприятие современниками явления

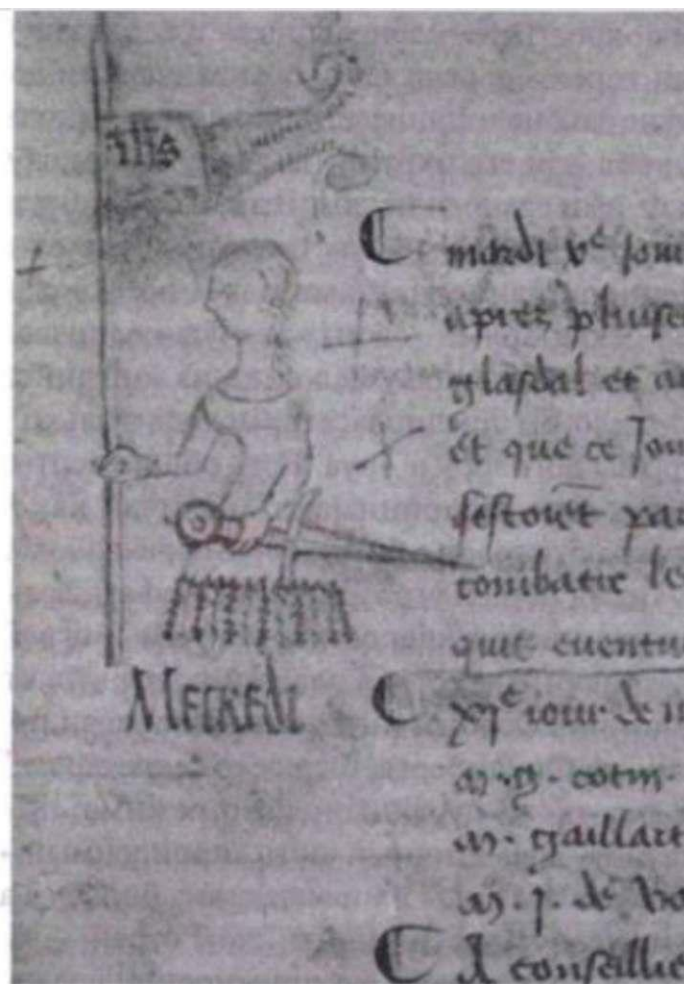
Девы-спасительницы⁴². Утверждения английских историков о полном равнодушии Франции к Орлеанской Деве опровергаются записями секретаря Парламента, который с тех пор не выпускает ее из поля зрения (14, 18 июня, 8 сентября 1429 г.). Когда армия Карла подошла к стенам Парижа, где готовились защищаться «от врагов», секретарь сначала не упоминает в этом контексте имя Карла (3, 19 августа 1429 г.). Стоящая у стен Сен-Дени армия испугала город, поскольку, по свидетельству секретаря, распространился слух о готовящейся расправе над парижанами: «И были жители целиком едины с воинами... так как повсеместно говорилось в Париже, что Карл Валуа, сын Карла VI, которого Бог простит, отдал своим людям Париж и жителей его, стариков и детей, всех сословий, мужчин и женщин, и намеревался плугом сровнять с землей город Париж, христианнейшее обиталище в мире, во что с трудом верится» (8 сентября 1429 г.)⁴³. Приписывая отчасти подобным маловероятным слухам поражение Карла у стен Парижа, секретарь дистанцируется от этой паники и сомневается в подлинности распушенных слухов.

Отношение Клемана де Фокамберга к пленению и гибели Жанны д'Арк отличалось от охватившей «английскую Францию» радости. Сообщая об ее пленении пол Компьенем, секретарь подчеркивает, что осажденные воинами герцога Бургундского «люди Карла Валуа, выехав из стен города, не успели в него вернуться, при этом нескольких скинули со стен в реку, подвергнув опасности их жизни, другие попали в плен». И среди них та, «которую люди Карла называли Девой (Pucelle), кто воевала с оружием... против англичан... у Орлеана и Жарго и других городов и крепостей» (25 мая 1430 г.). Подчеркивая, что она воевала не с французами, а с англичанами, секретарь тем самым выдает свое сочувствие ей⁴⁴. С откровенной жалостью описывает он и казнь Жанны, хотя не берется оспаривать приговор, вынесенный «многими почтенными людьми церкви Нормандии, обученными в Париже, и многими теологами и юристами Парижского университета», и хотя он подробно переписывает обвинения, начертанные на ее головном уборе в момент казни («еретичка, отступница, идолопоклонница»), как и на табличке перед эшафотом («обманщица, вредоносица, вводящая в заблуждение народ, суеверная, оскорбляющая Бога, неверующая в Иисуса Христа, хвастунья, идолопоклонница, жестокая, распутная, призывающая дьявола, вероотступница, схизматичка, еретичка»), при этом секретарь все же не выражает радости по поводу этой казни и даже добавляет традиционные мольбы за «еретичку»: «И случилось, что в последний момент, после того как она исчезла, охваченная огнем.

---

31. Регистр Парижского Парламента за 1429 г. Портрет Жанны д'Арк

раскаялась со слезами, и у нее появились признаки раскаяния. Бог да будет милостив и милосерден к ее душе» (30 мая 1431 г.)⁴⁵. Так Клеман де Фокамберг не жалел и не молил Бога за душу умершего регента Генриха V, короля Англии, не говоря уже о других англичанах, и «своя» Жанна, даже еретичка, оказалась ему ближе, чем англичане⁴⁶. И когда Генрих VI, прибывший вскоре в Париж в качестве короля «соединенного королевства» и рассчитывавший укрепить «верность подданных», обратился к Парламенту «по-английски», как замечает секретарь, а граф Варвик должен был его переводить, в том числе обещания, что «он их оградит и поддержит» (21 декабря 1432 г.), этот девятилетний король чужой, враждебной страны, говоря на непонятном языке, не вызывает у Клемана де Фокамберга верноподданических чувств: он так и не стал «своим»⁴⁷.

Чиновники Парижского Парламента, каковыми были оба гражданских секретаря, избрав в качестве главного промысла королевскую службу, имели более ограниченное пространство для проявления собственных, в данном случае патриотических чувств, чем ска-

жем, крестьяне, собиравшиеся в партизанские отряды в Нормандии, или горожане осажденных англичанами городов. К тому же, следуя букве закона и принесенной клятве, чиновники оказывались по воле короля или его окружения вынуждены служить не всегда разделяемым ими самими целям. В этом их слабость: чиновники могли проявить собственные чувства, отличные от политики короля, только покинув здание Парламента. И все же сделанный анализ восприятия секретарями «своих» и «чужих» позволяет увидеть более сложную картину мира у человека из «английской Франции», чем можно было бы предполагать, исходя только из факта принесения им клятвы договору в Труа. Есть общие черты во взглядах обоих секретарей: они воспринимают англичан как чужих и как врагов; они осуждают сговор с ними и политическую борьбу, ослабляющую страну перед общей угрозой, они сочувствуют своим, попавшим в плен, осажденным в крепостях, убитым и ограбленным; они поддерживают любые действия властей по защите страны и осуждают их бездействие. Особый интерес в этой связи представляют взгляды Клемана де Фокамберга, бывшего секретарем Парламента в Париже все 18 лет англо-бургиньонского режима: по его записям можно проследить драматичный путь, пройденный «английской Францией». Сначала все силы направлены на борьбу с англичанами, и Жан Бургундский кажется защитником страны, затем убийство его в Монтеро и крах надежд на примирение враждующих партий, наконец, договор в Труа как последнее средство выживания королевства под названием Франция. Но англичане, вчерашние враги, не становятся своими, они осаждают французские города, убивают французов, и секретарь с трудом воспринимает их победы как триумф власти короля Карла VI. Чужие дворяне и их король тяготеют к Англии, там живут, там и желают быть погребенными. Они говорят на непонятном языке, у них другие обычаи, они не знают и не уважают французских традиций⁴⁸. А рядом свой дофин, его армия одерживает победы, а если и проигрывает, то «только» по вине нерадивых солдат. И именно в его стане появляется некая Дева, она вдохновляет окружающих и поражает воображение тех, кто ее не видел, но лишь слышал несть о ней. И пусть она сожжена как еретичка, но она боролась с англичанами и поэтому может рассчитывать хотя бы на жалость даже в «английской Франции». Каковы бы ни были законные основания для заключения договора в Труа, как бы ни были преданы и подчинены королевские чиновники указам своего короля, все законы и договоры не смогли отменить зарождающегося у французов понимания, что есть свои, пусть не всегда хорошие и за-

конопослушные, и есть чужие, даже вполне разумные и доброжелательные, и им никогда не сойтись вместе, не стать одним целым даже по указу и распоряжению христианнейшего короля Франции. Патриотизм не был присущ парламентской среде, она предпочитала законы, но именно на примере анализа взглядов Клемана де Фокамберга мы можем понять, как вырастали, прорывая все умозрительные преграды, и побеждали законопослушность чиновника патриотизм и пристрастие к «своим»⁴⁹.

§ 4

Сила и насилие

В первой трети XV в. Франция превратилась в территорию насилия, оправдываемого политическими целями, и тотального использования силы в качестве самого надежного аргумента в споре. Столетняя война не только научила воевать даже некогда самых мирных крестьян и ремесленников, она приучила их к оружию и насилию. Дворянство Франции потеряло монополию на оружие и добирало общественный вес за счет сведения личных счетов и учреждения рыцарских орденов⁵⁰. Борьба бургиньонов и арманьяков, возобновление Столетней войны вместо усиления общественной роли дворянства стали его политическим поражением и известным падением престижа. Посреди этой разбушевавшейся стихии насилия чиновничество воспринимало себя как островок законности и порядка, а чиновники Парламента в особенности, поскольку всякий спор, решенный вне стен суда, наносил ему ущерб. Но главным образом, потому что «цель суда — мир» и, следовательно, любая война есть враг суда.

Отношение обоих секретарей к насилию было обусловлено этой фундаментальной в парламентской этике идеей. Опора на силу оружия и на оправданность насилия объединяла большинство французов этого периода; парламентарии чувствовали себя явным меньшинством, тем ценнее свидетельства их оценки насилия и защиты идей закона и порядка.

Никола де Бай оставил потомкам весьма неординарную интерпретацию события, положившего начало первой гражданской войне во Франции. Запись в протоколе Парламента об убийстве Людовика Орлеанского 23 ноября 1407 г. доносит до нас непосредственное впечатление современника и взгляд на событие человека Парламента. Главный пафос этой обширной записи — в контрасте между высоким положением убитого и его смертью: «Вечером около 9 часов Людовик, сын короля Карла V и родной брат царствующего ко-

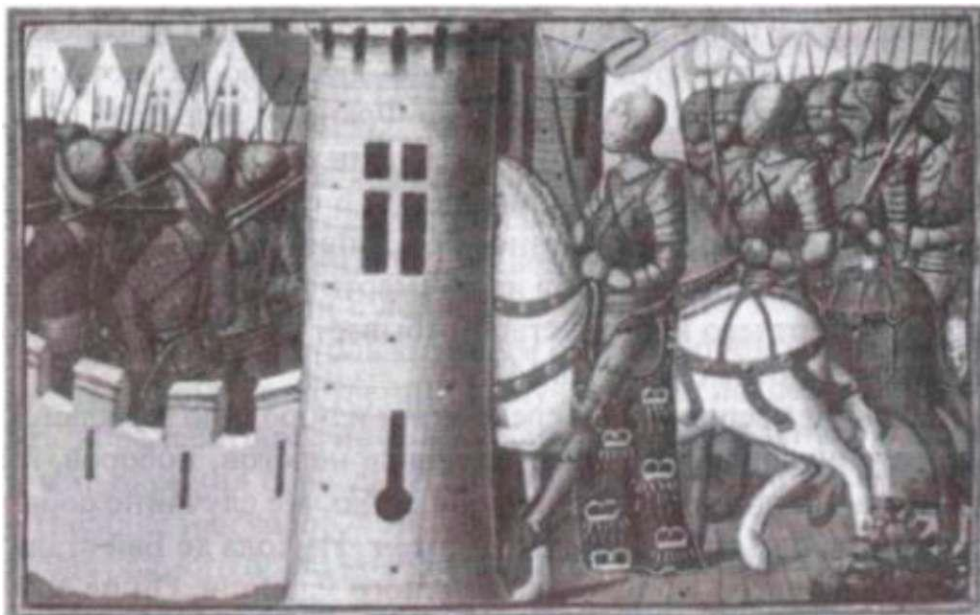

роля Карла, герцог Орлеанский, граф Валуа, Блуа, Бомон, Суассон, Ангулем, Дрё, Порсьен, Перигор, Люксембург и Вертю, сир де Куси, Монтаржи, Шательтьери, Эперней, Седан в Шампани и многих других земель... возвращаясь из дворца королевы, что рядом с воротами Барбет... сопровождаемый весьма скромно (*moult petitement*) в сравнении с его положением... в свои 36 лет... был убит, и ему рассекли голову... стащили с лошади, и мозг потек на мостовую, и связали руки. И тот, кто столь крупным был сеньором и столь могущественным, и кому естественно, в случае, если потребовалось бы управлять королевством, принадлежало это управление, в столь краткий миг окончил свои дни страшно и чудовищно» (23 ноября 1407 г.). Насилие над человеком такого высокого положения, убийство без суда родного брата короля на улице Парижа для парламентского чиновника, служившего идее суверенной королевской власти, было симптомом глубокого кризиса общества. В протоколе утреннего заседания он вновь пишет об этом небывалом событии, и краткая эта запись выражает суть его трактовки: «И тот, кто был самым крупным (*grant*) в королевстве после короля и его детей, в столь краткое мгновение умер» (23 ноября 1407 г.). На следующий день Парламент прервал работу и пошел на похороны Людовика Орлеанского, «который вчера вечером около 8 часов был герцогом Орлеанским и многих других земель, а ныне прах и пепел» (24 ноября 1407 г.). Разумеется, дело здесь не столько в проарманьякских симпатиях секретаря, хотя герцог Орлеанский в его глазах и имеет больше прав управлять вместо больного короля, чем его дяди или кузен Жан Бургундский, в силу более близкого родства с королем. Парламентскому чиновнику убийство без суда столь высокопоставленного лица кажется опасным преступлением. В этой связи весьма показательна реакция Никола де Бая на обнародование оправдательного трактата Жана Пти. Как уже говорилось, Парламент был в стороне, поскольку дело не было возбуждено, да и не могло быть уголовного дела против кузена короля, ибо при любом решении дела оно нанесло бы непоправимый ущерб королевскому дому Валуа. Тем не менее парламентарии были приглашены во дворец Сен-Поль, где в течение четырех часов Жан Пти излагал аргументы в пользу тираноборчества. Был во дворце и секретарь, и его запись — одно из двух дошедших до нас свидетельств современников об этом событии⁵¹. Но ценно не только это, ценность представляет реакция секретаря на сложные ученые построения «мэтр теологии из области Нормандия»; секретарь поразительно точно изложил суть четырехчасовой речи, уместив ее в две строки: «Сказал, что по разумной и

справедливой причине он приказал убить герцога Орлеанского и должен быть за это окружен и обласкан любовью, почестями и богатством» (8 марта 1408 г.)⁵². Когда во Франции полыхала гражданская война и преступления множились день ото дня, де Бай не строит иллюзий о возможности примирения в стране, где убийство брата короля не только не наказано, но и оправдано: «И это был пятый мир в ходе распри сеньоров из-за смерти герцога Орлеанского, брата короля, отчего королевство пребывает в погибельном разорении и опустошении» (16 марта 1415 г.).

Насилие свершилось в среде знати и породило гражданскую войну, затронувшую все общество в виде налогов, поборов, грабежей, убийств, но оно и обольстило общество. Не случайно события восстания кабошьенов в Париже в 1413 г. Никола де Бай ставит в контекст царящего в обществе тотального насилия. Он не сочувствует Пьеру де Зессару, королевскому прево Парижа и «суверенному правителю финансов королевства», поскольку тот «имел власть в войнах и раздорах и спорах, которые два-три года длились в королевстве», пытавшемся за надежными стенами замка Сент-Антуан укрыться «от гнева народа». Секретарь потрясен тем, что «мясники» захватили в доме дофина герцога дю Бара, брата королевы, графа де Даммартена, детей сеньора де Буасси и отвезли их в замок Артуа, принадлежащий Жану Бургундскому, «как заключенных». В отличие от других современников, Н. де Бай упоминает, помимо казни Пьера де Зессара, только об убийстве еще двух человек — приближенных дофина, хотя жертв было больше, но это не от равнодушия. Для секретаря допустимость брать в заложники столь знатных людей была уже достаточно вопиющим беззаконием, и последующие убийства не меняли общей картины беспорядка в обществе (28 апреля 1413 г.),

Симптомом кризиса для секретаря было не только использование насилия и его оправдание для достижения политических целей, но и всякое насильственное действие, в том числе и смещение высокопоставленного чиновника или иное резкое изменение, поскольку он усматривал в таких акциях попрание законов иерархии, хотя, безусловно, имела место и чиновничья солидарность. Два громких дела этого периода в отношении высших чиновников государства трактуются И. де Баем как звенья одной цепи насилия и нарушения установленного порядка. Речь идет прежде всего о падении всесильного мажордома королевского двора Жана де Монтегю, ставшего жертвой мести Жана Бургундского за недополучение земных благ в благодарность за убийство брата короля⁵³. Описывая

32. Вступление войск в Париж

арест и казнь его, Н. де Бай вновь обращает внимание на разительный контраст между высоким положением жертвы и плачевным концом: «Жан де Монтегю рыцарь и главный мажордом двора короля, ранее секретарь и нотариус его... через любовь или склонность и открытость короля и сеньоров королевского рода управлял всем двором короля, королевы и дофина, был суверенным правителем финансов короля, и не только там, но и в домах дядей и кузенов короля имел большой авторитет, и особенно в доме герцога Берри был выше всех, и был первым и главным в Королевском совете... и получил много земель во многих частях королевства и построил дворец, названный Малькусси, в 8-9 лье от Парижа, очень красивое строение, и за два года построил монастырь целестинцев, так хорошо обустроенный во всех отношениях, что просто чудо... и это все стоило более 200 тыс. франков; этот Монтегю был схвачен... и посажен в Малый Шатле... перед толпами народа обезглавлен, и голову оставили на эшафоте, а тело повесили на виселице» (19 октября 1409 г.). И то, что секретарь никак не пытается объяснить столь неожиданное падение, говорит о его сомнениях в обвинениях в злоумышлении против жизни Карла VI того, кто принадлежал к славной когорте реформаторов-«мармузетов», отдавших все силы и знания укреплению королевской власти в обществе⁵⁴.

Второе громкое дело касалось Никола д'Оржемона, обвиненного арманьяками в заговоре с целью убийства герцога Беррийского.

И хотя Н. де Бай, будучи каноником церкви Парижа, присутствовал на чтении приговора, он не верит ему, во всяком случае, поражен контрастом между положением заговорщика и вменяемым ему обвинениям: «Никола д'Оржемон, сын Пьера д'Оржемона, который долго был советником заседаний Палаты (Парламента) и затем мэтром Палаты счетов, каноником Парижа, деканом Труа, архидиаконом Амьена, каноником Сен-Жермен-л'Оксеруа в Париже и Шампо в Бри... который имел в свое время очень большой авторитет и был одним из самых богатых клириков Франции, как говорили, был сегодня привезен в залу капитула Парижа... в его присутствии (соучастники) были обезглавлены, а он отвезен в Шатле... и отдан капитулу Парижа... и в присутствии очень большого числа людей был низведен в положение диакона. Затем было объявлено, что он подозреваем и уличен в оскорблении величества и лишен всех должностей и церковных бенефициев, и осужден к вечному покаянию на хлебе скорби и воде печали (a pain de douleur et eau d'angoisse) и содержанию в тюрьме... Ранее Королевским советом он был приговорен к 80 тыс. экю штрафа королю и лишен всех королевских должностей, учитывая его признание в присутствии короля Сицилии и герцога Беррийского, как говорили, добровольного... и все это является удивительным (merveilleuses), учитывая авторитет, который имел... до этого признания» (30 апреля 1416 г.). Не то чтобы Н. де Бай не верил в добровольность признания могущественного и богатого человека, он просто знает о ненависти арманьяков к нему, усматривая здесь черты кризиса общества, где не застрахован никто и все возможно⁵⁵. Так секретарь выразил свое представление о состоянии общества, в котором стали возможны политические убийства, падение всесильных чиновников и гражданская война, и его обвинения относились скорее к нравственной стороне политического насилия, захлестнувшего страну⁵⁶.

Причиной гражданской войны, вследствие которой «никогда прежде не жили в такой опасности», он считает коррозию нравов и ущемление правосудия: «И каковы беды (meschiez), какие опасности, несчастья и несообразности, какие преступления и грехи произошли от этого, происходят и будут происходить, станет понятно из следующего: главная причина всего, что перечислено, есть отсутствие (defaut) справедливости по отношению к Богу через богохульства ужасающие, которые имеют хождение в королевстве, (привычка. — С. Ц.) оскорблять и поносить Бога первым делом, даже среди самых высоких (les plus grants), как среди судей, так и среди людей церкви, и другие грехи несказанные (nondicibles), а также отсутствие справедли-

ности по отношению к себе и к самым близким и подданным. Ибо наши суды, я подозреваю, из числа тех, о ком говорил Пророк: "И вся праведность наша как запачканная одежда" (9 сентября 1410 г.). Трактуя гражданскую войну в духе проповедей Жана Жерсона, предвидевшего задолго до ее начала ужасные последствия для общества распространившихся богохульств и ругательств, Н. де Бай отрицает за обеими воюющими сторонами право на оправдание насилия благими целями, считая войну в любом случае наихудшим злом и наказанием за грехи⁵⁷. Как человек церкви и чиновник, он не признавал силу аргументом и вообще относился к ней как к опасному искушению. Защищая архивы Парламента от размещавшихся в Париже войск, он выразился предельно откровенно: «Ибо сила оружия может победить разум» (16 сентября 1410 г.).

Разум против оружия, закон против произвола, порядок против анархии — такой путь выхода из кризиса видит парламентский чиновник посреди распространившегося в стране тотального насилия.

В более сложных обстоятельства, в которых оказался Клеман де Фокамберг, те же идеи получили любопытную трансформацию, раскрывающую глубокую приверженность парламентария мирным способам решения конфликтов. Нет нужды повторять здесь его описание расправы в Париже над арманьяками летом 1418 г. Однако одна деталь в этом описании, не упоминавшаяся прежде, очень важна для понимания взглядов секретаря на насилие. Для него главным признаком законности и, значит, оправданности установления бургиньонского правления в Париже был тот факт, что само вступление войск герцога Жана Бургундского 29 мая 1418 г. обошлось без кровопролития, начавшегося позднее: «Все люди из дома короля и сеньоров, находящиеся в Париже, надели знаки герцога Бургундского и крест Св. Андрея, и также все горожане и жители, женщины и дети Парижа, которым в большинстве это вступление и приход были очень радостны и приятны. И не встретили воины в этот день никакого сопротивления и не был никто убит, кроме 2-3 человек» (29 мая 1418 г.). Так неприменение силы для него есть главный признак законности.

И это становится основным критерием оценок К. де Фокамберга разных событий: наличие или отсутствие насилия. Так, захваты королем Англии городов и крепостей, совершаемые юридически в пользу Карла VI, но у сторонников дофина, секретаря не радуют, и он выражает это замечанием, что имело место насилие: взятие крепости Рынок в Мо совершено «силой и длительностью осады» (26 мая 1422 г.), города Пон-сюр-Сен — «атакой и силой оружия» (26 мая 1423 г.). В то же время в речи герцога Бедфорда, регента королевства, секретарь отмечает как достоинство его намерение действо-

вать с помощью закона, а не силой оружия: «Милостью Бога больше, чем силой оружия и множеством воинов» (4 октября 1424 г.). А отвоевание герцогом Бедфордом городов и крепостей в Бри подаются как законные, раз «он встретил там довольно твердое подчинение, не совершая атак или военных акций» (3 августа 1429 г.).

Желая подчеркнуть неправоту действий войск Карла, секретарь считает достаточным аргументом применение ими силы, как в случае снятия осады с Орлеана («после многих атак и силой оружия» — 10 мая 1429 г.), или Жарго-сюр-Луар (14 июня 1429 г.). Однако по мере развития успехов войск дофина и нарастания кризиса в «английской Франции» симпатии К. де Фокамберга склоняются в пользу Карла Валуа. И выражением этих симпатий становится утверждение о неприменении войсками Карла насилия как главном знаке законности их действий. Сразу же велел за коронацией Карла, записывая о готовящихся против него военных операциях, секретарь отмечает, что он и его армия «были приняты в Шалоне, Труа, Реймсе, Лане и многих других городах королевства, прежде ему не подчинявшихся», именно приняты добровольно, а не насильно вошли в них (25 июля 1429 г.).

Наконец, вступление войск Карла в Париж весной 1436 г. и падение англо-бургиньонского режима предстают как в высшей степени законная акция, раз «добрые жители Парижа открыли ворота... отдав город в доброе подчинение, и так почтенно действовали и вели себя добрые горожане и жители... без кровопролития или очень незначительного, так что это должно считаться скорее творением Божественным, чем человеческим» (13 апреля 1436 г.)⁵⁷.

Нельзя сказать, что парламентарии были единственными, кто не верил в святость оружия и не считал его аргументом в споре, но то, что они были в меньшинстве, не подлежит сомнению⁵⁹. Никола де Бай и Клеман де Фокамберг были среди тех, кто не переставал утверждать: насилие ведет к краху, и лишь закон способен обеспечить мир и изобилие.

§ 5

Недемократичное человеколюбие

Во взглядах обоих гражданских секретарей обращает на себя внимание еще одна общая черта, однако ей трудно дать точное определение, и вынесенная в заглавие несколько парадоксальная формулировка тем не менее адекватно отражает сущность своеобразной позиции секретарей: их внимание к человеку, с одной стороны, и отрицательное отношение к людской толпе, массе, с другой. В этой

бросающейся в глаза позиции секретарей можно увидеть синтез ряда черт, присущих парламентской культуре в целом: и предпочтение совету избранных, узкого круга посвященных, противостоящему неразумной толпе; и забота о подданных короны как опоре сильной королевской власти; и тяготение парламентариев к формирующейся на рубеже XIV-XV вв. во Франции ранней гуманистической культуре, в той ее части, которая служила интересам укрепления государства и формированию гражданского гуманизма.

Оба секретаря в любом общественном событии находят возможность отметить его влияние на людей. Так, знаменитое рассуждение Никола де Бая о конфликте Парламента с Палатой счетов интересно и тем, что он представил как антизаконную акцию действия чиновников Палаты счетов, сославшись на ущемление интересов подданных королевства «Встали около 9 часов и пошли к королю мои сеньоры Палаты и ради этого прервали заседание, где многие бедные и добрые люди искали и ищут приема и справедливости, которые из-за таких нужд были приостановлены, и не только сегодня, но уже много дней, как заседания Совета, где бедные люди должны были получить решения, так и слушания дел» (23 февраля 1402 г.). Н. де Бай упоминает о людях в связи с разнородными событиями: эпидемия простуды в Париже, «так что едва можно было найти кого-то, будь то богатый или бедный, и особенно в Париже, кто не болел бы этой болезнью» (26 апреля 1404); природная стихия, получающая «человеческое измерение»: «И если Бог в своей милости не взглянет на свой бедный народ, плоды земли будут в большой опасности, из-за чего народ, хотя и много трудится, получит воздаяния лишь по грехам нашим» (12 июля 1404 г.). И конечно, о людях вспоминает секретарь в холодную зиму 1408 г., причем о людях простых, небогатых и неимущих: «Из этого можно представить себе, в каком положении находились бедные люди, у которых нет ни хлеба, ни вина, ни денег, ни дров, но лишь нехитрое ремесло да куча детей» (27 января 1408 г.). Тогда же он замечает, что несмотря на разрушение мостов и домов «чудесным образом никто не погиб» (31 января 1408 г.).

Люди становятся мерилom и бедствий гражданской войны у Н. де Бая, который считал человеческие жертвы равным по значимости ущербом стране от войны наряду с ущемлением королевской власти. Для секретаря Парламента посягательство воюющих сторон на право короля объявлять войну было наивысшим преступлением, и тот факт, что он ставит в один ряд с этим человеческие страдания, показывает, насколько в парламентской среде сформировался тот гражданский гуманизм, который сближал парламентариев с кругами первых французских гуманистов⁶⁰. Этому сближению способ-

ствовала сама сущность работы суда, призванного в большинстве случаев защищать интересы людей, их обыденные нужды и дела. Как бы ни были приблизительны и символичны приводимые секретарями цифры жертв войны, само их использование для доказательства пагубности этого явления отнюдь не случайно. В самый разгар гражданской войны Н. де Бай описывает положение в стране и основное внимание уделяет людям, особенно простым людям, страдающим невинно: «По причине войны между сеньорами... были убиты или умерли в королевстве с обеих сторон 20 тысяч человек всех сословий, как от оружия, так и иначе... нищетой и нуждой, из-за жары и неурожая... и из-за страданий, которым подвергаются бедные люди, женщины, дети и мужчины, умершие или умирающие во всех городах и поселениях королевства в очень большом количестве». В этом рассуждении секретаря стоит обратить внимание на то, что он не делает различий в жалости между жертвами обеих воюющих сторон и не дозирует ее по сословиям, для него в этом все люди равны и равно заслуживают страдания. Его поражает озверение людей и жестокость политических расправ, попирающая все человечески заповеди. Так, описывая здесь же расправы в Париже над арманьяками, он обращает внимание на небывалую прежде жестокость, вызванную именно политической разделенностью общества: «Много людей убито в тюрьме Шатле в эту зиму... из коих многие были оставлены там умирать с голоду, как говорили, и их лишали исповеди... и мертвых отвозили в повозках, совсем голыми... и едва забрасывали землей... И в итоге, какого бы сословия они ни были, будь то королевского рода, рыцарь, барон, горожанин, клирик, бедный или богатый (*petit et grant*) пребывали под угрозой жизни и имущества» (30 мая 1411 г., 27 августа 1412 г.).

Сострадание секретаря к людям не зависело от сословной принадлежности: описывая взятие бургиньонами Бомона-сюр-Уаз, он отмечает, что было убито, «как говорили, 28 человек» (13 августа 1416 г.); или, записывая обсуждение действий против банд грабителей, он отмечает, что «они проносятся по королевству, убивая людей всех сословий» (16 августа 1416 г.).

В целом взгляды Никола де Бая были более последовательно гуманистичными, чем взгляды его преемника. При этом он не одобрял действий участников восстания кабошьенов и неприязненно относился к требованиям толпы парижан (8 августа 1413 г.).

Его преемник также уделял внимание людям во всех перипетиях кровавых событий. Особый интерес представляет используемая им формула при сообщении об обороне, сдаче или освобождении городов и крепостей: «город и жители», как равновеликие и не тож-

дественные величины. В период расправ над арманьяками обсуждается способ успокоить «город и жителей» (31 мая 1418 г.); перед угрозой английского наступления решается, как «поддержать город и жителей в добром суде, мире и спокойствии» (15 сентября 1418 г.); накануне сдачи Руана англичанам Парламент думает о «сохранении Парижа и жителей» (18 января 1419 г.), как о спасении «Руана и его жителей» (20 декабря 1418 г.) и всего «королевства и его подданных» (17 января 1419 г.). На одно из первых мест секретарь ставит людские страдания и жертвы как главный аргумент при осуждении чьих-то действий: расправы бургиньонов в Париже, несмотря на пробургиньонские симпатии секретаря, осуждаются им: «В ходе этих волнений (*commotion*) было убито около 80-100 человек, среди них 3-4 женщины, как говорили» (20 августа 1418 г.). В то же время, осуждая действия арманьяков, он самым веским обвинением считает ущерб, наносимый людям: так, в результате передачи Ланьи графу д'Арманьяку «были убиты и понесли ущерб многие жители города» (12 сентября 1418 г.), а подошедшие к Парижу войска арманьяков «подожгли многие дома в пригороде Сен-Жермен- де-Пре... и убили 4-5 человек» (13 сентября 1418 г.).

Для Клемана де Фокамберга, как и для его предшественника, характерно сострадание к людям, о которых он находил случай упомянуть. Так, вступление в Париж победивших при осаде Мелёна войск королей Франции и Англии, сопровождавшееся праздником, у Клемана вызывает приступ жалости к парижанам, которые старались украсить город и изобразить радость: «Улицы были украшены очень торжественно исходя из возможностей и запасов горожан, простолюдинов (*manants*) и жителей, которые очень сократились во всех отношениях, как в количестве людей, так и в имуществе из-за войн и смертности» (2 декабря 1420 г.). Обнищание Парижа при англо-бургиньонах было поразительным, и секретарь со временем все настойчивее это подчеркивает⁶¹. Так, процессия «ремесленников и жителей, женщин и маленьких детей из Вильжюив и 4-5 соседних деревень» в праздник Св. Варнавы вызывает у него слезы жалости: «Одни несли реликвии и кресты... другие оружие из боязни врагов, которые постоянно нападали и наносили им ущерб... к состраданию тех, кто видел эту процессию, так что с трудом можно было на нее смотреть без слез» (11 июня 1428 г.). Даже вызывавшие простое любопытство необычные явления у секретаря описаны с жалостью, например, родившая на свет сиамских близнецов жена ремесленника, на которых люди ходили поглазеть как на диковинку, вызвала у Клемана скорее жалость, поскольку она «так тяжело рожала» (6 июня 1429 г.)⁶².

Внимание к человеческим жертвам и страданиям характерно для Клемана де Фокамберга в той же мере, что и для его предшественника. Однако у него в большей степени выражено резкое неприятие толпы и людей «низкого сословия» (*menu peuple*), предстающих в его описаниях виновниками наихудших событий. Отрицательное отношение секретаря к массе людей, к толпе, пытавшейся вершить важные дела, имеет глубокую связь с парламентской этикой, с ее приоритетом совета мудрых⁶³. «Мелкий люд» (буквально *menu peuple*) — это у секретаря вовсе не бедные низы, это сбившиеся в массу «самозванцы», без права и полномочий позволяющие себе вмешиваться в политику, поэтому именно на них ему удобнее всего сваливать вину и за погромы арманьяков в Париже летом 1418 г., и за недоброжелательные слухи о Карле Валуа осенью 1429 г., и за все неудачные действия властей. Оправдывая бургиньонов, Клеман де Фокамберг всю вину за резню в Париже в 1418 г. сваливает на «мелкий люд». Даже вступление войск Жана Бургундского он относит на их счет, ибо это «9-10 человек низкого сословия (*de petit estat*) тайно открыли ворота Сен-Жермен-де-Пре войскам» (29 мая 1418 г.). Кстати, эта трактовка противоречит однозначно пробургиньонской позиции, приписываемой секретарю, хотя он все 18 лет и продолжал работать при англо-бургиньонах. И уж конечно именно эти люди были инициаторами, по К. де Фокамбергу, расправ над арманьяками в тюрьмах: «Большинство было из людей низкого сословия, ворвавшихся в тюрьмы вопреки воле бургиньонов» (12 июня 1418 г.). Последний мощный всплеск политических репрессий также приписывается им «мелкому люду Парижа» (20 августа 1418 г.), что проскользнуло и в клятве, данной Жаном Бургундским, не допускать того, что «недавно совершили в Париже люди низкого сословия (*menuz peuple et de petit estat*)» (30 августа 1418 г.). На помощь этих людей, по мнению секретаря, рассчитывал и Карл Валуа, осаждая Париж в сентябре 1429 г. (8 сентября 1429 г.), и отказ парижан пойти на такое предательство выглядит у него разумным поступком. Наконец, вступление войск Карла VII в Париж предстает в описании преемника Клемана как подлинно законное, поскольку не было какого-либо участия людей «низкого положения», а ворота открыли «добрые жители Парижа» (13 апреля 1436 г.).

Так во взглядах гражданских секретарей личность противопоставлена толпе, народ — черни, и главной заботой суда представлена защита миролюбивых и законопослушных подданных короля. Можно сказать, что парламентариям было свойственно специфическое человеколюбие, в его гуманистической и недемократической трактовке.

§ 6

Судьбы гуманистов на службе государства

Имена обоих гражданских секретарей Парижского Парламента вписываются ныне историками в важнейшую страницу культуры рубежа XIV-XV вв. — формирование раннего гуманизма во Франции. Сама проблема раннего гуманизма, его истоков, глубины и перспективы приобретает все большее число сторонников и исследователей, хотя и остается оспариваемой приверженцами старой периодизации, где начало Ренессанса во Франции отнесено к концу XV в.⁶⁴

Не вдаваясь в детали этой проблемы, ограничимся неопровержимыми фактами: на рубеже XIV-XV вв. во Франции под влиянием Италии, в первую очередь Петрарки, возникает узкий ученый круг приверженцев античного наследия. Практически все они были знакомы друг с другом, находились в переписке, имитируя в ней античные образцы эпистолярного жанра и общественного резонанса частных писем, все они были однокашниками и выходцами из университетов Парижа и Орлеана⁶⁵. Здесь царил культ Вергилия и Цицерона, здесь искали и собирали рукописи античных авторов, здесь Сенеку цитировали не реже Августина. Отличительной особенностью ранней гуманистической культуры во Франции, определяющей интерес к данной проблеме в нашем исследовании, является внешне парадоксальный факт: приверженцы раннего гуманизма находились не столько на ученых кафедрах, сколько в органах власти — в Канцелярии, в Парламенте, в Шатле. Именно в этих институтах власти оказались востребованными новые идеи, служившие укреплению королевской власти, под чьей опекой они развивались и крепились. И как бы ни трактовать вопрос о преемственности этой ранней гуманистической культуры и последующего французского Ренессанса, ясно одно: придворный характер французского Ренессанса, роль монархии в его становлении были заложены уже в этот ранний период и вытекали не из стремления французских королей имитировать античное меценатство и заполучить блеск и роскошь итальянского искусства Ренессанса, а из связи гуманистической этики и культуры с потребностями формирующегося во Франции государства⁶⁶.

Судьбы первых французских гуманистов оказались сродни самой ранней гуманистической культуре: все они были в большей или меньшей степени драматичны, как трагичен был контраст между высокими идеалами гуманистической этики и кровавой реальностью во Франции начала XV в. Вместе с тем принадлежность первых французских

гуманистов к институтам королевской власти обеспечила им и долгую память, и плодотворную преемственность, и развитие их идей.

Судьбы двух гражданских секретарей, вписанные в историю Парламента и в контекст парламентской этики и культуры, дают нам редкую возможность проникнуть в тайну «человеческого в истории», тем более что вопреки обилию парламентских архивов составить приблизительную биографию большинства парламентских чиновников не представляется возможным⁶⁷.

Итак, начнем с биографий двух гражданских секретарей⁶⁸.

Никола де Бай родился около 1364 г. в семье крепостного (*de condition servile*) Колесона Ле Крантина в местечке Бай в области Шампань и был назван именем отца. Малолетний Колесон и его сестра Маргарита вскоре осиротели: их отец умер в 1368 г., а их имущество было отдано под опеку, однако доходы и движимость были в распоряжении матери, Марии Ла Крантинат. Готье де Конфлан, сеньор де Бай, принял участие в судьбе детей, в частности, по мнению А. Тюетэ, именно он посоветовал Колесону избрать путь клирика и помог получить начальное образование в приходской церкви, продолженное затем в Суассоне. Около 1380 г. Колесон де Бай становится стипендиатом Коллежа Бовэ в Парижском университете, где стал последовательно магистром искусств и бакалавром канонического права. Здесь же, в Коллеже Бовэ, Колесон отличился своим усердием и инициативой, войдя с 1398 г. в состав административного совета, здесь начал вести первый дневник. Затем он продолжил образование в университете Орлеана, где получил степень и в гражданском праве. Таков был, напомним, оптимальный путь вхождения в парламентскую среду — иметь степень обоих прав (*in utroque*). Но прежде чем попасть в верховную судебную палату, Колесон Ле Крантина дважды добивается свидетельства об освобождении от крепостной зависимости: 15 сентября 1373 г. и 5 марта 1380 г. еще под своим именем. В 1397 г. молодой человек меняет имя: Колесон Ле Крантина становится Никола Крантом, а в последние годы XIV в. добавляет — де Бай. С 1399 г. в возрасте 34-35 лет он — адвокат Парижского Парламента, а когда 3 августа 1400 г. умер гражданский секретарь Жан Виллекен, Никола де Бай, «магистр искусств, лицензиат гражданского права, бакалавр канонического права, каноник Суассона, кюре Монтиньи-Ланку», избирается на эту должность 80 голосами парламентских чиновников. Отныне его жизнь связана с историей Парламента⁶⁹.

За 16 лет службы в должности гражданского секретаря (16 ноября 1400 г. — 17 января 1417 г.) Никола де Бай не только превратился во влиятельного члена корпорации, прежде всего благодаря безуп-

речному исполнению своих обязанностей, но и стал первым, кто превратил парламентские протоколы в хронику событий в стране⁷⁰. Более того, он расширил круг обязанностей секретаря, заботясь о сохранении архивов, о внешнем состоянии залов Парламента, в том числе первым основал специальный регистр для завещаний, отданных на исполнение Парламенту⁷¹. Все это вполне обеспечило ему почетное место в коллективной памяти института.

Повысив престиж этой должности, Никола де Бай был приближен к королевским покоем, тиши Канцелярии, извилистым коридорам королевского дворца не только в силу своих должностных обязанностей, но и благодаря своим качествам тонкого дипломата, образованного клирика и легиста. Так, ему поручались особо деликатные дела, например, сделать опись имущества архиепископа Безансона или Гийома де Дормана, архиепископа Санса, или Рауля Ваке, президента Следственной палаты, когда между душеприказчиками возникали споры (13-14 декабря 1404 г., 25 октября 1406 г., 28 сентября 1410 г.). Не раз за годы службы Никола де Бай беседует с канцлером Франции, с высшей знатью, с дофином и даже с королем Карлом VI. Остановимся на этом моменте: бывший крепостной беседует с королем Франции! Бесспорно, такой взлет был следствием особых личных заслуг Н. де Бая, но он был возможен во французской сословной монархии, более того, он не был единственным. Достаточно будет назвать только еще одно имя: Жан Жерсон, по происхождению крестьянин, стал знаменитым канцлером Парижского университета, названным «светочем богословия», к чьему слову прислушивались во всем католическом мире того времени и кто стоял у истоков соборного движения. Такие возможности открывало образование и служба формирующемуся государству, что привлекало в ряды его сторонников наиболее активных и талантливых людей из всех слоев общества, но особенно из «неблагородных» слоев, благодарно служивших интересам короля потом всю жизнь⁷².

Кстати, они были знакомы, как почти все, кого сегодня приписывают к кругу первых французских гуманистов, и хотя одни из них служили делу церкви, как Никола де Кламанж, с которым Никола де Бай состоял в многолетней переписке, а другие — королю, все они в конечном счете трудились на благо страны и были в этом единомышленниками.

Точность в исполнении своих обязанностей и образцовая дисциплина де Бая снискали ему уважение парламентской корпорации, но подорвали его здоровье. Еще Никола де Кламанж упрекал его за это и убеждал оставить карьеру в Парламенте, посвятив свои силы и знания служению церкви, но Н. де Бай остался верен из-

бранному пути. И все же в ноябре 1416 г. он вынужден просить Парламент учесть его голы (было ему около 52 лет) и ухудшение зрения и избрать на должность советника в Следственную палату (12 ноября 1416 г.). Действительно, эта причина выглядит правомерной: зрение очень важно для человека, придающего такое значение полноте протоколов Парламента. Однако мне видится в этом вполне согласном с парламентской иерархией шаге и политическая подоплека.

Ситуация в стране в связи с борьбой бургиньонов и арманьяков, с продвижением английских войск, с кризисом власти была критической, а усилиями самого секретаря он стал слишком заметной фигурой в Парламенте, и хотя нельзя приписать Н. де Бая, как и большинство парламентариев, к открытым сторонникам одной из партий, перед явной угрозой бургиньонов он вполне мог предпочесть скромную и не очень видную должность одного из советников самой многочисленной Следственной палаты. Таким образом, отказ Н. де Бая от должности гражданского секретаря вовсе не являлся таким уж естественным, и слишком простая аргументация лишь умножает сомнения. После стольких лет работы именно в 1416 г. зрение стало такой серьезной помехой, а ведь после перехода в Следственную палату, где делался самый большой объем работ, ему поручались ответственные, сложные и трудоемкие задания. Так, в 1417 г. ему одному Парламент доверяет написать письма городам Франции в ответ на распространенные там антигосударственные призывы Жана Бургундского (29 мая 1417 г.); тогда же ему, в числе немногих чиновников, поручено составить ответ королю и представить проект мер для сбора налога с разоренной страны (1 июня 1417 г.); в 1418 г. де Бай включен в состав делегации из 12 человек, отправленных к дофину на совещание об очередных переговорах с Жаном Бургундским (18 апреля 1418 г.). Вряд ли объем работ, выполняемых Никола де Баем, стал меньше, а вот что явно сократилось, так это ответственность, и появилась возможность уйти от внимания политических сил и партий и в итоге избежать гонений, обрушившихся на арманьяков в Париже летом 1418 г. Более того, он не прятался, как большинство арманьяков, а смело пошел к герцогу Бургундскому, с которым был хорошо знаком, и требовал от него охранить храмы Парижа от чинимых его воинами беспорядков. И в начале июля 1418 г., когда Парижский университет организовал процессии для успокоения города, Никола де Бай принял в них участие и следил за порядком. Он не был включен в состав нового Парламента после установления бургиньонского режима, но он остался жив и на свободе. Опись его имущества доказывает, что он избежал «репрессий против арманьяков». Никола де Бай умер внезапно

9 мая 1419 г. вследствие эпидемии. Похоронен он был в церкви Сен-Дени-дю-Па⁷⁴.

Но на этом не заканчивается история Н. де Бая в Парижском Парламенте. Опись его имущества свидетельствует: он был очень богатым человеком, его огромный дом, обстановка, мебель и утварь, не говоря уже о библиотеке, — все было закономерным итогом образцовой службы в Парламенте⁷⁵. Прежде всего обратим внимание: Никола де Бай был не только чиновником Парламента, но и человеком церкви. Он был архидиаконом церкви Шалона, каноником церкви Камбре, Суассона, Турнэ, кюре церкви Сен-Жак-де-ла-Бушери, наконец, в 1414 г. он получил одно из самых заметных мест в церкви Парижа — стал каноником Нотр-Дам. Все эти бенефиции не только раздавались королем своим чиновникам, но и получались при прямом давлении самого Парламента. И Никола де Бай в полной мере использовал эту поддержку корпорации для получения бенефициев (26 июня 1411 г.).

Еще одним источником дополнительных доходов было исполнение чиновниками завещаний, и участие секретаря в этом также небескорыстно. Н. де Бай был нередко назван душеприказчиком, причем у весьма высокопоставленных лиц, например у первого президента Робера Може. В качестве душеприказчика он получал и внушительные вознаграждения, например, по завещанию епископа Арраса в 1405 г. — серебряные крест и монеты⁷⁶. Наконец, его великолепная библиотека тоже может считаться неким корпоративным достоянием. Не говоря здесь о содержании этой библиотеки, отражавшем широту интересов образованного человека и его профессию, следует иметь в виду, что значительная часть книг была получена Н. де Баем по завещаниям чиновников, рассматривавших книгу как рабочий инструмент парламентария⁷⁷. Да и сам ее владелец в бытность свою секретарем проявлял особый интерес к книгам, пытаясь всеми силами удержать их в Парламенте. Так, он всячески препятствовал тому, чтобы 12 книг по каноническому праву, оспариваемых наследниками в числе прочего имущества покойного патриарха Антиохии, были бы отданы одной из сторон до завершения спора. Самоуправство секретаря возмутило президента Парламента Пьера Боше, который прислал к нему в дом своего родственника, поведавшего тому об угрозах Боше пожаловаться Парламенту на чинимые секретарем сложности. Оправдываясь, тот ссылается на мнение оспаривающей стороны, «вовсе не согласной, чтобы эти книги ушли из рук Палаты»; но ясно, что книги нужны самому секретарю, который только «учитывая власть Пьера Боше согласился отдать эти книги» (4 августа 1403 г.). Н. де Бай, как все парламента-

рии, придавал книгам особое значение, всегда упоминая об их судьбе по разным соглашениям и завещаниям (например, 2 октября 1403 г.). Об этом пристрастии чиновников Парламента к книгам знали все и, например, в завещании некоей Изабеллы де Журменкур в распоряжение Парламента передавалась сумма в 60 золотых экю «для употребления на книги или другие нужды (usages) в удовольствие Палаты» (23 февраля 1406 г.). В своем нежелании выпускать из рук книги, попавшие так или иначе в распоряжение Парламента, Н. де Бай доходил до опасного упрямства. Так, он наотрез отказывался отдать епископу Парижа шесть трактатов Джона Уиклифа, хотя и знал, что они осуждены церковью как еретические. Книги пролежали целых три года, и епископ Парижа был вынужден прибегнуть к угрозам и напомнить секретарю постановление церкви. Нехотя отдав книги, Н. де Бай остался убежден, что такая настойчивость епископа Парижа несправедлива, поскольку книги были отданы именно Парламенту советником д'Акиньи по завещанию и, следовательно, должны оставаться в его руках (8 июня 1401 г.)⁷¹.

Никола де Бай владел большой собственностью в приходе Сен-Жермен-л'Оксеруа, купленной у Жанны де Пайяр, дамы де Дорман, стоимостью 2 тыс. экю (дом, двор, сад), а также имел три дома в Ванве, заплатив за них 720 экю короне. Кроме того, он имел виноградники в Ванве и Медоне, приносявшие по 30 бочек вина по 400 литров каждая, несколько рент и домов в Париже, землю в Эпинеле.

Кому же досталось все это богатство?

С ним связана долгая тяжба и довольно темная история. Дело в том, что чиновники Казны попытались оспорить завещание Н. де Бая и подвергнуть его имущество секвестру по «праву мертвой руки» на том основании, что он был крепостным. Его душеприказчики (один из них - Жан Утен, его помощник все годы службы на должности секретаря) возмутились и подали иск в Парламент. И тот встал на защиту интересов своего бывшего чиновника. Прежде всего были представлены письма об освобождении его от крепостной зависимости и свидетельства о том, что «при жизни покойный был свободным человеком, клириком и священником, и получал многие крупные и почетные должности... и пользовался полной свободой в течение 40 лет и более, публично, открыто и спокойно без препятствий или протестов»

Однако чиновники Казны боролись за это имущество упорно и долго: за три года тяжбы душеприказчики добились в свою поддержку королевских писем, однако вынуждены были уплатить в Казну 400 ливров, а затем по соглашению с ней еще 250 золотых экю. Однако Парламент отказался утвердить это соглашение от 3 августа 1419 г. (26 августа 1419 г.).

Причину такого странного упрямства чиновников Казны могли бы прояснить личности наследников. Однако завещания Никола де Бая не найдено, а опись его имущества не упоминает никаких родственников, даже дальних. А ведь они были.

Сестра его, Маргарита, видимо, рано умерла. Но была другая родственница — племянница и ее дочь Марион, которой он помог дважды получить освобождение от крепостной зависимости сначала у Жана де Бетюна, сеньора де Бая, за 50 золотых франков, затем у Шарля де Пуатье, епископа Шалона (15 апреля 1410 г.). Она вышла замуж за адвоката Парламента Жана Ле Кузена 8 сентября 1401 г., получив от Н. де Бая помимо оплаты грамоты об освобождении от крепостной зависимости еще и 600 золотых экю приданого, но она и ее муж вряд ли были наследниками, поскольку Жан Ле Кузен был вторым душеприказчиком по завещанию.

Как бы то ни было, Парламент сумел отстоять интересы своего ученого секретаря и известного чиновника: решением от 9 января 1422 г. он хотя и утвердил соглашение от 3 августа 1419 г., но объявил претензии фиска необоснованными⁷⁹. Даже «очищенный», бургиньонский Парламент встал на защиту чести чиновника парламентской корпорации, хотя и ушедшего отсюда по политическим мотивам. Однако так и осталось неизвестно, кому же досталось его имущество, особенно его библиотека, которой одной было бы достаточно, по справедливому замечанию А. Тюэте, чтобы имя Никола де Бая осталось в истории Франции⁸⁰.

Жизнь Клемана де Фокамберга также была в значительной степени связана со службой Парламенту. При этом мы знаем о нем так же мало, как и о большинстве парламентариев, что было одной из особенностей именно этого учреждения, где человек был «растворен» в коллективе. Нам точно неизвестно даже его имя, поскольку он подписывался просто «Клеман», Фокамберг же — это название главной местности в области Па-де-Кале. О его семье также ничего неизвестно; знаем мы только из его слов, что он выходец из Пикардии. Вопреки утверждению таких авторитетных изданий, как «Генеалогия советников Парламента» Бланшара и «Gallia Christiana», о дворянском происхождении Клемана, оно вызывает серьезные сомнения, самым неотразимым аргументом для которых является упоминавшийся конфликт, возникший в Парламенте из-за выборов пяти новых советников, среди которых был и Клеман: обиженная сторона пыталась оспорить результаты выборов на том основании, что среди выбранных нет ни одного дворянина, а согласно ордонансам преимущество должны иметь, при прочих равных условиях, именно дворяне (13 декабря 1410 г.).

Как и его предшественник, Клеман был человеком церкви — каноником и деканом церквей Амьена, Арраса, Камбре, приором в Шалоне и Шартре, каноником церквей Сен-Мери и Нотр-Дам в Париже — и лицензиатом обоих прав (*in utroque jure licentiatum*) (27 января 1416 г.). До вступления в Парламент он занимал важную должность в Канцелярии, от которой Парламент приказал ему отказаться, боясь совмещения двух должностей (13 декабря 1410 г.). С 1410 до 1416 г. он не слишком заметный, но добросовестный советник Следственной палаты. И вдруг после отказа Н. де Бая от должности гражданского секретаря Клеман выставляет свою кандидатуру.

Почему Клеман решает покинуть должность советника, к которой стремился всего несколько лет назад, и стать всего лишь секретарем? Ведь если переход Н. де Бая согласуется с принципами парламентского «возвышения», то перемещение Клемана «вниз» было первым подобным случаем, предвестником слома парламентской иерархии в годы англо-бургиньонов. Разумеется, должность секретаря считалась более прибыльной, поскольку жалованье было стабильно, как и дополнительные привилегии, относящиеся к ней. Но не только материальный интерес был важен для Клемана, и это подтверждает весьма скромное его «наследство», отраженное в описи имущества, разительно контрастирующей с описью его предшественника. По-моему, политическая предусмотрительность и нежелание вмешиваться в борьбу партий лежат в основе «смиренного шага» Клемана⁸¹. Об этом он и сам говорит, используя излюбленную строку из «Энеиды» Вергилия: «Незаметный предпочитаю и скромное занятие» (*malui et mutas agere inglorius artes*). Любимая фраза из Вергилия проходит рефреном через все 17 лет его службы секретарем, открывая каждый новый регистр и превратившись вскоре в самоапологию, наполняясь горьким смыслом по мере упадка Парижского Парламента. Клеман был сторонником бургиньонов, но столь же умеренным и критичным, как Н. де Бай арманьяком. И его судьба убеждает в выгодности такой позиции: хотя при его вступлении в должность положение в Париже было критическим, он сумел удержаться на своей должности и при англо-бургиньонах. Принеся клятву позднее, чем основной состав «нового Парламента» (17 августа 1418 г.), он преодолел сгустившиеся над ним тучи не без помощи корпоративной солидарности.

Его дисциплинированность, пунктуальность и ловкость в кризисных ситуациях были залогом успеха в службе, но разочарование и страх нарастали в настроениях Клемана с каждым годом: сообщая о закрытии сессии Парламента, он все чаще благодарит Бога за благополучный исход (*et hic finis hujus Parlamenti, gratia Dei*) (16 сен-

тября 1430 г., 18 сентября 1434 г.). Когда же вступление в Париж войск Карла VII стало вопросом времени, Клеман вновь предпочитает благоразумно отойти в тень и тайно покидает город осенью 1435 г.: не поставив в известность Парламент, он доверяет свое решение протоколу (еще один важный штрих отношения парламентариев к «памяти» учреждения), используя в вольной интерпретации цитату из «Энеиды»: «Плыл я оттуда, когда меня к вам Боги пригнали» (17 сентября 1435 г.). Как бы ни было кратковременно его отсутствие, оно произошло в переломный для Парламента момент и не может быть понято вне этого контекста. Хотя Парламент предпочел выразить недоумение по поводу «странного» отъезда своего секретаря, перебравшегося в Камбре, под власть Карла VII, что вполне согласуется с его трезвой позицией по отношению к «своему» претенденту на французский трон, корпорация оценила прозорливость Клемана, так что его отъезд знаменовал не конец карьеры в Парламенте, а ее блестящее продолжение: на открытии первой сессии нового Парламента 1436 г. пол властью Карла VII Клеман вновь занял место среди советников Следственной палаты.

В течение последних двух лет жизни он оставался усердным и аккуратным чиновником, и даже накануне смерти, 17 июня 1438 г., присутствовал на заседании. Смерть его, по-видимому, была внезапной; похоронен он в соборе Нотр-Дам в Париже, где сохранилась надпись: «Почтенный и скромный человек, лицензиат гражданского и канонического права (*venérable et discrète personne, licencié en loix et en decret*)» — образцовая эпитафия для парламентария, венчающая примерную карьеру.

Оба гражданских секретаря были прежде всего и главным образом людьми Парламента: в их карьерах, взглядах и позициях нашел воплощение парламентский идеал службы королевской власти, противостоящей анархии, беззаконию, жестокости. В прямой связи с парламентской карьерой находится и их вклад в дело церкви, поскольку не знавшая исключений парламентская традиция назначать на должность гражданского секретаря только людей духовного звания объяснялась необходимостью исполнять немало миссий в делах церковных. Показателен в этом смысле отказ двух помощников Клемана продолжать службу после того, как его преемником англичане сделали уголовного секретаря Жана де л'Эпина, мирянина (29 декабря 1435 г.). Никола де Бай ценим был выдающимися теологами своего времени — Жаном Жерсоном и Никола де Кламанжем. В свою очередь Клеман оказывал множество услуг капитулу церкви Нотр-Дам в Париже и даже в своем недолгом пребывании в Камбре осенью 1435 г. — осенью 1436 г. исполнял поручения церкви в Пикардии и

Вермандуа. Оба были сторонниками национальной церкви Франции, соборного движения и «нового благочестия», в духе Жерсона.

Черты, присущие ранней гуманистической культуре рубежа XIV-XV вв., прослеживаются у обоих гражданских секретарей, но лишь те, что отвечали парламентской этике и культуре. Оба они, как люди верховного суда и новой ученой культуры, отличаются от образованных людей прежних эпох, ставя в центр забот и размышлений человека, его страдания, радости и горести. При этом сострадание и уважение не делится ими по сословиям. Не менее существенно отличает их преимущественный интерес к современности, превративший записи секретарей в хронику своего времени, написанную с позиций парламентариев и гуманистов, где нет места живописанию жестокостей, насилий и чудес, нет даже бывших тогда в ходу астрологических предсказаний, зато есть трезвый взгляд на события и действия людей, неверие в слухи и попытка осмысления хода истории.

Мышление гражданских секретарей пронизано идеями христианского милосердия, упованием на Божественное вмешательство, но в основе этих упований лежит забота о спасении человека, жажда счастья, процветания королевства и каждого его подданного. «Новое благочестие», ставшее особенностью ранней гуманистической культуры во Франции, было близко обоим секретарям⁸². Они были также активными поборниками галликанизма и соборного движения. Так, Н. де Бай не допускал и тени сомнения в законности провозглашенных в 1407 г. «старых свобод церкви Франции», заявляя, что они «вошли в обычай с древнейших времен и являются правильными». Клеман же, отмечая традиционную смену года в день Пасхи, в 1427 г. уже утверждает, что это делается «согласно законам галликанской церкви (*secundum morem ecclesie Gallicane*)» (20 апреля 1427 г.), явно в пику попыткам англо-бургиньонских властей отменить эти ордонансы.

Особое внимание оба секретаря уделяли также вопросам языка, делая упор на развитие именно французского языка, что стало впоследствии одной из важнейших тем французского Ренессанса⁸³. Им была ближе латынь и как клирикам, и как людям университета, поэтому многие собственные записи на полях они пишут на латыни. А Никола де Бай на латыни составил также «Дневник» (*Memorial*). Однако их усилия направлены на развитие родного языка, на котором ведутся протоколы, и они обращают внимание всякий раз на этот вопрос (27 мая 1406 г., 14 июня 1414 г.). Глубокая образованность и увлечение античными образцами эпистолярного жанра Н де Бая были использованы в важной для Парламента деятельности — редактировании и написании писем к Папе, кардиналам, городам, отданных в руки гражданского секретарю.

Наконец, любопытной особенностью записей обоих секретарей стало использование ими рисунков на полях протоколов, в которых зачастую они выражали свое отношение к существу записи. Изучение этих рисунков достойно отдельного исследования, но можно утверждать, что они отражали взгляд обоих секретарей на трагические события эпохи⁸⁴. Так, Н. де Бай, записывая речи об оправдании и политической целесообразности творимых насилий и жестокостей, всякий раз на полях изображал жертву, виселицу и плаху, выражая тем неприятие силы. Самый знаменитый, упомянутый выше рисунок Клемана — изображение Жанны д'Арк, лишь подтверждает его скептическое отношение к обвинению ее в ереси и показывает равнодушие «английской Франции» к подвигу Орлеанской Девы⁸⁵.

И последнее. Библиотеки обоих секретарей были еще одним проявлением широты их образованности и приверженности к новой культуре⁸⁶. Библиотека Никола де Бая — лучшая из известных до сих пор частных библиотек — была оценена в описи имущества в 849 турецких ливров 6 су 6 денье, равную 50% всего наследства, и насчитывала 198 наименований книг⁸⁷. Прежде всего она отражала профессиональные интересы чиновника: книги по праву, юридические трактаты, собрания законов, произведений Гийома Парижского, Гийома Дюрана, комментарии к законам, собрания кутюмов Шалона, Парижа, Суассона, Нормандии и т.п. — всего 32 книги (16%). Наличие обширной духовной литературы не нуждается в пояснениях, однако и здесь обращает на себя внимание интерес секретаря к произведениям недавнего прошлого, отмеченным печатью новых тенденций в литературе, развитых при целенаправленной политике Карла V Мудрого, с его обширной программой переводов античных произведений на французский язык и приспособлением античного наследия к потребностям формирующегося государства⁸⁸. Поэтому рядом с многочисленными экземплярами Библии, произведений Августина, Фомы Аквинского, Бодуэна, Петра Ломбардского, Абеляра, Ансельма, Иоанна Сольсберрийского и других мы находим Уильяма Оккама, Никола Орезма, в том числе его знаменитые переводы «Политики» и «Этики» Аристотеля. Немалое место занимают среди книг этой библиотеки исторические сочинения и различные трактаты, касающиеся античной и средневековой истории, а также трактаты по географии, астрономии и другим наукам. Здесь и произведения Кассиодора, Псевдо-Дионисия и Макробия, и «Схоластическая история» Пьера Ле Манжера, «Церковная история» Евсевия, «Образ мира» Гонтье де Меца; самый старый трактат по хирургии Анри де Амондевиля, хирурга Филиппа IV Красивого, «О состоянии мира» Рютбефа, история крестовых походов и т.д.⁸⁹

И наконец, состав библиотеки свидетельствует об интересе де Бая к античному наследию и новой гуманистической литературе: здесь мы находим произведения Бокаччо и Петрарки, богатейшее собрание античных авторов — Лукреция Карра «О природе вещей», сочинений Овидия, Аристотеля, Юлия Цезаря, Теренция, Тита Ливия, Сенеки, Цицерона, Саллюстия и конечно же Вергилия⁹⁰.

Те несколько книг (всего 25), что попали в опись имущества Клемана де Фокамберга, строго говоря, нельзя назвать библиотекой⁹¹. Однако это вовсе не свидетельствует о его меньшем образовании или невнимании к книгам. В этой связи очень показателен эпизод из биографии Клемана, который в самый трудный период в жизни «английского Парижа» принял должность хранителя библиотеки собора Нотр-Дам: он нашел время и приложил старание, чтобы сохранить библиотеку, составив с этой целью се опись и передав затем ее в пользование капитула 20 мая 1433 г.⁹² В его личном пользовании находились, и это понятно, книги по праву, а также произведения духовной литературы, но и «История Трои», и «Морализованный Овидий», «Энеида» Вергилия, строка из которой стала его девизом. В написанных им протоколах мы встречаем обширные цитаты из античных авторов, у которых он черпает идеи об образцовом правлении и совершенном государстве, о губительности для общества частного интереса (17 октября 1429 г., 6 ноября 1430 г.).

Взгляды и судьбы двух гражданских секретарей, Никола де Бая и Клемана де Фокамберга, демонстрируют специфические черты парламентских чиновников как части формирующегося нового социального слоя в государстве, осознающего к началу XV в. свою особую миссию в обществе. Избрав карьеру чиновника, они шли к ней разными, но равно долгими путями, приобретая образование и опыт, необходимые для службы в Парламенте. Попав в орбиту парламентской корпорации, они быстро усвоили сформированные здесь принципы отношения к работе и друг к другу, манеру поведения вне стен Парламента и особый взгляд на мир. Чиновничья среда была собранием образованных людей, энергичных и полных веры в важность для общества их института власти, призванного вершить правосудие для всех, кто взывает к королю «христианнейшего королевства Франции». Отсюда понятен и их интерес к важнейшим спорам и идеям эпохи, их открытость новым тенденциям в культуре, приумножающим блеск и славу Французского королевства. Служба в Парламенте была служением идее, она требовала дисциплины и исключительно строгих правил, отвечавших общественному предназначению Парижского Парламента — обеспечивать мир, правопорядок и справедливость для всех.

Заключение

«Люди из Дворца на острове Ситэ»

Сюжетом этой книги являлся коллективный портрет корпорации чиновников Парижского Парламента. Вне зависимости от качества нарисованной картины, возможный упрек в ее обезличенности вполне заслужен и осознаваем автором. Не раз читатель, без сомнения, задавался вопросом: «А судьи кто?» Многие из этих чиновников достойны отдельной и увлекательной книги. Но далеко не все. И в этом проявилась существенная черта данного института власти, как и любого органа управления. Чиновники, за редким исключением, что влекло за собой действительно исключение из корпорации, не сделали себе политической карьеры вне своих должностных функций. Работа института — вот их главная карьера, плод их личных усилий. Поэтому коллективный портрет корпорации правомерен: в нем прописаны те черты, которые объединяли чиновников Парламента и сделали их политической силой, повлиявшей на становление и развитие королевской власти во Франции.

Их многое разъединяло: социальное происхождение, место рождения, возраст, карьера, политические пристрастия, семейные связи. Но даже Ф. Огран, изучив все это досконально и предостерегая от слишком прямолинейного стремления приписать всей парламентской корпорации единую политику и согласованность действий, признает, что различия переплавлялись в нечто целое, в новое качество при вхождении чиновника в эту корпорацию служителей государства, как из соли, воды и муки, смешанных в определенной пропорции, в печи получается хлеб.

Поэтому в книге исследуется то, что было главным в общественном облике парламентской корпорации. Это не означает, однако, что картина исчерпывающая: наверняка в архивах Парламента можно найти и иные черты, уточняющие или даже меняющие ее. Но то, что показано в книге, было присуще парламентской корпорации, было основой, базовой опорой — это очевидно из всей истории института, от его начала и до отмены королевской власти во Франции.

Сделав основой исследования выборку из протоколов Парламента, автору пришлось разбивать эти осколки вдребезги и исследовать их по крупницам, чтобы теперь вновь собрать воедино. Итак, что же было главным в облике чиновника Парламента?

В основе возникающих органов управления централизованного государства лежала принципиально иная, отличная от прежней сеньориальной, природа институтов власти — публично-правовая, опирающаяся на законы, а не на вассальную преданность сеньору. Она придала чиновникам новый статус — профессиональных служащих государства, критериями отбора которых являлись образование, знания, опыт и незапятнанное имя. Содержащиеся в законах о выборах чиновников, эти критерии стали фундаментом строения парламентской корпорации, иерархии должностей, принципов продвижения чиновника и распределения материальных благ, ответственности самой корпорации за качество работы и общественный облик своих чиновников. Профессионализация парламентских чиновников вступила в столкновение с рудиментами Королевской курии в структуре института, вытеснив в итоге сеньориальный элемент в виде участия 12 пэров в работе Парламента и подчинения канцлеру как главе всей королевской администрации. Она же изменила и характер приносимой чиновником клятвы: обещая служить королю, чиновник наделе клялся отстаивать интересы короля от всех, в том числе и от самого короля, все чаще трактуя их как «общее благо». Это порождало принципиально иное отношение к королю как к личности: готовые защищать его интересы, даже в большем объеме, чем тот, на который большой Карл VI мог претендовать, парламентские чиновники были весьма критичны в оценке его личных качеств и поступков, тем более его окружения. И главное: отстаивая интересы короля, они защищают себя, свои интересы. Созданный для свершения правосудия от имени короля и охраны законности, Парламент выходит из-под контроля короля, начиная самостоятельно трактовать свои права и прерогативы, а также «интересы короля».

Публично-правовая природа институтов королевской власти определяла основной конфликт в становлении государства — столкновение «общего блага» и «частного интереса», будь то интересы высшей знати, партий или могущественных кланов. Защита общего блага была, в принципе, заложена в характере государственной службы и не оставляла чиновникам Парламента выбора: они обязаны были отстаивать общие интересы, если хотели оставаться на службе. Отсюда закономерна их позиция в борьбе бургиньонов и

33 Похороны Карла VI (четыре президента окружают катафалк)

арманьяков. Невмешательство в конфликт на стороне одной из партий вытекало из характера приносимой чиновником клятвы, однако это не было неучастием в гражданской войне, затронувшей

все общество. Напротив, стоя над конфликтом, Парламент олицетворял порядок и законность в противовес разгулу политических страстей и насилия, способствуя поиску компромисса и мира любой ценой. Такая политика не меньше, чем сама гражданская война, содействовала формированию гражданского общества, немыслимого без институтов, защищающих общий интерес.

Парламент использовал этот конфликт для укрепления королевской власти, осудив и поставив вне закона «частную войну», начатую кем бы то ни было, кроме короля. Более того, именно осуждение войны бургиньонов и арманьяков внесло решающий вклад в объявление Парламентом всех сословий подданными государя, что явилось важным шагом в становлении гражданского общества. Неприятие Парламентом политического насилия и убийства по политическим мотивам, ущемляющих прерогативы верховного суда королевства, расширяло компетенцию этого главного института королевской власти и сокращало в то же время важную функцию короля — по собственной воле прощать любое преступление в государстве.

Отныне верховный суд претендовал на эту королевскую функцию — устанавливать правосудие для всех и опираться при этом на существующие законы. Право каждого подданного быть выслушанным королем превратилось в надежный способ самозащиты чиновников формирующегося государства, не признающих право короля смещать их без должного основания и без возможности самооправдания. Профессиональные качества становятся выше личной преданности королю не только в оценке чиновника, но и в его деятельности. Так развитие институтов власти закономерно привело к их автономизации от личности короля и функционированию в соответствии с законами страны. Процесс профессионализации королевской службы сопровождался развитием рационализма и прагматизма в подходе чиновников к своей работе, отразившихся и на их этике. Именно прагматизм помог Парламенту выжить в условиях «английской Франции», поскольку служение верховному суду, в котором заинтересованы все сословия общества, оказалось надежнее меняющейся политической конъюнктуры.

Наконец, в организации и функционировании парламентской корпорации нашли воплощение преимущества коллегиальной формы управления, способной противостоять давлению извне любых сил. Делегированная королем Парламенту прерогатива вершить «правосудие для всех» изменила характер судебной королевской власти в пользу общества. Король, как бы ни был он мудр и тверд, подвержен влиянию своего окружения, а институт в сто судей ста-

новится практически неуязвим для этого вмешательства. Коллективная оборона, взаимные обязательства, секретность обсуждений Парламента не позволили политическим силам существенно повлиять ни на комплектование его персонала, ни на его решения.

Появление слоя профессиональных служителей власти, частью которых являлись парламентские чиновники, принципиально изменило социальную структуру средневекового общества и породило новые грани политической культуры, вошедшие в итоге в «золотой фонд» западной цивилизации. Чиновники Парижского Парламента были выходцами из всех слоев и сословий французского общества, от крестьян до дворян. Возможно, именно поэтому их дружно ненавидели все сословия, не прощая социального «предательства». Предательством выглядели новые качества, присущие чиновнику и отличавшие его от всех иных сословий.

В основе самоидентификации парламентариев лежало представление о себе как об особой касте служителей нового культа — государства. Служению этой «новой религии» было подчинено все: клятва, кодекс чести, дисциплина, субординация, этика, специфические нормы жизни, знания и вся жизнь. Для того чтобы стать чиновником Парламента, человек должен был рано избрать эту область деятельности, отдав годы жизни для вступления в корпорацию, не говоря уже об усилиях и немалых денежных затратах на получение образования, приобретение опыта и незапятнанного имени.

Принадлежность к парламентской корпорации давала человеку не только относительное материальное благополучие, но и высокий социальный статус и вес в обществе. Поэтому служба в Парламенте была не столько работой, сколько способом существования, олицетворением призвания человека. Поставленные в зависимость от качества работы института, материальные блага службы и моральный вес в обществе способствовали формированию у чиновников отношения к Парламенту как к коллективной собственности и воплощению своего предназначения. В парламентской этике и культуре отразилось то новое, что принесло в общество государство как культурный феномен: служение общему интересу в верховном суде королевства приобрело качества того особого явления, которое М. Вебер определял как *Beruf* — «профессиональное призвание». Не свойственное человеческой природе, такое отношение к труду, по мнению М. Вебера, имеет религиозный мотив как поставленная Богом задача, однако оно стало важнейшим этапом в рационализации мышления и обмирщения сознания, поскольку выполнение долга в рамках мирской профессии рассматривалось как наи-

34. Дворец Правосудия на острове Ситэ. Современный вид

высшая цель нравственной жизни человека. Высказанный М. Вебером призыв выяснить, насколько средневековая христианская этика способствовала победе этого, по его мнению, «духа капитализма», нашел отклик в данном исследовании. И вовсе не случайно, что аналогом немецкому слову *Beruf*, впервые использованному в таком контексте Мартином Лютером в его переводе Библии, не считая наиболее точного эквивалента в древнееврейском языке, является в латинском языке слово *officium*, означавшее «длительную профессиональную деятельность, которая служит источником дохода человека и тем самым является прочной экономической основой его существования»¹.

Работа как способ существования, как судьба и форма самоидентификации человека — таковой в основных чертах предстает служба чиновника в Парижском Парламенте. Период острейшего кризиса, избранный в качестве временных рамок исследования, показал жизнеспособность этого института власти. Выбор, сделанный Францией в этот период в пользу национального государства, складывался из отдельных выборов каждой социальной группы и частных выборов людей. На выбор чиновников Парижского Парламента решающее влияние оказали их представления о себе, своем институте и королевской власти. Так культура, поставленная в социальный

контекст, становится одним из решающих факторов развития, а носитель определенной культуры — парламентарий — активным действующим лицом исторического процесса.

Выходцы из всех сословий королевства, чиновники Парламента — единственные, помимо короля и канцлера, — носили королевскую одежду. В обществе, где социальная принадлежность требовала внешних форм выражения, такая униформа говорила о многом. Наряду с клятвой, субординацией, дисциплиной и этикой, форма завершает портрет парламентского чиновника — «офицера власти». Такая одежда не просто подчеркивала «особенность» парламентария и выделяла его вне залов Парламента. Эта одежда была символом парламентской службы.

Окончательный вид одеяние парламентского чиновника получило к началу XV в. Оно состояло из длинной и прямой робы, капюшона с опушкой и мантии алого цвета с опушкой. Роба была алого цвета для чиновников-мирян и фиолетового — для чиновников-клириков. Одежда президентов, помимо описанных атрибутов, имела ряд особых знаков: мантия была застегнута на горловине и открыта с правой стороны, а также имела три золотых галуна и три белые ленты из меха, пришитые на оба плеча; кроме того, они носили круглую шляпу черного бархата, окаймленную золотым галуном². Вследствие резкого изменения моды в начале XIV в. и появления короткой одежды длинное одеяние сохранилось только у короля Франции, а также служителей закона и мэтров университетов, как и у духовенства. Однако уже Карл VI крайне редко надевал длинную мантию, только в самых торжественных случаях. Современники ясно осознавали, что подлинную королевскую одежду носят постоянно только чиновники Парижского Парламента³. И если часть атрибутов одеяния президентов позднее распространилась на военную форму, то мантия (*hermine*) сохранилась до сих пор как одеяние судьи. Так королевское одеяние, переданное королем — вершителем правосудия для всех — своим чиновникам, превратилось в знак облеченного наивысшей властью справедливого, строгого и милосердного суда.

Топография Дворца на острове Ситэ является, на мой взгляд, квинтэссенцией природы и общественного облика верховного суда Франции. Остров Ситэ — колыбель Парижа и сердце страны; именно отсюда, с площади перед Собором Парижской Богоматери — духовной святыни Франции — начинается ныне отсчет всех дорог. Река Сена делит город на два соперничающих берега, олицетворяющих два структурообразующих начала Левый берег — это университет, центр интеллектуальной истории Франции, источник знаний,

культуры и социального брожения. Правый берег — олицетворение государства и его институтов, символ порядка и власти. И лишь верховный суд Франции, единственный из всех институтов центральной власти, находится на острове Ситэ, между двумя берегами.

Старый королевский Дворец на острове Ситэ восходит к эпохе античности: здесь помешалась резиденция римских правителей. Короли Франции уже с династии Меровингов используют для своей резиденции этот Дворец, последовательно достраивая и перестраивая его. Здесь же короли вершили правосудие. С 1277 г. в нем было выделено специальное помещение, где заседал Парламент. При Филиппе IV Красивом Дворец перестраивается и передается Парламенту целиком. Короли иногда живут там, используя большой зал для особо торжественных собраний, однако вскоре, при Карле V, короли покидают окончательно этот Дворец, и он становится местом пребывания институтов королевской власти, и прежде всего верховного суда королевства⁴. Именно этот старый Дворец на острове Ситэ был символом столицы королевства, символом королевской власти во Франции. Отсюда исходили на страну импульсы всевозможных обновлений: в области техники, искусства, литературы. Здесь были установлены первые в Париже общественные часы на башне, которая отныне, а вслед за ней и набережная, на которую она выходила, стала именоваться Башней Часов⁵, начавших отсчет нового времени — «времени чиновников».

Единственный из всех институтов государственной власти, верховный суд не изменил своего местоположения до сих пор, и старый королевский Дворец превратился в Дворец Правосудия, олицетворяя поныне, как и в Средние века, законность, порядок и правосудие для всех — незыблемую основу любого государства. В осознании этой истины есть и доля участия поколений сменявших друг друга чиновников Парижского Парламента.

Примечания*

К введению

¹ *Dufour A.* Le retour de l'histoire politique//Histoires de France, historiens de la France: Actes du colloque international, Reims, 14 et 15 mai 1993. P., 1994. P. 315–324.

² *Autrand F.* Y a-t-il une prosopographie de l'État médiéval?//Prosopographie et la genèse de l'État moderne. P. 13–18.

³ *Aubert F.* Histoire du Parlement de Paris de l'origine à François I (1250–1551). T. I. P., 1894; *idem.* Les huissiers du Parlement de Paris, 1300–1420//BEC. T. XLVII. L. 4. P. 370–393; *idem.* Le Parlement de Paris de Philippe le Bel à Charles VII (1314–1422). Son organisation. Genève, 1974.

⁴ *Ducoudray G.* Les origines du Parlement de Paris et la justice aux XIIIe et XIVe siècles. P., 1902; *Glasson E.* Le Parlement de Paris, son rôle politique depuis le règne de Charles VI jusqu'à la Révolution. 2 vols. P., 1901–1905; *Maugis E.* Histoire du Parlement de Paris. Dès l'avènement des rois Valois à la mort d'Henri IV. T. 1–3. P., 1913–1916; *Viollet P.* Histoire des institutions politiques et administratives de la France. T. 3. P., 1903.

⁵ *Delachenal R.* Histoire des avocats au Parlement de Paris. 1300–1600. P., 1885.

⁶ *Dupont-Ferrier G.* Les avocats à la Chambre ou Cour des Aides de Paris au XVe siècle//BEC. 1932. T. 93. P. 267–313; *idem.* Les officiers royaux des baillages et sénéchaussées et les institutions monarchiques locales en France à la fin du Moyen âge. P., 1902; *idem.* Le personnel de la Cour ou Chambre des Aides de Paris, des origines à 1483. P., 1932; *idem.* Le personnel de la Cour du Trésor (1390–1520). P., 1938; *Lot F.* et *Fawtier R.* Histoire des institutions françaises au Moyen âge. T. 2: Institutions royales. P., 1958; *Lousse E.* Les caractères essentiels de l'État corporatif médiéval. P., 1937; *Olivier-Martin F.* L'organisation corporative de la France d'Ancien régime. P., 1938.

⁷ *Вебер М.* История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории. Пг., 1923; *его же.* Протестантская этика. Сб. ст. Ч. 1. М., 1972; *его же.* Избранные произведения. М., 1990.

⁸ *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 18.

⁹ *Bartier J.* Légistes et finances au XVe siècle. Les conseillers des ducs de Bourgogne Philippe le Bon et Charles le Téméraire. Bruxelles, 1955; *Duby G.* Hommes et structures du Moyen âge. Recueil d'articles. P.–La Haye, 1973; *Fédou R.* Les hommes de loi lyonnais à la fin du Moyen âge. Étude sur les origines de la classe de robe. Lyon, 1964; *Guenée B.* Tribunaux et gens de justice dans le bailliage de Senlis à la fin du

---

* Полное описание работ см. в разделе «Библиография».

Moyen âge (vers 1380—vers 1550). Strasourg, 1963; *Kubler J.* L'origine de la perpétuité des offices royaux. Recherches sur la fonction publique sous l'Ancien régime. Nancy, 1958; *Quilliet B.* Les corps d'officiers de la Prévôté et Vicomte de Paris et de l'Ile-dé France, de la fin de Guerre de Cent ans au début des guerres de religions. T. 1–2. Lille, 1982.

¹⁰ *Autrand F.* Culture et mentalité. Les libraires des gens du Parlement au temps de Charles VI//Annales. ESC. 1973. P. 1219–1244; *eadem.* Naissance d'un grand corps de l'État: Les gens du Parlement de Paris, 1345–1454. P., 1981; *eadem* Offices et officiers royaux en France sous Charles VI//RH. 1969. T. 242. N 2. P. 285–338.

¹¹ *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 8–46.

¹² *Lemaire J.-C.* 1380–1422. Le Roi empoisonné: La vérité sur la folie de Charls VI. P., 1977.

¹³ *Metman J.* Les archives du Parlement de Paris//Francia. Bd. 6 (1978). München, 1979. P. 568.

¹⁴ Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique. T. I–22. P., 1723–1849.

¹⁵ *Langlois M.* Les archives du Parlement de Paris. Série X d'Archives Nationales. France. Direction des archives. Guide des recherches dans les fonds judiciaires de l'Ancien Régime: P., 1958. P. 65–160.

¹⁶ *Добиаши-Рождественская О.А.* Культура западноевропейского средневековья. М., 1987. С. 89–90.

¹⁷ Les Olim ou Registres des arrêts rendus par la Cour du roi sous les règnes de St. Louis, de Philippe le Hardi, de Philippe le Bel, de Louis le Hutin et de Philippe le Long / Publ. par A. Beugnot. T. 1–3. P., 1839–1848.

¹⁸ Journal de Nicolas de Baye, greffier de Parlement de Paris, 1400–1417 / Ed. par A. Tuetey. P., 1885, 1888: T. 1: 19/XI 1400–30/XII 1410; T. 2: 27/I 1411–27/I 1417; Journal de Clément de Fauquembergue, greffier du Parlement de Paris, 1417–1435 / Ed. par A. Tuetey. P., 1903–1915: T. 1: 27/I 1417–30/XII 1420; T. 2: 9/I 1421–9/XII 1430; T. 3: 20/I 1431–18/IV 1436.

¹⁹ *Aubert F.* Le Parlement de Paris. P. 18.

²⁰ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1987. С. 362–363.

²¹ Там же. Т. III. С. 174.

²² *Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989.

²³ Ордонансы 4 апреля 1260 г., 1 апреля 1274 г., 28 марта 1277 г., 2 апреля 1279 г., 6 апреля 1287 г., 22 апреля 1291 г., 7 апреля 1303 г. (ORF. T.I.P. 87, 320, 386, 396; T. XI.P.352, 354; T.XII.325, 353–357).

²⁴ *Aubert F.* Histoire du Parlement de Paris. T. I. P. 17–42.

²⁵ JNB. T. I. P. 246–247; T. 2. P. 33–34, 101.

²⁶ *Aubert F.* Histoire du Parlement de Paris. P. 8–10; *Delachenal R.* Histoire des avocats. P. 120; *Autrand F.* Le service public. P. 286.

²⁷ *Autrand F.* Charles VI: La folie du roi. P., 1986. P. 205.

²⁸ *Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции. С. 44–46. *Krynlen J.* Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen âge. P., 1981. P. 184–199.

²⁹ *Violett P.* Histoire des institutions politiques. P. 301–304.

³⁰ *Boutaric E.* La France sous Philippe le Bel. Étude sur les institutions politiques. P., 1861. P. 64–74; *Ducoudray G.* Les origines du Parlement de Paris. P. 635–1023; *Martin O.* L'Assemblée de Vincennes de 1329 et ses conséquences, étude sur les conflits entre la juridiction laïque et la juridiction ecclésiastique au XIV siècle. Rennes, 1909; *Royer J.-*

P. L'Eglise et le royaume de France au XIV siècle d'après le «Songe du Vergier» et la jurisprudence du Parlement. P., 1969.

³¹ Ordonnances 8 avril 1342 et II mars 1345. (ORF. T. II. P. 176, 219).

³² David M. Le serment du sacre du IXe au XVe siècle. Contribution à l'étude des limites juridiques de la souveraineté//RMAL. 1950. N 6. P. 5–272; Autrand F. Pouvoir et société en France. P., 1974. P. 8.

³³ ORF. T. I. P. 316, 320, 702. П. Виолле посчитал, что эти меры отвечали и желанию самих прелатов, для которых участие в сессиях Парламента оказывалось слишком обременительным (см.: Viollet P. Op.cit. P. 302–316).

³⁴ При Людовике IX было четыре сессии в год, с 1262 г. – три сессии, с 1282 г. – две сессии, при Филиппе IV – две в мирное время и одна во время войны, с 1299 г. – одна сессия после дня Св. Мартина (12 ноября) до сентября. Согласно ордонансу 17 ноября 1318 г. в день закрытия сессии должно было объявляться и время начала следующей (см.: ORF. T. I. P. 673–674; T. XII. P. 354; Aubert F. Histoire du Parlement de Paris. P. 176–177).

³⁵ Bossuat A. La formule «Le roi est empereur en son royaume». Son emploi au XVe siècle devant le Parlement de Paris//RHD. 1961. Sér. 4. N 3. P. 371–381; Favier J. Les légistes et le gouvernement de Philippe le Bel//JS. 1969. № 2. P. 92–108; Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции. С. 27–28, 45–47.

³⁶ ORF. T. XII. P. 353–357; Viollet P. Op.cit. P. 344–349.

³⁷ Ordonnances de 14 avril 1275, 1315. 17 novembre 1318; 9 mai 1330; 19 mars 1359 гг.. (ORF. T. II. P. 51; T. IV. P. 725; T. IX. P. 352; T. XIII. P. 416).

К главе I

¹ ORF. T. I. P. 673–676.

² «au giron du Chancelier» (JNB. T. I. P. 296–298; T. 2. P. 197).

³ Ничто так ярко не демонстрирует «маразм работы», охвативший Парламент, как слушание посреди убийств арманьяков в Париже летом 1418 г. дела о церковных свечках (Autrand F. Le temps des professionnels//Histoire de la fonction publique en France. T. 1. P., 1993. P. 384).

⁴ Ордонансы 7 апреля 1361 г., 2 января 1365 г., 5 февраля 1389 г., 7 января 1401 г. (ORF. T. III. P. 482–483; T. IV. P. 603–604; T. VII. P. 223–225; T. VIII. P. 409–418); Autrand F. Naissance. P. 33; Aubert F. Histoire du Parlement de Paris. P. 34, 95.

⁵ Ордонансы 17 ноября 1318 г., 3 декабря 1319 г., 12 февраля 1320 г. (ORF. T. I. P. 673–676, 702, 727, 730–731, 734).

⁶ Aubert F. Histoire du Parlement de Paris. P. 218; Kubler J. L'origine de la perpétuité des offices royaux. P. 72–74; Guenée B. Tribunaux et gens de justice dans le bailliage de Senlis à la fin du Moyen âge. P. 180–181.

⁷ JNB. T. I. P. 84; JCF. T. I. P. 165–166. Единственное исключение – свадебное путешествие советника Э. Камю (JNB. T. I. P. 65).

⁸ ORF. T. VIII. P. 224.

⁹ JNB. T. I. P. 51, 71, 303; JCF. T. I. P. 144, 305; T. 2. P. 190.

¹⁰ «...murmure et esclandre de la Court, quar de la memoire des plus anciens oncques n'avoit esté veu que tous les presidents faillissent au commencement dudit Parlement» (JNB. T. I. P. 203).

¹¹ Ордонансы 3 декабря 1319 г. (ст. 15), 12 февраля 1320 г., 12 ноября 1322 г.. (ORF. T. I. P. 702, 734, 810).

¹² Ордонанс декабря 1320 г. (Ibid. P. 730).

¹³ На несоответствие скромной оплаты и оказываемой чиновниками службы коро- не указали Ф. Лот и Р. Фавтье, считая этот вопрос наименее почетной страницей в истории французской монархии. Угрожающие размеры взяток поэтому не кажутся им беспочвенными (см.: *Lot F. et Fawtier R. Histoire des institutions françaises au Moyen âge*. Т. 2. P. 360–361).

¹⁴ JNB. Т. I. P. 68, 71, 303; JCF. Т. I. P. 146, 179–180, 305.

¹⁵ *Autrond F. Naissance d'un grand corps de l'État*. P. 24–25.

¹⁶ Основные нормы парламентской дисциплины выработаны в ордонансах 17 ноября 1318 г., декабря 1320 г., 11 марта 1345 г., 5 февраля 1389 г., 27 мая 1413 г. (ORF. Т. I. P. 673–676, 702, 731; Т. II. P. 219, 228; Т. VII. P. 223–225; Т. X. P. 103–107).

¹⁷ Ibid. Т. I. P. 728.

¹⁸ «...et estoit la Court en aventure de muser en attendant» (JNB. Т. 2. P. 2–3).

¹⁹ Этот факт ускользнул от внимания Ф. Обера в его специальном исследовании о судебных исполнителях Парижского Парламента (см.: *Aubert F. Les huissiers du Parlement de Paris, 1300–1420*//BEC. 1886. Т. XLVII. L. 4. P. 370–393).

²⁰ Ордонансы 17 ноября 1318 г., 13 ноября 1322 г., 16 декабря 1364 г., 27 мая 1413 г. (ORF. Т. I. P. 674, 810; Т. IV. P. 514; Т. X. P. 105).

²¹ *Delachenal R. Histoire des avocats au Parlement de Paris*. P. 126–129.

²² Контроль Парламента не ослабевал и в кризисные годы англо-бургиньонского правления, в том числе и над прокурорами и адвокатами (см., например: JCF. Т. 2. P. 160).

²³ ORF. Т. I. P. 729; Т. II. P. 219–228; Т. X. P. 103–107; *Maugis E. Histoire du Parlement de Paris*. Т. 2. P. 269.

²⁴ Так, с запретом на совмещение профессий мирно уживалось их реальное совмещение, дававшее дополнительный доход не слишком прибыльным занятиям в среде ремесленников и торговцев в Париже конца XIII–начала XIV в., обнаруженное мной при изучении списков налогоплательщиков (см.: *Цатурова С.К. Списки налогоплательщиков о состоянии ремесла и торговли Парижа конца XIII–начала XIV в.*//СВ. Вып. 51. 1988. С. 141–152).

²⁵ *Lewis P. La France à la fin du Moyen Âge*. P. 205.

²⁶ См. выше прим. 6.

²⁷ *Aubert F. Le Parlement de Paris de Philippe le Bel à Charles VII*. P. 387–397.

²⁸ Этьен Пакье, знаменитый историк эпохи Ренессанса, назвал его одним из самых прославленных секретарей за всю историю Парламента (см.: JNB. Т. 2. P. XXVI).

²⁹ Не случайно Р.Казель начал свое исследование по истории правления королей Иоанна Доброго и Карла Мудрого с главы об общественном мнении (см.: *Cazelles R. La société politique, noblesse et couronne*. P. 3–5).

³⁰ Карл VI первым из французских королей отказался отдать на расправу группу «мармузетов», совершивших радикальную реформу в области государственной службы, подняв ее на небывалую прежде высоту. Может быть поэтому вместе со всеми французами безумного короля так любили в Парламенте (*Gauvard C. Le roi de France et l'opinion publique à l'époque de Charles VI*. P. 364–365).

³¹ *Guenée B. Tribuneaux et gens de justice dans le bailliage de Senlis*. P. 4–7.

³² *Krynén J. Un exemple de critique médiévale des juristes professionnels: Philippe de Mezières et les gens du Parlement de Paris*. P. 333–44.

³³ Ibid. P. 341–342; *Guenée B. Tribuneaux et gens de justice dans le bailliage de Senlis*. P. 248–250.

³⁴ Именно так были восприняты «программы реформ» в среде чиновников, о чем свидетельствует уникальный документ – «Обвинительное заключение в отношении Робера Ле Кока, епископа Ланского», бывшего одним из главных двигателей общественного движения 1356–1358 гг. (см.: Цатурова С.К. Скандал в коридорах власти во Франции XIV века//Право в средневековом мире. М., 1996. С. 221–269; Faral E. Robert Le Coq et les États Généraux d'octobre 1356//RHDFF. 1945. P. 171–214).

³⁵ Cazelles R. Une exigence de l'opinion publique depuis Saint-Louis: la réformation du royaume. P. 91–99.

³⁶ Себенцова М.М. Восстание кабошьенов//МИАИ. Т. 12. М., 1958. С. 208–240; *её же*. Кабошьены и ординанс 1413 г.//МГПИ. Уч. записки. Т. XXXVII. Вып. 3. М., 1946. С. 91–105; Уваров П.Ю. Парижский университет и городские восстания (к вопросу об идеологических функциях средневековых университетов)//Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях. М., 1986. С. 62–86; Coville A. Les Cabochiens et l'ordonnance de 1413. P., 1888.

³⁷ ORF. T. X. P. 103–107.

³⁸ Krynen J. Un exemple de critique médiévale des juristes professionnels. P. 334–340.

³⁹ Компьютерная обработка лексики ординанса 1409 г. дала поразительный результат: самым употребительным словом в нем было слово «чиновник» (*officer*), намного опережая такие слова, как «королевство», «финансы», «разум» (*Gauvard C. Ordonnance de réforme et pouvoir législatif en France au XIVe siècle (1303–1413)// Renaissance du pouvoir législatif et genèse de L'Etat. P. 89–98).*

⁴⁰ В исследовании Ф. Лота о стоимости суда есть весьма проницательное замечание: пусть каждый спросит себя, обращался ли он в суд? Ответ «Бог миловал» – почти универсален. «Тем не менее, тогда, как и в наши дни, о суде судят все», – замечает Ф. Лот (*Lot F. Des frais de justice au XIVe siècle. P. 217–253).*

К главе II

¹ Autrand F. Naissance d'un grand corps de l'État. P. 22–23; *eadem*. Charles VI: La folie du Roi. P. 207–209.

² Luce S. Le principe électif, les traductions d'Aristote et les parvenus au XIVe siècle// La France pendant la Guerre de Cent ans. P., 1890. P. 179–202; К. Говар обращает внимание на незамеченное прежде в литературе влияние идей Сенеки на практику выборов (*Gauvard C. Les officiers royaux et l'opinion publique en France à la fin du Moyen âge. P. 589).*

³ Quillet J. Charles V le roi lettré: Essai sur la pensée politique d'un règne. P., 1984; Sherman C.R. Les thèmes humanistes dans le programme de traduction de Charles V: compilation des textes et illustrations//Pratique de la culture écrite en France au XVe siècle. P. 527–537.

⁴ Хачатурян Н.А. Феномен корпоративизма//Общности и человек в средневековом мире. М.–Саратов, 1992. С. 17–23.

⁵ Viollet P. Op.cit. P. 321.

⁶ ORF. T.II. P. 173–176.

⁷ Ibid. P. 219–228.

⁸ Ibid. T. VII. P. 224. Этот ординанс закрепляет существовавшую практику выборов: с 1366 г. Парламент сам выбирает президентов из числа советников – первым из всех государственных институтов. В 1372 г. впервые происходят выборы канц-

лера с участием Королевского совета, знати и Парижского Парламента. Более того, Парламент распространяет принцип выборности на все должности в аппарате королевской власти (*Autrand F. Le temps des professionnels*. P. 365).

⁹ ORF. T. VIII. P. 416.

¹⁰ Ibid. T. IX. P. 188.

¹¹ Ibid. P. 279–289, 327–328.

¹² Ibid. T. XII. P. 231.

¹³ *Maugis E. Histoire du Parlement de Paris*. T. I. P. 7–9.

¹⁴ На это заблуждение предшествующей историографии указала Ф. Отран (*Autrand F. Charles VI. La folie du roi*. P. 208).

¹⁵ JNB. T. I. P. 1, 12, 50, 63, 66, 84, 90, 117, 194, 223, 234, 292, 296, 302, 328, 340; T. 2. P. 4, 24–25, 70, 93–94, 100, 105, 134, 137, 146, 162, 168, 185–186, 182, 203, 209, 271, 278; JCF. T. I. P. 2, 147, 155, 173, 196, 200, 328; T. 2. P. 218–221; T. 3. P. 30.

¹⁶ *Maugis E. Histoire du Parlement de Paris*. T. I. P. 22.

¹⁷ «per viam scrutini», «en voie de scrutin», «en turbe», «communi consensu singulorum votis et deliberatione exploratis».

¹⁸ Такие выборы точнее называть кооптацией, поскольку они означали довыборы на освобождающиеся должности (*Barbey J. Être roi: Le roi et son gouvernement en France de Clovis à Louis XVI*. P., 1992. P. 347).

¹⁹ *Autrand F. Naissance d'un grand corps de l'État*. Tabl. NN 4–6, 17, 34, 35a–35c. P. 417–419, 437, 452–454.

²⁰ Изучая карьеры парламентских чиновников на протяжении 100 лет, Ф. Отран доказала, что 2/3 парламентариев «старели и умирали», находясь на должностях в Парламенте (Ibid. P. 32).

²¹ Напомним, что средний возраст чиновника, впервые вступавшего в Парижский Парламент, по подсчетам Ф. Отран, для периода 1390–1418 гг. составлял 42 года (Ibid. P. 26).

²² JNB. T. 2. P. 134.

²³ *Aubert F. Histoire du Parlement de Paris*. T. I. P. 133. Об этом же прямо говорится в протоколе от 13 октября 1411 г.: «Пойдут посоветоваться с канцлером, который является главой суда, особенно Парламента» (JNB. T. 2. P. 26).

²⁴ JNB. T. I. P. 225–226, 296–298; T. 2. P. 182, 203–204.

²⁵ JNB. T. I. P. 74, 302–303, 328; T. 2. P. 146.

²⁶ JNB. T. I. P. 90, 117, 273–274, 302–303, 327–328; T. 2. P. 24, 78, 104–105, 162, 178, 182, 185; JCF. T. 2. P. 52.

²⁷ *Aubert F. Le Parlement de Paris de Philippe le Bel à Charles VII*. P. 16–18.

²⁸ По мнению Ф. Отран, даже иерархия внутри государственных институтов свидетельствует о новых принципах управления, порывающих с сеньориальными (*Autrand F. Le service public*. P., 1983. P. 303).

²⁹ «Pro isto instantissime rogabat Regina, ad instanciam cujusdam sue familiaris» (JNB. T. I. P. 51).

³⁰ «Rex est surpa electionem» (JNB. T. I. P. 64).

³¹ Для чиновников выборы означали на деле не выбор одного из многих кандидатов, а всестороннее обсуждение пусть даже одной кандидатуры (*Autrand F. Offices et officiers royaux en France sous Charles VI*. P. 313–315).

³² О социальной направленности этой статьи ордонанса и о конфликте в Парламенте см.: *Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв.* С. 72–78.

³³ Кстати, среди выбранных был и будущий преемник Никола де Бая на должность гражданского секретаря – Клеман де Фокамберг, что дало исследователям основа-

ние усомниться в его дворянском происхождении. Мне думается иначе: он мог быть не их протеже, о которых явно заботились инициаторы протеста, поскольку на всем протяжении изучаемого периода в 36 лет это единственный случай такого рода, хотя вряд ли предпочтение всегда отдавалось дворянам.

³⁴ К таким же выводам пришел и М. Нордберг, исследуя влияние бургиньонов и арманьяков на Парламент. Отмечая преобладание пробургиньонских настроений, он подчеркивает, что ни один из герцогов не оказывал прямого воздействия на распределение должностей в Парламенте, находившееся в ведении самих его чиновников (Nordberg M. Les ducs et la royauté. Études sur la rivalité des ducs d'Orléans et de Bourgogne, 1394–1407. P. 60).

³⁵ В этой связи уместно предостережение Ж. Кюблера относительно самостоятельности парламентариев. Их участие в отборе чиновников еще не давало гарантий, поскольку в этот период отсутствовал принцип «несменяемости чиновника». Они назначены все еще потому, что нравятся королю, который может по закону их отстранить. Борьба чиновников за право быть выслушанным перед отстранением составляет важнейшую страницу истории формирования государственного аппарата во Франции XIV–XV вв. Несменяемость должностей утвердил лишь указ Людовика XI в 1467 г. (Kubler J. L'origine de la perpétuité des offices royaux. P. 73–74.)

³⁶ Autrand F. Naissance d'un grand corps de l'État. P. 30.

³⁷ JNB. T. I. P. 119, 278, 302, 327–328; T. 2. P. 34–35, 178, 179–180; JCF. T. I. P. 42–43, 44–45, 146, 161–163, 165, 169–170, 246–247, 329, 379, 380, 389; T. 2. P. 38, 48–49, 77–78, 139, 170, 270, 276, 340–342; T. 3. P. 35, 40, 84–86.

³⁸ Barbey J. Être roi. P. 348.

³⁹ Э. Можи считал это одной из гарантий стабильности парламентской среды (Maugis E. Histoire du Parlement de Paris. T. I. P. 3).

⁴⁰ На самом деле для таких упреков не было серьезных оснований. По подсчетам Ф. Отран за 100 лет (середина XIV–середина XV в.) было всего 24 отказа, причем 14 из них – с 1454 г. По составленным Ф. Отран таблицам видно, как эта тенденция нарастает к концу XV в. (Autrand F. Naissance d'un grand corps de l'État/ Tabl. 5. P. 418; eadem. Le temps des professionnels. P. 405).

⁴¹ К сходным выводам приходит и Ф. Отран, отмечая, что деньги в этом процессе никогда не были определяющим фактором; даже в период продажи должностей их не продавали любому, кто пожелает и готов заплатить (Autrand F. Le temps des professionnels. P. 405–408).

⁴² Ф. Отран помещает этот эпизод в искусное произведение Анри де Марля – внедрение в государственный аппарат своих родственников. Заметим, что и в этом случае Парламент не был против, поскольку поощрял создание парламентских династий, бывших защитой института от случайных чужаков (Autrand F. Naissance d'un grand corps de l'État. P. 74–75).

⁴³ Термин «seigneurs ès lois» переводится в отечественной литературе по-разному: сеньоры от закона, в законе, по закону. Однако все эти словосочетания имеют в русском языке дополнительный, часто негативный смысл, хотя и точнее соответствуют французскому эквиваленту.

⁴⁴ Ф. Отран, посвятив этой проблеме целую главу своего исследования, приводит убедительные данные: из всего числа аноблированных в 1345–1483 гг. (1 618 человек) чиновников было 123, из них – Парламента всего 30, т.е. они составляли 1,85% от общего числа. А из всего изученного ею состава Парламента в 678 человек –

аноблированных было только 36 человек, т.е. 5,32% (*Autrand F. Naissance d'un grand corps de l'État. P. 178; eadem. Le temps des professionnels. P. 440*).

⁴⁵ Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. С. 73–76.

⁴⁶ По подсчетам Ф. Отран, новых чиновников в Парламенте было за 100 лет около 30% (*Autrand F. Le temps des professionnels. P. 422*).

⁴⁷ *Autrand F. Naissance d'un grand corps de l'État. P. 43–46*.

⁴⁸ ORF. T. X. P. 106.

⁴⁹ *Autrand F. Naissance d'un grand corps de l'État. P. 46*. К 1413 г. из 97 парламентариев 49 находились в родстве: приговор выносился 10 судьями-родственниками, что внушало обществу сомнения в справедливости суда.

⁵⁰ Эволюция родства среди чиновников-клириков определялась последовательным его уменьшением в сравнении с чиновниками-мирянами (*Autrand F. Naissance d'un grand corps de l'État. P. 48–49*).

⁵¹ *Kubler J. L'origine de la perpétuité des offices royaux. P. 112*.

⁵² Согласно выводам Ф. Отран, как только чиновник получал пожизненное жалование, он переставал появляться в Парламенте (*Autrand F. Naissance d'un grand corps de l'État. P. 96*).

⁵³ ORF. T. VII. P. 224.

⁵⁴ Отказ Парижского Парламента утвердить этот ордонанс стал причиной того, что его текст не сохранился (*Autrand F. Naissance d'un grand corps de l'État. P. 279*).

⁵⁵ ORF. T. IX. P. 400, 487–488.

⁵⁶ *Ibid. T. X. P. 104*.

⁵⁷ *Coville A. Les premiers Valois et les débuts de la Guerre de Cent ans. P. 405; Petit-Dutaillis C. Charles VII, Louis XI et la minorité de Charles VIII. P. 16–17; Favier J. La Guerre de Cent Ans. P. 446; Lot F. et Fawtier R. Op.cit. P. 349–350; Shennan J.H. The Parlement of Paris. Ithaca, 1968. P. 113*. Справедливости ради заметим, что такая «логика» вполне свойственна и современникам событий, в частности, о полной замене всех чиновников пишет в своих «Мемуарах» Пьер де Фенин (*Fénelon Pierre de Mémoires. P. 94–95*).

⁵⁸ Ф. Отран нашла среди жертв репрессий против арманьяков 8 чиновников Парламента, бывших или нынешних (*Autrand F. Naissance d'un grand corps de l'État. P. 81*).

⁵⁹ По мнению Ф. Отран, такое сокращение объяснялось стремлением Жана Бесстрашного выполнить те обещания реформ, на волне которых он завоевал симпатии общества, особенно в области сокращения государственного аппарата (*Ibid. P. 273*).

⁶⁰ Сделанные мной выводы несколько отличаются от выводов Ф. Отран о соотношении «старого» и «нового» Парламентов. Это, возможно, объясняется тем, что она исходит из протокола 17 ноября 1418 г., а не 25 июля, сразу же после вступления войск герцога Бургундского в Париж. Однако в главном наши подсчеты совпадают: «чистка» Парламента не была тотальной. Нарушение выразилось главным образом в ускорении возвышения чиновников внутри палат и между ними, что и было целью тех, кто в условиях стабилизации персонала отчаялся сделать себе более блестящую карьеру. Данные о составе Парламента при англо-бургиньонах содержатся также в исследовании Э. Можы, хотя они также не полные (*Ibid. Annexe 2. P. 273–74; Maugis E. Histoire du Parlement de Paris. T. 3. P. 60–71*).

⁶¹ *Favier J. Les contribuables parisiens à la fin de la Guerre de Cent Ans. Les rôles d'impôt de 1421, 1423 et 1438. Genève, 1970. P. 357, 361, 363*.

⁶² Филипп де Морвилье был первым президентом Парижского Парламента с 1420 по 1436 г., т.е. большую часть англо-бургиньонского правления. Его опала в 1433 г., оши-

бочно принятая в литературе за отставку, по подозрению в симпатиях к Карлу Валуа, как и вся политика Парламента, свидетельствует, насколько корпоративные интересы были в Парламенте сильнее политических пристрастий (*Plagnieux P. La fondation funéraire de Ph. de Morvilliers, premiers président du Parlement: Art, politique et société à Paris sous la régence du duc de Bedford//Bulletin Monumental. 1993. №151 (2). P. 357–381*).

К главе III

¹ *Glasson E. Le Parlement de Paris, son rôle politique depuis le règne de Charles VI jusqu'à la Révolution. T. 1. P., 1901.*

² Ф. Отран, досконально изучившая все связи парламентариев этого периода, в то же время отмечает единство среды и неангажированность политики института. *Autrand Fr. Naissance d'un grand corps de l'Etat. P. 151.*

³ *Glasson E. Op.cit. P. 4–5.*

⁴ Ф. Отран отмечает, что Столетняя война поставила суд в центр конфликта, посягавшего на целостность государства и права его институтов власти (*Autrand F. Géographie administrative et propagande politique, le rôle des assignations du Parlement au XIVe et XVe siècle. P. 271*).

⁵ *Petit-Dutaillis Ch. Charles VII... P. 17–18; Lot F. La France dès origines à la Guerre de Cent ans. P., 1941. P. 269–270; Avout J. La Querelle des Armagnacs et des Bourguignons. Histoire d'une crise d'autorité. P., 1943.*

⁶ *Armstrong C.A. England, France and Burgundy in the fifteenth century. L., 1983; Fowler K. The Age of Plantagenet and Valois: The struggle for supremacy, 1328–1498. N.Y., 1967; Seward D. The Hundred Years War. The English in France 1337–1453. L., 1978; War, literature and politics in the late Middle Ages. Liverpool, 1976; Басовская Н.И. Столетняя война в советской и зарубежной историографии//Проблемы историографии международных отношений и национальных движений в странах Западной Европы. М., 1982. С. 5–23.*

⁷ *Contamine Ph. La «France anglaise» au XVe siècle: Mythe ou réalité// «La France anglaise». P. 17–29.*

⁸ «... и по имени людей графа д'Арманьяка с тех пор стали называть всех людей, держащих сторону против герцога Жана Бесстрашного, арманьяками» (*Fénelon, Pierre de. Mémoires... P. 16*).

⁹ Быстрое разочарование парижан в политике Бургундского дома признают и английские, и французские историки (*Favier J. La Guerre de Cent Ans. P. 468; Armstrong C.A.J. England, France and Burgundy... P. 347*).

¹⁰ *Autrand F. Charles VI. P. 467–469.*

¹¹ *Guenée B. Un meurtre, une société. L'assassinat du duc d'Orléans 23 novembre 1407. P., 1992. P. 198–199.* Такая трактовка сути конфликта, предложенная Б. Гене, представляется мне более глубокой, чем прежние деления на арманьяков – поборников «государства Нового времени» и бургиньонов – защитников феодальной вольницы. См., напр.: *Autrand F. Le temps des professionnels. P. 372.*

¹² *Coville A. Jean Petit. La Question du tyrannicide au commencement du XVe siècle. P., 1932. P. 179–206.*

¹³ А. Ковиль ограничился констатацией неучастия Парламента. Ф. Отран объясняет его тем, что Парламент не мог действовать без санкции короля. Однако в этот период он неоднократно действовал самостоятельно и даже вопреки воле короля, как мы пытались показать (*Coville A. Jean Petit. P. 92; Autrand F. Charles VI. P. 363*).

¹⁴ Первая версия – мечь обманутого мужа, Обера де Шони, чья жена родила знаменитого впоследствии Бастарда Орлеанского, графа Жана Дюнуа, сподвижника Жанны д'Арк (*Fénelon P. de Mémoires*. P. 1–3).

¹⁵ *Doucet-d'Arcq L. Documents inédits sur l'assassinat de Louis d'Orléans//Annuaire-Bulletin de la S.H.F. T. II. P. 9–10.*

¹⁶ Чиновники Парламента внесли немалый вклад в придание королевской власти священного характера, особенно в период утверждения галликанизма, чтобы оправдать подобное «святотатство» (*Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. С. 20–28; Lewis P.S. Jean Juvenal des Ursins and the common literary attitude towards tyranny in fifteenth century France//Medium aevum. 1965. Vol. XXXIV. №2. P. 104–105.*

¹⁷ В своем личном «Дневнике» Никола де Бай прямо пишет о грехах Людовика Орлеанского: «Multum astutus et magni intellectus, sed nimis in carnalibus lubricus» (*JNB. T. 2. P. 294.*

¹⁸ *Guenée B. Un meurtre, une société. P. 8–10.* О деле с кражей трупов в феврале 1408 г. см.: *Gauvard Cl. Grâce et exécution capitale: les deux visages de la justice royale française à la fin du Moyen âge. P. 283; eadem. Les humanistes et la justice sous le règne de Charles VI. P. 232–233.*

¹⁹ *Coville A. Jean Petit. P. 98.*

²⁰ Любопытная деталь содержится в отчете об этом событии, составленном для вдовы убитого: Жан Бургундский отказался от большой залы Дворца в Ситэ, хотя там всегда проводились наиболее важные собрания, и предпочел королевский дворец Сен-Поль, что также свидетельствует о скрытой враждебности парламентских чиновников к этой акции (*Doucet-d'Arcq L. Documents inédits sur l'assassinat de Louis d'Orléans. P. 11–12.*

²¹ *Coville A. Jean Petit. P. 111, 119–126.*

²² По свидетельству Гийома Кузино, в тот момент никто не решался возражать, «ибо делу благоволило все королевство» («tout le commune de royaume») (*Ibid. P. 112; Guenée B. Entre l'Englise et l'État. P. 251.* Позднее мы узнаем, что первому президенту Парламента открыто угрожали убийством, если он попытается помешать оправданию. *JNB. T. 2. P. 261–62.*

²³ *Avout J. La Querelle des Armagnacs et des Bourguignons. P. 116; Verger J. Les Universités au Moyen âge. P., 1973. P. 146–162; Уваров П.Ю. Парижский университет и городские восстания; его же. Парижский Университет и местные интересы (конец XIV–первая половина XV в.)//СВ. Вып. 54. 1991. С. 55–71.*

²⁴ *Guenée B. Un meurtre, une société. P. 203–208.*

²⁵ *Coville A. Jean Petit. P. 225–247.*

²⁶ *Ibid. P. 133–168.*

²⁷ *Ibid. P. 414, 442.*

²⁸ *Ibid. P. 442–499.*

²⁹ *Ibid. P. 503–561; Guenée B. Un meurtre, une société. P. 249–256.*

³⁰ *Coville A. Jean Petit. P. 503–537.*

³¹ *Journal d'un bourgeois de Paris. №214 (P. 123–124).*

³² *Ibid. №224 (P. 128–129).*

³³ Показательно, что Парижский Горожанин, будучи ярким бургиньоном, как и большинство парижан, хотя и поражен размахом насилия, оправдывает его, замечая, что «это было угодно всему народу» [*Ibid. № 197 (P. 114).*]

³⁴ Клеман так описывал атмосферу отчаяния: «Из-за этого жители Парижа, так радовавшиеся объявлению договора и союза о мире и единстве и надеявшиеся, что

столь торжественный договор будет соблюдаться, были потрясены... и вновь надели знаки и крест Св. Андрея, по приказу суда, которые прежде сняли в надежде на добрые последствия этого договора». JCF. T. I. P. 317–319.

³⁵ По мнению Б. Гене, к сторонникам дофина Карла можно отнести тех, кто возлагал вину за убийство на его окружение, как это делал Жан Жувеналь дез Юрсен. Не такова ли позиция и пробургиньонского Парижского Парламента? (*Guenée B. Un meurtre, une société.* P. 286).

³⁶ В этом, как и в своей политике в целом, парламентарии являлись больше, чем кто-либо другой, соратниками Жерсона, чье молчание в последние годы жизни было признанием своего полного поражения, раз арманьяки оказались не лучше бургиньонов (*Ibid.* P. 286–287).

³⁷ *Coville A. Jean Petit.* P. 568–575; *Autrand F. Charles VI.* P. 365.

³⁸ *Autrand F. Charles VI.* P. 467–469.

³⁹ По утверждению Парижского Горожанина, прошедшие через три плена в 1417 г. признавались, что «англичане лучше бургиньонов, а бургиньоны в сто раз лучше парижан» (арманьяков в тот момент) (*Journal d'un bourgeois de Paris.* № 172 (P. 102–103)).

⁴⁰ *Douët-d'Arcq L. Choix de pièces inédites relative au règne de Charles VI.* T. I. P. 212–215.

⁴¹ Парламентарии действуют в полном согласии с призывом Жана Жерсона «Да будет мир!», брошенным в самый разгар трудного примирения в Шартре в феврале 1409 г., когда еще можно было остановить гражданскую войну. (*Guenée B. Un meurtre, une société.* P. 215–218).

⁴² *Douët-d'Arcq L. Choix de pièces...* T. I. P. 340–342.

⁴³ *Ibid.* P. 357.

⁴⁴ Процедура аналогична той, что использовалась для текста речи Ж. Пти (*JNB.* T. 2. P. 309).

⁴⁵ Присутствие при разговоре Жана Бесстрашного и Филиппа Неверского не оставляет сомнений, в чью пользу сделано соглашение (*Lot F. et Fawtier R. Histoire des institutions françaises.* T. 2. P. 437; *Lemaire A. Les lois fondamentales de la monarchie française d'après les théoriciens de l'Ancien régime.* P. 50–51).

⁴⁶ Несвобода короля кажется Парламенту «странной», не говоря уже о невозможности свободно с ним говорить (*Shennan J.H. The Parlement of Paris.* P. 162–163).

⁴⁷ В ноябре 1415 г. Парламент создает комиссию из 5–6 советников для выработки инструкции, которую потом будут вручать каждому, кто поедет к дофину. В ней всю вину за поражения от англичан возлагают на враждующие партии. Секретарь не приводит ее полный текст, ссылаясь на регистр ордонансов, однако там текст не был обнаружен (*JNB.* P. 223–227; *Liebman J.C. Un sermon de Philippe de Vilette, abbé de Saint-Denis, pour la levée de l'oriflamme (1414)/Romania.* 1944–1945. T. LXVIII. № 272. P. 444–470).

⁴⁸ *Autrand F. Naissance d'un grand corps d'État.* P. 117–132.

⁴⁹ *Pacaut M. Les structures politiques de l'Occident médiéval.* P., 1969. P. 305; *Paul J. Histoire intellectuelle de l'Occident médiéval.* P., 1973. P. 445–446.

⁵⁰ «*soli principi licet bellum indicere et debet bellum esse necessitatis et non voluntatis*» (*JCF.* T. I. P. 31–33).

⁵¹ *Journal d'un bourgeois de Paris.* № 162 (P. 99).

⁵² Так, М. Нордберг, признавая неучастие Парламента как учреждения в борьбе бургиньонов и арманьяков, замечает, что Жан Бесстрашный мог рассчитывать на поддержку Парламента в стремлении пресечь злоупотребления властью арманьяками (*Nordberg M. Les ducs et la royauté.* P. 213).

⁵³ И не случайно именно Парламент был главным проводником провозглашенной Карлом VII политики примирения бургиньонов и арманьяков, забвения раздоров и объединения страны (*Bossuat A. Le rétablissement de la paix sociale sous le règne de Charles VII*//M.A. 1954. Т. 90. P. 159–161).

⁵⁴ Эта фраза из «Протокола о собрании Штатов 1356 г.», ставшего началом общественного движения под руководством Этьена Марсея, выражает суть обвинений общества в адрес властей: их политика провоцирует национальное предательство. *Isambert, Jourdan et Decrusy. Recueil général des anciennes lois françaises. Т. IV. P. 778.*

⁵⁵ По образному выражению Ф. Отран, эта «схизма» Парламента сродни катастрофе дворянства в битве при Азенкуре (*Autrand F. Les dates, la mémoire et les juges. P. 174.*).

⁵⁶ *Petit-Dutaillis C. Charles VII... P. 17–18; Lot F. La France dès origines à la Guerre de Cent ans. P. 269–270.*

⁵⁷ Вряд ли стоит приписывать позицию Парламента иллюзиям о реформаторских устремлениях Жана Бесстрашного, чей популизм здесь отчетливо осознавался (*Favier J. La Guerre de Cent Ans. P. 468; Armstrong C.A.J. England, France and Burgundy. P. 347.*).

⁵⁸ *Coville A. Les premiers Valois... P. 364.*

⁵⁹ Кстати, эти сведения противоречат остальным свидетельствам современников о большом количестве собравшихся, в частности у Монстреле (*JCF. Т. I. P. 202–203.*).

⁶⁰ Большинство исследователей возлагает вину за провал переговоров с дофином и раскол страны на три Франции – английскую, буржскую и бургундскую – на Жана Бесстрашного (*Bonenfant P. Du meurtre de Montereau au traité de Troyes. Bruxelles, 1958; Armstrong C.A.J. La double monarchie France-Angleterre et la maison de Bourgogne (1420–1435). Le déclin d'une alliance//Annales de Bourgogne. 1965. Т. 37. ? 146. P. 81–112; Leguai A. La «France bourguignonne» dans le conflit entre la «France française» et «France anglaise» (1420–1435)//La France anglaise. P. 41–52.*).

⁶¹ В этой связи стоит иметь в виду, что сговор с англичанами бургиньонов и дофинов имел противоположные цели: Карл Валуа пытался предотвратить войну на два фронта и объединение своих противников, однако никогда не признал бы претензии на французский трон Ланкастеров и не отказался бы от своих прав. Бургундский дом преследовал цели расчленения Франции и создания своего независимого государства. В конечном счете это также предопределило крах союза с англичанами Филиппа Доброго, поскольку Англия не намерена была делиться с ним своей «французской добычей» (*Armstrong C.A.J. England, France and Burgundy. P. 352.*).

⁶² Наметившийся в эти годы союз Парламента и властей Парижа придавал упрекам Ги Аннекена особый смысл: он косвенно обвинял и Парламент. Любопытно, что сам Ги Аннекен был до 1418 г. прокурором Парламента (*JCF. Т. I. P. 294–295.*).

⁶³ *Favier J. La Guerre de Cent Ans. P. 450.*

⁶⁴ *Neuville D. Le Parlement royale à Poitiers (1418–1436). P. 9–10.*

⁶⁵ Отказавшись от переговоров с дофином, Парламент не пошел и на его однозначное отлучение от престола, в чем его нередко упрекали. Об этом говорит полное отсутствие каких-либо упоминаний об отлучении Карла, якобы произошедшем в Парламенте 6 января 1421 г. (*Maugis E. Histoire du Parlement de Paris. Т. I. P. 31.*).

⁶⁶ Стоит подчеркнуть, что в исторические труды вкралась ошибка: якобы Карл был объявлен незаконнорожденным и на этом основании лишен трона (ссылка на смутные признания Изабо Баварской). Ничего подобного в тексте договора нет. Карл как виновный в оскорблении величества (*lèse-majesté*) за соучастие в убийстве Жана Бургундского был лишен прав на трон (*Leguai A. La «France Bourguignonne». P. 45; Bonenfant P. Op.cit. P. 130–135.*).

⁶⁷ О процессе освобождения парламентских чиновников от налогов и реакции на него общества см.: *Autrand F. Naissance d'un grand corps de l'Etat. P. 210–243.*

⁶⁸ *Bossuat A. Étude sur les emprunts royaux au début du XVe siècle. La politique financière du connétable Bernard d'Armagnac//RHDFE. 1950. P. 351–371.*

⁶⁹ Так, Дж. Шеннан в духе английской традиции обвиняет самих французов в бедах страны, утверждая, что Парижский Парламент был особенно повинен в безропотном согласии присягнуть договору в Труа, что прямо противоречит данным парламентских протоколов (*Shennan J. The Parlement of Paris. P. 164; Bossuat A. Le Parlement de Paris pendant l'occupation anglaise. P. 19.*)

⁷⁰ В исследовании Н.А. Хачатурян убедительно показана нелогичность признания Парламентом договора в Труа, которое выпадает из всей системы политики института. Ясно, что Парламент был вынужден подчиниться обстоятельствам (*Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции. С. 78.*)

⁷¹ Особая позиция Парижского Парламента, сложные перипетии отношений с властями и противодействие договору в Труа остаются практически незамеченными в литературе. См., напр.: *Duparc P. La conclusion du traité de Troyes//RHDFE. 1971. № I. P. 50–64.*

⁷² *Maugis E. Histoire du Parlement de Paris. T. I. P. 27.*

⁷³ А. Боссюа подчеркивает, что договор сулил мир, и потому Парламент его поддерживал (*Bossuat A. Le Parlement de Paris pendant l'occupation anglaise. P. 20–21.*)

⁷⁴ Канцлер герцога Бургундского Никола Ролен в своих уговорах принять договор с Генрихом V ссылался главным образом на то, что этот договор обеспечит мир, который не принесет договор с дофином (*Favier J. La Guerre de Cent Ans. P. 450.*)

⁷⁵ Для парламентариев как законоведов претензии Генриха V Ланкастера на французский престол были абсолютно незаконными. Так, Жак Рапиу, президент Парламента, ссылался на обстоятельства восшествия на престол Генриха V в Англии и на его генеалогию для обоснования неприемлемости его претензий (*Ibid.*)

⁷⁶ Необходимость каждый раз вновь приносить клятву диктовалась чисто «феодалным» характером договора в Труа, основанного на личном согласии (*convenatio personalis*) сторон, поклявшихся считать Генриха V «сыном по договору» короля Карла VI и, следовательно, наследником трона: «... par l'aliance du mariage fait... le Henry... est devenu nostre filz» (*Cosneau E. Les grands traités de la guerre de Cent ans. P., 1889. P. 103; Duparc P. La conclusion du traité de Troyes. P. 60–61.*)

⁷⁷ «... afin que concorde, paix et tranquillité entre les royaume de France et d'Angleterre soient... en gardant toutes voyes, en toutes choses, à l'un et à l'autre royaume ses droits, libertez ou coutumes, usaige et loix, non soubmettanz en quelque maniere l'un des diz royaume à l'autre» (art. 2) (*Cosneau E. Les grands traités de la Guerre de Cent ans. P. III.*)

⁷⁸ *English suits before the Parlement of Paris. P. 1–3; Armstrong C.A. England, France and Burgundy. P. 349–354; Autrand F. Géographie administrative et propagande politique. P. 273.*

⁷⁹ До сих пор остается невыясненным, герцог ли Бедфорд отстранил от власти Филиппа Бургундского или это был хитрый ход самого «обиженного». Но в любом случае именно это решение сыграло главную роль в создании собственно Бургундского государства, отделившегося от Франции и надолго ее соперника (*Genet J.-P. Le roi de France anglaise et la nation française au XVe siècle. P. 57; Leguai A. La «France Bourguignonne». P. 42, 44, 46–47.*)

⁸⁰ *Seward D. The Hundred Years War. P. 195; Favier J. La Guerre de Cent Ans. P. 466–467.*

⁸¹ *Ibid. P. 457, 446.* Сегодня все исследователи, даже по-разному оценивающие договор в Труа, сходятся в одном: единственным условием его реализации был бы отказ дофина Карла от притязаний на французский престол, а еще лучше – его смерть.

Таким образом, пока Карл был жив, никакого мира договор в Труа принести не мог (*Leguai A. La «France Bourguignonne»*. P. 43).

⁸² *Bossuat A. La littérature de propagande au XVe siècle. Le mémoire de Jean de Rinel, secrétaire du roi d'Angleterre, contre le duc de Bourgogne. (1435)/Cahiers d'histoire. 1956. № 2. P. 133–134.*

⁸³ Вопреки мнению английских историков о равнодушии Франции к подвигу Жанны д'Арк (*Seward D. The Hundred Years War. P. 219–20*), неудача англичан под Орлеаном сильно скомпрометировала режим (*Bossuat A. La littérature de propagande. P. 132*).

⁸⁴ JCF. T. 2. P. 14–15, 88–89, 91, 155–157, 182–183, 317–318.

⁸⁵ В Англии «континентальную авантюру» всегда рассматривали как форму обогащения страны. При этом английский Парламент еще в период первых рейдов Эдуарда III добился обещания, что никогда Англия не будет подчинена Франции. Крах «двойной монархии» предопределила его тупиковость и для развития самой Англии (*Thompson G. Le régime anglo-bourguignon à Paris. P. 54–56; Genet J.-P. Le roi de France anglaise. P. 54–55; Contamine Ph. La «France anglaise». P. 21–22*).

⁸⁶ Парадокс заключался в том, что Генрих V Ланкастер был первым настоящим «английским» королем из всех предшествующих, и ему сложнее было сделаться «французом», чем Эдуарду III или Ричарду II. По выражению автора его биографии Ч. Олмонда, Генрих V был «very English Englishman» (*Genet J.-P. Le roi de France anglaise. P. 43–44*).

⁸⁷ Статья 8 договора в Труа четко определила место Парламента: «la Court du Parlement de France sera en tous et chascun lieux... observée et gardée ès auctorité et souveraineté d'elle et à elle deues» (*Cosneau E. Les grands traités de la guerre de Cent ans. P. 105*).

⁸⁸ Ш. Пти-Дютайи проникательно подметил, что возмущение регента Джона Бедфорда любым актом неповиновения Парламента показывает, насколько он не утруждал себя уважением к тем органам контроля над властью, которые были созданы во Франции (*Petit-Dutaillis Ch. Charles VII. P. 16–21*).

⁸⁹ Вмешательство Парламента в дела Фландрии вписывалось в общую политику института по сохранению целостности страны, что разгневало Филиппа Доброго и заставило его в итоге обратиться к союзу с Карлом Валуа. Это еще раз показывает, насколько Парламент был бургиньонским: он никогда не отступал от интересов института в угоду политическим симпатиям (*Armstrong C.A.J. England, France and Burgundy. P. 356, 362*).

⁹⁰ В этой связи обратим внимание, что далеко не все институты королевской власти были столь же преданы идеям централизации, как Парламент. Например, Палата счетов в силу зависимости от финансовых кругов страны была более политически ангажирована и вовлечена в политические конфликты, прежде всего в борьбу бургиньонов и арманьяков (*Autrand F. Le temps des professionnels. P. 424*).

⁹¹ См. об этом: *Autrand F. Géographie administrative et propagande politique. P. 274–275*.

⁹² *Bossuat A. Le Parlement de Paris pendant l'occupation anglaise. P. 20–24; Lewis P. La «France anglaise» vue de la France française. P. 34*.

⁹³ Возможность проследить, как Парламент защищал целостность земель Франции, дает публикация дел о спорных владениях в период английский оккупации (*English suits before the Parlement of Paris, 1420–1436. L., 1982*).

⁹⁴ Англичане рассматривали Нормандию как свое владение и с самого начала «английской Франции» отделяли ее от остальной страны. Хотя все присутствовавшие при последних минутах жизни Генриха V предпочли благополучно «забыть», что

именно он завещал, одно они помнили твердо: ни под каким нажимом или предложением никогда не отдавать Нормандию Франции (*Pocquet du Haut-Jussé B.-A.* Anne de Bourgogne et le testament de Bedford (1429)/BEC. 1934. Т. 95. Р. 284; *Armstrong C.A.J.* La double monarchie. Р. 82–83).

⁹⁵ *Armstrong C.A.J.* England, France and Burgundy. Р. 349; *Leguai A.* La «France Bourguignonne». Р. 48–49.

⁹⁶ *Aubert F.* Histoire du Parlement de Paris. Р. 38–47; *Lot F. et Fawtier R.* Histoire des institutions françaises au moyen âge. Т. 2. Р. 60–62; *Ellul J.* Histoire des institutions de l'époque franque à la Revolution. Р. 317–319.

⁹⁷ *Armstrong C.A.J.* England, France and Burgundy. Р. 355. С этим назначением автор связывает окончательный разрыв англо-бургундского союза.

⁹⁸ Напомним, что канцлер был тем чиновником, которого выбирали все институты власти: в 1373 г. с участием Парламента был выбран канцлер Пьер д'Оржемон, первый президент Парламента (*Maugis E.* Histoire du Parlement de Paris. Т. 3. Р. 24).

⁹⁹ Антифранцузская политика Луи Люксембургского стала очевидна в итоге даже яростным бургиньонам. Так, по свидетельству Парижского Горожанина, епископа Теруанна «сильно ненавидел народ, ибо поговаривали тайком, а часто и в открытую, что ему на руку отсутствие мира во Франции, за что его так проклинали и всех его подручных, как некогда императора Нерона» [*Journal d'un bourgeois de Paris.* № 641 (Р. 330)]. Он был до конца сторонником англичан: когда в 1432 г. умерла жена Джона Бедфорда Анна Бургундская-Бедфордская – любимица французов и душа этого союза, он через год выдал за регента замуж свою племянницу – Жанетту Люксембургскую. После крушения «союза двух корон» он переехал в Руан, затем в Англию, где умер, будучи епископом Эмми.

¹⁰⁰ «... ne soit en riens subje te au chancelier ne a autre justice» (JCF. Т. 3. Р. 63).

¹⁰¹ *Mollat G.* Les origines du Gallicanisme parlementaire aux XIVe et XVe siècles// *Revue d'histoire ecclésiastique.* 1948. Т. 43. № 1–2. Р. 90–147; *Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции. С. 55–57.

¹⁰² *Shennan J.H.* The Parlement of Paris. Р. 176–179. В этой политической позиции Парижского университета проявилось одно из фундаментальных свойств этого института: его космополитизм (*Уваров П.Ю.* Университеты и идея европейской общности//Европейский альманах. История. Традиция. Культура. 1993. М., 1993. С. 115–123; *Deprez E.* Un essai d'union nationale à la veille du traité de Troyes (1419)// *BEC.* 1938. Т. 99. Р. 343–354).

¹⁰³ Даже в фундаментальных работах Н. Валуа и Г. Молла, где немалое место уделено Парламенту, не делается попыток вскрыть причины последовательной политики института. В исследовании Н.А. Хачатурян сделан первый подход в этом направлении, в частности показана и обоснована преданность Парламента принципам галликанизма (*Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции. С. 200–204; *Valois N.* La France et la Grand Schisme d'Occident. Т. 1–4. Р., 1896–1902; *Chélini J.* L'Eglise au temps des schismes, 1294–1449. Р., 1982; *Mollat G.* Les origines de Gallicanisme parlementaire aux XIVe et XVe siècle).

¹⁰⁴ *Vallet de Viriville M.* Mémoire sur les institutions de Charles VII//*BEC.* 1872. Т. XXXIII. Р. 5–118.

¹⁰⁵ Решение Джона Бедфорда было частью глобальной задачи отделения Нормандии от Франции. Из-за этого некогда могущественная «нормандская нация» в Парижском университете перестала существовать, а Бедфорд потерял в Париже поддержку единственной корпорации, которая действительно была идейным пропагандистом «союза

двух корон» (*Genet J.-P. Le roi de France. P. 53–54; Bossuat A. Le Parlement de Paris pendant l'occupation anglaise. P. 32–34; Favier J. La Guerre de Cent Ans. P. 534–535*).

¹⁰⁶ М. Пако считал это одним из выражений национального самосознания, поскольку галликанизм отстаивает организацию национальной церкви (*Pacaut M. Les structures politiques de l'Occident médiéval. P. 363*).

¹⁰⁷ Важным свидетельством единства парламентской среды и закономерности политики института является тот факт, что Парламент в Пуатье действовал в том же русле, что и «ланкастерский» в Париже, так же отстаивая мир и единство страны, законы королевства, в том числе и галликанизм (*Autrand F. Naissance d'un grand corps de l'Etat. P. 154; Neuville D. Le Parlement royal à Poitiers (1418–1436). P. 1–28, 273–314*).

¹⁰⁸ ORF. T. X. P. 247.

¹⁰⁹ *Aubert F. Histoire du Parlement de Paris. P. 298–299*.

¹¹⁰ JCF. T. I. P. 192–195, 203–207, 221, 226–227, 239.

¹¹¹ Через несколько дней Жиль де Клемеси стал королевским прево Парижа и был им с 3 февраля 1419 г. по декабрь 1420 г. (*Journal d'un bourgeois de Paris. P. 461*).

¹¹² Все годы «английского Парижа» королевским прево был Симон Морье (*Simon Morhier*) – мажордом королевы Изабо Баварской (1 декабря 1422 г. – 13 апреля 1436 г.) (*Ibid.*).

¹¹³ *Aubert F. Histoire du Parlement de Paris. P. 290–297; Kubler J. L'origine de la perpétuité des offices royaux. P. 129*.

¹¹⁴ Парламент в итоге провел на эту должность «своего» чиновника – Гуго Ралиу, который занимал многие должности: в 1421 г. – адвокат в Шатле, в 1422 г. – президент Палаты прошений Парламента, в 1431–1434 гг. – купеческий прево Парижа (*Journal d'un bourgeois de Paris. P. 317*).

¹¹⁵ Упорство Парламента в отстаивании кандидатуры Жилия де Клемеси не до конца понятно; формально этот чиновник Палаты счетов вряд ли подходил на должность прево, особенно в момент активных боевых действий. Возможно, Парламент продвигал «своего» человека на эту главную в городе должность в перспективе более тесного взаимодействия властей. О недовольстве парижан таким вмешательством Парламента см.: *Ibid.* № 224, 257 (P. 139, 146).

¹¹⁶ Гуго Ле Кок, представитель знаменитой парламентской династии Ле Коков, был купеческим прево Парижа в 1420–1429 и 1434–1436 гг., т.е. почти весь период англо-бургиньонского правления (*Ibid.* P. 165).

¹¹⁷ О нищете Парижа в годы «английской Франции» см. публикацию: *Longnon A. Paris pendant la domination anglaise (1420–1436): Documents extraits des registres de la Chancellerie. P., 1878*.

¹¹⁸ JCF. T. I. P. 222–223, 233–234, 250–253, 273–274, 279, 322, 376–377; T. 2. P. 15–16, 109; T. 3. P. 7–8, 166.

¹¹⁹ О реакции торгово-купеческих кругов на жесткие меры Парламента можно судить по свидетельству Парижского Горожанина, враждебного линии Парламента, который не стал проводником политики англо-бургиньонов: «И был в то время в Париже первый президент Парламента по имени Филипп де Морвилье, самый жестокий тиран, какого люди видели в Париже, ибо за одно слово супротив его воли или за надбавку к цене товара он прокалывал языки, таскал добрых купцов в телегах по улицам Парижа, ставил к позорному столбу, короче, выносил приговоры столь жестокие, страшные и ужасающие, что никто не решался пикнуть против него, ни воззвать к правосудию, и к тому же добавлял огромные штрафы, и столь тяжкие, что все, кто хоть раз попадал в его руки, помнил об этом всю жизнь». *Journal d'un bourgeois de Paris. № 322 (P. 174)*.

¹²⁰ Так, даже Парижский Горожанин, приветствовавший установление правления бургиньонов, вынужден с печалью констатировать это равнодушие властей к Парижу [*Ibid.* № 525 (P. 272)].

¹²¹ Представление о Париже как особом городе распространилось с 1200 г.: в «Филиппиде» Гийом Ле Бретон дает городу титул главы королевства (*le chef/caput*), а при Карле VI был принят термин «столица королевства» (*Paris, fonctions d'un capitale: Colloque. P., 1962. P. 17, 40–41; Favier J. Paris, capital/London and Paris from the beginnings to the Year 2000. Franco-British studies. 1994. № 17. P. 32–45).*

¹²² *Petit-Dutaillis C. Charles VII... P. 95–96.*

¹²³ За все время существования «союза двух корон» (1420–1436) Филипп Добрый был в Париже всего 14 раз и всего 2 раза оставался здесь в течение месяца (*Thompson G.L. Le régime anglo-bourguignon à Paris. P. 57; Leguai A. La «France bourguignonne». P. 50).*

¹²⁴ Именно Парламент был сердцем Парижа и как бы «королем» в отсутствие правящего короля. В этой связи показательно, что позднее Шарль Луазо воздавал должное Парламенту, спасшему Францию от судьбы быть раздробленной на манер Италии или Германии, в том числе и тем, что он поддержал образ столицы, где пребывают институты власти короля (*Lot F. et Fawtier R. Histoire des institutions françaises. T. 2. P. 588).*

¹²⁵ JCF. T. I. P. 219–221, 229–231, 239, 248–249, 252–253, 280–281.

¹²⁶ *Aubert F. Le Parlement de Paris. P. 143–45.*

¹²⁷ Вопреки статусу «английского Парижа», присутствие в городе англичан почти не ощущалось, поскольку их численность не превышала 100–200 человек посреди почти 100-тысячного города. Отсутствие экономических связей Парижа с Англией стало главной причиной безразличия властей к судьбе города. Однако помимо сильной торгово-купеческой и ремесленной среды, чье влияние чувствовалось на политике не одного французского короля, Париж был символом страны, и его политический вес английские власти недооценили и просчитались (*Givelet B. Paris sous l'occupation (anglaise)/Paris historique. 1994. № 69. P. 19–20; Thompson G.L. Le régime anglo-bourguignon. P. 55–56).*

¹²⁸ О добровольной сдаче города прямо сказано и в иных свидетельствах современников (*Gruel G. Chronique d'Arthur de Richemont, connetable de France, duc de Bretagne. P., 1890. P. 121–123).*

¹²⁹ Б. Гене обращает внимание исследователей на необходимость скорректировать оценки баланса сил между королем и его аппаратом. Тех, кто преувеличивает, в духе самих чиновников, политический вес институтов власти в ущерб личности короля, Гене призывает не впадать в эту крайность. И история Парижа при англо-бургиньонах подтверждает правильность такой корректировки (*Guenée B. Paris et la cour du roi de France au XVe siècle. P. 259–265).*

¹³⁰ Даже при сокращении численности населения, о котором писали все современники, Париж, уменьшившийся почти в три раза, все же оставался самым крупным городом во Франции (240–200 тыс. к началу XIV в., 100–80 тыс. к 30-м годам XV в.) (*London and Paris from the beginnings to the Year 2000. P. 51).*

¹³¹ ORF. T. X. P. 459–460, 464–465.

¹³² JCF. T. I. P. 55–56.

¹³³ *Neuville D. Le Parlement royal à Poitiers. P. 6–7; Maugis E. Histoire du Parlement de Paris. T. I. P. 54.*

¹³⁴ ORF. T. X. P. 474–481. Новейшие исследования «английской Франции» существенно корректируют традиционное представление о «бедном буржском короле»

Карле VII, на чьей стороне была на самом деле треть Франции, и не самая обескровленная войной. Соотношение налогов, к тому же на первых порах отмененных «союзом двух корон» под давлением партии бургиньонов, равнялось 1 : 5 в пользу Карла (*Favier J.* Paris, capital. P. 40; *Contamine Ph.* La «France anglaise». P. 21).

¹³⁵ *Maugis E.* Histoire du Parlement de Paris. T. I. P. 26.

¹³⁶ JCF. T. I. P. 273, 364; T. 2. P. 206, 216, 231–232, 236, 240, 243, 248–251, 257, 259, 263, 273, 289, 291–292, 296, 315.

¹³⁷ В 1427 г. заседания Парламента продлены на 8 дней, в 1429 г. – дважды общей сложностью на две недели, в 1435 г. – на 8 дней (JCF. T. 2. P. 246, 324–325; T. 3. P. 164).

¹³⁸ В 1425 г. Парламент отдает 60 парижских солидов из штрафов на покупку пергамента; в 1426 г. поручает судебному исполнителю продать старое бургундское вино и на эти деньги купить пергамент (*Ibid.* T. 2. P. 159, 193; T. 3. P. 2).

¹³⁹ *Armstrong C.A.J.* England, France and Burgundy. P. 352.

¹⁴⁰ *Journal d'un bourgeois de Paris.* № 529 (P. 273).

¹⁴¹ *Thompson G.L.* Le régime anglo-bourguignon à Paris. P. 54.

¹⁴² Кстати, об этом заседании упоминает и Парижский Горожанин, который вопреки своим проанглийским настроениям признает справедливость требований Парламента о выплате жалования за два с половиной года [*Journal d'un bourgeois de Paris.* № 596 (P. 310)].

¹⁴³ О намеренном обострении Парламентом конфликта с властями в этот период может свидетельствовать и такой факт: в кризисные моменты в Париже Парламент сам сокращал заседания до двух дней в неделю. Так было, например, при вступлении войск бургиньонов в Париж в мае 1418 г. (JCF. T. I. P. 160).

¹⁴⁴ Ни у одного из двух Парламентов не было недостатка в работе, и оба обслуживали свою часть Франции (*Autrاند F.* Géographie administrative et propagande politique. P. 273; *eadem.* Le temps des professionnels. P. 384–385).

¹⁴⁵ *Maugis E.* Histoire du Parlement de Paris. P. 47–48; *Bossuat A.* Le Parlement de Paris. P. 40; *Pacaut M.* Les structures politiques. P. 326; *Lestocquoy J.* Histoire du patriotisme en France. P. 17–40.

¹⁴⁶ Список чиновников см.: *Delachenal R.* Une clause de la paix d'Arras: les conseillers bourguignons dans le Parlement de Charles VII//*Bulletin de la SHP.* 1891. P. 82–83.

¹⁴⁷ *Autrاند F.* Naissance d'un grand corps de l'État. P. 149–152; *eadem.* Les dates, la mémoire et les juges. P. 181.

¹⁴⁸ Хотя в Пуатье этот Парламент называли «анти-Парламентом», в Париже удержались от оскорблений: там было найдено удачное слово для тех, кто переезжал к Карлу Валуа, – «отсутствующие» (*absents*) (*Bossuat A.* Le Parlement de Paris. P. 19; *Autrاند F.* Naissance d'un grand corps de l'État. P. 154).

¹⁴⁹ *Bossuat A.* Le rétablissement de la paix sociale sous le règne de Charles VII//*MA.* 1960. T. 60. № 1–2. P. 137–162.

¹⁵⁰ *Lestocquoy J.* Histoire du patriotisme en France dès origines à nos jours. P., 1968; *Beaune C.* Naissance de la nation France. P., 1985.

¹⁵¹ В ряде новейших работ уточняется понятие патриотизма применительно к эпохе Столетней войны. Так, Н.А. Хачатурян подчеркивает, что в основе освободительного движения лежала «высокая цель защиты государства». М. Шмид-Шазан уравнивает любовь к Франции и защиту монархии. Существенен вклад Б. Гене в разработку проблемы соотношения нации и государства в средневековой Франции (см.: *Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции. С. 145–156; *Bossuat A.* L'idée de

nation et la jurisprudence du Parlement de Paris au XVe siècle//R.H. 1950. T. CCIV. N 3. P. 54–61; *idem*. Les origines troyennes: leur rôle dans la littérature historique au XVe siècle//Annales de Normandie. 1958. P. 187–197; *Guenée B.* Espace et État dans la France du bas Moyen Âge//Annales ESC. 1968. N 4. P. 744–758; *idem*. État et nation en France au Moyen âge//R.H. 1967. T. 237. № 1. P. 17–30; *idem*. Y a-t-il un État des XIV et XV siècles//Annales ESC. 1971. P. 399–406; *Schmidt-Chazan M.* Histoire et sentiment national chez Robert Gaguin//Le Métier d'historien au moyen âge. P., 1977. P. 233–300.

К главе IV

¹ État et Eglise dans la genèse de l'État moderne. P., 1986; *Millet H.* La place des clers dans l'appareil d'État en France à la fin du Moyen âge. P. 239–248; *Verger J.* Le transfert de modèles d'organisation de l'Eglise à État à la fin du Moyen âge. P. 31–39.

² Уже первые профессиональные служители власти – легисты – настаивали на своем отличии от дворян: по словам одного из них, Гийома де Ногаре, «легисты не дворяне, но рыцари короля» («chevaliers du roi») (*Ouy G.* L'Humanisme et les mutations politique et sociale en France aux XIVe et XVe siècle. P. 32).

³ *Autrand F.* Le temps des professionnels. P. 434.

⁴ *Krynén J.* Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen âge (1380–1440). P. 184–185; *Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции. С. 44–49.

⁵ *Jackson R.* Le pouvoir monarchique dans la cérémonie du sacre et couronnements des rois de France//Représentation, pouvoir et royauté à la fin du Moyen âge. P. 242–243; *Le Sacre des rois: Actes du Colloque international d'histoire sur les sacres et couronnements royaux.* P., 1985.

⁶ *Kantorowicz E.* Les deux corps du Roi. P., 1989.

⁷ *Rittiez F.* Histoire du Palais de Justice et du Parlement de Paris, 860–1789. P., 1860. Кстати, в названии этого дворца также прослеживается особая значимость: он единственный из всех королевских резиденций назывался Palais, поскольку в этом слове заключался образ суда по аналогии с Римом. Все прочие дворцы обозначались иными словами. Так, замок Сен-Поль – Hôtel, Венсенский дворец – Château, Лувр – La Grosse Tour или Château (*Favier J.* Paris, capital. P. 44).

⁸ Вначале члены Парламента именовались «мэтрами (магистрами) Парламента» («Maître du Parlement, magistri Curiae, magistri camerae»), что подчеркивало лишь их ученость, необходимую для работы (*Aubert F.* Le Parlement de Paris. P. 114).

⁹ Об этом свидетельствует и количество аноблированных чиновников Парламента (из 1877 аноблированных лишь 36, т.е. менее 2%). Ф. Отран также приходит к выводу, что они больше не нуждались в аноблировании, сама служба делала их благородными (*Autrand F.* Naissance d'un grand corps de l'Etat. P. 178–182).

¹⁰ Освобождение от налогов было формой дополнительной оплаты работы чиновников ввиду психологической неготовности общества оплачивать в полном объеме их службу. Парламент был первым институтом власти, получившим эту привилегию, распространенную позднее на все остальные институты власти короля (*Aubert F.* Le Parlement de Paris. P. 143; *Autrand F.* Le temps des professionnels. P. 436–437).

¹¹ Ф. Отран посвятила парламентариям как новому дворянству отдельную главу своего исследования (*Autrand F.* Naissance d'un grand corps de l'Etat. Part. III. P. 167–262).

¹² Об этом неперенном атрибуте дворянства свидетельствует история с палачом Парижа Капелюшем, ставшим во главе расправ над арманьяками летом 1418 г. Войдя

триумфатором в Париж и надеясь овладеть ситуацией, Жан Бургундский обратился с распоряжениями к Капелюшу, думая, что имеет дело с дворянином, так как тот встречал его верхом на лошади. Обнаружив свою оплошность, Жан Бургундский был взбешен, что позволил себе с палачом фамильярный тон и рукопожатие, стоивших вскоре Капелюшу жизни – он был казнен (*Geremek B. Les Marginaux parisiens aux XIVe et XVe siècles. P., 1976. P. 325*).

¹³ В формируемой в процессе государственного строительства «королевской религии» решающая роль принадлежала легистам, которые в борьбе с папской властью объявили государя «образом Христа» (*imago Christi*) и «Богом на земле» (*princeps–Deus in terris, princeps – Deus corporalis*) (*Gauvard Cl. Le roi de France et l'opinion publique. P. 355; Krynen J. Les légistes «idiots politiques». P. 186*).

¹⁴ *Guenée B. Un meurtre, une société. P. 54–62.*

¹⁵ «*domini Paramenti, maxime officium suum faciendo, sunt pars corporis Regis*» (*Aubert F. Le Parlement de Paris. P. 138–141*).

¹⁶ Развитие правовой мысли под воздействием гуманистических идей привело в XV в. к признанию ответственности судьи за вынесенный им несправедливый смертный приговор. В этом случае судья считался виновным в убийстве и приговаривался к морально унижительному, а материально разорительному наказанию: торжественному снятию с виселицы повешенного или, если тот уже похоронен, изготовлению дорогостоящей копии покойного: после ритуала «прощения» в память умершего должны были быть сооружены памятные стеллы или иные «поминовения» в храме и т.д. (см. об этом: *Gauvard Cl. «De grâce especial». Crime, État et société en France à la fin du Moyen âge. T. 1–2. P., 1991; eadem. Pendre et dépendre à la fin du Moyen âge. Les exigences d'un rituel judiciaire//Histoire de la Justice. 1991. № 4. P. 5–24*).

¹⁷ *Guenée B. L'Occident aux XIVe et XVe siècles. Les États. P., 1993. P. 276–284.*

¹⁸ В Парламенте существовал строгий порядок расположения каждого чиновника (*Autrand F. Le temps des professionnels. P. 414*).

¹⁹ Описания Никола де Бая посещений короля и дофина заседаний Парламента исследуются ныне в контексте церемонии «ложа суда» (*Hanley S. Le lit de justice des Rois de France. L'idéologie constitutionnelle dans la légende, le rituel et le discours. P., 1991. P. 26–41; Brown E., Famiglietti R. The Lit de Justice: semantics, ceremonial and the Parlement of Paris, 1300–1600. Sigmaringen, 1994*).

²⁰ В итоге Парижский университет проиграл Парламенту эту битву за судебную монополию. Не последнюю роль сыграла в этом и пробургиньонская политика университета в 1418–1436 гг. Ордонанс 26 марта 1446 г. отменил судебные привилегии университета, подчинив его Парламенту (*Verger J. Les Universités au Moyen âge. P., 1973. P. 168; Histoire des Universités en France. P., 1986. P. 122–123*).

²¹ *Verger J. Les Universités au Moyen âge. P. 141–147.*

²² *Krynen J. Les légistes «idiots politiques». Sur l'hostilité des théologiens à l'égard des juristes en France au temps de Charles V. P. 171–198; idem. Les légistes «tyrans de la France»? Le témoignage de Jean Juvenal des Ursins, docteur in utroque. P. 279–299.*

²³ Уже к концу XIV в. происходит важное изменение, отразившее процесс формирования особой иерархии чиновников: ок. 1390 г. в протоколах Парламента, где прежде присутствующие на заседаниях перечислялись в соответствии с социальной принадлежностью (сначала дворяне, потом все остальные), теперь перечисление делается в соответствии с парламентскими принципами иерархии – президенты, советники (клирики, затем миряне), по палатам и в хронологии их сроков службы. Так парламентская иерархия сменила социальную (*Autrand F. Le temps des professionnels. P. 417*).

²⁴ Вот как трактуется единство, основанное на четкой иерархии Жаном Жерсоном в знаменитой речи «Vivat Rex»: «Ибо не может быть единства в многообразии без строя и порядка. А что есть порядок и что есть строй? Это когда все располагается на своем месте» (*Gerson J. Œuvres complètes*. Т. VII. P. 1419).

²⁵ *Gauvard Cl. Les officiers royaux et l'opinion publique en France à la fin du Moyen âge*. P. 591.

²⁶ «indissolubile vinculum caritatis et societatis, ut sint socii consolationis et laboris» (*JCF*. Т. 3. P. 4).

²⁷ *Gauvard Cl. Les officiers royaux et l'opinion publique*. P. 583–585; *eadem*. *Le roi de France et l'opinion publique*. P. 364–366.

²⁸ *Bossuat A. L'Université d'Orléans devant le Parlement de Paris//Cahiers d'histoire*. 1966. Т. II. № I. P. 17–35.

²⁹ *Autrand F. et Le Maresquire Y.-H. Vie sociale et municipale de Paris aux XIVe et XVe siècle*. P. 71. По данным Ф. Отран, за 100 лет (1345–1454) всего пять чиновников стали жертвами политических убийств. Однако количество оскорблений, угроз жизни и различных ущербов чиновникам при исполнении должностных обязанностей не поддается исчислению (*Autrand F. Le temps des professionnels*. P. 397–398, 418; *Gauvard Cl. Les officiers royaux et l'opinion publique*. P. 593–594).

³⁰ Приведу лишь один пример: первый президент Парламента при англо-бургиньонах Филипп де Морвилье установил особый ритуал в память о себе. Каждый год 10 ноября, накануне дня Св. Мартина зимнего и открытия сессии Парламента, к первому президенту должны были являться в дом настоятель монастыря Сен-Мартен-де-Шан в Париже, где похоронен Ф. де Морвилье, с монахом и передавать ему в дар две шапки, говоря определенный текст: «Сеньор, мессир Филипп де Морвилье, при его жизни первый президент Парламента...» – и т.д. Затем они должны были пойти к первому судебному исполнителю Парламента, передав ему подарок, связанный с его должностью, – пару перчаток и чернильный прибор. Самое поразительное, что этот ритуал неизменно исполнялся на протяжении нескольких столетий, вплоть до конца Старого Порядка; во всяком случае, «*Mercur de France*» за 10 ноября 1733 г. еще сообщает о нем (*Plagnieux P. La fondation funéraire de Ph. de Morvilliers, premier president du Parlement*. P. 367–368).

³¹ Нищее общество, не согласное платить чиновникам, провоцировало в ответ взяточничество и продажность чиновников власти (*Gauvard Cl. Les officiers royaux et l'opinion publique*. P. 586, 592; *eadem*. *Le roi de France et l'opinion publique*. P. 364).

³² «par défaut de secré garder on a souvent défaut ceans ex levi verbo, dont sont plusieurs et de majoribus in magnam verecundiam culpatis» (*JNB*. Т. I. P. 116).

³³ Требование единодушия при вынесении приговора согласуется с демократическими идеалами зарождающегося в XIV–XV вв. государства, которое современники называли «королевская республика» (*Gauvard Cl. Grâce et exécution capitale: les deux visages de la justice royale française*. P. 289; *Dupont-Ferrier G. Ignorances et distractions administratives en France*. P. 156).

³⁴ *Autrand F. Les dates, la mémoire et les juges//Le Métier d'historien au Moyen âge*. P., 1977. P. 157–182; *eadem*. *La force de l'âge: Jeunesse et vieillesse au service de l'État en France aux XIVe et XVe siècles*. P. 206–220.

³⁵ В специальном исследовании Б. Гене, посвященном возрасту людей позднего Средневековья, сделана удачная попытка уравновесить полярные точки зрения (*Guenée B. L'âge des personnes authentiques: ceux qui comptent dans la société médiévale sont ils jeunes ou vieux?//Prosopographie et la genèse d'État*. P. 249–279).

³⁶ Об этом свидетельствует форма перечисления чиновников в протоколах заседаний: строго по срокам их работы в Парламенте, а не по возрасту (*Autrand F. Le temps des professionnels*. P. 414–417).

³⁷ О молодости как незнании см.: *Moranville H. Remonstrances de l'Université et de la Ville de Paris à Charles VI sur le gouvernement du royaume*//BEC. T. LI. 1890. P. 432–433.

³⁸ О важности именно долгой службы для характеристики достоинств чиновника сказано в трактате конца XV в.: «Вряд ли государь стал бы долго держать плохого служителя» (*Guenée B. Un traité politique inédit de la fin du XVe siècle*//*Annuaire-Bulletin de la SHF*. 1983–1984 an. (1986). P. 147).

³⁹ JNB. T. I. P. 166, 328–329; T. 2. P. 93–94, 177, 183–184.

⁴⁰ Ibid. T. 2. P. 177–178, 182–183; JCF. T. I. P. 120–121; T. 2. P. 263; T. 3. P. 171–172.

⁴¹ Общественное мнение также требовало от чиновников компетентности (*Autrand F. Le temps des professionnels*. P. 425).

⁴² О роли общественного мнения и репутации см.: *Gauvard Cl. La fama, une parole fondatrice*//*Medievales*. 24. 1993. P. 5–13; *Уваров П.Ю. Париж XV века: события, оценки, мнения... общественное мнение?*//Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994. С. 175–193.

⁴³ Этот идеал соответствовал тому, который выработало и общественное мнение к XV в. См.: *Gauvard Cl. Les officiers royaux et l'opinion publique*. P. 586.

⁴⁴ *Bossuat A. La formule «Le roi est empereur en son royaume». Son emploi au XVe siècle devant le Parlement de Paris*//*RHDFE*. 196. № 3. P. 371–381; *Grevy-Pons N. Propagande et sentiment national pendant le règne de Charles VI: l'exemple de Jean de Montreuil*//*Francia*. Bd. 8. 1980. P. 134.

⁴⁵ Под влиянием Аристотеля его переводчик на французский язык Никола Орезм первым провозгласил эту идею. См.: *Krynén J. Les legistes «idiots politiques»*. P. 179, 196; *Guenée B. Le portrait de Charles VI dans la Chronique du Religieux de Saint-Denis*//*JS*. 1997. № I. P. 159.

⁴⁶ *Gerson J. Œuvres complètes*. T. VII. P. 1027.

⁴⁷ В принципе, уже отделившись от Королевской курии, Парламент отдалется и от короля (См.: *Bruguière M.-B. Introduction à l'histoire des institutions françaises: Dès origines à 1792*. P., 1983. P. 140).

⁴⁸ *Demurger A. Guerre civile et changements du personnel administratif dans le royaume de France de 1400 à 1418: l'exemple des baillis et sénéchaux*//*Francia*. Bd. 6. 1978. P. 151–298).

⁴⁹ О развитии идей «*princeps legibus solutus est*», «*quod principi placuit*» легистами см.: *Krynén J. Les legistes «idiots politiques»*. P. 182–185.

⁵⁰ Показательно в этой связи изменение протокола похорон короля Франции: впервые на похоронах в 1364 г. короля Иоанна II чиновники Парламента заменили ближайших родственников. Как сказано в отчете о похоронах Карла VI, «ибо это право тех, кто в Парламенте представляет короля и кто правит судом». См.: *Grandeau Y. La mort et les obsèques de Charles VI*. P. 148; *Bedos Rezak B. Idéologie royale, ambitions princières et rivalités politiques d'après les témoignages des sceaux*. P. 488.

⁵¹ JNB. T. I. P. 82, 147, 149, 164–165, 186–187, 202, 254, 286–287, 343–344; T. 2. P. 46, 90; JCF. T. I. P. 33–34; T. 2. P. 7–8, 43–44, 152–153, 243–244, 364–365; T. 3. P. 92–93, 110–112. 124–126.

⁵² «Et à parler proprement selon le dit des anciens prophètes et philosophes, le Roy et justice sont frères, et ont metier l'un de l'autre et ne pueent l'un sans l'autre. Et furent les Roys jadis créez pour justice maintenir et garder» (Les Demandes faites par le roi Charles

VI touchant son état et le gouvernement de sa personne avec les reponses de Pierre Salmon. P. 31).

⁵³ Krynen J. Les légistes «idiots politiques». P. 178.

⁵⁴ В их числе: архиепископы Реймса, Буржа, Санса, Тура и Руана; епископы Парижа, Бовэ, Турнэ, Шалона, Нуайона, Лизье, Эвре, Люсона, Клермона, Альби, Кутанса, Лана; аббат Сен-Дени и патриарх Константинопольский (JNB. T. 1. P. 296–298, 338–339; T. 2. P. 197–199; JCF. T. 1. P. 44–45; T. 2. P. 72, 187–188, 215–216, 251–252, 290; T. 3. P. 26).

⁵⁵ JNB. T. 1. P. 6–7, 68; JCF. T. 1. P. 3–4, 160–161, 209–212.

⁵⁶ JNB. T. 1. P. 11, 155–156; T. 2. P. 233–234, 237, 257; JCF. T. 1. P. 120–121; T. 2. P. 275.

⁵⁷ JNB. T. 1. P. 321, 338–339; T. 2. P. 158–159, 266–267; JCF. T. 1. P. 16–17.

⁵⁸ JNB. T. 2. P. 154–155; JCF. T. 1. P. 5–6, 47, 58–60, 106–108, 160–161; T. 2. P. 284–285.

⁵⁹ Изучая письма помилования, К. Говар столкнулась с подобной же ситуацией: вмешательство знати, даже простое упоминание, ограничивается 4% от всего объема изученных ею писем, что, по ее мнению, говорит о негативной реакции Парламента на подобное вмешательство (*Gauvard Cl. L'image du roi justicier en France à la fin du Moyen âge d'après les lettres de rémission. P. 168*).

⁶⁰ Аналогичное явление наблюдает и К. Говар при изучении писем помилования (*Ibid*).

⁶¹ Krynen J. Les légistes «idiots politiques». P. 181; *Cazelles R. Société politique, noblesse et couronne sous Jean II et Charles V. P. 470–477*. В трактате «Songe du Vergier» эти группы давления названы «бандами» («bendes») (*Gauvard Cl. Les officiers royaux et l'opinion publique. P. 587*).

⁶² Цит. по: *Уваров П. Ю. Парижский университет и местные интересы. С. 63*.

⁶³ Сам прогресс государственных институтов и усиление королевской власти в период правления больного Карла VI К. Говар считает доказательством изменения природы этих институтов, уже не связанных напрямую с личностью короля (*Gauvard Cl. Le roi de France et l'opinion publique. P. 356*).

⁶⁴ Идея мистической связи короля и народа владела умами еще в IX–X вв. Так, Алкуин говорил, что праведность короля – основа процветания и здоровья народа, и наоборот, греховный или больной государь приносит несчастье всему обществу (*Duby G. Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme. P. 119*).

⁶⁵ В известной мере, такая политика Парламента опиралась на строгие предписания ордонансов, в которых король обязывал чиновников Канцелярии, Палаты счетов и Парламента приостанавливать действие указов короля, противоречащих его интересам или содержащих ошибки (см. ордонанс 16 ноября 1318 г.: «Arrêtez au passage les ordres pernicious... ouvres les yeux et ne signez rien de suspect». *Isambert. Recueil général. T. III. P. 188; Dupont-Ferrier G. Ignorances et distractions. P. 153*).

⁶⁶ *Delachenal R. Histoire des avocats au Parlement de Paris. P. 168–169; Viollet P. Op.cit. P. 327–328*.

⁶⁷ *Ellul J. Op.cit. P. 313–315*.

⁶⁸ Король обязывал чиновников сопротивляться своим решениям: «Je puis avoir été trompé... Dans ce cas désobéissez sans hésiter à ces ordres. Ne les exécutez pas» (*ORF. T. IX. P. 595*).

⁶⁹ *Guenée B. L'Occident aux XIVe et XVe siècles. P. 165–166; Paravicini W. Administrateurs professionnels et princes dilettantes. P. 171*.

⁷⁰ JNB. T. 1. P. 3–5, 7–9, 53–54, 56, 94, 95, 100–114, 175.

⁷¹ Об этом деле см.: *Autrand F. Géographie administrative et propagande politique. P. 274–275*.

⁷² А. Демюрже показал, как Парламент сохранял нейтралитет в конфликтах и в то же время старался укрепить местный судебный-административный аппарат во время этой акции (*Demurger A. Op.cit.*).

⁷³ В выработанное к этому времени определение государственного преступления – оскорбление величества (*lèse-majesté*) – включались преступления «против общественного блага» (*Gauvard Cl. L'image du roi justicier en France. P. 170.*).

⁷⁴ В. Паравичини задается вопросом, почему в XIV–XV вв. во Франции короли действовали во вред себе? Кризис власти привел к усилению центробежных сил и «групп давления». И король наделяет Парламент правом отменить его решение, поскольку он не всегда может противостоять натиску просителей (*Paravicini W. Administrateurs professionnels et princes dilettantes. P. 168–181.*). Однако это, на мой взгляд, свидетельствует об эффективности корпоративной организации, которая гарантирует обществу соблюдение законов и общего блага.

⁷⁵ Не случайно забота о суде добавляется к двум главным достоинствам короля – вере и рыцарству. См.: *Les Demandes faites par le roi Charles VI. P. 30.*

⁷⁶ *Princeps fons iustitie* (fontaine de justice). *Krynen J. Les légistes «idiots politiques». P. 187.*

⁷⁷ На рубеже XIV–XV вв. формируется общественный идеал государя, отступающий от прежнего представления о короле как преимущественном защитнике бедных; теперь он не должен делать различий между богатыми и бедными (*Gauvard Cl. L'image du roi justicier. P. 172; Krynen J. Idéal du prince. P. 187–188.*).

⁷⁸ Об этом же говорит и Парижский Университет: «Court de Parlement qui est la souveraine court cappital de la justice... et la bonne equité qu'elle gardoit sans faveur de quelconque personne, non pas seulement les estranges naciones de la Chrestienté, maiz aucunes foiz les Sarrazins, comme l'en dit, y ont pris jugement» (*Moranvillé H. Remonstrances de l'Université et de la Ville de Paris à Charles VI. P. 432.*).

⁷⁹ «Et vueilliez savoir que justice est la forme d'entendement laquelle Dieu créa et envoya à ses créatures, et par justice fu faicte et edefée la terre...» (*Les Demandes faites par le roi Charles VI. P. 31.*).

⁸⁰ «Quod sunt regna nisi latrocinia perdita justicia» (*JNB. T. 1. P. 27.*).

⁸¹ *Gauvard Cl. L'image du roi justicier en France. P. 184–185.*

⁸² *Уваров П.Ю. Парижский университет и местные интересы. С. 67.*

⁸³ *Gauvard Cl. Les humanistes et la justice sous le règne de Charles VI. P. 221–222.*

⁸⁴ *Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции. С. 49.*

⁸⁵ Чиновники сами позаботились утвердить эту процедуру, после того как стали «козлами отпущения» в ходе общественного движения 1356–1358 гг. (*Цатурова С.К. Скандал в коридорах власти во Франции XIV века. С. 231–234.*).

⁸⁶ *Малинин Ю.П. «Средневековый» дух совета//Одиссей. Человек и история. 1992. М., 1994. С. 176–192.*

⁸⁷ *Aubert F. Le Parlement de Paris. P. 188; Autrand F. Le temps des professionnels. P. 434.*

⁸⁸ Об ответственности короля за выбор совета и советников прямо говорится в более

⁸⁸ Об ответственности короля за выбор совета и советников прямо говорится в более позднем трактате: «il fault que prince aye sens et entendement de cosnoistre qui le conseille bien ou mal et de prandre le bon conseil et de laisser le mauvaiz» (*Guenée B. Un traité politique inédit. P. 152.*). За сто лет до этого идею об ответственности короля выдвигали и чиновники, защищаясь от обвинений общества в ходе общественного движения 1356–1358 гг. (см.: *Цатурова С.К. Скандал в коридорах власти. С. 252.*).

⁸⁹ Не только члены Королевского совета заседали в Парламенте, но и приглашали парламентариев на заседания Королевского совета (*Aubert F. Le Parlement de Paris. P. 192–193.*).

⁹⁰ Lewis P. Jean Juvenal des Ursins and the common literary attitude towards tyranny in fifteenth-century France. P. 109; Droz J. Histoire des doctrines politiques en France. P. 13–14.

⁹¹ Идеи совета мудрых и опытных людей развиты в трактате «Songe du Vergier», представлявшем собой ответ служителей власти на претензии интеллектуалов (Krynen J. Les legistes «idiots politiques». P. 190–192).

⁹² JNB. T. 1. P. 179, 222; T. 2. P. 94, 98–99; JCF. T. 1. P. 8–10; T. 2. P. 113–114, 314–315.

⁹³ Противниками жестокого и сурового суда были также Жан Жерсон и Кристина Пизанская. Теория суда предписывала строгость, практика склонялась к милосердию. Вот как писал об этом Жак д'Аблейж: «vouldroit mieulx espargner deux coupables que punir ung innocent» (*Gauvard Cl. De la théorie à la pratique: Justice et miséricorde en France pendant le règne de Charles VI. P. 317–325; eadem. La justice pénale du roi de France à la fin du Moyen âge. P. 103).*

⁹⁴ В своей знаменитой речи по поводу этого громкого дела Жерсон предлагал тот же путь, но с точностью до наоборот, призывая быть милосердными к жертвам нападения Карла Савойского («Estote misericordes») (*Gerson J. Œuvres complète P. 326–340).*

⁹⁵ В том числе Парижский Парламент выступал против использования пытки для получения признания обвиняемого (*Gauvard Cl. La justice pénale. P. 97; eadem. Grâce et exécution capitale. P. 285).*

⁹⁶ Другие примеры «милосердных акций» Парламента в отношении бедных см.: *Gauvard Cl. Grâce et exécution capitale. P. 277–278.* Эта позиция Парламента, основанная на представлении о короле как защитнике бедных, согласуется с тем, что добивающиеся королевского помилования объявляли себя бедными (по подсчетам К. Говар – около 30% из всех получивших помилование в XV в.) (*Gauvard Cl. L'image du roi justicier. P. 170–171).*

⁹⁷ Практику освобождения из тюрем Парламент широко использовал в дни религиозных праздников, противопоставляя милосердие суровому суду (*Gauvard Cl. La justice pénale. P. 99).*

⁹⁸ «... afflictione et fervore dementie et furie se ipsum jugulaverit... non debeat imputari defuncto, quia satis furore suo puniebatur» (JNB. T. 1. P. 269).

⁹⁹ В правление Карла V все завещания были объявлены относящимися к «ведению короля» (*Aubert F. Le Parlement de Paris. P. 156).*

¹⁰⁰ О наказании как примере см.: *Gauvard Cl. La justice pénale. P. 90–94; eadem. Grâce et exécution capitale. P. 275–277.*

¹⁰¹ О такой форме связи власти и общества см.: *Gauvard Cl. Le roi de France et l'opinion publique. P. 358.*

¹⁰² *Thompson G.L. Le régime anglo-bourguignon. P. 58.*

¹⁰³ JNB. T. 2. P. 70, 73, 75, 86, 122, 185, 187, 189–190; JCF. T. 1. P. 207, 209, 346; T. 2.

¹⁰³ JNB. T. 2. P. 70, 73, 75, 86, 122, 185, 187, 189–190; JCF. T. 1. P. 207, 209, 346; T. 2. P. 39, 54–55, 90–91, 139, 142, 161, 236, 282, 294.

¹⁰⁴ Вид парламентских чиновников, шествующих босыми по улицам Парижа, произвел на Й. Хейзингу впечатление «яркости и остроты жизни» в XV в. Действительно, впечатление и у современников должно было быть «острым» от вида облеченных властью, равной королевской, людей, столь униженно молящих о мире и порядке в стране (*Хейзинга Й. Осень средневековья. С. 8–9).*

¹⁰⁵ JCF. T. 1. P. 346, 376; T. 2. P. 14, 24–25, 39, 44, 90, 104.

¹⁰⁶ JCF. T. 2. P. 98–99, 104–105, 122–123, 139–142, 161, 183.

К главе V

¹ Оба секретаря фигурируют в литературе в связи с ранним гуманизмом во Франции (Coville A. Gontier et Pierre Col et l'humanisme en France au temps de Charles VI. P., 1934; Hefli P. La formation d'un humaniste du début du XV siècle en France («Journal» de Clément de Fauquemperque, 1417–1435)/Romania. XCII. 1971. P. 353–383; Oui G. L'Humanisme et les mutations politique et sociales en France aux XIVe et XVe siècle. P. 27–44; Gauvard C. Les humanistes et la justice sous le règne de Charles VI. P. 217–244; Pons N. L'historiographie chez les premiers humanistes français. P. 103–122).

² Первые ростки этого направления в историографии культуры Франции XIV–XV вв., появившиеся еще в XIX в., в частности в работах А. Ковиля, получили мощное развитие и даже институциональное оформление благодаря трудам и усилиям Жильбера Уи, создавшего в Национальном центре научных исследований (французском аналоге Академии наук) группу исследователей французского гуманизма XIV–XV вв. Сегодня эта группа «исследований письменной культуры позднего Средневековья», руководимая Эдзио Орнато, занимает ведущее место в изучении французской культуры XIV–XV вв., организуя конференции, круглые столы, вовлекая в свой круг все большее число последователей. Об истории создания этого центра и его нынешнем состоянии см.: Oui G. Paris, l'un des principaux foyers de l'Humanisme en Europe au début du XVe siècle. P. 71–98; Préludes à la Renaissance. Aspects de la vie intellectuelle en France au XVe siècle / Études réunies par C. Bozzolo et E. Ornato. P., 1992; Pratique de la culture écrite en France au XVe siècle: Actes du Colloque... en l'honneur de Gilbert Oui par l'unité de recherche «Culture écrite du Moyen âge tardif». Louvain-la-Neuve, 1995.

³ Среди тех, кто относит парламентариев к числу первых французских гуманистов, такие исследователи, как Жак Ле Гофф, видящий в образе жизни чиновников связь с гуманистическим аристократизмом (замкнутая среда, книги), Робер Фоссье, который на первое место среди «новых людей», появившихся в XIV–XV вв., ставит «людей суда», Жак Верже, крупнейший специалист по истории университетов, утверждающий, что скорее вне университетов, в институтах власти и канцеляриях королей и знати получали свободное развитие новаторские идеи времени. Вклад парламентских чиновников в гуманистическую культуру признают А.-М. Шмид, Д. Бартье, М.-Т. Карон и др. (см.: Bartier J. Légistes et gens de finances au XVe siècle. Bruxelles, 1955; Caron M.T. La société en France à la fin du Moyen âge. P., 1977; Fossier R. Histoire sociale de l'Occident médiéval. P., 1970; Le Goff J. Les intellectuels au Moyen âge. P., 1957; Schmidt A.-M. XIVe et XVe siècles français. Les sources de l'humanisme. P., 1964; Verger J. Les moyens de la connaissance//La France médiévale. P., 1983. P. 489–507).

⁴ Ряд исследователей признают, что «сужение дверей» в институты власти и стабилизация их персонала были одной из причин «резни против арманьяков», в результате которой в королевский аппарат «влилась свежая кровь» (Autrand F. Le temps des professionnels. P. 444; Thompson G.L. Le régime anglo-bourguignon. P. 57).

⁵ «De ceteris solempnitatibus primi adventus Regis, nil aliud hic describitur ob defectum pergameni et eclipsim justicie» (JCF. T. 3. P. 25–26).

⁶ Правда, жара была действительно небывалой и спровоцировала даже эпидемию в Париже (Journal d'un bourgeois de Paris. № 225. P. 129).

⁷ Coville A. La vie intellectuelle dans les domaines d'Anjou-Provence de 1380 à 1435. P., 1941. P. 333.

⁸ JNB. T. 2. P. 286.

⁹ Contamine P. La vie quotidienne au temps de la guerre de Cent ans. P. 35–36.

¹⁰ Об этом явлении в связи с усилением политического фактора в обществе в XIV–XV вв. см.: Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции. С. 28–43.

¹¹ Le Métier d'historien au Moyen âge. P. 190.

¹² О распространенности такой трактовки свидетельствуют и «Мемуары» Пьера де Фенина, который также связывал небывалые холода с убийством герцога Орлеанского (Fénelon P. de. Mémoires. P. 5).

¹³ К. Говар связывает всю политику Парламента с мечтами гуманистов об очищении общества от жестокости и о смягчении нравов (Gauvard C. Les humanistes et la justice. P. 232–233).

¹⁴ В трудах первых французских гуманистов зарождался критический метод в истории, в том числе исследователи отмечают отсутствие у них ссылок на чудеса, осторожность в отношении разных легенд, господствовавших в средневековых хрониках (Pons N. L'historiographie chez les premiers humanistes. P. 111–113).

¹⁵ Особенности исторических сочинений чиновников очень точно отмечены в исследовании Б. Гене: он также признает их отражением профессиональной деятельности, где видны и культурный уровень чиновника, образованного и начитанного, и пренебрежение к «крестьянским сказкам». Именно в этих скромных трудах чиновников, пусть неумелых и односторонних, как и в тихих трудах монахов, видит он прообраз ремесла историка (Guenée B. Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. P. 66–73).

¹⁶ Осуждение современниками поведения дофина Людовика явилось важным этапом в формировании «должности государя», поскольку именно образ жизни этого наследника трона спровоцировал в обществе намеки на возможность передачи трона младшему сыну, раз старший сын не соответствует этому служению. В определенной степени, лишение трона дофина Карла за грех, совершенный на мосту в Монтерро, было последствием кампании порицания Людовика (Guenée B. Le portrait de Charles VI. P. 158–161).

¹⁷ «Nulla fides regni socii, omnisque potestat impaciens consortis erit» (JNB. T. 1. P. 37).

¹⁸ «Quia aliqualis dissensio erat inter hunc ducem, patruum Regis, et ducem Aurelianensem, germanum Regis, nepotem dicti ducis, verissimile erat quia dux Aurelianensis dictam talliam procuraverat indici, eam ductum ducem Burgundiae contradixisse ut dicebatur» (JNB. T. 1. P. 36–37).

¹⁹ Французы гордились своим монархизмом, считая англичан, свергающих королей с трона, диким и невежественным народом (Lewis P. Jean Juvenal des Ursins. P. 103; Pons N. La propagande de guerre française avant l'apparition de Jeanne d'Arc. P. 202–203).

²⁰ Genet J.-P. Le roi de France anglais. P. 44.

²¹ Когда весь Париж трудился ради похорон Карла VI, ремесленники цехов старались создать что-то особенное, хранитель королевских гобеленов Жан Дюваль опустошал кладовые для придания максимального блеска церемонии, Джон Бедфорд не постеснялся скупить по дешевке то, что вынуждены были продавать чиновники из королевского имущества: самые дорогие украшения, самые драгоценные рукописи из знаменитой королевской библиотеки, предметы церковного облачения из Сент-Шапель (Grandeau Y. La mort et les obsèques de Charles VI. P. 145).

²² Сохранившаяся в Руане рукописная копия счета оплаты услуг чиновников за организацию похорон Карла VI содержит имена шести парламентариев (Ibid. P. 184).

²³ Ян Грандо справедливо отмечает, что нам сложно составить истинное представление о характере этих похорон ввиду явной политической ангажированности со-

хранившихся свидетельств: бургиньонские хронисты описывают их вполне достойными, арманьякские, напротив, убогими. Однако причислять, как это делает Грандо, к числу первых и Клемана де Фокамберга не кажется мне правомерным, поскольку он не скрывает, что главная роль принадлежала чиновникам, а не знати Франции (Ibid. P. 146).

²⁴ В сохранившемся отчете о похоронах такая церемония описана как вполне правомерная, что знаменует новое положение служителей государства «быть ближе всех к телу короля» (Ibid. P. 148).

²⁵ Джон Бедфорд был взбешен демонстрацией любви к Карлу VI во время похорон и даже не пошел на поминальную трапезу. Можно предположить, какую реакцию вызывал у него подобный всплеск скорби в Париже через год после смерти Карла VI и впоследствии (Ibid. P. 155).

²⁶ Отказ регента Бедфорда следовать традициям французских королей был неуместен и недальновиден, как и вся политика англичан: при описании коронации Генриха VI Парижский Горожанин с возмущением отмечает, что не было сделано ничего, что превращало эту церемонию во всеобщий праздник – из тюрем не были отпущены заключенные, не были хоть временно отменены налоги [Journal d'un bourgeois de Paris. № 597 (P. 311); Gauvard Cl. Le roi de France et l'opinion publique. P. 361].

²⁷ Достаточно сравнить ее с записями Парижского Горожанина, который хоть и удручен забвением, окружающим королеву Франции, не преминул припомнить о ее прегрешениях [Journal d'un bourgeois de Paris. № 401 (P. 208)].

²⁸ JCF. T. 2. P. 14, 19–20; 42, 306–307, 325–326; T. 3. P. 155–156, 166–168.

²⁹ JCF. T. 2. P. 24, 119–120, 141–142, 247, 269–270, 312–313, 317–318; T. 3. P. 164.

³⁰ Сакральный характер королевской власти во Франции зиждется главным образом на особой роли коронации. Ее сила была столь значительна, что после того как король коронован, ничто не могло освободить подданных от верности ему; и даже болезнь Карла VI, несмотря на широкое распространение идей Орезма, основанных на Библии, о том, что «безумный король губит свой народ», не давала повода усомниться в законности подчинения безумному Карлу VI (Guenée B. Le portrait de Charles VI. P. 161; Bloch M. Le roi thaumaturge. Étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre. Strasbourg, 1824; Le Sacre des rois; Actes... P., 1985; Jackson R. Le pouvoir monarchique dans la cérémonie du sacre et couronnement des rois de France // Représentation, pouvoir et royauté à la fin du Moyen âge. P., 1995. P. 237–252).

³¹ «... quorum et omnium fidelium defectorum animabus Deus sit misericors et propicius» (JCF. T. 2. P. 337). Особый смысл этой записи придает слух об участии в этом заговоре и чиновников Парламента. Контраст позиций Клемана и Парижского Горожанина очевиден, поскольку последний благодарит Бога за раскрытие заговора [Journal d'un bourgeois de Paris. № 529 (P. 273–74)].

³² Басовская Н.И. Столетняя война 1337–1453 гг. М., 1985; Beaune C. Naissance de la nation France. P., 1985.

³³ В этом смысле прав Б. Гене: «Жанна д'Арк – это не начало патриотического движения, это его венец». Достаточно прочесть произведения Алена Шартье, Робера Блонделя, Жана де Монтрёя, чтобы убедиться в существовании сильного патриотического подъема во Франции XV в. (Deprez E. Un essai d'union nationale à la veille du traité de Troyes (1419) // BEC. 1938. T. 99. P. 343–354; Grevy-Pons N. Propagande et sentiment national pendant le règne de Charles VI: l'exemple de Jean de Montreuil // Francia. Bd. 8. P. 127–145; Pons N. La propagande de guerre française avant l'apparition de Jeanne d'Arc // JS. 1982. № 2. P. 191–214.

³⁴ Страна ждала от правления Жана Бургундского прекращения внутренних раздоров ради защиты страны от англичан: «Car bon appaisement se feroit bien tost entre les seigneurs et autres gens de France, et ferions ensemble tres bonne guerre a l'encontre des Anglois et les debouterions bien tost hors de ce royaume» (*Deprez E. Un essai d'union nationale. P. 347*).

³⁵ Точно так же Парижский Горожанин удивляется, что король и герцог Бургундский ничего не сделали для защиты Понтуаза: «le peuple de Paris etait moult émerveillé du Roi et du duc de Bourgogne (parce) que... ne firent aucun secours à ceux de Pontoise» [*Journal d'un bourgeois de Paris. № 257 (P. 146)*].

³⁶ Вопрос о языке занял главное место в аргументации сторонников «национальной монархии» еще до заключения договора в Труа (*Pons N. La propagande de guerre française. P. 202*).

³⁷ JCF. Т. 1. P. 373–374, 384, 388–389; Т. 2. P. 3; 19–20; 33, 35–36, 48–49.

³⁸ Карл VI правил, как считал Парижский Горожанин, «дольше какого-либо из христианских королей» [*Journal d'un bourgeois de Paris. № 361 (P. 192)*].

³⁹ JCF. Т. 2. P. 98–99, 119–120, 138, 190–191, 272–273, 280, 316–317, 368.

⁴⁰ Ф. Отран также обращает внимание на лексику, используемую в протоколах и четко различающую своих и чужих: «англичане» берут города, арманьяки и бургиньоны туда вступают, наконец, Карл VII «приводит их к подчинению» (*reduit à son obéissance*) (*Autrand F. Les dates, la mémoire et les juges. P. 180–181; JCF. Т. 2. P. 104–105, 139–142, 269–270, 312–313*).

⁴¹ См., напр.: *Seward D. The Hundred Years War. P. 220*.

⁴² *Pernoud R. Jeanne d'Arc. P., 1986. P. 84*.

⁴³ «... et quod erat sua intentio redigendi ad aratrum urbem Parisium christianissimus civibus habitatem, quod non erat facile credendum» (JCF. Т. 2. P. 323–324).

⁴⁴ Судить, насколько позиция секретаря отличалась от настроений «английской Франции», можно, сравнив ее с записью в «Дневнике» Парижского Горожанина: он попросту рад пленению Жанны, которую он называет «Девой арманьяков» (*la Pucelle aux Armagnacs*) [*Journal d'un bourgeois de Paris. № 536 (P. 277)*].

⁴⁵ Такое отношение секретаря отличается от проанглийских идеологов, например от трактата Жана де Ринеля, где восхваляется договор в Труа, якобы устраивавший всех, если бы не Жанна, которую собственные грехи и привели на костер; или пробургиньонских, например Парижского Горожанина, без тени сочувствия сообщившего о казни «еретички» [*Ibid. № 572–578 (P. 291–297); Bossuat A. La littérature de propagande. P. 135*].

⁴⁶ Для сравнения такой позиции секретаря с другими известными свидетельствами из «английской Франции» вполне подойдет и Парижский Горожанин, у которого французы, т.е. люди Карла Валуа, нередко названы врагами [*Journal d'un bourgeois de Paris. № 644, 684 (P. 331, 344)*].

⁴⁷ Справедливости ради отметим, что к 1432 г. обнищание Парижа и невнимание властей открыли глаза даже восторженным бургиньонам. Так, Парижский Горожанин поражен убогими коронационными церемониями в Париже 1431 г. и наконец признается, что не понимает языка новых правителей («on ne les entend point (parler) et qu'ils ne nous entendent point» [*Ibid. № 596 (P. 310)*].

⁴⁸ Любопытное наблюдение сделала Ф. Отран: после тягостного вступления в силу договора в Труа Клеман каждый новый регистр протоколов Парламента нумеровал не по годам правления короля, а по годам своей службы в Парламенте, с 1422 г. и до конца английского правления (*Autrand F. Géographie administrative. P. 274*).

⁴⁹ А.-М. Шмид предлагает называть этот парламентский патриотизм «частным гуманизмом эпохи» (*Schmidt A.-M. XIVe et XVe siècles français. P. 55*).

⁵⁰ О рыцарских орденах в XV в. см.: Хейзинга Й. Осень средневековья. С. 90–101.

⁵¹ Guenée B. Un meurtre, une société. P. 199.

⁵² Б. Гене предлагает отказаться от принятого исследователями противопоставления бургиньонов и арманьяков в их отношении к государству: бургиньоны не противились государственной централизации, обе партии ее защищали, но по-разному. Для Жана Пти и его последователей важна была справедливость, для Парламента – судебная процедура ее установления (Ibid. P. 198–199).

⁵³ Ibid. P. 221–222.

⁵⁴ К. Говар ставит эту казнь в контекст всегдашней готовности короны выдать на расправу чиновников, сделав их «козлами отпущения». Никола де Бай свидетельствует об осознании чиновниками своего «предназначения» (Gauvard Cl. Les officiers et l'opinion publique. P. 592; Autrand F. Le temps des professionnels. P. 418).

⁵⁵ Никола д'Оржемон принадлежал к знаменитой и славной семье, поколениями служившей Парижскому Парламенту и королевской власти во Франции (Miot L. Une grande famille parlementaire aux XIVe et XVe siècles: Les Orgemonts. P., 1913).

⁵⁶ Исправление общества и смягчение нравов было предметом особых забот теоретиков и практиков государственной власти, как и гуманистов, которых активно поддерживал Парламент (Gauvard Cl. Les humanistes et la justice. P. 232–233).

⁵⁷ Ругательства, богохульства и всевозможные проклятия стали подлинным бедствием французов, от которых их не могли отучить ни проповеди Жерсона, ни королевские ордонансы, ни постановление Констанцкого собора. Кстати, богохульство квалифицировалось как тяжкое уголовное преступление (Хейзинга Й. Осень средневековья. С. 176–177; Gauvard Cl. L'image du roi justicier. P. 178–179).

⁵⁸ Об этом пишет и Парижский Горожанин, хотя у него это не выражение неприятия силы, а запоздалое понимание разницы между «своими» и «чужими» [Journal d'un bourgeois de Paris. № 697 (P. 356)].

⁵⁹ Б. Геремек справедливо обращает внимание на культ силы в средневековой иерархии ценностей. Позиция парламентских секретарей характеризует их как людей новой культуры и иной, зарождающейся системы ценностей (Geremek B. Les Marginaux parisiens aux XIVe et XVe siècles. P. 325–326).

⁶⁰ К. Говар, исследуя влияние гуманистов на судебную практику, отмечает, что именно чиновники суда целенаправленно способствовали изменению нравов общества, построенного на «честь», где каждый вершил свой суд и месть и где защита чести считалась веским основанием для убийства человека. Люди суда человеческую жизнь считали драгоценнее чести (Gauvard Cl. Les humanistes et la justice. P. 236–237).

⁶¹ Парижский Горожанин живописует картину нищеты и голода в Париже, с детьми, умирающими на улицах от истощения, с волками, пожирающими трупы на кладбищах, с толпами просящих милостыню, так что в Париже нищих в этот период было больше, чем всех остальных вместе взятых [Journal d'un bourgeois de Paris. № 294, 315, 325 (P. 164, 172, 176–177)].

⁶² См. описание того же события у Парижского Горожанина [Ibid. № 58 (P. 259–60)].

⁶³ Появление на политической арене новой силы, именуемой пренебрежительно мелким людом, было одним из важнейших последствий Столетней войны и трансформации общества: почти повсюду патрициат теряет власть в городах, где тон начинают задавать средние и мелкие слои – основные плательщики налогов, в которых так нуждалась корона. Б. Геремек доказывает, что они вовсе не были маргиналами, таковыми их «подавала» политическая элита, напуганная этим соперничеством (Цатурова С.К. Города в Столетней войне// Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.4. Extra muros: город, общество, государство. М., 2000. С. 253–254; Geremek B. Les marginaux parisiens. P. 319–327).

⁶⁴ Развенчание мифа об «отставании Франции от Италии» в развитии гуманизма см.: *Ouy G.* Paris, l'un des principaux foyers de l'Humanisme en Europe. P. 93–98.

⁶⁵ Большую роль в становлении этой культуры сыграл и коллеж Бовэ, где учился Никола де Бай и другие парламентарии. Однако первенство, бесспорно, принадлежит Наваррскому коллежу, о котором Ж. Уи писал как об одном из очагов гуманизма в Европе и чья история теперь исследована в фундаментальной работе его последовательницы Н. Горошов (*Ouy G.* Le Collège de Navarre, berceau de l'Humanisme français. P. 276–299; *Gorochova N.* Le collège de Navarre dès sa fondation (1305) au début du XVe (1418). Histoire de l'institution, de sa vie intellectuelle et de son recrutement. P., 1997).

⁶⁶ *Ouy G.* L'Humanisme et les mutations politiques. P. 32–42; *idem.* Les relations intellectuelles entre la France et l'Italie. P. 81–82; *Gauvard Cl.* Christine de Pizan et ses contemporains. P. 106–128.

⁶⁷ Это вынуждена была признать и Ф. Отран, исследовавшая все возможные архивы, включая и архивы Ватикана (*Autrand F.* Naissance d'un grand corps de l'Etat. P. 12).

⁶⁸ Биографии обоих секретарей написаны и А. Тюэте (см.: JNB. T. 2. P. J–XLVIII; JCF. T. 3. P. J–LXVI).

⁶⁹ Ф. Отран спорит с А. Тюэте и в целом с традицией приводить Никола де Бая в качестве примера «социального взлета». Так, она утверждает, что хотя он и был крепостным, но вовсе не крестьянином, а из семьи деревенских ремесленников-кожевников, чей статус был выше, чем у крестьянина. Таким образом, юридический статус, по ее мнению, еще не все, социальный тоже имел значение. К тому же семья не была бедной (есть сведения о покупке земель и сада) (*Autrand F.* Naissance d'un grand corps de l'Etat. P. 326). Однако все это, как и приводимые ею случаи «крепостных» даже среди нового дворянства, подтверждает, на мой взгляд, главное: в Парламенте на службе короне могли быть люди всех сословий, в том числе из «деревенского мира».

⁷⁰ Преимущественный интерес к современности, отличающий исторические сочинения новой эпохи, Ж. Поль относит к влиянию гуманистических идей (*Paul J.* Op.cit. P. 476–477).

⁷¹ Testaments enregistrés au Parlement de Paris. P. 245.

⁷² *Ouy G.* Bilinguisme ou trilinguisme? P. 92.

⁷³ О переписке Никола де Бая с Никола де Кламанжем см.: *Coville A.* Gontier et Pierre Col.. P. 82–117; *Berier F.* Remarques sur l'évolution des idées politiques de Nicolas de Clamanges. P. 109–125; *Ornato E.* Jean Muret et ses amis Nicolas de Clamanges et Jean de Montreuil. Contribution à l'étude des rapports entre les humanistes de Paris et ceux d'Avignon (1394–1420). Genève-Paris, 1969.

⁷⁴ JNB. T. 2. P. XLVII.

⁷⁵ *Фавье Ж.* Франсуа Вийон. М., 1991. С. 89–96.

⁷⁶ Testaments enregistrés au Parlement de Paris. P. 397, 603.

⁷⁷ Практика дарения книг была чрезвычайно распространена, поскольку знания расценивались как Божий дар, поэтому книгу нельзя было продавать, и с помощью дарений создавалось большинство библиотек в это время (*Charon A.* Usages du livre en France au XVe siècle. P. 467–470).

⁷⁸ Ф. Отран считает этот эпизод темным местом, поскольку непонятно, почему три года книги пролежали у Никола де Бая (*Autrand F.* Culture et mentalité. Les librairies. P. 1241; *Lagarde G.* La Naissance de l'esprit laïque. T. 5. P. 306).

⁷⁹ JNB. T. 2. P. XLVIII; JCF. T. 1. P. 310, 315–316, 383; T. 2. P. 34. Следует иметь в виду, что исполнение завещания было делом сложным и щекотливым и требовались годы для окончательного решения и примирения сторон (*Aubert F.* Le Parlement de Paris. P. 159).

⁸⁰ Не случайно именно у законников и чиновников были лучшие библиотеки в XV в. На примере Н. де Бая мы видим, что они были результатом целенаправленных усилий (*Charon A. Usages du livre en France. P. 464; JCF. T. 1. P. 310, 315–316, 383; T. 2. P. 34*).

⁸¹ К такому же выводу пришла и П. Хефти, указав на ошибку Ф. Тюзте, видевшего в этом переходе лишь денежные соображения (*Hefti P. Op.cit. P. 301–302*).

⁸² «Новое благочестие» (*devotio moderna*) имело глубокие корни во Франции (см.: *Малинин Ю.П. Общественная мысль во Франции XV в. и античная культура. С. 133; Ouy G. Paris, l'un des principaux foyers. P. 86–87*).

⁸³ *Ouy G. P. 90–91; Paul J. Op.cit. P. 476*.

⁸⁴ Кстати, Н. де Бай оставил очень подробные и живописные портреты политических персон, в том числе Жана де Монтегю и Никола д'Оржемона, которые вписываются в «открытие человека» в гуманистической культуре (*Ouy G. Paris, l'un des principaux foyers. P. 87*).

⁸⁵ К. де Фокамберг был весьма увлечен этим занятием, в частности разрисовал, и очень умело, свои собственные книги. К. Говар связывает с влиянием античной риторики особое внимание секретарей к ведению и сохранению парламентских протоколов (*Hefti P. Op.cit. P. 295; Gauvard Cl. Les humanistes et la justice. P. 221–225*).

⁸⁶ Первое исследование библиотеки парламентария было сделано сто лет назад Р. Делашеналем. Лучшим и наиболее полным исследованием библиотек парламентских чиновников XIV–XV вв. остается работа Ф. Отран (*Delachenal R. La bibliothèque d'un avocat au XIV s. Inventaire estimatif des livres de Robert Le Coq// NRHDFE. 1887. № 4. P. 524–537; Autrand F. Culture et mentalité. P. 1219–1244*).

⁸⁷ *JNB. T. 2. P. LXXXII–XCII*.

⁸⁸ *Scherman C. Les thèmes humanistes dans le programme de traduction de Charles V. P. 527–537*.

⁸⁹ Невысокий интерес чиновников к историческим сочинениям отмечается всеми, кто изучал библиотеки парламентариев, однако у Н. де Бая книг по истории не так мало – 13 (из 197), хотя обычный процент исторических сочинений у чиновников не превышает пяти (*Pons N. L'historiographie chez les premiers humanistes. P. 110*).

⁹⁰ Н. Понс справедливо отмечает, что ввиду отсутствия сведений о библиотеках таких корифеев культуры Франции XIV–XV вв., как Жан Жерсон, Жан де Монтрёй, Никола де Кламанж, Гонтье и Пьер Коли, библиотека Никола де Бая является «самым выдающимся примером библиотеки гуманиста эпохи» (*Ibid. P. 111*).

⁹¹ *JCF. T. 3. P. LXXXIV–LXXXVII*.

⁹² Известно, что К. де Фокамберг сделал комментарии к некоей рукописи, используя цитаты из Вергилия и Петрония (*Hefti P. Op.cit. P. 291*).

К заключению

¹ *Вебер М. Протестантская этика. Ч. I. М., 1972. С. 83–151*.

² *Autrand F. Naissance d'un grand corps de l'État. P. 133–137*.

³ *Guenée B., Lehoux F. Les entrées royales françaises de 1328 à 1515. P., 1968. P. 65*.

⁴ *Aubert F. Le Parlement de Paris. P. 387–397*.

⁵ *Rittiez F. Histoire du Palais de Justice. P. 167*.

Библиография

Источники

Источники

- Baye N. de.* Journal de Nicolas de Baye, greffier du Parlement de Paris, 1400–1417 / Ed. par A. Tuetey. 2 vol. P., 1885, 1888.
- Besse G.* Recueil de diverses pièces servant à l'histoire du roi Charles VI. P., 1660.
- Blanchard F. et L'Hermine-Souliers J.B. de.* Les Eloges de tous les premiers présidents du Parlement de Paris depuis qu'il a esté rendu sédentaire... P., 1645.
- Blanchard F.* Les présidents au mortier du Parlement de Paris, leurs emplois, charges, qualitez, armes, blasons et généalogies depuis l'an 1331... P., 1647.
- Cosneau E.* Les grands traités de la Guerre de Cent Ans. P., 1889.
- Les Demandes faites par le roi Charles VI touchant son état et le gouvernement de sa personne avec les reponses de Pierre Salmon, son secretaire et familier / Publ. par G.-A. Chapelet. P., 1833.
- Deprez E.* Un essai d'union nationale à la veille du traité de Troyes (1419) // BEC. 1938. T. 99. P. 343–354.
- Douët-d'Arcq L.* Choix de pièces inédites relatives au règne de Charles VI. 2 vol. P., 1863–1864.
- Douët-d'Arcq.* Documents sur l'assassinat de Louis d'Orléans // Annuaire-Bulletin de la SHF. 1864. T. 2. P. 6–26.
- English suits before the Parlement of Paris, 1420–1436 / Ed. by C.T. Allmand and C.A.J. Armstrong L., 1982.
- Fauquembergue, C. de.* Journal de Clément de Fauquembergue, greffier du Parlement de Paris (1417–1435). Ed. par A. Tuetey. 3 vol. P., 1903–1915.
- Favier J.* Les contribuables parisiens à la fin de la Guerre de Cent Ans. Les rôles d'impôt de 1421, 1423 et 1438. Genève, 1970.
- Fénin P. de.* Mémoires de Pierre Fénin, comprenant le récit des événements qui se sont passés en France et en Bourgogne sous les règnes de Charles VI et Charles VII (1407–1427) / Ed. par Mille Dupont. P., 1837.
- Gerson J.* Œuvres complètes / Ed. par P. Glorieux. 10 vol. P., 1960–1973.
- Gruel G.* Chronique d'Arthur de Richemont, connetable de France, duc de Bretagne (1393–1458) / Ed. par A. Le Vavasseur. P., 1890.
- Guenée B. et Lehoux F.* Les entrées royales françaises de 1328 à 1515. P., 1968.
- Guenée B.* Un traité politique inédit de la fin du XVe siècle // Annuaire-Bulletin de la SHF. 1983–1984 (1986). P. 139–171.
- Jourdan A.J. Decrusy et Isambert F.A.* Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789. 29 vol. P., 1821–1833.
- Journal d'un bourgeois de Paris de 1405 à 1449 / Ed. par C. Beaune. P., 1990.
- Le Fèvre de Saint-Remy J.* Chronique. Publ. par F. Morand. 2 vol. P., 1976–881.
- Longnon A.* Paris pendant la domination anglaise (1420–1436): Documents extraits des registres de la Chancellerie de France. P., 1878.

Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique. 22 vol. P., 1723–1849.

Testaments enregistrés au Parlement de Paris sous le règne de Charles VI / Publ. par A. Tuetey//Mélanges historiques. Choix de documents. T. 3. P., 1890. P. 241–704.

Общие работы

Autrand F. Charles VI: La folie du roi. P., 1986.

Beaune C. Naissance de la nation France. P., 1985.

Coville A. Les premiers Valois et les débuts de la Guerre de Cent ans, 1328–1422. P., 1982/
Histoire de la France au moyen âge. IIIe siècle – 1492 / Sous la dir. de E. Lavissee. T. 5.

Dodu G. La folie de Charles VI // RH. T. 150. 1925. P. 161–188.

Grandeau Y. La mort et les obsèques de Charles VI // Bulletin philologique et historique. 1970. T. 2 (1974). P. 133–186.

Guenée B. Entre l'Angleterre et l'État: Quatre vies de prélats français à la fin du Moyen âge (XIIIe–XVe siècle). P., 1987.

Histoire de France, historiens de la France: Actes du Colloque international, Reims, 14 et 15 mai 1993 / Publ. par Y.-M. Bercé et Ph. Contamine. P., 1994.

Lot F. La France dès origines à la Guerre de Cent ans. P., 1941.

Petit-Dutaillis Ch. Charles VII, Louis XI et la minorité de Charles VIII. 1422–1492. P., 1982
/ Histoire de la France au moyen âge. IIIe siècle-1492/ Sous la dir. de E. Lavissee. T. 6.

Власть и общество

Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989.

Хачатурян Н.А. Феномен корпоративизма // Общности и человек в средневековом мире. М.–Саратов, 1992. С. 17–23.

Autrand F. Pouvoir et société en France (XIVe–XVe siècles). P., 1974.

Caron M.-J. La société en France à la fin du Moyen âge. P., 1977.

Cazelles R. Société politique, noblesse et couronne sous Jean II et Charles V. Genève-Paris, 1982.

Duby G. Hommes et structures du Moyen âge. Recueil d'articles. P.–La Haye, 1973.

Dupont-Ferrier G. La formation de l'État français et l'unité française. P., 1934.

Fossier R. Histoire sociale de l'Occident médiéval. P., 1970.

Gauvard Cl. «De grâce especial». Crime, État et société en France à la fin du Moyen âge. P., 1991. 2 vol:

Geremek B. Les marginaux parisiens aux XIVe et XVe siècles. P., 1976.

Guenée B. État et nation en France au Moyen âge // RH. 1967. T. 237. № I. P. 17–30.

Guenée B. L'Occident aux XIVe et XVe siècles. Les États. 5e éd. P., 1993.

Lewis P.S. La France à la fin du Moyen âge. La société politique. P., 1977.

Lousse E. Les caractères essentiels de l'État corporatif médiéval. P., 1937.

Olivier-Martin F. L'organisation corporative de la France d'Ancien régime. P., 1938.

Королевская власть: теория и институты

Barbey J. Être roi: Le roi et son gouvernement en France de Clovis à Louis XVI. P., 1992.

Boutaric E. La France sous Philippe le Bel. Étude sur les institutions politiques et administratives du moyen âge. P., 1861.

- Bruguière M.-B.* et al. Introduction à l'histoire des institutions françaises: Dès origines à 1792. Toulouse, 1983.
- David M.* Le serment du sacre du IXe au XVe siècle. Contribution à l'étude des limites juridiques de la souveraineté // RMAL. 1950. T. 6. P. 5–272.
- David M.* Souveraineté et les limites juridiques du pouvoir monarchique du IXe au XVe siècle. P., 1954.
- Dufour A.* Le retour de l'histoire politique//Histoire de France, historiens de la France. P., 1994. P. 315–324.
- Dupont-Ferrier G.* Les officiers royaux des bailliages et sénéchaussées et les institutions monarchiques locales en France à la fin du moyen âge. P., 1902.
- Ellul J.* Histoire des institutions de l'époque franque à la Révolution. P., 1962.
- État et Église dans la genèse de l'État moderne: Actes du Colloque organisé par le CNRS et la Casa de Velázquez, Madrid, 30 nov.–1 dec. 1984 / Ed. par J. Ph. Genet et B. Vinant. Madrid, 1986.
- Guenée B.* L'histoire de l'État en France à la fin du Moyen âge vue par les historiens français depuis cent ans//R.H. 1964. T. 232. P. 331–360.
- Guenée B.* Y a-t-il un État des XIVe et XVe siècles? // Annales ESC. 1971. P. 399–406.
- Hanley S.* Le lit de justice des Rois de France. L'idéologie constitutionnelle dans la légende, le rituel et le discours. P., 1991.
- Histoire comparée de l'administration (IVe–XVIIIe siècles): Actes du XIVe Colloque historique franco-allemand, Tours, 27 mars–1 avril 1977 / Publ. par W. Paravicini et K.F. Werner. München, 1980.
- Jackson R.A.* Le pouvoir monarchique dans la cérémonie du sacre et couronnement des rois de France//Représentation, pouvoir et royauté à la fin du Moyen âge. P., 1995. P. 237–252.
- Kantorowicz E.* Les deux corps du Roi: Essai sur la théologie politique du Moyen âge. P., 1989.
- Lemaire A.* Les lois fondamentales de la monarchie française d'après les théoriciens de l'Ancien régime. P., 1907.
- Lot F., Fawtier R.* Histoire des institutions françaises au Moyen âge. T. 2: Institutions royales. Les droits du roi exercés par le roi. P., 1958.
- Martin O.* L'Assemblée de Vincennes de 1329 et ses conséquences, étude sur les conflits entre la juridiction laïque et la juridiction ecclésiastique au XIVe siècle. Rennes, 1909.
- Pacaut M.* Les structures politiques de l'Occident médiéval. P., 1969.
- Prosopographie et genèse de l'État moderne: Actes de la table ronde organisée par le CNRS et ENS de jeunes filles, Paris, 22–23 octobre 1984 / Ed. par F. Autrand. P., 1986.
- Représentation, pouvoir et royauté à la fin du Moyen âge: Actes du colloque organisé par l'Université du Maine les 25–26 mars 1994 / Ed. par J. Blanchard. P., 1995.
- Le Sacre des rois: Actes du colloque international d'histoire sur les sacres et couronnements royaux (Reims, 1975). P., 1985.
- Vallet de Virville M.* Mémoire sur les institutions de Charles VII // BEC. 1872. T. XXXIII. P. 5–118.
- Valois N.* Le Conseil du Roi aux XIVe, XVe et XVIe siècles. P., 1886.
- Verger J.* Le transfert de modèles d'organisation de l'Église à l'État à la fin du Moyen âge // État et Église dans la genèse de l'État moderne. Madrid, 1986. P. 31–39.
- Viguerie J. de.* Les serments du sacre des rois de France à l'époque moderne, et plus spécialement le «serment du royaume» // Le Sacre des rois. P., 1995. P. 205–15.
- Viollet P.* Histoire des institutions politiques et administratives de la France. T. 3. P., 1903.

Королевская власть: идеи и практика

- Beaune C.* Les théoriciens français contestataires du sacre au XVe siècle // Le Sacre des rois. P., 1985. P. 233–41.

- Bedos Rezak B.* Idéologie royale, ambitions princières et rivalités politiques d'après le témoignage des sceaux (France, 1380–1461) // «La France anglaise». P., 1988. P. 483–511.
- Bloch M.* Les rois thaumaturges. Étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre. Strasbourg, 1924.
- Cazelles R.* Une exigence de l'opinion publique depuis Saint-Louis: la réformation du royaume // *Annuaire-Bulletin de la SHF*. 1962–63 (1964). P. 91–99.
- Droits savants et pratiques françaises du pouvoir (XIe–XVe siècles)* / Sous la dir. de J. Krynen et A. Rigaudière. P., 1992.
- Droz J.* Histoire des doctrines politiques en France. P., 1969.
- Dupont-Ferrier G.* Ignorances et distractions administratives en France aux XIVe et XVe siècles // *BEC*. 1939. T. 100. P. 145–156.
- Gauvard Cl.* De la théorie à la pratique: Justice et miséricorde en France pendant le règne de Charles VI // *Revue des langues romanes*. 1988. T. 92. № 2. P. 317–325.
- Gauvard Cl.* Grâce et exécution capitale: les deux visages de la justice royale française à la fin du Moyen âge // *BEC*. 1995. T. 153. № 2. P. 275–290.
- Gauvard Cl.* L'image du roi justicier en France à la fin du Moyen âge, d'après les lettres de remission // *Actes du 107e Congrès nat. des Sociétés savants. Bulletin philol. et hist.* T. I. Brest, 1982. P. 165–192.
- Gauvard Cl.* La justice pénal du roi de France à la fin du Moyen âge // *Le pénal dans tous ses états. Justice, États et Sociétés en Europe (XIIe–XXe siècles)* / Sous la dir. de X. Rousseaux et R. Levy. Bruxelles, 1997. P. 81–112.
- Gauvard Cl.* Ordonnances de réforme et pouvoir législatif en France au XIVe siècle (1303–1413) // *Renaissance du pouvoir législatif et genèse de l'État* / Sous la dir. de A. Gouron et A. Rigaudière. Montpellier, 1988. P. 89–98.
- Gauvard Cl.* Pendre et dépendre à la fin du Moyen âge. Les exigences d'un rituel judiciaire // *Histoire de la Justice*. 1991. № 4. P. 5–24.
- Gauvard Cl.* Portrait du prince d'après l'œuvre de Guillaume de Machaut: étude sur les idées politiques du poète // *Guillaume de Machaut: Colloque-table ronde organisé par l'Université de Reims*, 19–22 avril 1978. P., 1982. P. 23–39.
- Gauvard Cl.* Le roi de France et l'opinion publique à l'époque de Charles VI // *Culture et idéologie dans la genèse de l'État moderne: Actes de la table ronde organisée par le CNRS et l'Ecole française de Rome*, Rome 15–17 octobre 1984. Rome, 1985. P. 353–366.
- Guenée B.* Espace et État dans la France du Bas Moyen âge // *Annales ESC*. 1968. P. 744–758.
- Guenée B.* La géographie administrative de la France à la fin du Moyen âge: élections et bailliages // *MA*. 1961. T. 67. P. 293–323.
- Guenée B.* Le portrait de Charles VI dans la Chronique du Religieux de Saint-Denis // *JS*. 1997. № 1. P. 125–165.
- Krynen J.* Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen âge (1380–1440). Étude de la littérature politique du temps. P., 1981.
- Lewis P.S.* Jean Juvenal des Ursins and the common literary attitude towards tyranny in fifteenth-century France // *Medium aevum*. 1965. Vol. XXXIV. № 2. P. 103–21.
- Paravicini W.* Administrateurs professionnels et princes dilettantes. Remarques sur le problème de sociologie administrative à la fin du moyen âge // *Actes du XIVe Colloque historique franco-allemand. Histoire comparée de l'administration*. München, 1980. P. 168–181.
- Wolff H.* Les sacres du XVe siècle racontés par les chroniqueurs. Le mystère et la fête // *Le Sacre des rois*. P., 1985. P. 131–140.

Парижский Парламент

- Цатурова С.К.* «Дневник» Никола де Бэ-клирика, парламентского чиновника, гражданина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. № 5. С. 68–77.
- Цатурова С.К.* Парламентская корпорация и Парижский Парламент в первой трети XV в. // СВ. Вып. 55. М., 1992. С. 73–86.
- Aubert F.* Histoire du Parlement de Paris de l'origine à François I (1250–1551). T. 1. P., 1894.
- Aubert F.* Les huissiers du Parlement de Paris, 1300–1420 // BEC. 1886. T. 47. L. 4. P. 370–393.
- Aubert F.* Le Parlement de Paris de Philippe le Bel à Charles VII (1314–1422). 2 vol. P., 1887, 1890.
- Autrand F.* Géographie administrative et propagande politique, le rôle des assignations du Parlement au XIVe et XVe siècle // Actes du XIVe Colloque historique franco-allemand. München, 1980. P. 264–281.
- Autrand F.* Naissance d'un grand corps de l'État: Les gens du Parlement de Paris, 1345–1454. P., 1981.
- Bossuat A.* La formule «Le roi est empereur en son royaume». Son emploi au XVe siècle devant le Parlement de Paris // RHDFE. 1961. № 3. P. 371–381.
- Bossuat A.* L'idée de nation et la jurisprudence du Parlement de Paris au XVe siècle // RH. 1950. T. 204. № 3. P. 54–61.
- Bossuat A.* Le Parlement de Paris pendant l'occupation anglaise // RH. 1963. T. 229. P. 19–40.
- Bossuat A.* L'Université d'Orléans devant le Parlement de Paris // Cahiers d'histoire. 1966. T. II. № 1. P. 17–35.
- Delachenal R.* Une clause de la paix d'Arras: les conseillers bourguignons dans le Parlement de Charles VII // Bulletin de la SHP. 1891. T. 18. P. 76–83.
- Delachenal R.* Histoire des avocats au Parlement de Paris. 1300–1600. P., 1885.
- Ducoudray G.* Les origines du Parlement de Paris et la justice aux XIIIe et XIVe siècles. P., 1902.
- Langlois M.* Les archives du Parlement de Paris. Série X d'Archives Nationales // France. Direction des Archives. Guide des recherches dans les fonds judiciaires de l'Ancien Régime: P., 1958. P. 65–160.
- Glasson E.* Le Parlement de Paris, son rôle politique depuis le règne de Charles VI jusqu'à la Révolution. 2 vol P., 1901–1905.
- Lot F.* Des frais de justice au XIVe siècle // BEC. 1872. T. XXXIII. №. 4–5. P. 217–253, 558–594.
- Maugis E.* Histoire du Parlement de Paris. Dès l'avènement des rois Valois à la mort d'Henri IV. 3 vol. P., 1913–1916.
- Mirot L.* Une grande famille parlementaire aux XIVe et XVe siècles: Les Orgemonts. Leur origine, leur fortune. Le Boiteux d'Orgemont. P., 1913.
- Neuville D.* Le Parlement royal à Poitiers (1418–1436) // RH. 1878. P. 1–28, 273–314.
- Plagnieux Ph.* La fondation funéraire de Ph. de Morvilliers, premier président du Parlement: Art, Politique et société à Paris sous la régence du duc de Bedford // Bulletin Monumental. 1993. T. 151. № 2. P. 357–381.
- Rittiez F.* Histoire du Palais de Justice et du Parlement de Paris, 860–1789. P., 1860.
- Shennan J.H.* The Parlement of Paris. Ithaca (N.Y.), 1968.

Чиновничество

- Autrand F.* Offices et officiers royaux en France sous Charles VI // RH. T. 242. № 2. P. 285–338.
- Autrand F.* Le service public // La France médiéval / Sous la dir. de J. Favier. P., 1983. P. 284–303.

- Autrond F.* Le temps des professionnels // Histoire de la fonction publique en France. T. I. Dès origines au XVe siècle / Publ. sous la dir. de M. Pinet. P., 1993. P. 363–443.
- Autrond F.* Y a-t-il une prosopographie de l'État médiéval? // Prosopographie et genèse de l'État moderne. p., 1986. P. 13–18.
- Bartier J.* Légistes et gens de finances au XVe siècle. Les conseillers des ducs de Bourgogne Philippe le Bon et Charles le Téméraire. Bruxelles, 1955.
- Courtemanche D.* Œuvres pour la postérité. Les testaments parisiens des gens du roi au début du XVe siècle. P., 1997.
- Demurger A.* Guerre civile et changement du personnel administratif dans le royaume de France de 1400 à 1418: l'exemple des baillis et sénéchaux // Francia. Bd. 6 (1978). München, 1979. P. 151–298.
- Favier J.* Les légistes et le gouvernement de Philippe le Bel // JS. 1969. № 2. P. 92–108.
- Fédou R.* Les hommes de loi lyonnais à la fin du Moyen âge. Étude sur les origines de la classe de robe. Lyon, 1964.
- Gauvard Cl.* Les officiers royaux et l'opinion publique en France à la fin du Moyen âge // Actes du XIVe Colloque historique franco-allemand. München, 1980. P. 583–593.
- Gazzaniga J.-L.* Les clercs au service de l'État dans la France du XVe siècle: à la lecture de travaux récents // Droits savants et pratiques françaises du pouvoir. P., 1992. P. 253–277.
- Guenée B.* Tribunaux et gens de justice dans le bailliage de Senlis à la fin du Moyen âge (vers 1380–vers 1550). Strasbourg, 1963.
- Krynen J.* Les légistes «idiots politiques». Sur l'hostilité des théologiens à l'égard des juristes en France, au temps de Charles V // Théologie et droit dans la science politique de l'État moderne: Actes de la table ronde... Rome, 12–14 nov. 1987. Rome, 1991. P. 171–198.
- Krynen J.* Les légistes «tyrans de la France?» Le témoignage de Jean Juvenal des Ursins, docteur in utroque // Droits savants et pratiques françaises du pouvoir. P., 1992. P. 279–299.
- Kubler J.* L'origine de la perpétuité des offices royaux. Recherches sur la fonction publique sous l'Ancien régime. Nancy, 1958.
- Luce S.* Le principe électif, les traduction d'Aristote et les parvenues au XIVe siècle // La France pendant la guerre de Cent ans. P., 1890. P. 170–202.
- Millet H.* La place des clercs dans l'appareil d'État en France à la fin du Moyen âge // État et Eglise dans la genèse de l'État moderne. Madrid, 1986. P. 239–248.
- Quilliet B.* Les corps d'officiers de la Prévôté et Vicomté de Paris et de l'Ile-de-France, de la fin de la guerre de Cent ans au début des guerre de religions. 2 vol. P., 1982.

Столетняя война

- Басовская Н.И.* Правитель и народ в Столетней войне: миф и реальность // СВ. Вып. 54. М., 1991. С. 23–34.
- Басовская Н.И.* Столетняя война 1337–1453 гг. М., 1985.
- Басовская Н.И.* Столетняя война в советской и зарубежной историографии // Проблемы историографии международных отношений и национальных движений в странах Западной Европы. М., 1982. С. 5–23.
- Allmand C.T.* The Hundred Years War: England and France at war. c. 1300 – c. 1450. Cambridge, 1989.
- Armstrong C.A.J.* England, France and Burgundy in the fifteenth century. L., 1983.
- Bonenfant P.* Du meurtre de Montereau au traité de Troyes. Bruxeleees, 1958.

- Bossuat A.* Le rétablissement de la paix sociale sous le règne de Charles VII // MA. 1954. T. 60. № 1–2. P. 137–162.
- Contamine Ph.* La Guerre de Cent ans. P., 1968.
- Duparc P.* La conclusion du traité de Troyes // RHDfE. 1971. № 1. P. 50–64.
- Favier J.* Guerre de Cent ans. P., 1980.
- Fowler K.* The age of Plantagenet and Valois. The struggle for supremacy. 1328–1498. № V., 1967.
- Pernoud R., Clin M.-V.* Jeanne d'Arc. P., 1986.
- Perroy E.* Guerre de Cent Ans. P., 1945.
- Seward D.* The Hundred Years War. The English in France 1337–1453. B., 1978.

Английская Франция

- Armstrong C.A.J.* La double monarchie France-Angleterre et la maison de Bourgogne (1420–1435). Le Déclin d'une alliance // Annales de Bourgogne. 1965. T. 37. № 146 (2). P. 81–112.
- Bourassin E.* La France anglaise, 1415–1453. Chronique d'une occupation. P., 1981.
- Contamine Ph.* La «France anglaise» au XVe siècle. Mythe ou réalité // «La France anglaise». P., 1988. P. 17–29.
- «La France anglaise» au Moyen âge: Colloque des historiens médiévistes français et britanniques: Actes du IIIe Congrès nat. des Sociétés savants, Poitiers, 1986. Section d'histoire médiéval et de philologie. T. I. P., 1988.
- Genet J.-Ph.* Le roi de France anglais et la nation française au XVe siècle // Identité régionale et conscience nationale en France et en Allemagne du Moyen âge à l'époque moderne: Actes du Colloque organisé par l'Université Paris-XII... 6–8 oct. 1993. P., 1997. P. 39–58.
- Givélet B.* Paris sous l'occupation (anglaise) // Paris historique: sauvegarde et mise en valeur. 1994. № 69. P. 19–20.
- Leguai A.* «La France Bourguignonne» dans le conflit entre la «France Française» et la «France Anglaise» (1420–1435) // «La France anglaise». P., 1988. P. 41–52.
- Lewis P.S.* La «France anglaise» vue de la France française // «La France anglaise». P., 1988. P. 31–39.
- Pocquet du Haut-Jussé B.-A.* Anne de Bourgogne et le testament de Bedford (1429) // BEC. 1934. T. 95. P. 284–326.
- Thompson G.L.* Paris and its people under English rule: The Anglo-Burgundian regime, 1420–1436. Oxford, 1991.
- Thompson G.L.* Le régime anglo-bourguignon à Paris: facteurs idéologiques // «La France anglaise». P., 1988. P. 53–60.

Общественно-политические движения

- Себенцова М.М.* Восстание кабошьенов // Моск. историко-архивный ин-т. Т. 12. М., 1958. С. 208–240.
- Себенцова М.М.* Кабошьены и ордонанс 1413 г. // МГПИ. Уч. записки. Т. XXXVII. Ист. ф-т. Вып. 3. М., 1946. С. 91–105.
- Уваров П.Ю.* Парижский университет и городские восстания (к вопросу об идеологических функциях средневековых университетов) // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях. М., 1986. С. 62–86.

- Цатурова С.К.* Скандал в коридорах власти во Франции XIV века // Право в средневековом мире. М., 1996. С. 221–269.
- Cazelles R.* Etienne Marcel: champion de l'unité française. P., 1984.
- Coville A.* Les Cabochiens et l'ordonnance de 1413. P., 1888.
- Faral E.* Robert Le Coq et les États généraux d'octobre 1356 // RHDFF. 1945. P. 171–214.
- Moranvillé H.* Remonstrances de l'Université et de la Ville de Paris à Charles VI sur le gouvernement du royaume // BEC. T. 51. 1890. P. 420–442.

Борьба бургиньонов и арманьяков

- Avout J. d'.* La Querelle des Armagnacs et des Bourguignons. Histoire d'une crise d'autorité. P., 1943.
- Bossuat A.* Étude sur les emprunts royaux au début du XVe siècle. La politique financière du connetable Bernard d'Armagnac (1416–1418) // RHDF. 1950. P. 351–371.
- Coville A.* Jean Petit. La Question du tyrannicide au commencement du XVe siècle. P., 1932.
- Guenée B.* Les campagne de lettres qui ont suivi le meurtre de Jean Sans Peur, duc de Bourgogne, sept. 1419–févr. 1420 // Annuaire-Bulletin de la SHF. 1993. P. 45–65.
- Guenée B.* Un meurtre, une société. L'assassinat du duc d'Orléans 23 novembre 1407. P., 1992.
- Liebman J.C.* Un sermon de Philippe de Vilette, abbé de Saint-Denis, pour la levée de l'oriflamme (1414) // Romania. 1944–45. T. 68. № 272. P. 444–70.
- Nordberg M.* Les ducs et la royauté. Études sur la rivalité des ducs d'Orléans et de Bourgogne. 1392–1407. Uppsala, 1964.
- Pons N.* Information et rumeurs: quelques points de vue sur les événements de la Guerre civile en France (1407–1420) // RH. 1997. № 602. P. 409–433.
- Raymond P.* Enquête du prévôt de Paris sur l'assassinat de Louis, duc d'Orléans, 1407 // BEC. T. XXVI. 1865. P. 215–249.

Париж XV в.

- Autrand F. Le Maresquier Y.-H.* Vie sociale et municipale de Paris aux XIVe et XVe siècle // London and Paris from the beginnings to the 2000. Franco-British studies. № 17. London, 1994. P. 65–75.
- Favier J.* Paris au XVe siècle, 1380–1500 (Nouvelle histoire de Paris). P. 1974.
- Favier J.* Paris, capital // London and Paris from the beginnings to the Year 2 000. Franco-British studies. № 17. London, 1994. P. 32–45.
- Guenée B.* Paris et la cour du roi de France au XIVe siècle // Villes, bonnes villes, cités et capitales. Études d'histoire urbaine (XIIe–XVIIIe siècle) offerts à Bernard Chevalier. Ed. par M. Bourin. Tours, 1989. P. 259–265.
- Mousnier R.* Paris, capital politique au Moyen Âge et dans les temps modernes (1200–1789) // Paris, fonction d'une capitale: Colloque. P., 1962. P. 39–80.

Парижский университет

- Уваров П.Ю.* Парижский университет и местные интересы (конец XIV–первая половина XV в.) // СВ. Вып. 54. М., 1991. С. 55–71.
- Уваров П.Ю.* Университет в средневековом городе // Культура и искусство западноевропейского средневековья. М., 1981. С. 135–150.

- Уваров П.Ю. Университеты и идея европейской общности // Европейский альманах. История. Традиция. Культура. 1993. М., 1993. С. 115–123.
- Gorochoy N. Le Collège de Navarre dès sa fondation (1305) au début du XVe (1418). Histoire de l'institution, de sa vie intellectuelle et son recrutement. P., 1997.
- Histoire des Universités en France / Sous la dir. de J. Verger. P., 1986.
- Verger J. Les Universités au Moyen âge. P., 1973.

Церковь в период схизмы

- Chélini J. L'Eglise au temps des schismes. 1294–1449. P., 1982.
- Mollat J. L'application en France de la soustraction d'obédience à Benoît XIII jusqu'au Concile de Pise // RMAL. 1945. T. I. P. 149–63.
- Mollat J. Les origines du Gallicanisme parlementaire aux XIVe et XVe siècles // Revue d'histoire ecclésiastique. 1948. T. 43. № 1–2. P. 90–147.
- Royer J.-P. L'Eglise et le royaume de France au XIVe siècle d'après le «Songe du Vergier» et la jurisprudence du Parlement. P., 1969.
- Valois N. La France et le Grand Schisme d'Occident. 4 vol. P., 1896–1902.

Ранний гуманизм во Франции

- Малинин Ю.П. Общественная мысль во Франции XV в. и античная культура // Античное наследие и культура Возрождения. М., 1984.
- Малинин Ю.П. Патриотические идеи Алена Шартье и итальянская гуманистическая мысль // Культура и общество Италии накануне Нового времени. М., 1993. С. 215–230.
- Coville A. Gontier et Pierre Col et l'humanisme en France au temps de Charles VI. P., 1934.
- Duby G. Fondements d'un nouvel humanisme (1280–1440). Genève, 1984.
- Gauvard Cl. Les humanistes et la justice sous le règne de Charles VI // Pratique de la culture écrite en France au XVe siècle. Louvain-la-Neuve, 1995. P. 217–244.
- Hefti P. La formation d'un humaniste du début du XVe siècle en France («Journal» de Clément de Fauquembergue, 1417–1435) // Romania. 1971. T. 92. P. 353–383.
- L'Humanisme français au début de la Renaissance: Colloque international de Tours. XIVe stage. 1971. P., 1973.
- Ornato E. Jean Muret et ses amis Nicolas de Clamanges et Jean de Montreuil. Contribution à l'étude des rapports entre les humanistes de Paris et ceux d'Avignon (1394–1420). Genève-Paris, 1969.
- Ouy G. Le Collège de Navarre, berceau de l'Humanisme français // Actes du 95e Congrès nat. des Sociétés savants. Bulletin philol. et historique. Reims, mars 1970. T. I. P., 1975. P. 276–299.
- Ouy G. L'Humanisme et les mutations politiques et sociales en France aux XIVe et XVe siècle // Actes du Colloque international de Tours. XIVe stage. L'Humanisme français au début de la Renaissance. P., 1973. P. 27–44.
- Ouy G. Humanisme et propagande politique en France au début du XVe siècle: Ambroglio Migli et les ambitions imperiales de Louis d'Orléans // Culture et politique en France à l'époque de l'Humanisme et de la Renaissance. Turin, 1974. P. 13–42.
- Ouy G. Paris, l'un des principaux foyers de l'Humanisme en Europe au début du XVe siècle / Bulletin de la SHP. 1967–68. (1970). P. 71–98.

- Ouy G.* Les relations intellectuelles entre la France et l'Italie à la fin du XIVe et au début du XVe siècle // Les humanistes et l'Antiquité grecque. P., 1989. P. 79–90.
- Pons N.* L'historiographie chez les premiers humanistes français // L'Aube de la Renaissance / Études réunies par D. Cecchetti, L. Sozzi, L. Terreaux. Genève, 1991. P. 103–122.
- Préludes à la Renaissance. Aspects de la vie intellectuelle en France au XVe siècle / Études réunies par C. Bozzolo et E. Ornato. P., 1992.
- Schmidt A.-M.* XIVe et XVe siècles français. Les sources de l'Humanisme. P., 1964.
- Sherman C.R.* Les thèmes humanistes dans le programme de traduction de Charles V: compilation des textes et illustrations // Pratique de la culture écrite en France au XVe siècle. Louvain-la-Neuve, 1995. P. 527–537.

Культура, формы мышления и образ жизни

- Малинин Ю.П.* Рыцарская этика в позднесредневековой Франции (XIV–XV вв.) // СВ. Вып. 55. М., 1992. С. 195–213.
- Малинин Ю.П.* «Средневековый» дух совета // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 176–92.
- Уваров П.Ю.* Париж XV века: события, оценки, мнения... общественное мнение? // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994. С. 175–193.
- Фавье Ж.* Франсуа Вийон. М., 1991.
- Хейзинга Й.* Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988.
- Autrand F.* Culture et mentalité. Les librairies des gens du Parlement au temps de Charles VI // Annales ESC. 1973. P. 1219–1244.
- Autrand F.* Les dates, la mémoire et les juges // Le Métier d'historien au Moyen âge. P., 1977. P. 157–82.
- Beaune C.* Saint Clovis: histoire, religion royale et sentiment national en France à la fin du Moyen âge // Le Métier d'historien au Moyen âge. P., 1977. P. 139–156.
- Bérier F.* Remarques sur l'évolution des idées politiques de Nicolas de Clamanges // Pratique de la culture écrite en France au XVe siècle. Louvain-de-Meuve, 1995. P. 109–125.
- Bossuat A.* La littérature de propagande au XVe siècle. Le Mémoire de Jean de Rinel, secrétaire du roi d'Angleterre, contre le duc de Bourgogne (1435) // Cahiers d'histoire. 1956. № 2. P. 131–146.
- Bossuat A.* Les origines troyennes: leur rôle dans la littérature historique au XVe siècle // Annales de Normandie. 1958. P. 187–197.
- Charon A.* Usages du livre en France au XVe siècle // Pratique de la culture écrite en France au XVe siècle. Louvain-la-Neuve, 1995. P. 457–472.
- Contamine Ph.* La vie quotidienne: Au temps de la Guerre de Cent ans. France et Angleterre. P., 1994.
- Coville A.* La vie intellectuelle dans les domaines d'Anjou-Provence de 1380 à 1435. P., 1941.
- Delachenal R.* La bibliothèque d'un avocat au XVe siècle. Inventaire estimatif des livres de Robert Le Coq // NRHDFE. 1887. № 4. P. 524–537.
- Duby G.* Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme. P., 1978.
- Gauvard Cl.* Christine de Pizan et ses contemporains: l'engagement politique des écrivains dans le royaume de France aux XIVe et XVe siècles // Une femme de Lettre au Moyen âge / Études autour de Christine de Pizan. Articles inédits réunis par L. Dulac et B. Ribemont. Orléans, 1995. P. 105–128.
- Gauvard Cl.* La fama, une parole fondatrice // Medievales. 1993. № 24. P. 5–13.

- Grevy-Pons N.* Propagande et sentiment national pendant le règne de Charles VI: l'exemple de Jean de Montreuil // *Francia*. Bd. 8 (1980). München, 1981. P. 127–145.
- Guenée B.* L'âge des personnes authentiques: ceux qui comptent dans la société médiévale sont-ils jeunes ou vieux? // *Prosopographie et genèse de l'État moderne*. P., 1986. P. 249–279.
- Guenée B.* Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. P., 1981.
- Lagarde G. de* La Naissance de l'esprit laïque au déclin du Moyen âge. T. 5. Louvain-Paris, 1963.
- Le Goff J.* Les intellectuels au Moyen âge. P., 1957.
- Lestocquoy J.* Histoire du patriotisme en France dès origines à nos jours. P., 1968.
- Ouy G.* Bilinguisme ou trilinguisme? Latin commun, latin savant et français aux XIVe et XVe siècles // *État et Eglise dans la genèse de l'État moderne*. Madrid, 1986. P. 85–97.
- Paul J.* Histoire intellectuelle de l'Occident médiéval. P., 1973.
- Pons N.* Guerre de Cent Ans vue par quelques polémistes français du XVe siècle // *Guerre et société en France, en Angleterre et en Bourgogne, XIVe–XVe siècle* / Ed. par Ph. Contamine. Lille, 1991. P. 143–169.
- Pons N.* La propagande de guerre française avant l'apparition de Jeanne d'Arc // *JS*. 1982. №2. P. 191–214.
- Pratiques de la culture écrite en France au XVe siècle: Actes du Colloque international du CNRS, Paris, 16–18 mai 1992 organisé en honneur de Gilbert Ouy par l'unité de recherche «Culture écrite du Moyen âge tardif» / Ed. par M. Ornato et N. Pons. Louvain-la-Neuve, 1995.
- Quillet J.* Charles V le roi lettré: Essai sur la pensée politique d'un règne. P., 1984.
- Schmidt-Chazan M.* Histoire et sentiment national chez Robert Gaguin // *Le Métier d'historien au moyen âge*. P., 1977. P. 233–300.
- Verger J.* Les moyens de la connaissance // *La France médiévale*. Sous la dir. de J. Favier. P., 1983.
- War, literature and politics in the late Middle Ages. Liverpool, 1976.

Список сокращений

CB	Средние века
Annales. ESC	Annales. Economies. Sociétés. Civilisations.
BEC	Bibliothèque de l' Ecole des Chartes.
Francia	Francia Forschungen zür Westeuropaïchen Geschichte.
JCF	Journal de Clément de Fauquemberque.
JNB	Journal de Nicolas de Baye.
JS	Journal des savants.
MA	Le Moyen Âge.
NRHDFE	Nouvelle revue historique de droit français et étranger.
ORF	Ordonnances des rois de France de la troisième race.
RH	Revue historique.
RHDFE	Revue historique de droit français et étranger.
RMAL	Revue du Moyen âge latin.
SHF	Société de l'Histoire de France.
SHP	Société de l'Histoire de Paris et de l'Ile-de-France.

Указатель иллюстраций

1. Дворец на острове Ситэ в XV в Братья Лимбурги. «Часослов герцога Беррийского» (Музей Конде, Шантийи) **10**
2. Король Карл VII на заседании Парламента. Жан Фуке (Государственная библиотека, Мюнхен) **34**
3. Дворец на острове Ситэ Внутреннее устройство (Реконструкция Ж. Геру) **45**
4. Карл VI во дворце Сен-Поль (Национальная библиотека, Париж) **59**
5. Двенадцать пэров держат корону во время коронации (Британский музей, Лондон) **67**
6. Карл VI в спальне слушает советника (Национальная библиотека, Париж) **75**
7. Расправа над арманьяками в Париже (Национальная библиотека, Париж) **89**
8. Жан Бесстрашный (Лувр, Париж) **95**
9. Людовик Орлеанский (Королевская библиотека, Брюссель) **97**
10. Убийство Людовика Орлеанского (Национальная библиотека, Париж) **100**
11. Убийство Жана Бесстрашного на мосту в Монтеро (Библиотека Арсенала, Париж) **106**
12. Знаки партий арманьяков и бургиньонов (Музей Клюни, Париж) **112**
13. Разграбление города (Национальная библиотека, Париж) **125**
14. Договор в Труа (Национальный архив, Париж) **137**
15. Филипп Добрый, герцог Бургундский (Рогир ван дер Вейден, Музей истории искусств, Вена) и Генрих V, король Англии (Национальная портретная галерея, Лондон) **140**
16. Осада Орлеана (Национальная библиотека, Париж) **151**
17. Вид Парижа в XV в. (Национальная библиотека, Париж) **158**
18. Заседание муниципалитета в Париже (Национальный архив, Париж) **162**
19. Торговая улица в Париже (Библиотека Арсенала, Париж) **167**
20. Мирный пейзаж Франции (Национальная библиотека, Париж) **187**
21. Карл V в Парламенте (Национальная библиотека, Париж) **192**
22. Въезд императора Карла IV в Париж (Национальная библиотека, Париж) **196**
23. Надгробие Робера Може, первого президента Парламента (Коллекция Гэньера. Национальная библиотека, Париж) **209**
24. Надгробие Гийома де Санса, президента Парламента (Коллекция Гэньера, Национальная библиотека, Париж) **210**
25. Заседание Королевского совета (Национальная библиотека, Париж) **219**
26. Казнь на площади города (Национальная библиотека, Париж) **254**
27. Образ идеального суда (Национальная библиотека, Париж) **261**
28. Процессия в XIV в. (Национальная библиотека, Париж) **268**
29. Секретарь у ног короля Карла IV (Национальная библиотека, Париж) **279**
30. Коронация Генриха VI в Париже (Национальная библиотека, Париж) **288**
31. Регистр Парижского Парламента за 1429 г. Портрет Жанны д'Арк (Музей истории Франции, Национальный архив, Париж) **297**
32. Вступление войск в Париж (Национальная библиотека, Париж) **302**
33. Похороны Карла VI (Национальная библиотека, Париж) **324**
34. Дворец Правосудия на острове Ситэ. Современный вид. Фото П. Джамбоне **327**

И в прошлом и в настоящем именно чиновничество выступает подлинным обладателем тайн власти. Францию же по праву называют страной классической бюрократии. Но есть лишь один период в её истории когда в течение 30 лет редкое сочетание обстоятельств обнаружило внутренние механизмы власти и как при вспышке молнии высветило черты, присущие чиновничеству. Именно этому ключевому периоду посвящена книга С.К. Цатуровой «Офицеры власти». В первом в отечественной медиевистике исследовании истории Парижского Парламента – верховного суда средневековой Франции – автору удалось дать портрет зарождающейся бюрократии, раскрыть присущую ей «систему ценностей». Деятельность Парламента показана на фоне бурных событий того времени: болезни короля и обострения политической борьбы, гражданской войны бургиньонов и арманьяков, решающего этапа Столетней войны.

Известно, что чиновник – это всегда зеркало общества и государства, в которое они не любят заглядывать. Характеризуя становление чиновничества, исследование С.К. Цатуровой приобрело актуальное значение в контексте государственно-политических преобразований в современной России, порой проливая свет на тайные пружины власти, на неоднозначную роль бюрократии в судьбах страны. Наряду с увлекательным стилем изложения это делает книгу интересной не только для профессиональных историков, но и для представителей других социально-гуманитарных наук, а так же самых широких кругов читателей.